МН
D.84
Дурденевский
Равноправие
языков в...
М., 1927.

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ
ИНСТИТУТОВ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

МН
D84

ИНСТИТУТ СОВЕТСКОГО ПРАВА

В. Н. ДУРДЕНЕВСКИЙ

РАВНОПРАВИЕ ЯЗЫКОВ В СОВЕТСКОМ СТРОЕ

МОСКВА — 1927

186703
4

Н
84

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ИНСТИТУТОВ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

ИНСТИТУТ СОВЕТСКОГО ПРАВА

323.1; 342

В. Н. ДУРДЕНЕВСКИЙ

РАВНОПРАВИЕ ЯЗЫКОВ В СОВЕТСКОМ СТРОЕ

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№ 186703/4

МОСКВА—1927

З.С.
3825
Т

Печатается по постановлению Коллегии
Института Советского Права.

Зам. Директора *Д. А. Магеровский.*

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
186703/4

Государственная публичная историческая
БИБЛИОТЕКА

Главлит № 98.558. Тираж 3.000

Отпечатано в 7-й типографии „Искра Революции" Мосполиграфа, Москва, Арбат, Филипповский пер., 11.

В основу этой книги положен доклад, читанный мною в 1924 г. в Институте Советского Права и в Юридическом Обществе.

Собирание материала для работы, в особенности по праву автономных республик и областей, представило большие трудности; я надеюсь все же, что — хотя бы на важнейших образцах — мне удалось дать достаточно полную картину по не подвергавшемуся систематическому обследованию вопросу.

Моя искренняя благодарность приносится здесь Российской Ассоциации Научно-Исследовательских Институтов за предоставление средств для издания и всем работникам по национальному строительству в Москве и на местах, оказавшим мне содействие советом и законодательными источниками; в целях облегчения читателю подробных справок источники эти, большей частью трудно находимые, даны в приложении.

Москва, август 1927 г.

АВТОР.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Язык и право

§ 1

Вопрос о равноправии языков принадлежит в государственной науке к числу давних и трудных вопросов. Над ним ломали головы уже римские юристы (Ульпиан, Трифонин); над ним, вероятно, не раз еще задумаются юристы будущего; говоря словами нашего современника, „вопрос этот охватывает не только государственное, но и международное, не только публичное, но и частное право“ (Лазерсон).

Возьмем старый Corpus Juris: в Дигестах и Кодексе мы найдем ряд отрывков, где обсуждается право свободного выбора языков в различных „казусах“ частного и публичного права—при формальных договорах, на вывесках, в судопроизводстве и официальных эдиктах [1]); возьмем в новейшее время Бюллетень Общества Наций—и он даст нам в области международных сношений спор о равноправии языков на дипломатических конгрессах и в официальных актах Общества [2]).

На расстоянии пятнадцати веков здесь перед нами одна и та же проблема; античный мир решал ее в целом в смысле признания равенства двух распространеннейших тогда языков — латинского и греческого — и допущения, с оговорками, языков более мелких; современный международный обычай Запада признает равноправие двух мировых языков — английского и французского — и допускает применение других. Во внутреннем правопорядке государств нового времени и, в частности, в советском строе, являющемся главным предметом настоящей работы, мы встречаем подчас в очень настоятельной форме ту же проблему равноили разноправия языков и те же попытки водворить начало равенства.

Такая живучесть проблемы невольно заставляет всмотреться в ее социологическую сторону и спросить себя, что такое „язык“ вообще и „языки“ в частности? В каком смысле возможно равенство языков?

---

[1]) См. особенно l. 11, § 3D. XIV, 3; l. 11, pr. D. XXII; l. 48, D. XL, 1; l. 46, § 3D, XL, 5; l. 1, § 6D. XLV, 1; l, 8, § 4D. XLVI, 4; l. 12 Cod. VII, 45: я обязан здесь ценными указаниями проф. Б. В. Чредину.

[2]) См. статью Rougier, в Revue Générale de Droit International, 1924, № 3—4, и Лист-Грабарь. Международное право, 1926 г., стр. 117 и 195.

Насколько данная сфера социальной жизни поддается правовому регулированию?

Это социологическое освещение предмета почти не привлекало к себе внимания немногих русских юристов, работавших над проблемой языка в праве [1]); поэтому на уяснении поставленных выше вопросов необходимо, хотя бы вкратце, остановиться.

§ 2

Под языком или речью вообще можно разуметь систему членораздельных звуков, служащих людям для передачи своих мыслей и переживаний.

Язык—не единственный проводник взаимодействия меж людьми, но он является главным из таких проводников, которыми могут быть знаки, звуки (в том числе стуки и свистки), изображения, световые и цветовые сигналы. На главенство речи среди этих проводников указывают такие обозначения других сигнализационных систем, как „язык жестов“, „язык цветов“ и т. п.

Поскольку с течением времени люди изобретают способы закреплять и сохранять свою речь в письменном виде или, недавно, на граммопластинке,—язык становится могучим средством общения былых и будущих поколений. Как заметил в 1911 г. русский поэт-академик:

> Молчат гробницы, мумии и кости;
> Лишь слову жизнь дана.
> Из мертвой тьмы на мировом погосте
> Звучат лишь письмена.

Но „бессмертный дар наш — речь“ взята здесь, надо отметить, в отвлеченном, общем представлении; конкретно существуют не речь, а речи, не язык, а языки—разные системы звукового членораздельного общения, иногда закрепляемого в условных значках.

Как выработались у человека эти орудия общения? Почему они не однотипны, как однотипны многие технические приспособления (напр., лук и стрела)? На эти вопросы подробный ответ могут дать лишь специальные исследования; здесь достаточно указать на некоторые более важные моменты. Германский ученый с французской фамилией—Людвиг Нуаре—выдвинул в XIX веке взгляд, который можно назвать производственной теорией возникновения языка [2]). Взгляд этот был широко популяризован в Германии Бюхером и Каутским и в России—Богдановым.

Сущность теории Нуаре состоит в установлении связи между теми или иными действиями и сопровождающими их (первоначально рефлекторными) звуками, меж „ритмом“ движений и звуков.

---

[1]) Колесников, А. Н. Право родного языка, „Вопросы адм. права“, 1916; Плетнев, Б. Д. Законодательство о языках в многонациональном государстве, „Право и Жизнь“, 1922, № 2; кратко, но ценно: Котляревский, С. А. Власть и право, М. 1915, стр. 344 сл.; ср. еще Лазерсон, М. Национальность и государственный строй, П. 1918, стр. 119 сл.

[2]) Noire. Ursprung der Sprache, Mainz, 1877.

Эти „производственные“ (в широком смысле) звуки служат, по указанной теории, основой языка у людей и зачатками его у некоторых животных пород. Теория Нуаре по существу может быть верной, но в нее, по всей вероятности, необходимо введение ряда усложняющих моментов. В частности, английская антропологическая школа—с Тэйлором во главе—справедливо указывала на роль звукоподражания при образовании языков; роль эта больше в первобытных, меньше в культурных языках, но все же и в последних имеется. Обыденнейшим примером такого звукоподражания может служить хотя бы слово „кукушка“ (the cuckoo, der Kuckuck, le coucou и т. д.).

Различная жизненная обстановка, различные трудовые процессы, различные звуки и формы окружающей природы способствуют выработке разных „языков“ в людских племенах, и это тем более, что первобытные людские группы, согласно упрочившейся с последней трети XIX века доктрине, не расходились от одного корня, а появились полуживотными стаями в разных местах земного шара в так называемую четвертичную эпоху (теория „полигенезиса“ или многородности).

Следует добавить, что даже в случаях, когда кровное родство двух племен в прошлом не подлежит сомнению, их языки могут под влиянием разницы внешних материальных условий сильно различаться.

Как утверждал Ренан, два брата, выросшие на расстоянии нескольких миль друг от друга, будут говорить на разных языках.

Расстояние, несомненно, один из главных факторов расхождения языков. Чем с большим трудом преодолевается разделяющее людские группы пространство, тем различнее языки даже смежных народностей; поэтому в горных областях дробление языков достигает своего максимума (Дагестан с его пятью языками и тридцатью наречиями), напротив, жители больших речных долин с легким сообщением скоро создают обширную языковую общность и, как не раз было в истории, могут положить начало большой цивилизации (Египет и др.).

Из сказанного ясно, что людские языки не могут быть фактически равны между собою, как системы общения, ни в смысле распространенности, ни в смысле богатства выражения мыслей и чувств; благоприятная или неблагоприятная обстановка развития играет тут огромную роль: языки постоянно борются между собой и, при длительном соприкосновении либо вытесняются один другим (английский вытесняет кельтский в Шотландии и французский в Канаде), либо амальгамируются в новый язык (саксонский и норманский в английский), либо, наконец, расслаиваются на первенствующие и подсобные; последним путем в крупных сферах цивилизации—европейско-христианской, левантинско-исламитской, восточно-буддийской—намечаются языки английский, арабский и китайский, как наиболее распространенные.

Английский язык в XIX веке обещал стать деловым языком всего мира; однако с ним еще успешно конкурируют другие европейские „мировые“ языки—французский, немецкий, к которым в будущем имеет

шансы присоединиться и стать четвертым мировым языком—язык русский [1]).

Борьба и распространение языков носят стихийный характер, но, внимательно вглядываясь, мы замечаем определенную связь этого стихийного социального явления с экономическими и техническими условиями.

Народ более богатый, более торговый и промысловый, чем его соседи, имеет больше шансов на распространение своего языка, на создание на этом языке не только письменности, но и литературы; последняя нередко даже после экономического упадка данного народа долго поддерживает его культурное обаяние (испанцы, арабы).

Городская жизнь с ее подвижностью, обилием новых встреч, задач, идей и впечатлений быстро видоизменяет языки, способствует их взаимопроникновению и ассимиляции; сельский быт с его рутиной техники, с узким и установившимся кругозором („идиотизм деревенской жизни"— у Маркса) способствует устойчивости языка; при этом исторический опыт—в ближайшее к нам время опыт Австрии и России—показывает, что достаточно большому торговому пути и в особенности железной дороге пройти через какую-либо глухую местность, и тотчас же вдоль этого пути направляется поток или нового более культурного говора, или даже иностранного языка, очень быстро образующий „язычные островки" и „намывы" там, где их раньше не было [2]).

Связь техники сообщений с распространением мировых языков и просто более культурной речи настолько сейчас несомненна, что был случай, когда венгры воспротивились проведению электропути из Вены в Пресбург из опасения быстрого онемечения последнего.

Но раз так, раз можно установить известную закономерность и причинную зависимость в эволюции языков, то нельзя ли подчинить языковую стихию рациональному воздействию человека? В частности, не может ли быть использовано для соответствующей рационализации право, это постоянное орудие воздействия на социальную жизнь со стороны господствующих классов общества?

Не может ли право создать формальное равенство языков, как оно создает во многих случаях формальное равенство людей, допустить одинаковые условия пользования языками, иначе говоря—разнородное превратить в равноправное? Не может ли, далее, правовая регулировка ослабить и фактическое неравенство языков, создавая для данного, более слабого, языка благоприятные условия борьбы с другими (напр., делая обязательным обучение ему)? И, наоборот, не может ли право воздействовать на борьбу языков в смысле признания языков неравными формально, как они не равны фактически, и в смысле об'единения язы-

---

[1]) Каутский. Национальность и международность (1908); по сборнику „Марксизм и национальные проблемы", Харьков, 1923, стр. 179; Meillet. Les langues dans l'Europe moderne, P. 1918, имеет в виду только первые три языка.

[2]) Интересные примеры для России и Австрии: Елпатьевский. Рассказы о прошлом, т. III; Каутский. Освобождение наций, 1918 г.

ков покровительством наиболее распространенному, как об'единяется, напр., система телефонов?

В известной мере на эти вопросы может быть дан утвердительный ответ, но именно „в известной мере". Чтобы определить пределы такой возможности, необходимо дать себе отчет, в каких плоскостях возможно соприкосновение языковой стихии и правовой нормировки.

Как показали в нашей литературе проф. А. Н. Колесников и проф. А. И. Елистратов, встреча языка с правом мыслима в трех основных направлениях [1]).

Возможны 1) запрет какого-либо языка или, наоборот, допущение его к употреблению в частной и общественной жизни (на собраниях, в печати и переписке, в разговорах на улицах, в торговых сношениях и документах и т. д.); 2) запрещение какого-либо языка в сношениях граждан с государственной администрацией и внутри этой администрации или, наоборот, допущение и даже обязательное применение такого языка в указанных случаях; 3) наконец, запрет или дозволение обучения на определенном языке в том или ином об'еме.

В каждом из трех намеченных возможных случаев наличие запрета переживается гражданами, как стеснение свободы, а допущение языка к употреблению—как „право языка". При допущении двух или более языков к свободному употреблению как в частных, так и в официальных сношениях и документах и в обучении мы имеем „равноправие" этих языков. При обязательном монопольном применении языка в официальном аппарате перед нами единый „государственный язык".

Легко видеть при этом, что притязание, вытекающее из „права языка" в первом из вышенамеченных трех случаев, имеет так называемый „негативный" характер: гражданин требует, чтобы ему „не мешали" разговаривать или писать на таком-то языке.

Поскольку речь заходит об обучении на определенном языке, дело несколько меняется: притязание остается негативным, отрицательным в отношении частной школы (не мешать ее устройству и работе); притязание становится „позитивным", положительным в отношения государственной школы (государство обязано создать школу на данном языке).

В отношениях с государственной администрацией притязание определенно „позитивно"—все равно, требует ли гражданин, чтобы его выслушивали или принимали от него заявления на определенном языке, или же требует, чтобы ему, кроме того, отвечали на том же языке. Правительству приходится в этих случаях иметь в своем аппарате людей, понимающих или знающих в совершенстве все допущенные к употреблению языки. Это, прежде всего, требует специальной подготовки, а следовательно, расходов.

---

[1]) Колесников, цит. статья, стр. 92; ср. Елистратов, А. И. Очерк административного права, 1923, стр. 136—137 (со ссылкой на первого).

Отсюда ясно, что государство, как правило, всегда легче пойдет на признание права языка там, где это ему „ничего не стоит“, в прямом смысле материальной затраты, а именно—в первом предусмотренном выше кругу отношений (частная жизнь, собрания и т. д.). Оно уже труднее согласится на право языка в частной школе, так как тут нужен расход на инспекцию. И оно с известным усилием введет „равноправие языков“ в государственной школе и администрации. При многоязычии населения может оказаться даже невозможным создать, напр., высшую школу на всех языках—это стоит дорого; может понадобиться произвести отбор и для „административных“ языков, беря наиболее распространенные.

Экономика здесь определенно связывает стремления законодателя.

§ 3

Можно, однако, пойти дальше и спросить, нужно ли вообще равноправие языков с точки зрения социальной экономии? И не следует ли законодателю стремиться установить один язык—по крайней мере в школе и публичных отношениях,—раз к единству стремится общий ход экономического и культурного развития?

По этому пункту может быть очень поучительным сопоставление взглядов, высказанных, с одной стороны, украинским ученым А. А. Потебней и, с другой стороны, чехом Каутским (в работах по национальному вопросу) и недавно французом Мейэ.

Потебня решительно восставал как против утверждения, будто языки в своем развитии стремятся к единству, по мере того как национальные различия стираются современной цивилизацией, так и против признания этого об'единительного процесса полезным для человечества [1]).

Он признавал несомненные исторические факты амальгамирования некоторых языков и даже полного вытеснения одного языка другим; но он указывал, что известны в достаточном количестве и факты обратные — напр., дифференциация нескольких романских языков из латинского (французский, испанский, итальянский и т. д.), старая дифференциация арийских языков и т. д.

Он указывал, что распространенное мнение о стремлении языков к единству связано с двумя моментами: 1) убеждением, что „откуда бы ни происходило различие народностей, во всяком случае оно поддерживается пространственным разобщением и различием географических влияний“, и 2) несомненной победой человека над земными расстояниями.

„Сношения между людьми облегчаются и увеличиваются благодаря изобретениям, как пароходы, железные дороги, телеграфы и прочее. Принудительность географических условий теряет свою силу по мере того, как благодаря власти над пространством человек получает возможность

[1]) Потебня. Мысль и язык, и особ.: „Язык и народность“, „Вестник Европы“ 1895, IX.

менять место жительства и создавать себе искусственную среду, более благоприятную для жизни, чем какая-либо из данных природою".

„Смешение между людьми различных народов влечет за собою скрещивание видов и образование общих типов... усиливает нивелирующее действие подражательности, искони свойственной человеку, сначала рефлективной, непроизвольной, потом сознательной и критической".

„У цивилизованного человека, особенно человека, много путешествовавшего по Европе, является общекультурный тип, характеризующий уже не француза, англичанина, немца, а вообще цивилизованного человека. Между образованными людьми всех наций более общего не только в теоретических убеждениях, но и в чертах характера, чем между образованными людьми известного народа и их необразованными соотечественниками". Отсюда легки выводы о будущем уничтожении национальных различий и образовании всемирного языка.

Этому привычному взгляду Потебня противоставляет указание, что как раз „образованные" люди и теряют свою национальность и язык гораздо реже и труднее, чем „необразованные". Польский „простолюдин", взятый в русскую армию, нередко совсем разучивался по-польски; с получившим образование человеком подобные случаи крайне редки, даже при долгом и полном отрыве от своей среды. Можно думать, что мышление образованного человека попадает в своего рода „колею", прорытую для него литературным языком, и чем глубже такая языковая колея, тем труднее из нее выбиться и переменить язык.

Таким образом, цивилизация сама по себе не сглаживает национальных особенностей, и, поскольку цивилизация состоит, между прочим, в создании и развитии литератур и грамотности, она скорее укрепляет привычку к родному языку, чем ослабляет ее.

Сверх того,— отмечает Потебня,— даже „предполагая, что в будущем смешение племен на той же территории увеличится, следует принимать в расчет, что к этому времени увеличится и препятствие к образованию смешанных языков, состоящее, кроме упомянутого увеличения в культурном народе привычки к своему языку, и в облегчении средств поддерживать связь между отдаленными концами одной и той же народности".

Техника не только смешивает народности,— она предоставляет чешскому или немецкому эмигранту в Америке возможность регулярно переписываться с родными, часто бывать в Европе, иметь газеты и книги с родины и таким образом сохранять свой язык долгие годы.

Таким образом, ни с исторической точки зрения, ни с точки зрения влияния современной техники тенденция к об'единению языков не представляется — в глазах Потебни — бесспорной.

Более того, такая тенденция не представляется ему чем-либо положительным и заслуживающим поддержки.

Если бы языки,— говорит Потебня,— были только средствами обозначения уже готовой, образовавшейся помимо их, мысли, то их различия по отношению к мысли можно бы сравнить с различиями почерков и шрифтов одной и той же азбуки.

„Нам более или менее все равно, каким почерком ни написать, каким шрифтом ни напечатать книгу, лишь бы можно было ее разобрать. Так было бы безразлично для мысли, на каком языке ее выразить.

При таком положении дела было бы вероятно, что как скоро распространилось бы убеждение, что разница между языками лишь внешняя и несущественная, что привязанность к своему языку есть лишь дело привычки, лишенной глубоких оснований, то люди стали бы менять язык с такою же легкостью, как меняют платье".

И весьма вероятно, далее, что, рассматривая язык как простое орудие общения, люди стали бы пытаться создать, подобно тому, как они создают общие меры и весы,— „искусственный, наиболее легкий и простой общий язык".

„Такой язык, зародившись на вершинах интеллигенции, имеющей уже и теперь общие искусственные языки для глаз, каковы цифры, алгебраические, химические и метеорологические знаки, постепенно опускался бы в низшие сферы и, наконец, обнял бы все человечество".

Но на практике этого пока не наблюдается — и опыты искусственных мировых языков не приобретают глубоких корней.

Язык, по мнению Потебни, можно сравнивать не со шрифтами, а скорее со зрением употребляющих его людей; „подобно тому, как малейшее изменение в устройстве глаза и деятельности зрительных нервов неизбежно дает другие восприятия и этим влияет на все миросозерцание человека, так каждая мелочь в устройстве языка должна давать без нашего ведома свои особые комбинации элементов мысли. Влияние всякой мелочи языка на мысль в своем роде единственно и ничем незаменимо".

Поскольку мы думаем словами, развитие языка так же мало можно отделить от развития мышления, как развитие скорлупы от ядра ореха; но надо помнить, что „язык не есть только известная система приемов познания, как и познание на обособлено от других сторон человеческой жизни. Познаваемое действует на нас эстетически и нравственно. Язык есть вместе путь сознания эстетических и нравственных идеалов, и в этом отношении различие языков не менее важно, чем относительно познания".

Быть может, в области чисто отвлеченного, логического мышления различие выражающих его языков (достаточно развитых) менее важно, чем в области выражения чувств. Художественные описания трудно переводятся на другой язык. „Остроты непереводимы". И, как правило, „мысль, переданная на другом языке, сравнительно с фиктивным отвлеченным ее состоянием, получает новые прибавки".

Рассматривая таким образом языки, „как глубоко различные системы приемов мышления", мы можем,— говорит Потебня,—„ожидать от предполагаемой в будущем замены различных языков одним общечеловеческим лишь понижения уровня мысли. Ибо если об'ективной истины нет, если доступная для человека истина есть

только стремление, то сведение различных направлений стремления на одно не есть выигрыш“ [1]).

Исходя отсюда, украинский ученый отрицательно относился ко всякой денационализации, связанной с потерей языка, и высказывался за преподавание в школе на родном языке, так как иначе душа ребенка превращается в своего рода „палимпсест“ — рукопись, на которой затерты одни слова и написаны другие, с затратой на эту операцию большого времени и труда.

§ 4

Я остановился довольно подробно на изложении взглядов Потебни ввиду того, что в его подкупающих убежденностью и тонкостью анализа рассуждениях следует отчетливо различать историческую и философскую стороны. В исторических отдельных указаниях Потебня совершенно прав; он прав, когда отмечает преувеличенность об'единяющего влияния техники на языки и показывает ее обратную сторону.

Но необходимо заметить, что отрицательное отношение к об'единительным тенденциям в истории языков и стремление показать языки совершенно различными видами умственного „зрения“, в принципе равноценными, связано у Потебни с философским принципом плюрализма: „сведение различных направлений на одно не есть достижение“.

Однако, если за принцип исследования принять современный монизм, то выбор между языками, сведение их к единству не будет заключать в себе ничего недопустимого.

Вопрос сводится тогда к практической возможности и удобству — и именно такую постановку его в отчетливой формулировке мы находим на Западе у Каутского, в его работах с 1908 года, и в более новое время у Мейэ (§ 6 ниже). Каутский исходит из положения, что при сравнении примитивных и высших ступеней человеческой культуры мы наблюдаем уменьшение числа языков у цивилизованных народов.

На ранних стадиях культуры, при трудности передвижения, языки людских племен отличаются чрезвычайной многочисленностью и неустойчивостью. Это — своего рода колеблющиеся „звуковые туманности“. С улучшением сообщений и созданием письменности языки, как указывает Липперт на примере древнего Египта, уменьшаются в числе и становятся более устойчивыми по своим формам; в этом отношении любопытно также сравнить современную Европу с ее „большими языками“ и современные же Судан или Бразилию, где туземное население числом в несколько миллионов говорит на многих десятках языков, иногда очень скудных по словесному запасу. Еще более резкий пример для сравнения представляют рассеянные по австралийским степям свыше двадцати разноязычных племен примитивных бушменов, общей численностью около 60 тысяч душ, при чем „соседние“ племена об'ясняются мимикой.

---

[1]) „Язык и народность“, стр. 11.

Именно, опираясь на наблюдения над первобытными племенами и в частности над Южной Америкой, Каутский и выставил свое известное положение: „ход развития языка идет не от единства к множественности, а наоборот“ [1]).

К многообразию в языках Каутский относится вообще отрицательно. По его мнению, еще Библия в легенде о Вавилонской башне дает прекрасную иллюстрацию вреда многоязычия и „громаднейшего ущерба“, наносимого им человечеству. „И Иегова сказал: все они дети одного народа, и язык у них общий, и это начало дел их, и ничего для них отныне не будет недостижимо, что бы они ни предприняли. Итак, спустимся к ним и смешаем их языки так, чтобы один перестал понимать язык другого“ (Быт. 11, 6, 7).

„Здесь поется песнь песней интернационализма“,—замечает по поводу этого места Каутский.—„Разделение языков ослабило мощь человечества. Об'единение языков означает под'ем его до апогея власти. Противодействовать этому было бы реакционно. Ради разнообразия мешать народам входить в общение значило бы употреблять негодные, вредные средства против полезного дела“ [2]).

Каутский считает несомненным, что „нет пути к культуре, кроме языка“; но можно ли в современных условиях утверждать, что этот путь ведет всегда через один только язык, и что лучший путь ведет всегда через „свой“, „родной“ язык. Первое неверно, второе не доказано.

„Говоря только на своем родном языке, невозможно во всей полноте овладеть современной культурой“ [3]). С другой стороны, значение мощного, например, немецкого, языка открывает бесконечно более широкие культурные возможности, чем знакомство, напр., с маленьким словенским языком, на котором только недавно начала создаваться литература.

Уже сейчас наблюдается — под влиянием экономических отношений в первую очередь — потребность изучения иностранных языков, и в местах большого смешения народов, как, напр., в Константинополе, можно встретить людей, владеющих „целой дюжиной языков“; с другой стороны, среди языков выделяются мировые, получающие, в силу экономически-культурных причин, преимущество над остальными; число людей, говорящих, напр., на английском языке, возрастает с поразительной быстротой (ушестерилось за XIX век).

Купцы, с одной стороны, интеллигенция — с другой, являются главными распространителями мировых языков [4]). „Только те события, которые не имеют всеобщего интереса и малозначительны, остаются в пределах нации и ее языка“. И поскольку рост человеческого общения, при наличности данных экономических условий, продолжается, Каутский склонен думать, что языково-национальная обособленность и ограничен-

---

[1]) „Национальность и международность“, гл. II.
[2]) Каутский. Освобождение наций, гл. IX.
[3]) Там же, гл. VII.
[4]) Каутский. Национальность и международность, гл. IV.

ность будут ослабевать и что процесс этот в будущем обществе может только усилиться.

„Культурный под'ем не только не дифференцирует нации и резче размежевывает их, а вернее—все более сближает их, сглаживает их особенности и облегчает возможность ассимиляции, особенно маленьких отсталых наций... И это относится ко всей области капиталистического обращения"

„Социалистическое общество не только не задержит, но еще ускорит этот процесс".

„Цель социалистического развития — не дифференциация, а ассимиляция национальностей, приобщение масс не к национальной культуре, а к европейской, которая все более становится мировой культурой"[1]).

Каутский знает, что „существуют социалисты, которые страстно борются против ассимиляции национальностей и их культуры; они полагают, что с исчезновением различия между нациями и языками мир был бы обречен на однообразие и умственное обнищание".

„Это само по себе ничего еще не доказывает. Фабричные товары значительно однообразнее ремесленных или кустарных, но было бы реакционно мешать их распространению... В общем, конечно, рост однообразия и нивелировки, который несет с собой развитие капитализма, является весьма нерадостным". Но этот рост неизбежен и отнюдь не случаен. Рост богатства продуктов при массовом капиталистическом производстве сопровождается растущей монотонностью, об'единением ф о р м.

„Рост культуры, власти человека над природой означает оскудение форм природы, означает замену разнообразия растений первобытных лесов однообразием пахотного поля, замену бесконечного разнообразия диких зверей немногими породами домашних животных".

„Оскудение форм должно повести к умственному обнищанию в той мере, в какой уменьшение разнообразия окружающей среды влечет за собой уменьшение способов применения умственных способностей человека".

Каутский полагает, однако, что эти опасения преувеличены: та же техника, которая уничтожает формы природы, ведет к изучению новых, ранее недоступных, открывает безграничные дали и бесконечно малые миры (телескоп и микроскоп), освобождает человека от борьбы за существование и „дает ему комфорт, который есть не что иное, как многообразие, искусственно сохраненное или созданное". Однообразие и роскошь, идущие из того же технического источника, вступают в борьбу, как действие и противодействие, яд и противоядие. И следует прибавить, чего не делает Каутский,— что новые успехи садоводства и животноводства позволяют положительно говорить о с о з д а в а е м о м многообразии форм.

Поскольку наука, искусство, наслаждение природой могут стать общедоступными в будущем обществе, постольку нельзя будет говорить

---

[1]) К а у т с к и й. Освобождение наций, гл. VII, VIII.

о гнетущем однообразии и „не приходится жалеть об исчезновении многоязычия“ [1]).

Дело, впрочем, не в сожалениях и не в том, „нравится ли нам или нет возникающий из роста международного обращения ассимиляционный процесс народов“.

Дело в практическом отношении к этому процессу, в частности в содействии или противодействии ассимиляции языков.

Каутский полагает в данном случае правильной позицию „нейтралитета“. „Мы одинаково энергично восстаем против политического и экономического насилия над тем или иным языком, как и против покровительства или преследования той или иной религии“.

„Как в отношении языка, так и в отношении религии ни один гражданин в государстве не может быть поставлен в худшее положение, чем другие. Но так же, как государство не охраняет религии от добровольного ухода верующих, оно не может охранять язык или нацию от отпадения ее членов“.

Если в результате тот или иной язык или религия выйдут из употребления, то перед этим не приходится останавливаться, „если бы мы даже и сожалели об этом обстоятельстве“.

§ 5

Здесь необходимо сделать несколько замечаний по поводу изложенных рассуждений Каутского. Прежде всего, неточна параллель между языками и религиями в политическом отношении: при отделении церкви от государства возможно полное равноправие религий и вполне нейтральное отношение к нему государства, от которого такое равноправие не требует никаких специальных расходов; но полное равноправие языков даже при отделении школы от государства (что сейчас почти невероятно) обязательно требует особых расходов по администрации и суду— и потому государство едва ли может в данном случае занимать позицию скрещенных рук: оно или содействует или противодействует.

Далее Каутский оставляет совершенно в стороне вопрос о том, что техника отнюдь не безусловно и не во всех случаях ведет к об'единению языков; он преувеличивает скорость об'единительного процесса.

Опыт показывает, что современные народы в местах наибольшего смешения языков (напр., Швейцария) очень цепко держатся за родной язык для интимной жизни, переписки, церковных служб и т. д.,— даже тогда, когда для деловой жизни и научных работ предпочитают крупный мировой язык. Создается двуязычие — параллельное и повседневное применение „языка заработка“ и „языка сердца“, lingua del pane e lingua del cuore, согласно установившемуся в итальянских кантонах Швейцарии обозначению немецкого и итальянского языков. Опираясь на соответственные наблюдения в Австрии, Людвиг Гумплович предполагал вероятное распространение среди современных народов на еще долгое время

[1]) Каутский. Освобождение наций, гл. IX.

билингизма или полиглоттизма, т.-е. двуязычия и даже многоязычия, прежде чем создастся почва для единства языка. Такое предположение кажется оправдываемым фактами [1]).

Нельзя, конечно, не согласиться, что введение двуязычия в государственном аппарате может представлять некоторые экономические трудности и что оно обычно очень тяжело для личного состава прежней администрации, привыкшей к языку былой „господствующей национальности“ данного государства.

Замечено, что чем культурнее язык такой правящей национальности и чем больше служилый аппарат заполнен представителями этой национальности, тем труднее такой аппарат усваивает на ряду с родным языком служащих конкурирующие менее развитые язык или языки.

Напротив, интеллигенция „малых языков“ быстро усваивает более крупные и культурные языки и, при введении двуязычия в администрации, быстро начинает заполнять ее ряды [2]). Так, в Бельгии фламандцы заменяли валлонов, и в Австрии чехи и поляки вытесняли немецких чиновников.

Вполне понятно поэтому, что высшие слои „господствующих“ наций и, в частности, чиновничество всегда неодобрительно относились к нарушению единства государственного языка и неоднократно предпринимали по отношению к „малым народностям“ попытки языковой ассимиляции (об этом еще в § 8); понятно также, что устоявшие против таких попыток подчиненные нации начинали все больше стремиться к созданию широких кадров „своей“ интеллигенции и „своей“ бюрократии и выделению из состава иноплеменного государства в самостоятельную политическую единицу.

Казалось бы, рост экономического единства народов должен был свести на-нет эти стремления: однако в XIX веке наблюдается быстрый под'ем национального движения даже среди мелких, считавшихся совершенно „неисторическими“, народов и, как одно из следствий этого под'ема, распространение идеи равноправия языков.

Получался своеобразный парадокс: экономика капитализма как будто вела к созданию мирового единства, в частности в языке; в политике капиталистической эпохи наблюдался национальный сепаратизм, и, в частности, каждая нация требовала себе школы, суда, администрации на своем языке. Естественно, что сторонники теории „об'единения языков“ не могли оставить этого, шедшего в разрез с их взглядами, парадокса без внимания, — и у тех же Каутского и Гумповича мы находим любопытную попытку об'яснения его.

„На первый взгляд“, — говорит Каутский, — „столь резко противоречащие друг другу тенденции совершенно несоответственны... (хозяйственное единство и политическое расчленение). Но видимость здесь

---

[1]) Гумплович. Основы социологии, § 110; ср. Каутский. Национальность и международность, гл. VII.

[2]) Гумплович. Там же.

обманчива. Одна и та же причина может породить два весьма резко расходящиеся движения. Если я брошу камень в воду, он станет быстро падать вертикально на дно. Но одновременно он вызовет на поверхности воды движение, которое горизонтально, в виде кругов и движения волн, будет расходиться все дальше и дальше и не остановится еще долгое время после того, как камень уже достиг дна и стал неподвижен"[1]).

Подобно этому экономический под'ем капиталистического производства, давая толчок к горизонтальному об'единению народов в экономическом обороте, в то же время вызывает в глубинах народных масс движение вверх — к свету и знанию. В новых условиях экономики крестьянин самой глухой европейской деревни нуждается в знании некоторых арифметических действий, в знании приносимых газетами новостей, в умении справиться по настольному календарю. Ему нужна школа, дающая хотя бы элементарные сведения, и эту школу ему легче всего пройти на своем родном языке. Учить чужой дорого и долго. Равным образом, крестьянину легче и удобнее иметь дело с купцом, адвокатом, доктором или судьей, знающим его язык. И, как заметил Гумплович, поскольку техническая демократизация современного мира выбивает народные массы из старого быта и привлекает их к политической жизни, борьба этих масс за родной язык, как за средство усвоения первых шагов технической и политической культуры, быстро развивается. Выдвигается начало языкового демократизма или равноправия: оно приводит к формировке новых интеллигентных слоев и к ожесточенной борьбе или за признание нескольких языков официальными или за выделение новых политических единиц, самоопределение народов[2]).

Таким образом, в основе требования равноправия языков и наций в XIX веке во многих европейских государствах лежали экономические мотивы — борьба наций и классов за положение на рынке, проще говоря, конкуренция. Поскольку конкуренция сохраняет свое значение, равноправие всегда будет страдать известными дефектами ввиду стремления каждой нации увеличить сферу приложения своего языка и уменьшить сферу приложения языка нации-конкурентки.

Вчерашние угнетенные легко могут стать угнетателями.

В социалистическом обществе,— думает Каутский,— положение в данном отношении будет лучше. „С прекращением производства на рынок прекращается борьба за рынок, и государство перестает быть институтом власти... Благодаря этому, борьба наций за власть в государстве теряет свои основания. Язык в государстве перестает служить целям господствующих, а становится необходимым в целях управления страной. Взаимоотношение языков в государстве определяется принципом целесообразности и потребностями рабочих масс, но никак не интересами господствующих классов и их органов. Употребление того или иного языка в судебной практике зависит

[1]) Каутский. Национальность и международность, гл. III.

[2]) Ср. к этому: Каутский, цит. соч., и Гумплович. Социализм и интернационализм, 1902.

от того, на каком языке говорят обвиняемые или свидетели, но никак не судья; в школе — от языка учеников, а не учителей; на железной дороге — от языка народной массы, а не чиновников или высшей администрации и т. д.

При таких условиях каждый выберет тот из доступных ему языков, который даст ему бо́льшую возможность приспособления к современной культуре, работе для нее. Демократическая солидарность, ныне тесно связующая слабые угнетенные нации, перестанет тогда их поддерживать. И, благодаря этому, ассимиляция и освобождение не только национальных осколков и единиц..., а даже целых национальностей пойдет гораздо быстрее“ [1]).

В конечном счете языки, по Каутскому, движутся к об'единению от многообразия, проходя через временную — и в буржуазном строе очень несовершенную — стадию языкового равноправия и „самоопределения национальностей“.

Каутский противник искусственного усиления ассимиляции. Он возражает против мнения Кунова, что большие культурные нации имеют право на „известного рода принудительное прикрепление или всасывание маленьких“, как мнения, совершенно несовместимого с идеями интернационализма и демократии; но вместе с тем Каутский весьма сдержанно относится к правам малых народностей. „Из 142 народностей, населяющих Россию, наверно не все разовьются в современные нации“, — пишет он,—„большинство из них, как, напр., осетины, вогулы, черемисы, калмыки, самоеды и пр., пойдут в своем развитии по пути басков и бретонцев. Все же целый ряд этих народностей уже достиг развития современных наций, другие последуют за ними“ [2]).

* * *

События последних лет показали, что, вопреки Каутскому, ни бретонцы во Франции, ни осетины в России своей национальности и своего языка терять не желают. И надо заметить, что в русской политической литературе вопрос о равноправии языков ставился еще до мировой войны, но, к сожалению, ставился с большой отрывочностью и часто сбивчивостью в пылу более широких споров о понятии самоопределения национальностей, о „персональной“ и „территориальной“ национальной автономии и т. д. [3]).

Сравнительно краткую, но вполне ясную постановку проблемы о равноправии языков дал В. И. Ленин в своих „Заметках по национальному вопросу“, а также в статьях „Либералы и демократы в вопросе о языках“ (1913) и „Нужен ли обязательный государственный язык“ (1914); отправляясь, в общем, от тех же предпосылок, что и Каутский

[1]) Каутский. Освобождение наций, гл. VIII. Каутский разумеет освобождение от языковой исключительности.

[2]) Каутский. Национальность и международность. — Баски и бретонцы являются для Каутского примерами угасающей, ассимилирующейся народности.

[3]) См. ряд статей, вызванных этими спорами, в двух сборниках: „Марксизм и национальный вопрос“ и „Марксизм и национальная проблема“. Харьков, 1923.

в „Национальности“ (1908), Ленин по поводу равноправия языков высказывается за безусловное введение этого начала в национально-чересполосных странах, как Россия, отмечает удачные результаты применения равноправия языков в Швейцарии, приведшего „к исчезновению национального вопроса“, и выдвигает по поводу равноправия и ассимиляции языков следующую сжатую и сильную формулировку, которая стала фактически программой Октябрьской революции в данном вопросе.

„Остается ли что-нибудь реальное в понятии ассимиляторства за вычетом всякого насилия и всякого неравноправия?“

„Безусловно — да. Остается та всемирно-историческая тенденция капитализма к ломке национальных перегородок, к стиранию национальных различий, к ассимилированию наций, которая с каждым десятилетием проявляется все могущественнее, которая составляет один из величайших двигателей, превращающих капитализм в социализм“.

„Тот не марксист, тот даже не демократ, кто не признает и не отстаивает равноправия наций и языков, не борется со всяким национальным гнетом или неравноправием. Это несомненно. Но также несомненно, что тот якобы марксист, который на чем свет стоит ругает марксиста иной нации за „ассимиляторство“, на деле представляет собой просто националистического мещанина“ [1]). (Следует полемика с украинскими национал-социалистами и бундовцами).

„Национальная программа рабочей демократии: никаких безусловно привилегий ни одной нации, ни одному языку; решение вопроса о политическом самоопределении наций, т.-е. государственном отделении их вполне свободным демократическим путем; издание общегосударственного закона, в силу которого любое мероприятие, проводящее в чем бы то ни было привилегию одной из наций, нарушающее равноправие наций или права национального меньшинства, об'является незаконным и недействительным — и любой гражданин в праве требовать отмены такого мероприятия как противоконституционного и уголовного наказания тех, кто стал проводить его в жизнь“ [2]).

Ленин высказывается за полное, вплоть до политической самостоятельности, равноправие наций; „равноправие языков“ в национально-смешанных государствах представляется ему ценным как „обеспечение прав национального меньшинства“; при этом он не возражает против естественной ассимиляции, он уверен, что „потребности экономического оборота всегда заставят живущие в одном государстве национальности (пока они захотят жить вместе) изучать язык большинства“, но он резко восстает против искусственного ассимиляторства, против обязательного языка, привилегий или стеснений и против шовинизма „националистического мещанства“ [3]).

---

[1]) Ленин. Собрание сочинений, т. XIX, 1924, стр. 46 — 47, ср. о теории Каутского, 99—100.

[2]) Там же, стр. 41.

[3]) Там же, ср. стр. 39—40; 45—46; 60; 90; 97 — 98; о националистическом мещанстве — 49; 54.

Цель „проповеди полного равноправия наций и языков“ — прекращение национальной борьбы во всех видах и сосредоточение внимания трудящихся на серьезных улучшениях государственного строя вообще; конечная цель — „интернационализм“ — „слияние всех наций в высшем единстве“, которое „растет на наших глазах с каждой верстой железной дороги, с каждым международным трестом, с каждым (международным по своей экономической деятельности, а затем и по своим идеям, по своим стремлениям) рабочим союзом“ [1]).

§ 6

Во время мировой войны рост международного об'единения несколько приостановился; с окончанием ее, с постепенным восстановлением единства оборота и регулярности мировых сношений, пришлось констатировать продолжение того же парадоксального явления, которое уже наблюдалось в XIX веке: при единстве материальной культуры языки непрерывно дифференцировались. Признание „прав малых национальностей“ за принцип международного права дало такой дифференциации даже новый толчок и усилило основания требовать свободы и равенства для малых языков.

Неизбежность торжества таких требований в современную эпоху признают даже наиболее убежденные сторонники разноценности языков и необходимости их об'единения, как, например, известный французский филолог Мейэ (Meillet), профессор в Collège de France.

Книга Мейэ „Языки в новой Европе“ (1918) представляет выдающийся интерес как данной в ней языковой картиной Европы, так и своеобразной борьбой теоретических взглядов автора и его научной добросовестности, заставляющей его признавать неприятные ему факты.

„Цивилизация, — пишет Мейэ, — стремится к единству“ [1]).

„Единая наука, развитию которой ученые каждой нации содействуют с достоинствами или недостатками, характерными для них, но в конечном счете не играющими никакой роли для научных результатов; всюду изучаются одинаковые проблемы одинаковыми способами и с помощью одинаковых рабочих инструментов. Лаборатории Америки или Японии работают над теми же вопросами, что и европейские лаборатории. Обсерватории всего мира изготовляют одну карту неба, обрабатываемую каждой из них в соответственной части. Современный ученый, хочет он этого или нет, является сотрудником всех тех, кто, во всем мире, трудится над той же наукой“.

„Эта единая наука господствует над так же единой промышленной техникой. Всякое научное открытие определяет изменения в способах выделки и условиях производства. И всякий новый способ быстро узнается во всем мире. Редкие фабрики, которые не принимают новых способов, оказываютея отсталыми, неспособными конкурировать с дру-

[1]) Там же, стр. 53; 54; ср. 59. — К идеям Ленина мы еще вернемся ниже (§ 10).

[2]) Meillet. Les langues dans l'Europe moderne. P. 1918; p. 276; ср. еще Auerhan. Die sprachlichen Minderheiten in Europa, B. 1926.

гими. Недостаточно развитые в промышленном отношении страны обращаются к более передовым за инженерами и мастерами. И промышленники организуют предприятия своей специальности в отдаленнейших странах, где они находят рабочие руки и сырье".

„Деловой оборот интернационален. Картели одинаковых отраслей промышленности заключаются через границы. Банки всего мира связаны общими операциями. Рабочие осознали, что, в отношении к их нанимателям, их интересы тождественны. Формула „пролетарии всех стран, соединяйтесь" нашла отклик в рабочем классе всех стран. Социалистические партии, представляющие политически организованный рабочий класс, синдикаты (союзы), организующие рабочих по профессиям, кооперативы, при помощи которых рабочие учатся торговать, — устраивают интернациональные с'езды... эти с'езды показывают уже сейчас, что рабочие всех стран чувствуют свою солидарность".

„Железные дороги, пароходы, обеспечивающие сношения между людьми, по необходимости должны быть сходны по устройству; на материке Европы только Россия и Испания изолировались путем употребления железнодорожной колеи иной ширины, чем употребляемая в прочих странах".

„Почтовая служба должна была об'единиться на началах мирового почтового союза".

„Самая одежда становится везде одинаковой. Даже война не могла воспрепятствовать тому, что женские моды менялись в западном мире одинаково и в одно время".

„Все идет к однородности (tout va s'uniformisant)".

* * *

И только языки, с помощью которых люди выражают их мысли, остаются различными и даже все более дифференцируются. В Европе сейчас (в 1918 г.) более тридцати языков, имеющих свою письменность (некоторые очень молодую), и трудно сказать, сколько их еще будет[1]). На глазах живущих поколений приобрели широкий литературный размах чешский, сербский, финский языки; создалась литература балтийских языков (литовский, латышский); в Норвегии быстро вырабатывается „местный" норвежский язык, хотя Ибсен писал еще на датском, „приспособленном" к норвегизмам; делаются попытки возродить ирландский язык; свои языки „пишутся" (s'écrivent) уже в таких глухих уголках Европы, как Албания и Исландия; идет борьба французского и фламандского языков в Бельгии[2]); после крушения Российской империи можно ожидать быстрого развития финских языков, как эстонский или карельский; большей устойчивости мелких финских говоров (мордовский, зырянский и др.) и „следует предвидеть, что народности тюркских языков России не дадут себя поглощать так легко, как это происходило во

[1]) Мейе, там же, 272 и 276.

[2]) Там же, 269 и сл.

время царей", так как новая политическая обстановка создает для „тюркских говоров более благоприятные условия". Мейэ предвидит создание „рода национального языка" в лице еврейского разговорного „идиш" и „чрезвычайно деликатные проблемы на Кавказе с его наслоением грузинского, армянского и тюркско-татарского языков" [1]).

В прежних австро-венгерских владениях проблемы будут не менее деликатны, а принимая во внимание указанные уже факты в скандинавских и балтийских странах и наблюдающуюся живучесть, напр., каталонского, баскского, провансальского, бретонского (арморикáнского) языков в Испании и Франции, приходится признать, что сейчас „нет такой маленькой национальной группы, которая не претендовала бы иметь свой собственный язык цивилизации". Перед нами „лингвистический национализм" [2]).

К этому национализму Мейэ относится отрицательно: прежде всего мелкие языки создают культурную „лингвистическую" изоляцию говорящих на них групп; знающий только венгерский язык мадьяр вне самой Венгрии окажется в очень затруднительном положении и даже с трудом найдет переводчика [3]); работы, напечатанные на мелких языках, могут рассчитывать только на очень узкий круг читателей и для мировой науки чаще всего остаются неизвестными [4]). Единство цивилизации разбивается, работа ученых затрудняется.

С другой стороны, нельзя признать большую часть новых молодых языков Европы имеющими своеобразную ценность (здесь Мейэ решительно расходится с Потебней). Эти мелкие языки выдвинуты, почти созданы в большинстве случаев журналистами, политическими деятелями и особенно учителями народных школ, естественно стремящимися преподавать на понятном детям языке.

Поэтому значение таких языков „скорее педагогическое и политическое, чем литературное". Сами по себе эти языки „не внесли обогащения в интеллектуальную сокровищницу человечества", и, в сущности, калькируют большие языки и друг друга гораздо чаще, чем выявляют свою оригинальность. Получаются лишь разные „банальные способы" обозначения одинаковых вещей [5]); при этом у больших языков или заимствуется значительная часть слов — особенно абстрактных, или заимствованные слова заменяются „своими" искусственно созданными „национальными" терминами, что еще более усиливает лингвистическую изоляцию (Чехия) или даже делает новый письменный язык резко отличным от говора масс (Греция, отчасти Украина [6]); в общем, „размножение мелких языков, употребляемых в настоящее время в Европе, причиняет

---

[1]) Мейэ, там же, 263, 268.

[2]) Там же, стр. 282, ср. еще 179.

[3]) Там же, стр. 279.

[4]) Там же, стр. 298.

[5]) Там же, стр. 275.

[6]) Там же, стр. 240 и 313 (Чехия); 231—232 (Греция); 42 и 256 (Украина, различие литературного „галицийского" языка и восточно-украинских говоров).

большие затруднения и подготовляет трудно разрешимые кризисы, так как это размножение идет против общих тенденций цивилизации“ [1]).

Отсутствие такого размножения составляет одну из причин огромной силы Соединенных Штатов и вообще Америки по сравнению с Европой. Но так или иначе, языки Европы дифференцируются, и этот факт требует об‘яснения. Мейэ видит это об‘яснение в современном росте демократического движения; по мере того, как массы вовлекаются в культурную жизнь и втягиваются в участие в управлении, они все более ценят употребление своего языка в общественной жизни; он „облегчает им доступ к начаткам культуры“; этим и об‘ясняется лингвистический национализм. В современном государстве „наиболее скромный гражданин имеет право на свою долю культуры и влияния“; эта культура должна быть ему легко доступна, и это влияние легко осуществимо [2]).

И как только народ приходит к власти, он плохо переносит употребление чужого языка.

Мейэ подчеркивает, что „удобство масс приобретается ценой стеснения избранных“, обычно образующих меньшинство, говорящее на крупном мировом языке. Такое меньшинство — как валлоны в Бельгии или англичане в Ирландии — неохотно „опускается“ до изучения малокультурного языка, не могущего ни к чему служить вне данной узкой территории и во многом подражающего культурному языку этого меньшинства. Положение осложняется еще „борьбой из-за мест“: в Бельгии, например, фламандские крестьяне и рабочие видят для себя пользу в изучении культурного французского языка аристократии и высшей буржуазии, но не наоборот; поэтому выходцы из народа, „новые люди“, усиленно настаивают на необходимости употребления в административном аппарате двух языков и таким путем оттесняют из этого аппарата прежние культурные слои, занимая их место.

„Лингвистическая борьба является“ таким образом „символом борьбы за власть“ [3]); решающую роль играют в ней потребности пробуждающихся к культуре масс — и это прекрасно учло католическое духовенство, поощряя развитие местных языков в целях сохранения своего влияния [4]).

Мейэ полагает, однако, что при всем увлечении мелких демократий лингвистическим национализмом, неизбежна некоторая реакция против такого национализма, неудобства которого дают себя чувствовать уже теперь; с окончательным торжеством демократического режима усилится стремление к об‘единению [5]).

---

[1]) Мейэ, там же, 279.

[2]) Там же, 272. Любопытно совпадение в этом случае взглядов Мейэ (не марксиста) с Каутским.

[3]) Там же, 192—194.

[4]) Там же, 193 и 196, ср. 37 (о литовском языке).

[5]) Там же, 333.

Уже в настоящее время „международный с'езд, где говорят по-французски, по-английски и по-немецки есть до некоторой степени повторение истории о вавилонской башне, так как, если есть много людей, читающих на этих языках, то люди, хорошо говорящие на всех трех, и свободно понимающие их, — редки. И ученые, и техники редко имеют досуг, необходимый, чтобы научиться хорошо говорить и хорошо понимать речь на иностранных языках". При множественности употребляемых языков ведение иностранных конгрессов бывает „чрезвычайно трудно, почти невозможно". Международные конгрессы социалистических партий, „где интернационализм является догмой, очень отягощаются необходимостью все переводить; и делегаты малых стран по необходимости избираются из тех, кто хорошо знает один из крупных языков, употребляемых на конгрессе. Необходим общий язык для возможности действительных дебатов" [1]).

В каждом, сколько-нибудь крупном государстве школа, администрация, армия, общие дороги неминуемо создают потребность в общем языке; экономические отношения, потребность ученых в общении выдвигает так называемые мировые языки, сейчас в Европе — английский, французский и немецкий, „знание которых необходимо цивилизованному человеку". В итоге повсюду наблюдается стремление к „вторым языкам", а множественность этих „вторых" приводит к созданию искусственных языков, вроде эсперанто или идо, на необходимости и возможности которых Мейэ подробно останавливается. Он, однако, подчеркивает при этом, с одной стороны, что создание искусственных языков и вообще стремление к общему языку облегчается в Европе изучением латинского языка и общей серьезной постановкой филологического образования,— с другой — решительно отвергает искусственное насаждение каких-либо языков. „On ne répand pas une langue par force, — языки не распространяются силой". Здесь приходится полагаться на общий ход развития [2]).

„Единство цивилизации ведет к требованию единства языка".

„Маленьким демократиям современности нравятся маленькие национальные языки; всемирная демократия, которая устанавливается, свободно найдет свои универсальные средства общения" [3]). Этими словами заканчивается книга Мейэ.

§ 7

Если сопоставить теперь две теории, которые можно вкратце назвать плюралистической (Потебня) и монистической (Каутский, Ленин, Мейэ) теорией развития языков, — то мы получим очень интересный результат. В принципе обе теории совершенно противоположны; в практических выводах они сходятся; в принципе первая теория стоит за сохранение многоцветной гаммы языков, вторая — за единство наций и

[1]) Там же, 299 и 325; стоит сравнить также интересную аргументацию в пользу единого языка с государственной точки зрения у Hernritt, R. Nationalität und Recht, W. 1899.

[2]) Там же, 274—311.

[3]) Там же, стр. 331 и 334 (заключение).

ассимиляцию языков; в практическом выводе — особенно подчеркнутом Лениным — обе теории высказываются за устранение всякого насилия над языками и предоставление языкам возможности свободного развития. Развитие это в данный момент, — как показывает Мейэ, — идет путем дифференциации национальных языков. Нужно при этом заметить, что некоторая разница в понимании равноправия и свободы развития языков все же окажется в зависимости от принятия той или иной теории. Дело в том, что „свободное развитие" языка зависит, как мы видели, от об'ективных экономических условий. Недостаточно формального провозглашения „права языка" с его употреблением в том или ином об'еме в частной и общественной жизни, необходимо признание равноправия языков в государственном аппарате и обеспечение им возможно равных материальных условий развития — с поддержкой для школ маленьких и небогатых национальностей и т. п.

При этом может возникнуть вопрос о поддержке практически вымирающих языков, в прошлом иногда имевших большую литературу (напр. древне-еврейский), — так сказать, гальванизации, оживления этих языков. С точки зрения принципиального „многоязычия" такая гальванизация может быть желательной и, как увидим ниже, сознательно практикуется в некоторых государствах; с точки зрения монистической теории это будет ненужная и противоречащая экономии социальных сил роскошь. Напротив, монистическая теория последовательно приведет к поддержке живых, хотя бы и отсталых, языков, поскольку эта поддержка целесообразна, как переходная ступень и средство для приобщения данной малокультурной национальности к мировой культуре, высшему единству.

Надо признать, что далеко не всегда может быть легко установлено различие между вымирающим и встающим на ноги языком и что правильное разрешение языковой проблемы есть, как верно замечает проф. С. А. Котляревский, дело великого законодательного такта[1]). Но основное начало не подлежит сомнению: живые и жизнеспособные языки имеют в данную эпоху равное право на существование в государстве, где живут говорящие на этих языках нации; такие языки должны быть допущены к употреблению в частной и общественной жизни, в школе, администрации, суде (§ 2) на равных основаниях, при чем должны быть в меру жизненных рессурсов государства создаваемы возможно равные материальные условия для пользования языками; лишь при отсутствии достаточных рессурсов и малой распространенности данного языка равноправие его может быть заменено правом применения в пределах, обеспечивающих чисто культурные нужды данной национальной группы.

Возможно возражение, что принятие этих начал приведет в известной мере к поддержке школ и языков малых наций за счет больших; однако против него можно указать, что в данном случае создается форма культурного состязания языков в идеально равных условиях, своего

---

[1]) Котляревский, Власть и право, 1915, стр. 345.

рода гандикапирование языков. При этом, как и в настоящем гандикапе, в результате выявится преимущество в пользу языка более сильного культурно и численно. Но зато подавление слабого языка и вместе с тем повод для враждебности и отчуждения его носителей устраняются — и в этом надо видеть социальное значение идеи реального равноправия языков.

* * *

Успех этой идеи в условиях настоящего времени может считаться несомненным. „Языковое состояние определяется социальным состоянием“ (Мейэ). Глубокий хозяйственный переворот; техническая демократизация и требование свободы наций и языков; закрепление народных языков новой техникой (печать)— таковы социальные предпосылки; равноправие языков и установление билингизма (двуязычия)— таковы вытекающие из них принципы языкового законодательства и административной практики стран с разноплеменным населением,— принципы, намеченные сравнительно давно Гумпловичем [1]).

Общий ход развития „языкового права“ Европы за последние полтораста лет довольно отчетливо подтверждает связь принципа равноправия языков с ростом демократизации. Чтобы не быть голословным, я попытаюсь в следующем изложении показать вкратце главные моменты этого развития.

§ 8

Так называемое „полицейское государство“ второй половины XVIII века в Европе („эпоха просвещенного абсолютизма“) весьма мало интересуется равноправием языков. Наоборот, оно заинтересовано в утверждении одного языка, употребляемого в его насквозь централизованной военной и бюрократической машине; и подобно тому как могущественный полицейский абсолютизм не стеснялся предписывать подданным, что им есть и пить и во что одеваться [2]), — так он не затруднялся в случае нужды указывать язык, на котором им следует говорить. И если австрийская монархия Иосифа II ограничивалась этими требованиями лишь в области школы, армии и деловых сношений с администрацией, то некоторые аристократические „полицейские республики“ Швейцарии шли дальше, запрещая, напр., вообще употребление французского языка и предписывая населению говорить по-немецки [3]). Почти излишне прибавлять, что в разноязычных странах покровительством пользовался всегда язык господствующей национальности, а в одноязычных администрация употребляла наречие, принятое правящим дворянством и двором монарха (во Франции и Испании — парижское и кастильское). Своеоб-

[1]) См. выше § 5 и работы Гумпловича о „праве языков в Австрии“ (1876 г.) и об „интернационализме и социализме“ (1900).

[2]) Елистратов. Очерк адм. права, стр. 9 и 10.

[3]) Кантон Валлис и город Муртен (в теперешнем кантоне Фрейбурге) еще в XVIII веке назначали и применяли телесное наказание за разговор по-французски на улицах и базарах. См. Гумплович, Социализм и интернационализм, русск. пер. 1902, стр. 26.

разную историческую особенность представляла Венгрия, где разноплеменность правящих кругов и чуждое происхождение немецкой династии (Габсбурги) затрудняли выбор „господствующего" языка. Габсбурги признали поэтому государственным языком Венгрии — язык католической церкви — латинский: язык этот был непонятен массе населения, но создавал выгодное положение для могших научиться ему высших классов, которым еще со средних веков латынь служила искусственным средством общения, следовавшим за католичеством. Венгерская аристократия цепко держалась за создавшееся положение (отпор попытке Иосифа II ввести немецкий язык), и вплоть до 1836 года, когда государственным языком был признан мадьярский, законодательство, судопроизводство и важнейшее административное делопроизводство Венгрии велись на латинском языке — языке „короны св. Стефана".

Не везде, однако, такое пренебрежение к удобствам населения проходило даром даже дошедшему до полного расцвета абсолютизму; так, в Богемии и в австрийской Бельгии попытки австрийцев насадить государственный немецкий язык вызывали в XVIII веке со стороны местной богатой торговой буржуазии сопротивление, в Бельгии дошедшее до прямых восстаний (при Иосифе II) и вынудившее абсолютизм согласиться на употребление привычных местных языков, согласно старинной привилегии фландрских городов конца XV века.

Бельгия же была „первой страной", в которой, после того как Великая французская революция потрясла основы абсолютизма в Европе, „пришлось разрешить вопрос о языке в соответствии с общим духом и общими принципами конституционного государства" [1]). Богатая и свободолюбивая буржуазия фландрских и валлонских городов, издавна привыкшая к известному самоуправлению, охотно восприняла „идеи 1789—1793 гг." из соседней Франции, и в частности принцип „самоопределения" и „прав народов", провозглашенный Кондорсэ и Вольнеем [2]). Поэтому среди бельгийцев возникло большое и все возраставшее раздражение, когда после реставрации во Франции и перекройки карты Европы Венским конгрессом 1815 г. Бельгия оказалась присоединенной к Голландии, при чем голландское правительство стало поощрять, в целях об'единения, голландский язык; в 1830 году недовольная Бельгия пред'явила вооруженной рукой свое право самоопределения, и в бельгийскую конституцию 7 февраля 1831 года национальным конгрессом была включена знаменитая 23-я статья:

„Употребление языков, распространенных в Бельгии, факультативно: оно может быть регулировано только законом и исключительно для актов правительственной власти и для судебных дел" (matière judiciaire). Статья это помещена в разделе „о бельгийцах и их правах"; тем самым

---

[1]) Колесников, цит. соч., стр. 91, по сборнику „Вопросы административного права".

[2]) См. Дурденевский. Иностранное конституционное право, 1925, стр. 11 и 32. Подробнее у Даневского. Система политического равновесия и легитимизма и начало национальности в их взаимной связи, 1882.

бельгийская конструкция признавала за гражданами личное „право языка", но равноправия языков отнюдь не подчеркивала, скорее, напротив, устанавливала полную возможность законодательной регулировки употребления языков в официальных актах.

Такая формула об'ясняется как общим индивидуалистическим духом революции 1789 г., последним откликом которой был бельгийский переворот, так и тем, что в Бельгии к вопросу об употреблении местных языков не примешивался вопрос о политическом обособлении употребляющих их национальностей друг от друга [1]). Фламандцы и валлоны Бельгии были против голландского господства, но не против совместного привычного жительства; кроме того, французский язык (употреблявшийся валлонами в письменности) в ту эпоху имел решительный культурный перевес. Бельгийский конгресс ограничился поэтому защитой употребления гражданами родного языка и оставил дальнейшую разработку вопроса в руках обыкновенного законодательства.

В результате ряда актов (наиболее крупные 1878, 1898 и 1908) равноправие языков сделало в Бельгии значительные успехи, хотя в полном об'еме по техническим причинам осуществлено быть не могло. Распространенными в Бельгии языками — langues usitées — признаны французский (не валлонское наречие) и фламандский [2]); на них публикуются законы, при чем оба текста подготовляются на обоих языках и считаются аутентичными; прения в парламенте ведутся на двух языках, по усмотрению говорящего; государственные служащие должны знать оба языка; язык гражданского судопроизводства зависит от просьбы истца; уголовный суд ведется в одних провинциях по-фламандски, в других по-французски, в зависимости от состава населения, но во всех случаях гражданского и уголовного суда участвующие в деле лица могут требовать помощи официального переводчика и пользоваться своим родным языком; школы низшие ведутся на языке большинства населения данной коммуны (общины) по постановлению ее совета; в средних школах фламандской части страны несколько предметов преподаются по-фламандски; французский язык остается командным и распорядительным языком армии (во фламандских по составу частях офицеры обязаны знать фламандский язык и вести на нем обучение рекрут); французский же язык употребляется в верховном кассационном суде и, несмотря на большие старания фламандцев, удержал господствующее положение в средней и особенно в высшей школе просто в силу своего удельного веса, как мирового языка; сами фламандцы охотнее, чем валлоны, изучают два языка [3]). С оживлением

---

[1]) Ср. Лазерсон. Национальность и государство, П. 1918, стр. 138.

[2]) Фламандцев в Бельгии до 53%, валлонов—41½, остальные немцы, голландцы и т. д. См. Войтинский. Вес мир в цифрах, т. I, 1925 г.

[3]) В конце 1922 г., после введения в Бельгии всеобщего избирательного права, в бельгийский парламент был внесен „законопроект о постепенной фламандизации Гентского университета, который первоначально был принят нижней палатой, но отклонен сенатом. В июле 1923 г. проект получил, наконец, одобрение парламента и стал законом;

участия фламандского крестьянства в политике (с 90-х годов) двуязычная фламандская интеллигенция стала, как упоминалось выше, решительно преобладать в правительственном аппарате, что соответствует численному преобладанию фламандцев в стране.

Но если на практике бельгийский закон все больше проводит начало равноправия языков, то формально он остается на занятой слишком 90 лет назад позиции „права языка“: индивидуалистическая традиция французской революции в бельгийском праве доминирует.

* * *

Несколько иное положение мы находим в законодательствах стран перед которыми языковая проблема встала после второго революционного толчка в новой Европе, а именно, после революции 1848 года.

Эта революция, в грубых чертах, отличалась от Великой французской 1) большим демократизмом (тенденция к всеобщему избирательному праву, во Франции удержавшемуся), 2) большей силой социалистических течений (Коммунистический манифест, „июльские дни“ в Париже), 3) большим выявлением „национального принципа“, особенно в центральной Европе.

Политическое самоопределение наций стало, можно сказать, лозунгом стремившихся к власти буржуазных слоев и в Италии, и в Австрии, и в германских землях. При этом об'ективное значение языка не только для культуры личности, но и для культуры группы — а следовательно, и культуры национально-политической — было уже достаточно осознано, особенно благодаря работам итальянца Манчини, венгерца Этвеша (Etwös) и чеха Палацкого [1]).

И конституции разноязычных стран, естественно, вынуждены были коснуться проблемы равноправия языков: соответственные постановления мы находим и в итальянском статуте 4 марта 1848 г., и в австро-венгерской конституции 4 марта 1849 г., и в швейцарской конституции 19 сентября 1848 г.

последний вводит лингвистический дуализм, который выражается в том, что обязывает студентов, получивших фламандское воспитание, обучаться в университете на французском языке и обратно“. Болдырев и Гесен. Современная Европа, 1925, стр. 158.

[1]) См. Лазерсон, цит. соч., гл. 11; Lukas, статья „Territorialitäts u. Personalitätsprincip“ в Jahrbuch des öffentlichen Rechts, 1908. Я здесь не вдаюсь в анализ понятия „нации“, отмечая лишь язык, как ее неотъемлемую особенность. — Громадную литературу национального вопроса см. у Neumann. Volk und Nation, Springer (Renner). Staat und Nation, 1899 (переработанное издание 1918 г., Selbstbestimmungsrecht der Nationen. I, Nation und Staat) и Landauer, G. Das geltende jüdische Minderheitenrecht, B. 1924, стр. 121—124; на стр. 122—123 большей частью послевоенные работы. Ср. Лист-Грабарь. Международное право, 1926, стр. 189— о международно-правовой защите национальностей; дополнительно нужно заметить Laun, R. Nationalitätenfrage, im Wörterbuch des Völkerrechts von Hatschek u. Strupp, II, и французские работы Hauser. Le principe des nationalités, P. 914; Johannet. Le principe des nationalités. P. 1918, и Le Fur. Races, Nationalités, États, 1922.—В новой русской литературе большую библиографию дает сборник „Марксизм и национальный вопрос“, Харьков, 1923; см. еще статьи Ленина в соч., т. XIX, и Сталина в его сборнике статей по национальному вопросу, 1920,

Эти постановления имели различное содержание и судьбу: в Италии они были редактированы очень робко и быстро превратились в мертвую букву; в Австрии они имели принципиальный характер, потерпели сначала неудачу и, после длительного омертвения в эпоху реакции 50-х и 60-х годов, были воскрешены в расширенном виде в конституции 21 дек. 1867 г.; в Швейцарии постановления о языках были по форме умеренны, но оказались широкими по содержанию и перешли без изменений в действующую конституцию 29 мая 1874 г. — последний отзвук революционной бури 1848 г. Рассмотрим вкратце все три случая.

Статья 62 итальянского Статута установила (формально устанавливает до сих пор), что официальным языком палат итальянского парламента является итальянский; употребление французского языка допускается для членов от местностей, где такое употребление является обычным, и для ответов этим членам. — Здесь еще слышен отголосок бельгийского „права языка", но вместе с тем данная статья относится не к правам граждан, а к организации представительства, и в скрытой форме здесь признается право обычного употребления языка представляемой депутатом группы. Дальнейшего развития эта идея в итальянском праве не получила; с передачей Ниццы и Савойи Франции в 1860 году вторая часть Статута потеряла всякое значение, и современное итальянское правительство не спешит воскрешать ее в пользу немецких местностей (в Южном Тироле), присоединенных в 1919 году.

В Австрии конституция 1849 года говорила вполне определенно (§ 5): „Все народности равноправны, и каждая народность имеет неприкосновенное право на развитие своей национальности и языка". Несколько раньше, в 1848 г., так называемый кремзирский проект конституции добавлял: „равноправие всех употребляющихся в отдельных землях языков в школе, управлении и общественной жизни обеспечивается государством".

В 1867 году, по миновании эпохи реакции, эта идея равноправия национальностей вообще и языков, как выражений национальности была воскрешена в известном § 19 бывшей австрийской конституции.

„Все народности государства равноправны, и каждая народность имеет неприкосновенное право на охранение и развитие своей национальности и языка.

Государство признает равноправие всех употребляемых в землях (landesübliche) языков в школе, управлении и общественной жизни.

и его же—„Национальные моменты в партийном и советском строительстве", 1923; книги Сафарова „Национальный вопрос и пролетариат", 1923, и Бройдо. „Национальный и колониальный вопрос", 1924, краткая новая библиография; стр. 101—118, выдержки из постановлений VIII и XII с'ездов РКП (по национальному вопросу). Из старых русских юристов см. цитированную выше работу Даневского и этюд Градовского, „Национальный вопрос", 1873. Большой известностью пользовались в России переводы книги Шпрингера „Национальная проблема", II. 1907, и большой труд О. Бауэра „Национальный вопрос", II. 1909 и 1918, влияние идей которого заметно у Плетнева. Национальная проблема, Яр. 1922.

В тех землях, в которых обитает несколько народностей, государственные учебные заведения должны быть организованы так, чтобы каждая народность, не будучи принуждаема к изучению второго местного языка, могла иметь необходимые средства для получения образования на своем языке".

Легко видеть, с одной стороны, что этот текст явился комбинацией двух предыдущих, с другой — что данная комбинация открывала довольно широкий простор для толкований, в частности, по вопросу о том, какие языки признаются „употребительными" в землях, и как народность, признанная суб'ектом права, может осуществить это право.

Для этой цели национальная группа должна представлять организованное целое. Такая организация возможна или по территориальному признаку (для нации необходимому) или по признаку персонального личного самоопределения и вхождения в единый союз индивидов данной национальной группы, с принятием на себя определенных денежных повинностей и с пользованием учреждениями этого публично-правового союза. Поскольку территориальная организация грозила расчленением Австрии на национальные государства и поскольку население ряда областей представлялось довольно пестрым,— австрийские теоретики (Бауэр, Шпрингер) усиленно высказывались за „национально-персональную автономию". На практике, однако, получился какой-то своеобразный компромисс двух начал: народность, как таковая, в Австрии организована не была, но при разбивке страны на автономные земли были в известной мере учтены национальные группировки[1]); вместе с тем право языка приходилось осуществлять, за отсутствием нужных организаций, отдельному индивиду в рамках, установленных не столько конституцией, сколько обыкновенным законодательством.

Законодательство это, достаточно обширное, в целом давало картину очень близкую к бельгийской[2]), но немецкий язык в Австрии удержал более „преимущественное" значение, чем французский в Бельгии; обстоятельство это об'ясняется необходимостью сохранить за отдельными частями разноязычного государственного аппарата верное средство понять друг друга.

Таким путем получилось различие между языками „центральных учреждений" и „внутреннего делопроизводства" и языками местными и „внешнего делопроизводства".

Языками центральных учреждений, а также армии и почты был немецкий; на нем разрабатывались, обсуждались и утверждались законопроекты, и аутентичным текстом закона признавался немецкий текст

---

[1]) Австрийская национальная статистика была довольно шатка. С этой оговоркой можно указать, что в старой Австрии немцев было около 37%, чехов 29%, поляков 16,8%, русин 13%, словенцев 4,7%, сербов и итальянцев по 2,8% и т. д.

[2]) См. в особенности Hernritt. Nationalität und Recht, W. 1899; Fried. Ueber die sprachliche nationale Rechte in polyglotten Staaten, 1899; Fischel. Das österreichische Sprachenrecht. Brünn 1901; Bernatzik. Das österreichische Nationalitätenrecht, W. 1917.

(закон 10 июня 1869 г.); по-немецки же, как правило, велись переписка между государственными учреждениями и их внутренняя работа“ [1]).

Местными языками признавались, кроме немецкого в собственно Австрии и Тироле, еще семь в разных провинциях (итальянский, чешский, румынский, польский, русинский, словенский и сербо-хорватский): на всех них публиковались законы для сведения населения, но эти тексты имели лишь значение перевода. Языком внешнего делопроизводства или сношений с населением были в провинциях немецкий или „местный“ язык данной земли, по выбору обращавшегося к администрации лица; в центре принимались заявления граждан на восьми языках законодательства, но ответ посылался по-немецки, так как на местах было легче достать хороших переводчиков в нужном количестве.

Я не вхожу в дальнейшие подробности — в частности о сложном школьном законодательстве [2]). В целом австрийское законодательство, провозгласив равноправие языков и права национальных групп на их развитие, ушло от бельгийского вперед только принципиально, в декларативном отношении, практика же Австрии осталась скорее позади [3]). С падением Австрийской империи сменившая ее крохотная республика признала своим „государственным языком“ немецкий. (Законодательства отделившихся земель придется еще коснуться ниже.)

Более удачен был опыт признания равноправия языков в Швейцарии, где тяжелые воспоминания об эпохе „языковых гонений“ XVIII века хорошо подготовили почву для нового принципа. Любопытно, однако, что как конституция 1848 г., так и воспроизводящая ее в данном отношении конституция 29 мая 1874 года, признают равноправие языков лишь косвенно, об'являя „три главных языка Швейцарии — немецкий, французский и итальянский — национальными языками Союза“ (ст. 116 по конституции 1874 г.). Кроме того, конституция требует наличия в составе федерального суда представителей всех трех национальных языков (ст. 107). О личном „праве языка“ ничего не говорится. Кантоны признают у себя обычно два „государственных“ языка (немецкий и французский, немецкий и итальянский); в кантоне Граубюнден признается употребительным еще маленький язык „руманш“, или ретороманский [4]).

Но на практике из скромных постановлений союзной конституции выросло равноправие языков большее, чем в виденных бельгийском или

---

[1]) Исключением являлись Галиция и Приморская Земля (Триест), где, с целью поссорить русин с поляками и славян с итальянцами, языками внутреннего делопроизводства были сделаны польский и итальянский.

[2]) См. на русском языке Лаверсон, цит. соч., стр. 77 сл. о национальных школах, землеустроительном законодательстве и т. д. в связи с „персональным“ национальным началом и национальными кадастрами (переписями). Ср. там же стр. 163 сл.

[3]) В административных учреждениях и в общественной жизни шла бесконечная мелкая грызня из-за языков (вывески, надписи, бланки и т. п.).

[4]) Во всей Швейцарии считается около 68% швейцаро-немцев, 20% швейцаро-французов, 8% швейцаро-итальянцев, 1% (в действительности меньше) швейцаро-руманшей.

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТ. КРАСН. ПРОФЕССУРЫ №

австрийском примерах. Союзные законы в Швейцарии подготовляются на двух языках (немецком и французском), обсуждаются и публикуются на трех, при чем формально все три текста имеют равную силу. На практике, однако, швейцарские суды склонны считать итальянский текст только переводным (каким он и является в действительности).

Центральные учреждения в Берне ведут делопроизводство по-немецки и по-немецки же обычно пишут в кантоны (поскольку нет кантона, где немецкий язык не был бы государственным). Федеральные учреждения в иных местах пользуются языком большинства населения данной местности; французские и итальянские бумаги во всех федеральных учреждениях принимаются, откуда бы ни поступили, на равных основаниях с немецкими, без перевода; всякий гражданин, знающий лишь один язык, может потребовать ответа на своем языке. Необходимо сказать, что низшие агенты очень часто не знают трех языков, но везде, где такое знание практически серьезно нужно, оно имеется, и швейцарцы весьма заботятся об языковых удобствах населения: хотя ретороманский язык не признан национальным, но при референдумах вопросы и бюллетени печатаются также и на нем. Дети получают образование на родном языке [1]). В армии, построенной на территориальных началах, команда и обучение ведутся на языке данного округа, но офицеры обычно знают два из национальных языков (немецкий и французский или немецкий и итальянский).

Успех равноправия языков в Швейцарском Союзе об'ясняется, конечно, в значительной мере малым их количеством и давней привычкой населения, живущего на перекрестке главных европейских путей, к разнообразным говорам. Билингизм (свободное владение с детства двумя языками) встречается в Швейцарии очень часто. И это обстоятельство, конечно, облегчало факт, подчеркнутый у нас Лениным, что швейцарская демократическая федерация сумела создать у себя равноправие языков и тем очень ослабила национальный вопрос.

В период длительного „политического равновесия", наступивший в Европе с семидесятых годов, проблема равноправия языков практически до известной степени „стабилизировалась": в Австрии, в Бельгии, в Швейцарии вопрос перешел в плоскость обыкновенного, повседневного законодательства, основные линии которого указаны выше. В других странах незначительность иноязычных меньшинств (пример: албанцы и словены в Италии) или их давняя привычка к господству единого культурного языка (пример: баски, бретонцы, фламандцы и провансальцы во Франции) или, наконец, то и другое (пример: лопари в Швеции) позволяли правительствам держаться традиционной системы единого государственного языка, удобной для административных целей.

---

[1]) Высших федеральных школ нет. В кантональных университетах преподавание ведется или по-немецки или по-французски, глядя по преобладающему населению кантона.

При этом в громадном большинстве государств вопрос о языке обходился полным молчанием в конституциях[1]) и в сравнительно немногих затрогивался законодательством. В отношении к не государственным языкам господствовал „нейтралитет“, т.-е. допущение их в частной и общественной жизни, в частной школе и прессе (пример: Франция, Испания и др.).

Как своеобразные уклоны от этой линии надо отметить — с одной стороны Англию, с другой — Венгрию и Пруссию.

В Англии, после того, как с XIV века латинский и старо-французский языки вышли из употребления в законодательстве и к средине XVIII века в 1730 г. латынь была отменена в письменном судопроизводстве — официальным языком королевства является английский, за исключением Нормандских островов, где в силу старинной привилегии таким языком попрежнему считается старо-французский. Однако, в XIX столетии Англии пришлось встретиться в своим „заморских“ владениях со стремлениями сильных культурно и численно иноязычных групп к сохранению своего языка (Канада, Юго-Африка, Мальта). В этих случаях Англия после некоторой борьбы или признавала равноправие соперничающего с английским местного языка, следуя, в общем, швейцарскому образцу (Канада в 1867 г., Юго-Африка в 1906 и 1909 г.), или допускала местный язык в качестве официального в определенной сфере (на Мальте в 1914 г. итальянский язык в судах). В Индии практическая необходимость об'ясняться с населением побудила английское правительство обязать всех чиновников-европейцев знать по крайней мере один из главных местных языков (инди, урду, тамили); однако на практике внутреннее делопроизводство идет по-английски, и английский язык приобрел характер преимущественного языка, чему способствует огромная пестрота местных диалектов. — В общем, надо отметить, что какого-либо определенного единого принципа в языковом вопросе английское право не выдвигало, предпочитая свой излюбленный метод — конкретных решений от случая к случаю, гибкого приспособления, так характерного для „демократизированной“ Англии второй половины XIX века.

В полную противоположность этому законодательства Венгрии и особенно Пруссии заняли принципиальную и чрезвычайно жесткую позицию всемерного проведения и насаждения единого „государственного“ языка, в господстве которого было заинтересовано правящее дворянство этих двух стран, сохранивших до XX века феодальные традиции и грубо-цензовый строй. Наибольшее внимание обращалось при этом на мадьяризацию и германизацию школы, со всяческим затрудне-

[1]) Как любопытное исключение надо отметить постановления норвежской конституции в ее редакции 1878 г. о ведении государственных дел и издании законов на норвежском языке и запрете приема на государственную службу лиц, его не знающих (ст. ст. 33, 47, 81, 92). Причина — страх норвежской буржуазии и крестьянства (в эпоху унии со Швецией) перед наводнением администрации шведским дворянством. Постановления эти сейчас потеряли реальное значение.

нием (в Пруссии — запрещением) даже частного преподавания не на государственном языке. Устами Трейчке прусская политика выдвинула так называемую теорию Völkermord'a — умерщвления слабых и ненужных народностей — и проведенный под прусским влиянием имперский германский закон 19 апреля 1908 г. запретил употребление не немецких языков в общественных собраниях, если население, желающее говорить на другом языке, не составляет 60% общего числа жителей данной провинции: через 20 лет немецкий язык должен был получить исключительное употребление повсеместно. Излишне говорить, что подобные стеснения вызвали острую вражду национальных меньшинств как в Венгрии (немцы Бургенланда, отошедшего теперь к Австрии, румыны), так и в Пруссии (поляки, датчане, эльзасцы). Однако в Германии понадобился толчок мировой войны для отмены упомянутого выше постановления имперского закона 1908 г.

Следует сказать, что еще задолго до этого толчка даже в странах, нейтрально относившихся к „неисторическим языкам", стал замечаться среди малых народностей под'ем интереса к своему языку и литературе (бретонцы, фламандцы, провансальцы во Франции, каталонцы в Испании, исландцы в Датском королевстве, ирландцы в Англии и т. д.). Как указывалось выше, при изложении работы Мейэ, за последнее десятилетие быстро создается печать на ряде небольших языков: последние подготовляют себе, так сказать, литературную базу, ожидая момента начать юридическое наступление.

Этот момент представился с мировой войной.

Перемены, вызванные в публичном праве Западной и Центральной Европы глубоким потрясением мировой войны, явились в значительной мере возобновлением и расширением трех виденных нами тенденций революционной эпохи 1848 — 1870 гг.; в 1919 г. здесь скрещиваются и, как в новой германской конституции, причудливо сплетаются формальный демократизм и „принцип национальности" с социалистическими идеями. Социалистические республики Германии, Венгрии и некоторых прибалтийских стран (Литва, Латвия, Эстония), провозглашавшие у себя советский строй, оказались, однако, непрочными, в значительной мере благодаря воздействию держав - победительниц. Но победители тем энергичнее стремились выдвинуть начало формальной (не советской) демократии и прав национальностей, как своего рода устои „новой Европы" [1].

В результате по всей Западной Европе в 1919 — 1921 г. прокатилась волна введения всеобщего избирательного права, в большинстве случаев с распространением его на женщин и провозглашением в ряде новых „послевоенных конституций" права референдума и народной инициативы[2]; в то же время „принцип национальностей", под которым пони-

---

[1] Идеологическая связь германской конституции 1919 г. с „1848 годом" — в частности, с так называемой франкфуртской конституцией 28 марта 1849 г. — подчеркнута в германской литературе проф. Вальтером Еллинеком и не оспаривалась авторами конституции.

[2] См. Duguit. Traité de droit constitutionnel, II, p. 440 f., 476 f., 490; P. 1923.

малось право каждой нации на особую политическую организацию, был возведен в своего рода международный догмат, при чем его старались связать с идеей народного суверенитета французских революций 1789—1848 гг. [1]).

Водворение догмата, однако, наталкивалось на серьезное препятствие в виде чрезвычайной этнографической чересполосицы в Средней Европе. Создавая мелкие и национальные демократии, пришлось поэтому тотчас же подумать о защите вкрапленных в новые государства национальных меньшинств; в ряде международных договоров 1919—1921 гг. устанавливалось поэтому равенство граждан новых государств перед законом „без различия нации, языка и религии" и права национальных меньшинств на пользование своим языком „в пределах общих законов" на получение образования на родном языке и на развитие своей национальной культуры [2]). Типичны в этом отношении Версальский и Сен-Жерменский договоры 1919 г.; постановления последнего по данному вопросу воспроизведены чешско-словацкой конституцией 1920 г. (§§ 128—131), постановления первого частично отражены в польской (§§ 95, 109—113). Подробное изложение последовавшего затем языкового законодательства новых стран могло бы составить предмет особой работы [3]). Здесь, в связи с преследуемой общей задачей указания характерных моментов и примеров (§ выше, в конце), достаточно будет подчеркнуть следующие два обстоятельства: 1) на первый план во многих новых государствах выдвинулись языки большинства населения, считавшиеся до того крестьянскими, деревенскими, „не историческими"; 2) гарантии национальных меньшинств при этом почти всюду строились по образцу прежнего австрийского права, часто ухудшенному.

Первое из указанных обстоятельств об'ясняется как выходом на политическую сцену крестьянских масс, взбудораженных войной и получивших избирательный голос, так и стремлением новых правительств найти опору именно в зажиточных слоях крестьянства; второе обстоятельство — подражание Австрии — находит себе об'яснение в возникновении новых государств (Чехии, Юго-Славии, частью Польши) на развалинах Австрийской империи и в том факте, что австрийские государствоведы перед мировой войной считались, так сказать, экспертами по языковому праву.

---

[1]) Duguit, op. cit, I, стр. 412; II, стр. 62. Дюги лично относится к данному „догмату" отрицательно.

[2]) См. Лист-Грабарь. Международное право, 1926, стр. 189 и указанную там литературу, особенно Brun. Le problème des minorités devant le droit international, P. 1923; ср. International Law Association, Reports of 33 conference London, 1925, доклады Loewenfeld und Rücksер. Minoritätenschutz, и Heyking. The imperative consolidation of the minorities right.

[3]) См. Bordihn. Das positive Recht der nationalen Minderheit, eine Sammlung der wichtigsten Gesetze und Entwürfe, B. 1921; Landauer, G. Das geltende judische Minderheitenrecht, B. 1924; Wolzendorff. Grundgedanken des Rechts der nationalen Minderheit, B. 1921; специально о Чехии — Bulletin de droit tschecoslovaque, 1927, № 1—2; о Польше Cybichowski, Polskie pravo państwowe (1925), I, 75—79.

Таким образом, излюбленная австрийская теория „национально-персональной автономии" меньшинств довольно неожиданно получила осуществление в Литовской республике, где к идее национального личного союза сочувственно отнеслись местные еврейские круги, в частности „Бунд", и где при проведении ее были использованы еврейские религиозно-общинные организации [1]).

Но вместе с тем литовская конституция, признавая за „меньшинством" право своей школы и развития своего языка, выдвинула в качестве государственного языка — литовский (§ 6), насаждаемый на практике достаточно жестко.

Равным образом, другие молодые конституции и законодательства превратили скрытое преимущество одного языка австрийского старого права прямо в язык „официальный" (Юго-Славия, Румыния, Чехия) или „государственный" (Австрия, Эстония), сохраняя иногда за меньшинством право пользования своим языком в публичной школе (Юго-Славия), в религиозных, культурных и благотворительных учреждениях (Польша), в школе и администрации в известных условиях (Эстония, Литва), в школе, администрации и суде (Польша, Чехия, Германия) [2]).

Наиболее далеко идет чешское и германское право; первое из них, по замечанию проф. Плетнева, произвело простую замену немецкого языка в австрийском законодательстве чешским языком; при этом употребление „местных" языков допущено в суде и администрации районов, где иноязычные меньшинства составляют не менее 10% населения. В школах национальных меньшинств обучение ведется на их языке, с обязательным преподаванием государственного (это применяется и в других странах). Языком армии является чешский. Следует еще отметить, что словацкий язык не считается особым от чешского языка и что автономная область Прикарпатской Руси имеет de jure свой официальный язык — русинский или угро-русский.

Германская конституции 11 августа 1919 г. в своей статье 113 постановляет: „иноязычные части населения державы не должны быть стесняемы законодательными и административными мерами в их свобод-

---

[1]) Конституция Литовского государства, 1 авг. 1922 г., ст. 73 и 74 (автономное упорядочение дел, касающихся национальной самобытности — просвещения, благотворительности и самопомощи; избрание национальными меньшинствами особых представительных органов с правом обложения сочленов меньшинств особыми налогами, утверждаемыми, однако, в законодательном порядке). Организация и налоговые права еврейских национальных советов определены были еще ранее законом 10 января 1920 и инструкцией к нему 29 марта 1920 г. (у Ландауэра, стр. 111—113).

[2]) См. к этому конституцию Юго-Славии (Сербо-Хорвато-Словении) 28 июня 1921 г., ст. 3, 16, 72; Румынии—28 марта 1923 г., ст. 126; Австрийской республики—1 окт. 1920, ст. 8; Эстонской республики—15 июня 1920 г., ст. ст. 5, 12, 22, 23; Польской республики 17 марта 1921 г., ст. ст. 95, 109, 110 (в ст. 109—идея персональной автономии); Литвы—1 авг. 1920, ст. 6, 73 и 74; Германии 11 авг. 1919 г., ст. 13; Чешско-Словацкой республики—29 февраля 1920 г. §§ 4, 129—131 и закон о языке от того же числа, русский перевод которого дан в „Материалах НКЮ", 1921, вып. X; переводы конституций у Дурденевского. Послевоенные конституции Запада, 1914, I и II.

ном национальном развитии, в особенности в употреблении их родного языка в преподавании, внутреннем управлении и в суде". Поскольку „иноязычные части" населения имеются лишь в Пруссии в виде нескольких кашубских и вендских (лужичанских) деревенских округов, быстро теряющих свой язык, ст. 73 новой прусской конституции 1920 г. предложила провинциальным ландтагам урегулировать вопрос обязательными постановлениями. § 176 общегерманского судебного устава, предписывающий судоговорение на немецком языке, остается без дополнений [1]).

В итоге, хотя субъектом прав языка в новых законах послевоенной Европы выступают группы — „меньшинства", дело сводится к личному „праву языка" гражданина в очень ограниченной форме, как и в прежней Австрии, и, пожалуй, в форме практически даже более ограниченной [2]). Даже в Литве, где национальные „группы" особо сорганизованы, это обстоятельство не дало существенных результатов. Шовинистически настроенные руководящие круги новых государств усиленно проводят курс на единство языка.

Некоторым исключением представляются Ирландия и Финляндия, в новых конституциях которых идея равноправия языков провозглашена по швейцарскому образцу — с перечислением равноправных национальных или официальных языков.

В Ирландском свободном государстве „национальным" языком признан ирландский, наряду с которым „официальным" признается английский. Обыкновенное законодательство регулирует вопрос для округов, где употребителен только один язык (идея национального округа). Законы издаются на двух языках, при чем аутентичны текстом считается подписанный представителем короля (конституция 5 декабря 1922 г. § 4 и 42).

Поскольку в Ирландии почти нет людей, не знающих по-английски и, наоборот, очень небольшой процент крестьян и националистической интеллигенции знают по кельто-ирландски, вопрос не обещает больших практических затруднений. Нельзя, однако, не отметить, что ирландское правительство и так называемая „гаэльская лига" по изучению ирландского языка делают большие усилия по распространению этого языка в школах; здесь налицо пример своего рода омоложения или гальванизации угасавшего древнего языка на почве сложившейся вражды ко всему не-ирландскому [3]). Трудно сказать, насколько при этих условиях равноправие языков удержится.

---

[1]) Meissner. Das Staatsrecht des Reichs und seiner Länder, B. 1923.

[2]) В интересной статье Fouques-Duparc „L'état de la protection des minorités" — Revue de droit international, 1923, № 4—5, стр. 410, указывается, что права меньшинств дают по Чехии, Польше и др. очень „печальный итог". В особенности, надо заметить, это верно для языкового вопроса.

[3]) Другим любопытным почти экзотическим примером гальванизации языка является признание официальным языком Палестины наряду с арабским и английским,— древнееврейского, согласно палестинской конституции 1922 г. См. Гуревич. Сирия, Палестина, Месопотамия. М. 1925.

В Финляндии равноправными признаны два „национальных языка“ — шведский и финский, чем закончена длительная юридическая борьба между ними, тянувшаяся с 1824 г. и обострившаяся с 1 августа 1863 г., когда русское правительство, преследуя цель создания раскола между шведами и финнами, об'явило финский язык вторым государственным языком Финляндии во всех вопросах, непосредственно касающихся финского населения, и установило 20-летний срок для его введения в государственный аппарат. Акт этот финскими юристами считался неконституционным, но, отвечая интересам финской массы деревенского населения, остался в действии, оброс рядом административных распоряжений и в 1920 г. вошел в конституцию в расширенной формулировке [1]). При этом финны сочли нужным несколько развить основной принцип и сделали это на манер скорее бельгийского, чем швейцарского законодательства. Конституция устанавливает (§ 14) „право финляндских граждан употреблять в судах и перед администрацией их родной язык, финский или шведский, и получать бумаги и решения на этом языке. Законы и указы правительства подготовляются и публикуются на обоих языках (§ 22), что указывает на аутентичность обоих текстов. В армии командный язык — финский, но обучение ведется на родном языке солдат, и в армии выделяются шведские и финские по составу части (§ 75). Своеобразной особенностью является требование сообразоваться при проведении административного деления с национальным составом населения: административные единицы должны быть сколь возможно одноязычными (§ 50): здесь вновь выдвинута идея национального округа, не персональной, а территориальной национальной автономии, которая и была полностью осуществлена в автономизации Аландских островов, населенных шведами. Однако мелким национальным группам — русских, лопарей — не предоставлено никаких прав, подобных правам швейцарских руманшей.

* * *

Подводя итог сказанному в предыдущих §§, мы можем выставить следующие положения: 1) Европа находится сейчас в стадии усиленной языковой дифференциации, об'ясняемой глубоким социальным воздействием новой экономики и техники, а также печати. 2) Происходящая под тем же воздействием общая политическая демократизация выдвигает в странах с разноплеменным населением проблему равноправия языков в государственной и общественной жизни. 3) В праве послевоенных государств Запада идея широкого равноправия языков заменяется ограниченными „правами родного языка“; старые конституции буржуазно-революционной эпохи — бельгийская и швейцарская — идут в этом отношении дальше большинства новых.

Взглянем теперь на положение вопроса в колоссальной системе советских государств, возникшей после крушения в мировой войне бывшей русской империи.

[1]) См. Setälа. La lutte des langues en Finlande, Paris 1920, стр. 12 сл.; в Финляндии считают теперь 85% финнов и 13% шведов.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Равноправие языков в советской системе. До-союзный период

§ 9

В государственном строе советских республик проблема равноправия языков получает чрезвычайно серьезное значение и широкую постановку. Причины этого носят частью бытовой (социальный), частью политический характер.

Обращаясь к первым, мы видим, что теперешний Советский Союз является страной: а) в огромной своей части деревенской, б) многоязычной и в) разнокультурной. Еще сто лет назад Пушкин шутливо отождествлял Русь и „rus“ (по-латыни: деревня) и, подчеркивая ее племенную пестроту, писал:

„...назовет меня всяк сущий в ней язык:
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикий
Тунгус, и друг степей калмык“.

Но и в настоящее время на 10 человек населения страны приходится круглым счетом полтора горожанина, а известные таблицы Славинского и Лазерсона показывают все ту же пестроту этнографического состава: мы находим здесь двадцать две национальности — целый алфавит от армян до якутов,— обитающих на территории бывшей империи и имеющих свою литературу и письменность [1]). Отпадение в мировой войне ряда окраин мало изменило картину, так как, с одной стороны, на территории Советского Союза остались, напр., значительные группы молдаван и латышей, с другой — выдвинулись новые национальности, которые не отмечены указанными авторами (карелы). Стоит заметить, что среди оставшихся более крупных народностей имеют самостоятельную и недавнюю политическую историю сравнительно немногие — главным образом великороссы, украинцы, грузины, узбеки.

Поскольку выше мы видели (§§ 6 и 8), что проблема равноправия языков в настоящее время в значительной мере связана с выступлением

[1]) Славинский. Национальная структура России и великороссы, в сборнике „Формы национального движения“, СПБ. 1910 и Лазерсон. Национальность и государственный строй П. 1918, стр. 49; ср. еще Трайнин, И. П. СССР и национальный вопрос. М. 1924, стр. 5 (со ссылкой на Славинского) и стр. 56 (данные на 1924).

на арену цивилизации малых „неисторических“ и часто „деревенских“ языков — выступлением, обусловленным общей технической и политической демократизацией; поскольку революция 1917 г. была проведена громадными крестьянскими массами под руководством пролетарского авангарда; поскольку, наконец, по формуле Сталина, „классовая сущность национального вопроса в России состоит в определении правильных взаимоотношений между пролетариатом бывшей державной нации и крестьянством бывших угнетенных национальностей“ [1]) — становится совершенно ясным, что в советской демократии „языковый вопрос“ должен был стать чрезвычайно настоятельно. При этом очень значительные трудности для его решения создаются множественностью языков: в двуязычной Финляндии или в трех‘язычной Швейцарии — технические препятствия по осуществлению равноправия языков несравненно меньше, чем в стране, для лингвистической карты которой не хватает всех цветов радуги.

Надо еще прибавить большую разницу в численном об‘еме и культурном уровне советских народов. По указанию Г. И. Бройдо в 1924 г. из 135 миллионов населения Союза „свыше 70 миллионов (больше половины) приходится на великороссов“ [2]). Из 65 миллионов, приходящихся на иные национальности, необходимо отметить Украину, Белоруссию, незначительную часть Азербейджана и Армении, которые в той или иной степени прошли этап промышленного капитализма. Эти национальности представляют собой приблизительно около 35 миллионов.

На ряду с этим мы имеем целый ряд народов, как то: узбеки, большая часть азербейджанских тюрков, татары, башкиры, которые совершенно не прошли эпохи промышленного капитализма, среди которых имеются зачатки капитализма лишь в форме торгового капитала.

Далее мы имеем до 15 миллионов населения таких национальностей, хозяйство которых состоит в зачатках земледельческой культуры, которые сейчас переживают переходную эпоху от кочевого состояния к оседлому с пережитками родовой организации. Таковы киргизы, ингуши, чеченцы, балкарцы, калмыки, ойраты, туркмены. Наконец, мы имеем целый ряд племен, стоящих на еще более низкой ступени развития, как например, северо-сибирские племена [3]).

---

[1]) Сталин. Национальные и классовые моменты. 1923.

[2]) У Трайнина. СССР и национальный вопрос, М. 1924,—мы имеем две „массивных“ группы — великороссов (71.345.615 чел.) и украинцев (23.584.289 чел.), далее 5.561.444 киргиз, 5.141.607 тюрков и татар, 3.306.698 белоруссов и ряд более мелких групп.—Стоит заметить, что в 1897 г. великороссов считали 55 с небольшим миллионов, или 43% населения (сейчас 52%). Значительное относительное увеличение можно об‘яснить отпадением ряда былых окраин (Польша, Литва) и меньшей смертностью, чем среди восточных народов. К сожалению, я не имею еще в своем распоряжении полных цифр новейшей переписи, не законченных обработкой; эта оговорка относится и к позже приводимым данным, источник которых всегда указывается.

[3]) Бройдо. Национальный и колониальный вопрос. 1924, стр. 85.

* * *

Приведенных данных достаточно, чтобы выявить социальную глубину и вместе социальную неизбежность языковой проблемы в государственном строе советских республик.

Решение большого вопроса приходилось ставить широко; широта этой постановки усиливалась, по закону контраста, политическими мотивами — стремлением возможно полнее порвать с национальной „обрусительной“ политикой старого режима.

Эта политика оставила по себе самые неприятные воспоминания, в частности, в языковом вопросе, где в ней приходится констатировать своеобразную двойственность мер, направленную, однако, в существе, к одной цели.

Там, где желательно было вызвать соперничество между местными национальностями или было необходимо считаться с требованиями местных влиятельных кругов — законодательство эпохи империи нередко проводило акты довольно либерального характера; но при первой возможности оно возвращалось к насаждению единого государственного языка, не смущаясь противоречиями [1]).

Так, с одной стороны, мы видим заботу о правах латышского языка в местном управлении Прибалтийского края (против немецкого влияния), прав финского языка в Финляндии (против шведского влияния), или права финнов, лопарей и норвежцев Мурманского берега подавать заявления на их языке (против шведов), видим провозглашение в 47-й, позже 67-й статье Основных законов права употребления родного языка при богослужении (уступка влиятельным иноверческим кругам с XVIII века — 21 апр. 1785 г.) [2]).

С другой стороны, законодательство империи с 70-х годов начинает ожесточенную борьбу с местными языками „западного пояса“ — польским, литовским и особенно украинским, не останавливаясь перед запретом печатания священных и богослужебных книг по-украински и литовским латинским шрифтом [3]). Трения между немцами и латышами, финнами и шведами в Прибалтике и в Финляндии используются для выдвигания значения русского языка (в Финляндии 20 янв. 1912 г.); в Бессарабии молдавский язык допускается лишь в виде „переводов“, параллельных русскому.

В отношении восточных национальностей техническое незнание администрацией их языков и, обратно, незнание ими русского языка

---

[1]) См. у Колесникова. Право родного языка, „Вопросы адм. права“, 1916; Алексеев, П. И. Национальность и право, „Вестник права и нотариата“, 1912 № 12.

[2]) См. Свод Законов, неоф. изд. Добровольского, 1913, т. I, Осн. Зак. ст. 67; т. II, Общ. Учр. Губ., прил. к ст. 81 примеч.; о Финляндии — цитир. выше работу Сетеля.

[3]) Об этом законодательстве подробно у Колесникова, цит. соч., стр. 101—104. Лазерсон, цит. соч. стр. 121, 126, 129. У Колесникова же о школьном праве, Лазерсон на стр. 129 дает „секретный“ антиукраинский указ 18 мая 1876 г.; ср. еще Чарнолуский, В. Основные вопросы организации школы в России, 1912 г., гл. XIII.

побуждает допускать на практике употребление местных языков в шариатских судах и „степных думах“; но вместе с тем еще законами 1833 и 1848 г. подчеркнуто официальное предпочтение русского языка характерным для сословного строя требованием, чтобы дворяне из татар и грузин, выбираемые на дворянские должности, знали русский язык[1]).

В области школьного дела господствовал русский язык, при чем небольшие из'ятия делались для преподавания некоторых предметов в низшей и частной средней школе в Польше, для чтения и письма на местных языках на Кавказе, для религиозного обучения и для школ немецких колоний в Поволжьи и под Одессой, где основное обучение велось по-немецки (несколько иностранных школ были допущены в столице); вообще языковые интересы немецких меньшинств в Прибалтике и Поволжьи, равно как немецкого купечества столиц, учитывались довольно внимательно: любопытным примером является требование закона 25 июня 1832 года, отмененное лишь 23 марта 1912 г. о печатании публикации о банкротствах в „Сенатских Об'явлениях“ по-русски и по-немецки[2]).

Революция 1905 г. заставила снять ряд специальных ограничений украинского, польского и литовского языков; но в общем и целом законодательство осталось на точке зрения единого языка, отчетливо выраженной в ст. 3 Основных Законов 23 апреля 1906 г.:

„Русский язык есть язык общегосударственный и обязателен в армии, во флоте и во всех государственных и общественных установлениях. Употребление местных языков и наречий в государственных и общественных установлениях определяется особыми законами“.

Подчеркнутое мною неясное выражение „общественных“ давало практике повод требовать русского языка в делопроизводстве и собраниях частных обществ, вывесок на русском языке на улицах (городское общество) и т. д. Правила 1906 г. о печати устанавливали для газет и журналов не на русском языке затрудненные условия выпуска. Для спектаклей не на русском языке в Польше и в Западном Крае требовалось особое разрешение[3]). Из'ятиями в пользу местных языков, кроме упомянутых выше, являлось, напр., допущение их в мировом суде Холмщины (1912 г.), гминных судах Польши и низших судах Прибалтики, если стороны не понимают русского языка, с обязательным, однако, русским письменным производством. И лишь мировая война побудила чрезвычайным указом 17 марта 1915 г. допустить польский и отчасти литовский языки в городском управлении Царства Польского; практически это из'ятие не получило силы, так как Польша была занята германцами. Таким образом, к 1917 г. языковая проблема оставалась в России „совершенно неразрешенной“[4]).

---

[1]) См. Свод. Зак., т. IX. Зак. Сост. ст. 189 и 190.

[2]) См. Свод. Зак., т. XI., ч. 2. Уст. Суд. Торг., ст. 413 (изд. 1903 г.).

[3]) Свод. Зак., т. XIV, Уст. Ценз., ст. 83 и 114, прил., § 17.

[4]) Плетнев. Законодательство о языках в многонациональном государстве, „Право и жизнь“, 1922, № 2.

Почти излишне прибавлять, что „жесткость“ языкового законодательства и соответствовавшая ей практика администрации немало содействовали накоплению того национального озлобления, которое в 1917—18 году выразилось в отпадении от былой империи „западного пояса“ и в сильном сепаратистском движении на Украине и на Кавказе.

„Указ Временного Правительства 21 марта 1917 года не внес в разрешение вопроса о равноправии языков ничего нового“ (Плетнев), точнее сказать, что он не внес ничего позитивного, ограничившись голой отменой вероисповедных и национальных ограничений старого права.

Временное правительство, стремясь всячески к сохранению распадавшегося государства, отвергая при этом идею федерации, с трудом соглашаясь на автономию Украины, признавая независимость Польши и отрицая ее за Финляндией,—заняло в национальном вопросе крайне неясное, противоречивое и трудное положение. Проект „об употреблении местных языков“, подготовленный к осени 1917 года, предполагался как „хартия национальных вольностей“ (Лазерсон), но содержал в себе лишь признание прав всех народностей на самоуправление и составленные по австрийскому образцу рамки употребления местных языков, „впредь до издания по сему предмету закона учредительным собранием“. Главной оригинальной чертой проекта было предоставление определения местных языков органам местного же краевого „автономного управления“ и самоуправления; в остальном австрийское влияние очень заметно: гражданам предоставлялось право сношений с местными учреждениями на местных языках; различалось „внешнее“ и внутреннее делопроизводство, сохранялось преимущественное употребление „общегосударственного“ языка в армии, почте и законодательстве.

Сильнейшее австрийское влияние сказалось и в другом мертвом памятнике этой эпохи—в так называемом законе 9 января 1918 г. украинской националистической рады, — выявившем попытку „автономизации наций“ на персональном начале и также не получившем реального применения. Оба названные текста остались в свое время почти незамеченными вне круга специалистов[1]). Но между ними и над ними лег третий текст, получивший огромное значение: это была Декларация прав народов России — декрет Совета Народных Комиссаров 2 ноября 1917 г. — первый и основной акт советского строя по национальному вопросу, подписанный Лениным и Сталиным.

§ 10

Центральной идеей Декларации прав народов России является право полного национального самоопределения, — начало, принятое программой руководящей партии (тогда социал-демократов большевиков) и одобренное на первом и втором всероссийских С'ездах Советов, еще при временном правительстве и непосредственно после его свержения.

---

[1]) Напечатаны у Лазерсона, цит. соч., приложения.

„С'езд Советов", — читаем мы в Декларации, — в июне этого года провозгласил право народов России на свободное самоопределение [1]).

Второй С'езд Советов в октябре этого года подтвердил это неот'емлемое право народов России более решительно и определенно [2]).

Исполняя волю этих С'ездов, Совет Народных Комиссаров решил положить в основу своей деятельности по вопросу о национальностях России следующие правила:

1. Равенство и суверенность народов России.

2. Право народов России на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства.

3. Отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений.

4. Свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России.

Вытекающие отсюда декреты будут выработаны немедленно после конструирования комиссии по делам национальностей" [3]).

Декларация в сжатой форме предуказывает обе линии, по которым развивалась национальная политика советской власти—создание каждой из свободных наций России „своей" политической организации (п. 1 и 2), откуда возникла проблема советского федерализма, уже значительно разработанная в литературе, и свободное беспрепятственное культурное развитие всех меньшинств и даже этнографических групп, — „становящихся наций" (Бройдо),—откуда возникла интересующая нас проблема равноправия языков [4]).

Надо признать, конечно, что прямых лозунгов федерирования наций и равноправия языков Декларация 2 ноября 1917 г. еще не дает; ее формулы „самоопределения" и „свободного развития" эластичны — даже может быть слишком (в свое время Сталин говорил о „расплывчатости" термина „самоопределение" социал-демократической программы); но содержание этих формул определенно и четко было намечено Лениным

---

[1]) Ср. пост. I С'езда (13—24 июня 1917 г.) по украинскому вопросу.

[2]) Ср. декрет II С'езда 28 октября 1917 г. о мире.

[3]) Позже „комиссариата"; эти два термина в первых №№ Советского Собрания Узаконений 1917 г. часто отождествляются. Декларация опубликована в № 4 „Газеты Временного, Рабочего и Крестьянского Правительства" (3 ноября) и в № 2 „Собрания Узаконений" под ст. 18. При переиздании эта статья была „исключена", что следует считать ошибкой (ниже, § 11).

[4]) См. о советском федерализме: Рейхель, М. О. СССР, X. 1925. Магеровский, Д. А. СССР, М. 1923; Гурвич, Г. С. Принципы автономизма и федерализма в советской системе, М. 1924; Котляревский, С. А. СССР и союзные республики, М. 1924. Архиппов, К. А. Советские автономные области и республики, 1925. Крылов, С. Б. Основные моменты в процессе развития советского федерализма, „Советское Право", 1924, № 5; Турубинер, А. М. Очерки государственного устройства СССР, М. 1925; Ананов, И. Н. Очерки советского федерального управления, М. 1925; Алексеев, П. И. Союз республик. „Записки Саратов. ун-та", 1924 и др. (указания у Крылова).

в его статьях 1910—1916 г.[1]). Основные мысли этих статей здесь следует напомнить:

„Развивающийся капитализм,—писал Ленин,—знает две исторические тенденции в национальном вопросе. Первая: пробуждение национальной жизни и национальных движений, борьба против всякого национального гнета, создание национальных государств. Вторая: развитие и учащение всяческих сношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т. д.

Обе тенденции суть мировой закон капитализма. Первая преобладает в начале его развития, вторая характеризует зрелый и идущий к своему превращению в социалистическое общество капитализм. С обеими тенденциями считается национальная программа марксистов, отстаивая, во-первых, равноправие наций и языков, недопустимость каких бы то ни было привилегий в этом отношении (а также право наций на самоопределение, о чем ниже особо), а во-вторых, принцип интернационализма и непримиримой борьбы против заражения пролетариата буржуазным национализмом, хотя бы и самым утонченным“ [2]).

„Принцип национальности исторически неизбежен в буржуазном обществе и, считаясь с этим обществом, марксист вполне признает историческую законность национальных движений... Прогрессивно пробуждение масс от феодальной спячки, их борьба против всякого национального гнета, за суверенность народа, за суверенность нации. Отсюда безусловная обязанность для марксиста отстаивать самый решительный и самый последовательный демократизм во всех частях национального вопроса. Это—задача, главным образом, отрицательная. А дальше ее итти в поддержке национализма пролетариат не может; ибо дальше начинается „позитивная“, положительная деятельность буржуазии, стремящейся к укреплению национализма“ [3]).

„Для борьбы с язвой национализма во всех ее формах очень важное значение имеет проповедь права на самоопределение“ [4]).

„Право на самоопределение“ означает такой демократический строй, в котором бы не только вообще была демократия, но специально не могло

---

[1]) См. к этому Рейхель, цит. соч. стр. 5 и 17; речь Сталина на X с'езде РКП; ср. Трайнин. СССР и национальный вопрос, 1923, стр. 16—19. Подробно о взглядах Ленина на национальную проблему см. книгу Равича-Черкасского „Ленин и национальный вопрос“. Харьк. 1924 и ряд брошюр и журнальных статей, указанных в „Ленинциане“ Владиславлева, М. 1926; „Избранные статьи Ленина по национальному вопросу“ отдельно изданы Товстухой, Л. 1925.

[2]) Ленин. Собрание сочинений, т. XIX (1924), стр. 46 (разрядка моя). Одним из самых утонченных видов национализма Ленин считает—и потому отвергает — национально-персональную, или, как он называет, „культурно-национальную автономию“ (стр. 52, 53, 70, 73, 74, 91) с ее стремлением „конструировать национализм“; ср. с другой стороны возражения на стр. 67 против крайностей национально-территориальной программы.

[3]) Там же, стр. 79 (разрядка подлинника).

[4]) Там же, стр. 75.

быбыть недемократического решения вопроса об отделении. Демократия, вообще говоря, совместима с воинствующим и угнетательским национализмом. Пролетариат требует демократии, исключающей насильственное удержание одной из наций в пределах государства". Но при этом „пролетариат ограничивается отрицательным, так сказать, требованием признания права на самоопределение, не гарантируя ни одной нации, не обязуясь дать ничего на счет другой нации" [1])

„Право на самоопределение наций означает исключительно право на независимость в политическом смысле, на свободное политическое отделение от угнетающей нации. Конкретно, это требование политической демократии означает полную свободу агитации за отделение и решение вопроса об отделении референдумом отделяющейся нации. Таким образом это требование вовсе не равносильно требованию отделения, дробления, образования мелких государств. Оно означает лишь последовательное выражение борьбы против всякого национального гнета. Чем ближе демократический строй государства к полной свободе отделения, тем реже и слабее будут на практике стремления к отделению, ибо выгоды крупных государств и с точки зрения экономического прогресса и с точки зрения интересов массы несомненны, при чем они все возрастают с ростом капитализма. Признание самоопределения не равносильно признанию федерации, как принципа. Можно быть решительным противником этого принципа и сторонником демократического централизма, но предпочитать федерацию национальному неравноправию, как единственный путь к полному демократическому централизму. Именно с этой точки зрения Маркс, будучи централистом, предпочитал даже федерацию Ирландии с Англией насильственному подчинению Ирландии англичанам.

Целью социализма является не только уничтожение раздробленности человечества, не только сближение наций, но и слияние их" [2]).

Ленин подчеркивает, что при перестройке капитализма в социализм „возможность" исчезновения национального вопроса превратится в „действительность" только если считаться даже с „симпатиями" населения при определении соответственных границ; и он ссылается на Энгельса, который указывал (в брошюре Рейн и По"), что границы наций определяются „языком и симпатиями населения" в эпоху прогрессивного капитализма [3]).

Язык играет, таким образом, видную роль в национальном вопросе, и поскольку „язык есть важнейшее средство человеческого общения", его единство и „беспрепятственное развитие" для каждой нации представляется Ленину существенным условием общественного развития эпохи [4]).

---

[1]) Там же, стр. 111 (разрядка подлинника).

[2]) Там же, стр. 171; ср. еще 199—об относительном значении начала самоопределения и 204—о слиянии всех наций, как цели.

[3]) Там же, стр. 183—185.

[4]) Там же, стр. 98.

Но как быть в многонациональном государстве? Необходимо ли тут „единство языка для всего политического целого“, нужен ли обязательный государственный язык?

Ленин определенно признает, что экономически единство языка есть положительное и растущее явление, но он столь же определенно высказывается против юридического принуждения в данном вопросе.

„Одна из самых распространенных в России либеральных газет „Русское Слово“, — пишет Ленин в 1913 г., — делает тот справедливый вывод, что враждебное отношение в России к русскому языку происходит исключительно вследствие искусственного (надо было сказать: насильственного) насаждения русского языка“. Соглашаясь с этим, Ленин полагает, что русский язык будет поддерживаться потребностями экономического оборота, которые всегда будут толкать живущие вместе национальности к изучению языка большинства, „наиболее удобного для общих торговых сношений“. Но он не согласен с выводом „Русского Слова“, что в таком огромном государстве, как Россия, должен быть один общегосударственный язык.

Ссылаясь на пример Швейцарии, Ленин настойчиво требует „полного равноправия в отношении языков“, отказываясь при этом от всяких привилегий и всякой исключительности, в частности, в области школы [1]). „Мы, разумеется, стоим за то, чтобы каждый житель России имел возможность научиться великому русскому языку.

Мы не хотим только одного: элемента принудительности. Мы не хотим загонять в рай дубиной. Ибо, сколько красивых фраз о „культуре“ вы ни сказали бы, обязательный государственный язык сопряжен с принудительным вколачиванием. Мы думаем, что великий и могучий русский язык не нуждается в том, чтобы кто бы то ни было должен изучить его из-под палки. Мы убеждены, что развитие капитализма в России, вообще весь ход общественной жизни ведет к сближению всех наций между собою. Сотни тысяч людей перебрасываются из одного конца России в другой, национальный состав населения перемешивается, обособленность и национальная заскорузлость должны отпасть. Те, кто по условиям своей жизни и работы нуждается в знании русского языка, научится ему и без палки“.

Наоборот, принудительность только „обострит вражду, создаст миллион новых трений, усилит раздражение, взаимонепонимание и т. д.“.

„Вот почему русские марксисты говорят, что необходимо отсутствие обязательного государственного языка, при обеспечении населению школ с преподаванием на всех местных языках и при включении в конституцию основного закона, об'являющего недействительными какие бы то ни было привилегии одной из наций и какие бы то ни было нарушения прав национального меньшинства“ [2]).

---

[1]) Там же, стр. 39, 57 – 59, 84.

[2]) Там же, стр. 90.

Этим путем может быть достигнуто „возможно более тесное общение“ наций и столь же мирное (сравнительно) сожительство, как в Швейцарии [1]).

* * *

Я считал необходимым дать вышеприведенный ряд выписок из разрозненных статей и заметок Ленина, так как именно в них набросана программа, выдвинутая в Декларации прав народов России, и дан, так сказать, предварительный комментарий к этой Декларации.

И равным образом за 4 года до издания Декларации Сталин—второй из подписавших ее—в специальном систематическом очерке по национальному вопросу резюмирует основные линии национальной политики марксизма следующим образом:

„Полная демократизация страны, как основа и условие решения национального вопроса“, „право самоопределения“ и (для наций, которые по тем или иным причинам предпочитают остаться в рамках целого)—„областная автономия“, наконец, „национальное равноправие во всех видах (язык, школы и проч.), как необходимый пункт в решении национального вопроса“. Гарантии такого равноправия должен установить „общегосударственный закон, данный на основе полной демократизации страны и запрещающий все без исключения виды национальных привилегий и какое бы то ни было стеснение или ограничение прав национальных меньшинств“ [2]).

§ 11

Такова программа, подлежавшая осуществлению в декретах, вытекающих из 4-х лаконических пунктов Декларации прав 2 ноября 1917 года.

Легко видеть, что в первоначальном замысле эта программа носит, прежде всего, „отрицательный“, по определению Ленина, характер,—отвергая все и всяческие привилегии и неравенства; но поскольку в ней имеется требование равноправия и свободного развития (в частности, языков)—она неизбежно должна была перейти к положительному решению целого ряда сложных и трудных вопросов, в том числе вопроса о языке преподавания в национально-чересполосных местностях, о языке суда, о том значении, которое наиболее распространенный язык чисто технически приобретает не только в торговом обороте, но и в работе государственного аппарата (немецкий в Швейцарии) и т. д.

Условия разрешения языкового вопроса были в советской России в 1918—1919 г. исключительно трудны: большая часть страны была охвачена огнем вооруженной борьбы; на Украине и Кавказе господствовало самостийничество, всемерно стремившееся к насаждению своих

[1]) Там же, стр. 84; ср. еще стр. 41 — примеры решения национального вопроса: „Швейцария в Западной Европе—страна старой культуры—и Финляндия в Восточной Европе—страна молодой культуры“.

[2]) См. Сталин. Марксизм и национальный вопрос, passim (по сборнику статей 1920 г., стр. 1—79), резюмирующие пункты на стр. 71—73. В той же работе, стр. 7, дано получившее сейчас широкое распространение определение нации: „исторически сложившаяся устойчивая общность языка, территории, экономической жизни, психического склада, проявляющихся в общности культуры“.

обязательных государственных языков (на Украине—украинский язык был особенно выдвинут директорией, но считался государственным уже при правительстве рады и гетмана); на-ряду с этим очень быстро выявляется отсутствие у некоторых малых народностей своей письменности, своей азбуки [1]) и применение другими технически трудного и несовершенного арабского письма и правописания; сразу же встает громадный вопрос о выборе между латинским, русским и арабским шрифтами, обсуждавшийся уже на первом совещании по просвещению народностей нерусского языка в 1919 г. и разрешенный в пользу латинизации в 1926 г. на тюркологическом с'езде в Баку [2]). При этом обнаруживается, что если насаждавшийся при старом режиме чиновниками и особенно миссионерами русский шрифт вызывает по старой памяти отрицательное отношение, то, с другой стороны, неудобный и очень дорогой арабский шрифт пользуется, в силу религиозной традиции, большими „симпатиями" мусульманских народов. (Коран написан по-арабски). Попытки реформировать арабское правописание и письмо, поспешно начатые национальной интеллигенцией в Поволжьи и Туркестане, еще осложняют дело, приводя иногда к большим трудностям: в Татарии, напр., после реформы арифметические действия идут слева направо, тогда как основное письмо ведется справа налево, по традиции.

Вместе с тем наблюдается тяготение ряда национальных деятелей Востока к культурной автономии в школе, и „стремление во что бы то ни стало консервировать и развивать свой родной язык до бесконечности, лишь бы получилась стройная, геометрически-завершенная система народного образования на одном языке" [3]), вплоть до высшей школы несмотря на отсутствие необходимых сил и средств.

Между тем, „жизнь показывает, что уже усилилась диффузия (не механическая, а органическая) языков и культур", ускоряемая революционным кипением всей страны; жизнь показывает также, что поскольку революционный процесс направляется от центра на окраины—языком сношений Октябрьской революции, ее рабочим языком, является русский язык, и появление рядом с ним местных языков вызывает непонимание в среде советских работников целей национальной политики советского строя [4]).

---

[1]) См. „Жизнь Национальностей" 1920, № 35, „К составлению ингушской азбуки".

[2]) См. „Новый Восток" 1925, № 10—11 с ценными статьями Тюрякулова, Жиркова и Яковлева, по вопросу о реформе шрифта восточных народностей Союза ССР (латинский шрифт приняли Азербейджан, Осетия, Якутия, Чечня и т. д.). В новейшее время новый тюркский алфавит (латинизированный) признан обязательным в ЗСФСР (прот. През. ЦИК ЗСФСР 1 апреля 1926 г.), и об'единение мероприятий по его введению возложено Президиумом ЦИК СССР 11 мая 1927 г. на специальный комитет по введению нового тюркского алфавита, организуемый в Баку из представителей 29 союзных и автономных республик и областей и северо-кавказского края (прот. През. ЦИК 1927, № 2, п. 17). В распоряжение комитета предоставляются нужные средства. Специальные узаконения Узбекской ССР и Туркменской ССР будут отмечены ниже.

[3]) См. „Жизнь Национальностей" 1919, № 33, ст. Сегаля „К итогам совещания по просвещению народов не русского языка".

[4]) Там же, ст. Диманштейна „Еще мало опыта".

Естественно, что при этих условиях советское законодательство в области создания нового языкового режима в первые годы двигалось очень осторожно, так сказать, зондируя почву. Характерно, что в первом декрете о национальной политико-автономной единице—Татаро-Башкирской республике, изданном 22 марта 1918 г., нет упоминания о языковом вопросе; этого упоминания нет и в актах о создании отдельных Башкирской и Татарской республик, Киргизской республики, Чувашской, Марийской, Калмыцкой и Вотской области и Карельской трудовой коммуны, изданных в период 1919—1920 гг., хотя Народный комиссар по делам национальностей в обращении об образовании местных автономий в апреле 1918 г. указывал на необходимость гарантий „местного родного для трудовых масс языка“ [1]).

Поскольку законодатель затрагивает в этот период вопрос о языке (в декретах о суде и школе и в декрете „о немецких колониях Поволжья“) он держится неопределенных формул, как бы „нащупывающих“ признание равноправия языков.

Постановлением принципиального характера, которое могло быть истолковано в последнем смысле (равноправия) является в этот период только ст. 22 конституции РСФСР 10 июля 1918 г., согласно которой „Республика, признавая равные права за гражданами независимо от их расовой и национальной принадлежности, об'являет противоречащим основным законам республики установление или допущение каких-либо привилегий или преимуществ на этом основании, а равно какое бы то ни было угнетение национальных меньшинств или ограничение их равноправия“ [2]).

Это постановление оформляло в более широкой редакции идею отмены всяких неравенств и создание свободного развития, данную в Декларации прав народов России (п.п. 3 и 4), подобно тому, как

---

[1]) См. сборник „Политика советской власти по национальному вопросу за три года“, 1920 г. Стоит отметить также, что в „Жизни Национальностей“ за эти три года среди ряда весьма ценных статей и материалов по национальному вопросу и политике специально языковой теме посвящены только две статьи: Югер. Родной язык среди народа коми, 1919, № 84, и Томский, С. Борьба из-за языков среди евреев, 1920, № 25. Во второй из них, содержащей интересные исторические данные, в конце мимоходом затронут вопрос о равноправии „идиша“ с польским и русским и упоминается о „декрете“, запретившем древне-еврейский язык („ибрис“) в качестве языка преподавания, ввиду его связанности с традиционным религиозным хедером. На самом деле такой запрет был установлен простым решением Наркомпроса в 1919 г.

[2]) Данное постановление, в виде двух разных §§, было выдвинуто в проекте Конституции НКЮ (так наз. проект Рейснера-Гойхбарга) и перенесено в проект конституционной комиссии совещанием 3 июля 1918 г. под председательством Ленина. См. Гурвич. История советской конституции, 1923, стр. 91; ср. выше мнения Ленина и Сталина о необходимости основного закона с запретом привилегий; ср. еще 11 дек. 1919 года указание в резолюции VII Всероссийского С'езда Советов „Об угнетенных нациях“ о проведении в РСФСР политики „полного уничтожения всех и всяких привилегий какой бы то ни было национальной группы“.

ст. 2 и 8 конституции стремились оформить начало свободного союза свободных наций, начало федерации [1]).

Вывод из ст. 22 конституции в отношении языков национальных меньшинств сделал в осторожной форме § 7 уже упомянутого выше декрета о немецких волжских колониях 19 октября 1918 г., преобразовавшего их „в областное об'единение с характером трудовой коммуны". Этот § постановляет:

„Культурная жизнь немцев-колонистов: употребление ими родного языка в школах, в местной администрации, в суде и в общественной жизни не подлежит, согласно советской конституции, никаким стеснениям".

Здесь мы видим, по буквальному смыслу, личное право граждан на употребление ими родного языка в различных случаях, при чем общая редакция несколько напоминает австрийские формулы о местных „landesübliche Sprache".

Почти одновременно постановление Народного Комиссариата Просвещения, распубликованное 31 октября 1918 г., стремится разрешить вопрос о школах национальных меньшинств и языке их обучения в общереспубликанском масштабе.

Согласно этому постановлению (Собр. Узак. 1918, № 80, ст. 835):

„1. Все национальности, населяющие Российскую Социалистическую Советскую Республику, пользуются правом обучения на своем родном языке в обеих ступенях Единой Трудовой Школы и в Высшей Школе.

2. Школы национальных меньшинств открываются там, где имеется достаточное количество учащихся данной национальности для организации школы.

Количественная норма устанавливается в размере не менее 25 учащихся для одной и той же возрастной группы.

3. С целью культурного сближения и развития массовой солидарности трудящихся различных национальностей, в школах национальных меньшинств вводится обязательное изучение языка большинства населения данной области.

4. Школы национальных меньшинств являются школами государственными, и на них распространяется во всей полноте „Положение об Единой Трудовой Школе" (Собр. Узак. 1918 г. № 74, ст. 812).

5. Все управление школами национальных меньшинств сосредоточивается в Народном Комиссариате Просвещения, Областных или Губернских Отделах Народного Образования" [2]).

Это постановление в ст. 1 и 3, несомненно, заключает принцип равноправия языков, но делает это опять-таки в очень осторожной ре-

---

[1]) Вероятно, это развитие Декларации 1917 г. в конституции 1918 г. было причиной „исключения" Декларации из „Собрания Узаконений"; исторически — это сохраняющий полное значение документ.

[2]) Следуют постановления организационного характера об особых отделах и секциях национальных меньшинств] при Наркомпросе и Областных и Губернских Отделах Народного Образования.

дакции; нельзя также не отметить еще малую практическую разработанность постановления.

В его первой статье отразились упоминавшиеся стремления национальных деятелей к получению самостоятельных национально-школьных автономных организаций всех ступеней — стремления, столь же мало увязанные с идеей единой государственной школы (ст. 4 и 5), как и сообразованные с материальными возможностями. В частности, определенно непрактичной является установленная в ст. 2 абсолютная количественная норма, которая, по буквальному смыслу первой статьи, могла быть применена и к высшей школе.

На практике уже при организации низшей школы пришлось брать за принцип известный удельный вес данного национального меньшинства среди населения данной местности, и, напр., в утвержденном ВЦИК положении о народном образовании в Татарской республике (27 мая 1920 г., С. У. № 52, ст. 225) мы видим, что „Подотделы национальных меньшинств образуются в уездах Татарской республики, имеющих не менее 10% народностей не-татарского языка".

Тем же положением „русский университет" в Казани оставляется „в ведении Народного Комиссариата по Просвещению РСФСР и проходит по его сметам", при чем „вопрос о языке преподавания местных предметов решается по соглашению Народного Комиссариата Просвещения РСФСР с Народным Комиссариатом Просвещения Татарской республики".

Основной трудностью для осуществления программы 31 окт. 1918 г. в школах был во всех ступенях недостаток хорошо знающих местные языки работников, а равно недостаток учебников, упоминавшаяся выше „проблема выбора шрифта" и т. д.

В данной области необходим был дальнейший опыт [1]).

Такой же недостаток опыта, с вытекающим отсюда стремлением передать дело на места, чувствуется и в декрете 7 марта 1918 года „о суде" (если не ошибаюсь, первом по времени советском законе, в котором определенно затронут языковый вопрос).

„В судах всех инстанций,— постановлял декрет,—допускается судоговорение на всех местных языках. Установление правил о том, на каком языке или языках происходят судоговорение и судопроизводство, предоставляется судам совместно с Советами Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов" (С. У. 1918, № 26, ст. 420, § 7).

Та же мысль повторена в декрете о народном суде 30 ноября 1918 г. (С. У. 1918, № 85, ст. 889, § 21), при чем редакция слегка уточнена:

„В РСФСР допускается судоговорение на всех местных языках. На каком языке или языках происходит судоговорение и судопроизводство в данном судебном районе, определяет городской Совет Рабочих

---

[1]) Такой опыт был учтен в циркулярном постановлении Наркомпроса РСФСР 27 марта 1924 г., о котором будет сказано ниже.

и Крестьянских Депутатов или Исполнительный Комитет уездных с'ездов Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов при участии представителей от Народного Суда".

Наконец, в § 21 Положения о Народном Суде 21 октября 1920 г. мы вновь встречаем ту же норму, при чем на этот раз „Губернские и уездные Советы (Р. К. и К. Д.) определяют, на каком языке или языках происходит судоговорение и судопроизводство в данном судебном районе". О представителях суда больше не упоминается (С. У. 1920, № 83, ст. 407).

Из приведенных текстов совершенно ясно намерение законодателя создать равные возможности для всех языков и употребляющих в суде их граждан, но также ясно и то, что создалась лишь возможность очень широкого усмотрения в данном вопросе для местных властей, сначала сельских и городских, затем городских и уездных, наконец, губернских. Эта тенденция к постепенному повышению решающей инстанции показывает, что законодатель сознавал неудобство положения: логически она должна была привести — и, как увидим, привела — к более подробной нормировке вопроса процессуальным общим законом.

На практике постановления о языке судебных декретов 1918—1920 гг. обеспечили, несомненно, гражданам возможность подачи заявления в суд на своих языках: но более широкая постановка вопроса встречала препятствие в недостатке работников. Там, где пытались провести судоговорение на местных языках (в Киргизском крае, ныне Казакстане), приходилось итти на создание особых „национальных" судебных отделов, применявших местные, часто первобытные, „обычаи" (ср. 10 июля 1919 г., С. У. № 36, ст. 354, § 14—16).

Осторожность законодательных формулировок при данных условиях вполне понятна [1]).

* * *

Более решительная постановка языкового вопроса сделалась необходимой в конце 1922 и 1921 гг.

С одной стороны, к этому времени борьба с националистическими буржуазными группировками и разноименными „зелеными" движениями в Белоруссии, на Кавказе, на Украине, в Фергане, в Крыму — показала советскому правительству всю остроту национальной проблемы, и вместе всю важность иметь аппарат управления, говорящий на местном языке понимающий украинского, крымского, ферганского крестьянина и не представляющийся этому крестьянину чужим.

С другой стороны, великий голод в Поволжьи бросил в города огромные массы людей—и в частности женщин и осиротелых детей—не знавших никакого языка, кроме языка родной деревни, и оказавшихся

---

1) Следует также учесть то обстоятельство, что в рядах руководящей партии, в связи с вооруженной борьбой на окраинах, возникло в этот период критическое отношение к „самоопределению наций". Но на VIII с'езде коммунистической партии (1919) восторжествовала точка зрения Ленина на необходимость федеральной организации и к этой же точке зрения примкнул 2 конгресс Коминтерна (июль 1920).

в тяжелом положении перед непонимавшими их приезжими работниками администрации [1]).

Таким образом и политические и чисто технические мотивы определенно и настойчиво выдвинули проблему так называемой коренизации административного аппарата, т.-е. введения в него местных людей и языков. И в разных концах советской системы, состоявшей в этот момент уже из нескольких, об'единяемых договорными соглашениями, самостоятельных республик, начинают появляться акты по языковому вопросу, определенно отвечающие на запросы практики.

Украина 11 февраля 1920 г. и 21 сентября 1920 г. об'являет о равенстве русского и украинского языков и требует введения последнего в школах и учреждениях. 1 августа 1920 г. Белоруссия признает равноправными четыре употребительных в ней языка в сношениях с государственными учреждениями. РСФСР декретом 20 января 1921 г. об автономной Горской республике устанавливает, что делопроизводство местных исполнительных комитетов „ведется на родном и русском языках" (С. У. 1921, № 6, ст. 41, § 7)—норма, которую следует считать сохраняющей силу и после упразднения Горской республики для входивших в ее состав областей. Грузия в конце декабря 1921 г. провозглашает в своей конституции „государственный" грузинский язык.

Одновременно в автономных республиках начинается движение к самостоятельному урегулированию вопроса о языках. Татарская республика 5 марта 1921 г., Киргизская 2 февраля 1921 г., Крымская 10 ноября 1921 г. и Чувашская область (ныне республика) 26 января 1922 г. издают акты по реализации местных языков—осторожные в Татарии, более решительные в Киргизии, прямо говорившие о двух государственных языках в Крыму и о государственном чувашском языке в Чувашии, с рядом практических указаний [2]). Недостаток интеллигенции, владеющей местными языками, препятствует в значительной мере осуществлению этих декретов, но, как увидим ниже, однажды начавшееся движение уже не прекращалось.

1921—1922 гг. принесли с собой так называемую новую экономическую политику. Здесь не приходится останавливаться на этом явлении и на его связи с чаяниями и потребностями деревни, но необходимо отметить явившееся с этой политикой общее стремление к более точному оформлению основных правовых вопросов.

В частности, пришлось проработать наново и вопрос о языке в области судебного дела—области, где этот вопрос впервые, как мы видели, был поставлен в советском праве и где он являлся практически очень важным и насущным для населения.

В двух крупных законах РСФСР—Уголовно-Процессуальном Кодексе 25 мая 1922 г. (С. У. № 20, ст. 230) и Положении о нотариате 4 октября

[1]) Явление это, судя по имеющимся в Институте Советского Права материалам, особенно резко сказалось в Чувашии. См. Отчет Областного Исполкома Авт. Чув. Области, изд. 1922 г.

[2]) Акты эти теперь поглощены или отменены позднейшими (см. ниже § 17).

1922 г. (С. У. № 63, ст. 807), послуживших затем образцами для соответственных актов союзных республик [1]), вопрос о языке затронут соответственно в § 22 и § 14.

Согласно § 22 УПК, производство по уголовным делам ведется на русском языке или на языке большинства населения данной местности. В случаях, когда обвиняемые, потерпевшие, свидетели или эксперты не владеют языком производства, судом приглашаются переводчики.

Обвинительное заключение и другие вручаемые обвиняемому документы должны быть в этих случаях вручаемы обвиняемому на его родном языке и, если обвиняемый требует, оглашаться на том же языке (следовательно, если обвиняемый иностранец, то на иностранном языке).

Все заинтересованные лица, не владеющие языком производства, могут подавать в суд бумаги на их родном языке.

§ 14 закона о государственном нотариате определяет, что совершаемые и свидетельствуемые документы могут быть изложены на русском или иностранных или на местных языках с переводом на русский язык, при чем правильность перевода удостоверяется нотариусом или компетентным известным нотариусу лицом.

В обоих актах несомненно признание права родного языка заинтересованных лиц и несомненно допущение на-ряду с русским языком языков местных. Вместе с тем, в них впервые затронута чисто техническая сторона дела, при чем, учитывая невозможность создания во всех случаях выездных сессий из лиц, знающих язык большинства местного населения, и частую необходимость посылки нотариальных актов в иные местности и за-границу,—законодатель выдвинул техническое значение русского языка, как наиболее известного в РСФСР, и в нотариальных актах сделал этот язык, так сказать, связующим текстом — основным или подсобным—нотариального дела.

В Гражданско-Процессуальном Кодексе, изданном уже в 1923 г. (С. У. № 46, ст. 478), мы находим производство на языке большинства населения данной местности, с обязательным приглашением переводчиков для заинтересованных лиц, не знающих этого языка и с представлением документов, написанных не на языке производства, с соответствующими переводами. В данном случае приняты во внимание интересы тяжущихся, и вместе с тем подчеркнута важность языка большинства населения в чисто бытовых гражданских делах.

* * *

30 декабря 1922 года в Москве был заключен Договор об образовании Союза ССР между Советской Россией, Украиной, Белоруссией

---

[1]) С заменой русского языка в судопроизводстве на первом месте языком большинства населения можно утверждать, что данные акты имеют общесоветский характер равно как Гражданско-Процессуальный Кодекс. В РСФСР были переизданы — УПК 15 февраля 1923 г. (С. У. № 7, ст. 106) и Пол. о нотариате 24 авг. 1923 г. (С. У. № 75, ст. 726) и оба акта неоднократно изменялись, но интересующие нас статьи сохранили свою редакцию.

и Закавказьем. Поскольку Украина и Белоруссия уже имели свое языковое законодательство, поскольку Закавказская советская конституция 13 декабря 1922 г. (замененная теперь новой 13 апреля 1925 г.) установила надпись на гербе ЗСФСР на языках русском, армянском, грузинском и тюркском,—естественно возникал вопрос об официальных языках Союза. Договор предпочел, однако, ограничиться указанием в § 14, что „декреты и постановления ЦИК'а и Совнаркома печатаются на языках, общеупотребительных в Союзных Республиках (русский, украинский, белорусский, грузинский, армянский, тюркский)".

Тем самым шесть языков в Союзе ССР были признаны имеющими наибольшее распространение и употребляемыми в важнейших официальных актах—законодательных.

Опубликование законов на нескольких языках является логическим следствием из начала равноправия языков, принятого, как мы выше видели в Швейцарии, в форме об'явления нескольких языков „главными" и „национальными" [1]).

Можно поэтому считать, что день образования Советского Союза был вместе с тем днем окончательного утверждения принципа равноправия языков во всесоюзном масштабе.

Формальное распространение этого принципа было сделано несколько позже, уже после утверждения Союзной Конституции 6 июля 1923 года на 2 сессии ЦИК Союза в порядке республиканского законодательства—РСФСР и Украины. (Белоруссия, как мы видели, приняла его раньше). В Союзной Конституции ст. 34 воспроизвела лишь цитированный § 14 Договора 30 декабря, с одним маленьким изменением—тюркский язык был назван тюрко-татарским. Этим изменением указывалось на близкое родство языков, позволяющее большинству тюркских народностей понимать друг друга.

Но уже 25 июля 1923 г. декрет РСФСР о преобразовании карельской коммуны в республику установил, что „карельско-финский и русский языки являются равноправными на территории Автономной Карельской ССР" (С. У. № 69, ст. 668, § 6), а 1 августа 1923 года Украина издает закон „о мерах обеспечения равноправия языков". (С. У. УССР, № 29, ст. 435).

С этого времени прямое указание на равноправие языков становится в советском праве, как увидим, довольно обычным. Следует отметить, что XII с'ездом коммунистической партии (17—25 апреля 1923 г.) было признано необходимым, чтобы на ряду с созданием федерального высшего учреждения в лице Совета Национальностей и с введением местных людей в местные органы, „были изданы специальные законы, обеспечивающие употребление родного языка во всех государственных

---

[1]) Известное влияние западных (особенно швейцарского и германского) образцов федеральных конституций в основном законе Союза ССР уже отмечалось исследователями. См. Алексеев, А. А. Конституция СССР, Р.-на-Д., 1924; Рейснер. Право 1925.

органах и во всех учреждениях, обслуживающих местное национальное население" [1]); в связи с этим были выдвинуты два законопроекта о языковом праве в РСФСР, один из которых (помеченный ниже в приложении литерой „А") стоял на точке зрения подчеркнутого равноправия всех языков, а другой (литера „Б") останавливался на практическом праве граждан сноситься с учреждениями своей местности на родном языке, при чем установление употребительных в данной местности языков, на которых учреждение обязано было отвечать (при получении запроса на одном из них) ставилось в зависимость от численности населения, говорящего на этих языках (10%, а в городах 20%). Первый проект, по существу, также вынужден был переносить центр тяжести на равноправие местных языков, устанавливаемых по тому же началу, но вместе с тем стремился возможно расширить применение остальных.

В этих целях предвиделось расширение института переводчиков при учреждениях, с центральным бюро переводчиков в Москве, знающих все языки РСФСР и вместе с тем специально предусматривалось, что язык, связывающий внутреннюю работу пестрого аппарата— „язык делопроизводства и сношений", определяется С'ездом Советов РСФСР; впредь до иного постановления С'езда таким языком считался русский.

Чрезвычайная техническая трудность и дороговизна осуществления в разноязычной РСФСР как этого, так даже и более осторожного второго проекта, была причиной того, что проекты так и остались в стадии предположений. Но основные мысли их отразились на позднейшем законодательстве—как Союза, так в особенности союзных республик, где мы увидим идею и принципиального равноправия языков и защиту права языка гражданина и технически необходимого языка-связи.

К ближайшему рассмотрению этого законодательства я теперь и обращаюсь.

---

[1]) См. специально Кантор. Национальный вопрос на XII с'езде РКП, М. 1923 (автор касается также VIII и X с'ездов).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Режим языков в праве Союза ССР, союзных республик и советских автономий

§ 12

Законодательство Союза ССР по вопросу о языках отличается до настоящего момента весьма скромными размерами, сводясь к трем или четырем нормам, включенным в различные крупные акты. Тем не менее в этих нормах мы находим только что указанные (§ 11) важнейшие принципы советского языкового права.

Начало равноправия языков признано в косвенной форме в ст. 34 и 70 Союзной Конституции; первая из этих статей устанавливает обязательность печатания законов Союза на общеупотребительных в союзных республиках языках (русском, украинском, белорусском, грузинском, армянском, тюрко-татарском), а вторая требует изображения девиза на гербе Союза ССР на тех же шести языках [1]).

Начало внимания к правам родного языка национальных меньшинств и правам каждого гражданина Союза нашло свое выражение в ст. 15 основных начал уголовного судопроизводства Союза ССР 31 октября 1924 г., согласно которой судоговорение ведется на языке большинства местного населения, с принятием всех возможных мер к рассмотрению дела на языке обвиняемых, если они принадлежат к национальному меньшинству, и с приглашением в нужных случаях переводчиков; то же внимание к праву языка отразилось в директиве III всесоюзного С'езда Советов 20 мая 1925 г. об организации школ и судов на родном языке, и, наконец, особенно в принятой по предложению украинского правительства ст. 51 консульского устава Союза ССР 8 января 1926 г. (Собр. Зак. СССР, № 10, ст. 78), согласно которой, „консул", являющийся по должности защитником интересов и прав граждан Союза ССР за границей, „обязан принимать от граждан Союза ССР заявления как письменные, так и устные

---

[1]) Декрет 22 августа 1924 г. (С. З. № 7, ст. 74) о порядке опубликования законов Союза ССР ограничился повторением правила ст. 34 конституции.

на любом из языков, перечисленных в ст. 34 Конституции Союза ССР[1]).

Значительное число этих языков делает экономически невозможным параллельное делопроизводство в союзных учреждениях на всех союзных языках и выдвигает в практике вопросы о 1) языке-связи, который употребляется в центральном аппарате и для сношений разных частей Союза, и 2) об аутентичном тексте законодательства, поскольку различия в строе употребляемых шести языков обусловливают неизбежные расхождения текстов.

Вопросы эти, как мы видели, вставали и в практике западных многоязычных государств, при чем, в частности, вопрос об аутентичности текста закона решался по признаку подготовки, или же, как в Ирландии, подписи закона на таком-то языке или языках.

Точка зрения „подготовки" принята практикой Союза ССР; уже в конституционной комиссии ЦИК, обсуждавшей в июне 1923 года проект основного закона Союза, А. С. Енукидзе предлагал указать (в ст. 34), что аутентичным текстом союзного законодательства считается русский текст, при чем сослался на вкрадывающиеся в иные тексты неточности и даже ошибки (в частности, в грузинском переводе) и на возможные в силу этого затруднения на местах.

Комиссия, однако, нашла дополнение излишним, согласившись с мнением М. И. Калинина, что в случаях сомнений решающим, очевидно, следует считать текст закона на том языке, на котором закон вырабатывается, т.-е. на русском.

Не трудно, однако, видеть, что этим путем мы возвращаемся к более общему вопросу о языке-связи, языке центральных учреждений и внутренних сношений Союзного аппарата.

Таким языком для Союза ССР и международная и внутрисоюзная практика считают русский, исходя из его известности как четвертого европейского мирового языка и его распространенности в Союзе ССР, где русские составляют главное численное ядро населения[2]).

---

[1]) В некоторой связи с правом языка стоят: специальная норма о ведении торговых книг „только на живых языках, по усмотрению владельца предприятия" (пост. СНК СССР 29 ноября 1926 и 30 июля 1927 г., С.З. 1927, № 1, ст. 8 и № 46, ст. 468; раньше — 18 сент. 1923 г., Вестник ЦИК, СНК и СТО, № 6, ст. 152) и допущение особыми тарифами и циркулярами подачи телеграмм „на условном языке", „кодированных" и „на международном языке эсперанто" (см. пост. СНК СССР 25 сент. 1923 и 16 июня 1925 г., Вестник ЦИК, СНК и СТО, 1923 г., № 8, ст. 231 и Собр. Зак. СССР, 1925 г., № 41. ст. 310; цирк. НКПиТ 17 июня 1926 г., бюллетень НКПиТ, № 21).

[2]) На основании цифр Трайнина (СССР и национальная проблема, 1924, стр. 56), располагавшего сведениями ЦСУ и Наркомнаца, в общей массе населения тогдашнего Союза ССР на 129 миллионов к 1924 г. имелось, по моему вычислению, великороссов русские) 55%, украинцев—18,2%, белоруссов—2,5%, киргизов—4,3%, татар разных наречий—3,9%, евреев—2,8%, грузин—1,2%, армян—1,03% немцев—0,98% и т. д.

С некоторым расширением Союза ССР (Узбекистан, Туркменистан,) Бройдо принимает пониженную долю в населении русских, образующую, однако, абсолютное большинство (52%). Более новых данных у меня нет (см. стр. 42, прим. 2).

Учитывая факт наличия значительных русских меньшинств во всех союзных республиках, их законодательства везде провозглашают русский язык одним из „государственных“ или „распространенных“.

Вполне естественно, что данный язык оказывается при этом общим „языком-связью“ подобно немецкому в Швейцарии в переписке между Союзом и республиками, между союзными учреждениями, расположенными в разных республиках, и между правительствами различных республик. Случаи, когда одно учреждение, расположенное в Киеве, пишет по-украински в Ташкент, чтобы через два месяца получить ответ по-узбекски, создают только лишнюю трату времени и денег на переводы и явно не соответствуют требованиям административной техники.

В общесоюзных хозяйственных учреждениях (банки, тресты), на железных дорогах, в постоянной армии, где возможна и нужна бывает быстрая переброска ответственных работников, язык-связь выделяется в делопроизводстве и счетоводстве в силу простого факта ограниченности лингвистических способностей большинства людей.

В итоге, по чисто экономическим и техническим причинам русский язык сохраняет преимущественное значение как язык сношений и внутреннего делопроизводства большинства общесоюзных учреждений. Общих законов Союза ССР о языке-связи в 1924—1925 г. не было (в союзных республиках, как увидим, имелись), но основная линия союзной практики в данном случае довольно удачно резюмирована в одном специальном законе (о банке для внешней торговли Союза ССР), утвержденном СНК 16 декабря 1924 г. Согласно этому акту „делопроизводство и переписка Банка в пределах Союза ССР ведутся на русском языке. При сношениях с правительственными и общественными учреждениями республик, входящих в состав Союза ССР, в коих законом предписывается употребление местных языков, Банк руководствуется подлежащими законами [1]). Переписка с заграницей производится на языке по усмотрению правления“ (С.З. СССР, 1925, II, № 4, ст. 7, § 71).

26 марта 1926 г. Президиум ЦИК Союза ССР принял принципиальное решение по вопросу о применении местных языков в филиалах общесоюзных учреждений (ближайшим образом, банков). Президиум ЦИК предложил Совету Народных Комиссаров Союза ССР разработать проект особого постановления, положив в его основу мысль, что „только сношения и переписка всех учреждений наркоматов Союза ССР, находящихся на территории союзных республик, с учреждениями и организациями этих республик ведутся на местных языках, вся же остальная переписка общесоюзных учреждений с таковыми же на территории Союза ССР ведется на русском языке“ [2]). Постановление это логически

[1]) Ср. пост. През. ВУЦИК 30 апр. 1925 г. (ниже § 15): „Общесоюзные хозяйственные организации обязаны в сношениях с украинским населением (договоры и т. п.), с центральными и местными украинскими организациями вести делопроизводство на украинском языке“.

[2]) Изв. ЦИК, 1926, № 70. Проект постановления, рассмотренный специальной подкомиссией В. П. Антонова-Саратовского и подготовительной комиссией при СНК СССР в феврале 1927 г., утверждения пока не получил.

согласовано с более ранним решением 26 сентября 1924 г. (прот. През. ЦИК, 1924, № 29, п. 14), которым, по инициативе С. М. Тер-Габриэляна, было предложено Центральным Исполнительным Комитетам союзных республик „дать распоряжение своим органам и учреждениям, чтобы при посылке материалов в центральные учреждения Союза ССР наряду с текстом на национальном языке препровождался и перевод на русском“ [1]).

Там, где в вопросе о местных языках замешаны интересы масс (как, напр., при переводе армии на территориальную систему), Союз немедленно идет навстречу требованиям республиканского законодательства: в настоящее время, например, обучение и командование в территориальных частях и в регулярных „национальных“ частях (грузинских, бурято-монгольских) переведены в порядке военного управления на родной язык части [2]). Но в общем управлении и сношениях штабов язык-связь сохраняет свое значение, и это обстоятельство вполне определенно учтено, как увидим, законодательством закавказской федерации.

§ 13

Крайне пестрый национальный состав Закавказья и острая национальная вражда, оставшаяся в наследство от до-советских правительств, требовали весьма внимательного отношения к языковому вопросу.

Население федерации состоит из 4.976.909 человек; в нем выделяются четыре большие группы: тюрков, грузин, армян и русских, живущие довольно чересполосно и смешанные со множеством мелких групп: персов, греков, евреев, немцев, абхазцев, айсоров, арабов, курдов и т. д., что весьма затрудняет точную статистику [3]). Религиозная и экономическая рознь (армяне образовали городской торговый класс Грузии и Азербейджана), использованная в своих целях русскими генерал-губернато-

---

[1]) Ср. Игнатьев, В. И. Совет национальностей ЦИК СССР, М.-Л. 1926, стр. 37.

[2]) См. более подробно у Диманштейн. Прошлое и настоящее, 1924, стр. 80—82.

[3]) См. данные о национальном составе ЗСФСР у Чурсина Г. Ф., статья „Население“ в сборнике „Закавказье“, Тифлис, 1925. Согласно цифр Чурсина соотношение между народностями выражается следующей таблицей.

	Тюрков	Грузин	Армян	Русских	Прочих
Азербейджан	56%	0,7%	13,5%	7%	22,2%
Грузия	3.3%	68,1%	12%	3,6%	13%
Армения	9,8%	—	86%	2,4%	1,8% с грузинами.
Закавказье . . .	23,1%	33,4%	24,1%	4,6%	11,8%

Согласно данным у Кечекьян, С. Ф. Национальный вопрос на Западе и в России, 1917, стр. 31, в 1897 г. тюрков имелось 26%, грузин—23,7% и армян 19,4%. Закавказское Статистическое Управление на 1 янв. 1925 г. считает тюрков 24,1%, грузин — 31,5%, армян — 25%. Стоит еще заметить для иллюстрации сказанного в тексте, что в городах Грузии армяне составляют в настоящее время 27% населения (русские 11,7%), в городах Азербейджана—14,1% (русские 20,6%) и в городах самой Армении—91,6% (русские—4,3%, тюрки—3,7%). Тюрки и грузины в городах своих республик составляют меньшинство — соответственно 44,8% и 46,7% (данные Чурсина).

рами старого режима, не раз приводила к вооруженным погромам; в 1918—1919 г. после провозглашения на Кавказе самостоятельных национальных республик рознь эта вылилась в открытую войну между Грузией и Арменией и в ряд столкновений между татарами и армянами Азербейджана. Борьба носила настолько жестокий характер, что в ряде местностей, как показали переписи 1922—1923 гг., число населения значительно понизилось.

Одной из важнейших забот советской власти было поэтому водворить национальный мир и обеспечить равноправие национальностей, в частности, в языковой области. Образование закавказской федерации 12 марта 1922 г. было чрезвычайно крупным достижением по разрешению национальной проблемы [1]).

В Конституции ЗСФСР 13 декабря 1922 г. равноправие языков, однако, было затронуто, как мы видели (§ 11), лишь косвенно в форме установления надписи на гербе на четырех языках; лишь при пересмотре конституции 10 апреля 1925 г. была введена теперешняя статья 20, устанавливающая, по точному образцу конституции Союза ССР, равенство четырех языков при опубликовании закавказских законов.

В промежутке между появлением этих двух конституционных норм было, однако, издано несколько законодательных актов, значительно продвинувших разрешение вопроса.

Прежде всего, „Декларация о языках", принятая сессией ЗакЦИК 28 июня 1923 г., провозгласила право национальных меньшинств населения закавказской федерации на свободное пользование родным языком и предложила законодательным органам ЗСФСР и федерирующих республик „в кратчайший срок издать законы, регулирующие применение в государственных учреждениях национальных языков, а также сношения их с населением на родных языках".

Во исполнение декларации, Президиум ЗакЦИК 13 августа 1923 г. издает декрет, которым устанавливается (без употребления термина) начало равноправия в закавказском законодательстве языка русского и „государственных языков" трех федерирующих республик—грузинского, армянского и тюркского.

Статьей 3 декрета обеспечено право языка граждан, которые могут подавать в Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров Закавказья бумаги на любом из упомянутых четырех языков и получать ответы на этом же языке.

Наконец, в декрете поставлен вопрос о языке-связи или языке сношений центра федерации и республиканских учреждений. Центральные органы пишут в республики на русском языке, а органы национальных республик обращаются в центр или по-русски, или, если так укажет

---

[1]) См. Худадов, В. Н. Закавказье, М. 1926; Ставровский, А. Л. Закавказье после Октября, М. 1925; Ананов, И. Н. Заметки по современному государственному строю Закавказья, „Сов. Право", 1925, № 2, с литературными указаниями, и Архиппов, К. А. Договор об образовании закавказской федерации, „Сов. Право", 1923, № 2.

ЦИК данной республики, на ее „государственном“ языке. Поскольку в Тифлисе имеется достаточное количество лиц, знающих армянский, русский или тюркский языки (не говоря о грузинском) и поскольку начало равноправия установлено для этих четырех наиболее распространенных языков — техника переписки оказывается преодолимой, при чем русский язык играет очень часто роль связи между разноязычными единицами [1]). Эту связующую роль русского языка закавказское законодательство учло в особенности в отношении технических ведомств и учреждений общесоюзного характера — почты, железных дорог и отдельной кавказской армии.

В законах о применении языков национальных республик на закавказских железных и шоссейных дорогах (23 авг. 1923 г.), в краснознаменной кавказской армии (14 февраля 1924 г.) и по управлению закавказского округа связи (21 ноября 1924 г.) мы находим неизменное требование применения четырех распространенных языков в об'явлениях, вывесках и т. д., обращенных к населению или предназначенных для общего сведения по Закавказью (напр., вывешиваемых в вагонах); для железных дорог указано, что надписи и т. п. чисто местного значения излагаются на языке данной республики и на русском; для армии установлено изложение приказов местного значения, касающихся населения, на языках русском, „республиканском“ и национального (очевидно, наиболее крупного) меньшинства данной округи.

Внутренняя переписка и технические сношения, связь штабов, счетоводство и т. д. ведутся общесоюзными учреждениями на русском языке, при чем в случаях не технической переписки по железнодорожным и шоссейным линиям требуется параллельное изложение на языке республики и русском и предусмотрена возможность, с разработкой технической местной терминологии, перехода к местным республиканским языкам и в служебных технико-распорядительных циркулярах.

Сношения с федеральными учреждениями Закавказья ведутся по-русски; в республиканские органы общесоюзные учреждения пишут по-русски и получают от них бумаги на русском языке или, согласно указанию ЦИК'а республики, на ее государственном языке.

Неизменно подчеркивается право граждан обращаться в общесоюзные учреждения в Закавказьи „на основном языке данной местности или района“ (военный закон), „на государственном языке соответствующей республики, на языке национального меньшинства данного района или на русском“ (железнодорожный), на четырех распространенных в Закавказьи языках (почтовый) и получать документы и справки на соответственном языке; иначе говоря, защищается право на язык, важное для массы населения.

---

[1]) Французский филолог Мейе, взгляды которого излагались выше (§ 6), особо отмечает роль русского языка для Закавказья, как языка-связи.

В особых национальных частях кавказской армии введены внутреннее и местное делопроизводство, обучение и команда на языке соответственной республики; местные гарнизоны в обращении к местным властям должны употреблять язык республики.

Надписание адресов на письмах в пределах ЗСФСР допускается на четырех распространенных языках.

Здесь налицо учет связи с местным населением и местной организацией управления; тот же учет сказался в характерном обязательном двуязычии закавказских... телефонисток, от которых требуется знание русского и „республиканского“ языков; наоборот, в случаях, требующих однородной и безошибочной связи, учитывается значение русского языка—телефонные и телеграфные сношения из республики в республику, служебные железнодорожные депеши и т. д.

Я не вдаюсь в дальнейшие подробности законодательства ЗСФСР, которые читатель найдет в приложении, отметив лишь, что затруднительность быстрого выпуска Собрания Узаконений на четырех языках и желательность осведомления граждан о законах привели к установлению специальной публикации в 4 газетах—русской, грузинской, армянской и тюркской (зак. 28 февраля 1925 г.). Это четверное опубликование и было закреплено в новой Закавказской Конституции полтора месяца спустя.

Обращаясь к местному законодательству закавказских республик, мы находим в них те же, в общем, начала — четыре общеупотребительных языка, право граждан на обращение в государственные учреждения на родном языке и признание необходимости языка-связи, а именно русского.

Как особенность, надо отметить, что республики выделяют каждая свой язык большинства населения (грузинский, армянский или тюркский) как преимущественный язык делопроизводства не об'единенных наркоматов и высших органов (ЦИК, СНК) и как язык аутентичного текста закона [1]).

Три остальных распространенных языка в Грузии и Азербейджане считаются общеупотребительными в м е с т н ы х административных единицах, если говорящее на них население составляет не менее 15% общего числа жителей; наконец, местным исполнительным комитетам предоставлено право выбирать язык местного делопроизводства, сообразно нуждам национальности, образующей большинство (хотя бы относительное) в данной местности [2]). Считаясь с создающимся разноязычием, законодательство „разрешает“ обращение каждого гражданина в государственные учреждения на русском языке, коль скоро этот гражданин не знает употребительных в дан-

---

[1]) Весьма лаконичен армянский декрет 1920 г., в нескольких словах определяющий, что „государственным языком“ является армянский и что допускается и тюркский язык меньшинств. Законы в Армении печатаются только по-армянски.

[2]) Для установления особого делопроизводственного языка в уездах требуется согласие республиканского ЦИК'а. В автономных республиках (Абхазия, Аджария) вопрос решается в порядке автономного законодательства.

ной местности или республике языков, равным образом учреждения при возникающих затруднениях могут прибегать к более распространенным языкам, в том числе к русскому (язык-связь).

Основной тон местному законодательству Закавказья дало грузинское законодательство, ближайшим образом—декрет 28 февраля 1924 г. (азербейджанский декрет 27 июня 1924 г. совпадает почти целиком). Следует заметить, что грузинская конституция 1922 года, оговаривая право национальных меньшинств на свободное развитие, вместе с тем категорически провозглашала „государственным языком" грузинский и надпись на гербе республики устанавливала, наряду с грузинским, на международном французском языке. Старый термин „государственного языка" привился, удержался в конституции 1925 г. и перешел в соседние законодательства. Вместе с тем, когда грузинский ЦИК приступил вплотную к разрешению языковой проблемы, то выяснилось, что государство „не имеет материальной возможности содержать аппарат, способный обслуживать население на языках всех национальностей", живущих на территории республики или в отдельных ее районах.

Поэтому применение языка национального меньшинства возможно лишь в отношении населения более или менее значительного по количеству.

Выделен был грузинский язык, как „язык законодательства и основного делопроизводства", определены три распространенные употребительные языка, приняты меры к охране интересов сторон и подсудимых в судах (подробный § 12 закона 28 февраля 1924 г. — о переводчиках, повестках и т. д.), обеспечена возможность делопроизводства на местах на родном языке населения, и, наконец, предоставлена была населению, не принадлежащему к четырем наиболее значительным национальностям Грузии, „возможность сноситься с государственными органами на русском языке", „как более употребительном среди этого населения" [1]).

* * *

Сказанного достаточно для получения представления об общих чертах закавказского языкового права. Читатель видит, что чисто об'ективные причины — недостаток средств — ограничивают в данном случае применение равноправия языков несколькими наиболее распространенными; начало равноправия языков более заметно при этом в федеральном законодательстве, в республиках более выдвинуто личное право языка гражданина и наблюдается склонность к „огосударствлению" определенных языков; в связи с неясностью некоторых терминов законодательства федерации (напр. „техническая" и не „техническая" переписка) эта склонность легко может проложить себе широкую дорогу в инструкционно-раз'яснительном порядке.

Здесь может дать отрицательные результаты тот „местный национализм", наличие которого констатирует в Закавказьи недавняя работа

[1]) См. об'яснительную записку к проекту декрета и заметку в „Изв. ЦИК" 2 марта 1924 г., № 52.

Худадова[1]). Автор отмечает, что этот местный национализм, наследие предшествовавшей эпохи, проникая в высшую школу, является одним из препятствий к культурному развитию страны. Во всяком случае, он отражается иногда на интересах национальных меньшинств, на долю которых в Грузии, напр., приходится меньше одной пятой школ, тогда как сами меньшинства составляют треть населения[2]).

Для осуществления основной задачи правильной национальной политики — реализации родного языка для масс, с одновременным приобщением их к строительству новой культуры — очень много делает Азербейджан, имевший уже в 1923 г. 96.500 учащихся в школах первой ступени против 30.000 в 1920 г. и создавший до 30 средних школ (раньше 8) и несколько высших (Университет, Педагогический и Политехнический институты, Консерваторию). С введением 30 июля 1921 г. тюркского языка как обязательного для студентов предмета, кадры интеллигенции, знакомой с этим языком, значительно расширяются — и с переходом Азербейджана на латинский шрифт [3]) получается возможность более легкой ликвидации безграмотности (средняя грамотность по Азербейджану 14,6%, в деревнях 6,3%). В Армении и Грузии учреждены национальные университеты, при этом в Армении число школ возросло вдвое, упрощено правописание, предпринимаются шаги к латинизации алфавита (грамотных 21%).

В Грузии, где национальная грамотность сравнительно больше — 32%, ведется лихорадочная работа по улучшению и увеличению школьной сети; несмотря на бюджетные жесткие рамки, число школ с 1917 г. возросло на 23%, число учащихся — больше чем вдвое (244%). Перевод основного преподавания на местные языки (так наз. грузинизация, армянизация и тюркизация школы) произошел в закавказских республиках еще в 1918—1920 г. в первый период революции; необходимые для этого кадры интеллигенции имеются [4]).

В общем почва для реализации родных языков в Закавказьи безусловно благоприятна. Экономически возможное равноправие языков и сохранение культурной языковой связи — таковы как будто уже намечающиеся линии в обработке этой почвы.

---

[1]) Худадов, В. Н. Закавказье (под ред. директора института Востоковедения М. П. Павловича), М. 1926, стр. 202.

[2]) См. Статистический Сборник Наркомпроса Грузии за 1924 г.: всего школ 1855, школ меньшинств 357, из них армянских 94, русских 60, немецких 6.

[3]) См. постановления „о признании нового тюркского алфавита государственным“ (ЦИК и СНК, 20 окт. 1922 г., С. У. АзССР, № 10, ст. 442) и „о мероприятиях по распространению нового тюркского алфавита“ (ЦИК и СНК, 18 июня 1927 г., „Бакинский Рабочий“, 1927, № 156).

[4]) Цит. сборник Наркомпроса Грузии; Кечек, В. Два года просветительной работы советской Армении, „Жизнь Национальностей“ 1923, № 1; Трайнин, И. П. СССР и национальная проблема, 1924; Ананов, И. П. Культурно-просветительная работа в Армении, „Власть Советов“ 1926, № 8.

§ 14.

Борьба со вторжениями извне и внутренняя борьба из-за воды — так может быть резюмирована история населения плодородных оазисов арало-каспийской впадины. Неоднократно волна внешнего нашествия прокатывалась по Туркестану, всегда оставляя в нем некоторый людской осадок, и постоянно, неизбывно угрожаемые песком пустыни, жители орошенных мест теснились к воде, ссорились и сражались из-за нее.

В результате — сильное смешение народов Туркестана, при чем иногда отдельные части какой-нибудь народности, оторвавшись от основного ядра, забрасывались очень далеко — даже за Каспий [1]).

Вместе с тем, в связи с торговлей и работорговлей (невольники из Персии), в крупных городах Туркестана образовались значительные прослойки нетуркестанских выходцев — персов, евреев, татар, афганцев и т. д. Русское завоевание во второй половине XIX века, преследовавшее торговые и позже колониальные цели, присоединило и русскую прослойку — особенно значительную в Семиречьи и в некоторых городах теперешнего Туркменистана (до 50%).

Национальная рознь, поддерживаемая указанной выше „водяной проблемой“ и эксплоатацией со стороны пришлого торгового капитала и крупного землевладения (хлопковые плантации), вспыхнула с чрезвычайной силой в 1918—1921 гг.

В Семиречьи резались киргизы и русские поселенцы, в Бухаре и Хиве шли кровавые раздоры туркмен и узбеков, в Фергане сталкивались интересы узбеков, таджиков и киргиз; все эти распри, осложненные попытками иностранной интервенции (англичане в Закаспийской области) и пропагандой пантюркизма (авантюра Энвер-паши еще в 1922 г.), вылились в широкое „басмаческое“ движение своеобразных полубандитских полукрестьянских организаций, в борьбе с которым правительствам трех советских республик, образовавшихся на месте Туркестанского генерал-губернаторства и узбекских вассальных княжеств Бухары и Хивы пришлось встретить чрезвычайные трудности [2]).

Целый ряд социальных реформ — в частности национализацию земли и воды — пришлось откладывать проведением до 1924 г., и только в этом

---

[1]) См. Тумаилов, М. Туркмены Северо-Кавказского Края, Полторацк (Асхабад) 1925; Немченко М. Национальное размежевание Средней Азии, М. 1925 стр. 15, сл. (исторические замечания). Сборник „На историческом рубеже“. Ташкент, 1924; ср. еще Варейкис и Зеленский. Национально-государственное размежевание Средней Азии, Т. 1924; сборник „Таджикистан“, Т. 1925, статья Панкова „Население“

[2]) См. Гинсбург, С. Басмачество в Ферган», „Новый Восток“, 1925, № 10—11 статьи Дервиша и Виноградовой о Бухарской и Хорезмской республиках, „Жизнь национальностей“ 1923, № 1. — Туркестанская АССР была провозглашена 1 мая 1918 г., вошла в РСФСР 11 апр. 1921 г. Хорезмская и Бухарская республики создались соответственно 2 февр. и 14 сент. 1920; кроме указанных статей в „Жизни национальностей“ см. статью Гойхбарга о Туркестанской республике в сборнике „Пролетариат и право“ (1918) и Архипов, „Бухарская НСР“ в „Советском Праве“, 1923, № 1,

году в Туркестане водворилось сравнительное спокойствие. Однако, поскольку и Туркестанская АССР и советские народные республики Бухары и Хорезма унаследовали основные очертания русского Туркестана, эмирата бухарского и ханства хивинского — национальная чересполосица в них отнюдь не была устранена, и поводы для национальных столкновений оставались.

В связи с этим советской властью были поставлены две задачи: национально-политического размежевания туркестанских народностей и создания местного аппарата управления из местных же людей.

Первая задача была выполнена в 1924 году образованием новых политических единиц: Узбекистана, Туркменистана, Таджикистана и Киргизии, сосредоточивших в своих границах основные массы главных туркестанских национальностей [1]), решение второй — ближайшим образом связанной с вопросом о применении местных языков — встретило и встречает огромные препятствия в недостатке местных интеллигентных сил и скудости местного бюджета. В Туркестане число лиц из коренного населения с высшим и средним образованием весьма незначительно; простая грамотность в среднем и по стране не превосходит 13% и у коренных народностей падает до 5% и ниже, при чем ликвидация ее крайне затрудняется вопросом о замене трудного арабского алфавита латинским, религиозным фанатизмом, борющимся против советской школы, и создавшимся почему-то во многих местностях у населения убеждением, что грамотных обязательно забирают на военную службу [2]).

При этих условиях проблема проведения местных языков в государственный аппарат сводилась, прежде всего, к планомерной и обдуманной подготовке кадров местных интеллигентных работников, — поскольку было ясно, что служащие не из коренного населения, в значительной части недавно прибывшие из РСФСР и УССР, не могут

---

[1]) См. литературу, указанную в первом примечании к этому §. По приблизительным данным Варейкиса и Зеленского и сборника „Таджикистан“ (1925), имеется в Туркменской ССР: туркмен — 80,9%, узбеков — 8,6%, русских — 4,5%, прочих — 6%; в Узбекской ССР: узбеков — 66,4%, таджиков — 16%, русских — 4%, прочих — 13,5%, в Автономной Таджикской ССР, входящей в Узбекистан: — таджиков — 65,4% узбеков — 32,4% и киргиз — 2,2%; в Автономной Киргизской ССР (до 1 февр. 1926 г. — Область), входящей в РСФСР: киргиз — 63,5, узбеков — 15,4%, русских — 16,8% („Изв. ЦИК“, 1926, № 70).

Для государственного строя см. Ананов, И. Н. „К преобразованию Средне-Азиатских республик“, „Советское Право“, 1925, № 4; Крыльцов, И. И. „Государственное размежевание Средне-Азиатских советских республик“ и „Правовое оформление новых республик Средней Азии“, „Вестник Юстиции Узбекистана“, 1925, № 1, 2—3; Ксенофонтов, Ф. „Узбекистан и Туркменистан“, М. 1924 и приведенные у них официальные источники.

[2]) См. „Власть Советов“, 1926, № 9; сборник „Шесть лет национальной политики советской власти“, М. 1924, стр. 51, дает следующие цифры средней грамотности по национальностям в бывшей Туркестанской Республике: армяне — 44%, татары — 41,9%, русские — 35,5%, узбеки — 5,7%, кара-киргизы — 5,3%, таджики — 4,6%, туркмены — 0,6% и т. д. В Ташаузском округе Туркменистана, по данным „Власти Советов“, грамотных — 0,2%.

в несколько месяцев, как по сказочному щучьему велению, овладеть несколькими тюркскими языками, не имеющими технического словаря, и трудным арабским письмом, в недалеком будущем отменяемым.

Повидимому, Центральный Исполнительный Комитет Туркестанской Республики в известной мере сознавал этот факт. Декрет 27 августа 1923 года № 130, правда, провозгласил в весьма категорической форме немедленный переход на местные языки низших органов советского аппарата, определил трехмесячный срок для налажения делопроизводства областных учреждений, потребовал параллельного делопроизводства в центральных органах республики и установил обязательность „местного языка" в поселках и кишлаках со смешанным населением, допуская лишь „как исключение переписку на русском языке для пунктов с преобладающим большинством русского населения"; но тот же декрет тут же предписывает немедленно установить кадр практикантов из местного населения с подготовкой их в шестимесячный срок, усилить административный резерв лицами из местного населения, открыть ведомственные курсы и производить переход на местные языки „безболезненно, не нарушая обычного хода работ учреждений".

В первой группе постановлений звучит только стремление к „скорейшему переходу" аппарата на национальные языки, с явным отрицательным отношением к русскому; во второй заметен уже деловой подход к вопросу.

Практика показала затруднительность осуществления даже, казалось бы, наиболее простого требования декрета № 130 — издания местных законов на четырех языках (русском, узбекском, туркменском и киргизском).

В октябре 1923 года, по докладу центральной комиссии по переводу делопроизводства на местные языки, представленному народным комиссаром внутренних дел Аралбаевым, Президиум ТуркЦИК принял ряд новых практических директив и одобрил „Положение о порядке применения четырех государственных языков, установленных декретом № 130"; в этом акте мы видим разбивку республики на районы узбекского, туркменского и киргизского языка, с преимущественным применением одного из них; признание права родного языка при обращениях в государственные учреждения за гражданами из национальных меньшинств, при чем учреждения отвечают по возможности на том же языке, „или на языке района". Допущенная в Закавказьи возможность для незнающих языка района прибегать к русскому языку как языку-связи, — в Туркестане не была оговорена. Однако, язык-связь признан в сношениях высших органов республики с учреждениями других союзных и автономных республик; таким языком считается русский или, в сношениях с республиками, местный по особому соглашению; русский язык сохранен как язык-связь в тех частях аппарата, где переход на местные языки об'ективно пока невозможен и в специальных частях аппарата местных органов, по соглашению с руководящими ведомственными властями; как правило,

однако, центральные учреждения, включая и разные учреждения федерации в пределах Туркестана, и об'единенные наркоматы, сносятся с местными органами на местном языке района, и русский язык для низовых органов в сношениях с высшими необязателен.

На ряду с установлением этих общих норм выдвинут был ряд конкретных предписаний о распределении практикантов, ученичества в предприятиях, выработке форм делопроизводства[1]) и т. д. Проведение их фатально упиралось в недостаток средств у учреждений на содержание большого числа практикантов и на выплату выходных прежним работникам, заменявшимся новыми в порядке сокращения штатов на основании особого соглашения Народного Комиссариата Труда с местными профсоюзами; сказывались и практические неудобства введения в аппарат большого количества наскоро подученных работников, вытеснивших прежних.

За средствами пришлось обратиться в центр федерации[1]) и 15 декабря 1923 г. Президиум ВЦИК поставил вопрос в практические рамки, отпустив в целях приближения аппарата к населению и введения параллельного делопроизводства на русском и местных языках необходимые кредиты на практикантский состав сверх постоянного административного кадра, в количестве не более 10% его (С. У. 1924, № 1, ст. 6).

* * *

Изложенное законодательство Туркестанской Республики не потеряло силы с созданием Узбекистана, а, напротив, было подтверждено трижды как общим декретом Ревкома УзССР 27 ноября 1924 г. о сохранении в силе действующих в разных частях республики законов впредь до замены новыми (С. У. УзССР, № 1, ст. 2), так специально в отношении института практикантов декретом 31 декабря 1924 г. об обязательном ведении делопроизводства на узбекском языке (п. 4) и в отношении общих начал и правил циркуляром УзЦИК 21 марта 1925 года (п. 1).

Вместе с тем Узбекистан издал ряд своих собственных узаконений по вопросу о языках (кроме уже упомянутых): 2 и 13 декабря 1924 г., 3 марта 1925 г., составляющих порядочную тетрадку. Основными линиями этого законодательства являются принципиальное равноправие всех наций и приближение аппарата государства к населению, при чем всем национальным меньшинствам обеспечивается необходимое для культурного и экономического развития „в смысле суда, управления и просвещения на родном языке“ (2 дек. 1924 г.).

Надо, однако, сказать, что право языка национальных меньшинств, равно как вопрос о языке-связи очень мало затрагивается законодательством УзССР, и по этим вопросам приходится, повидимому, считаться с подтверждением туркестанских декретов.

---

[1]) Протокол ТуркЦИК 7 окт. 1923 г., № 116.

[2]) Местный бюджет и хозяйство Туркестана были жестоко подорваны гражданской войной 1920—1923 гг. Достаточно указать, что цитированный сборник „Шесть лет национальной политики советской власти“ отмечает убыль населения на 387 тыс. человек в три года, сокращение скота на 43% и огромное падение посевной площади,

Главной задачей нового законодательства является „твердое проведение“ узбекского языка, признаваемого „государственным“ (п. 1 и 2 цирк. 21 марта 1925 г.). Узбекский язык имеет, по буквальному тексту закона 31 дек. 1924 г., исключительное применение „в пределах бывших Бухарской и Хорезмской Республик“ (в части, отошедшей к Узбекистану), в делопроизводстве всех учреждений и организаций до кооперативов включительно; он же исключительно применяется во всех учреждениях, организациях и предприятиях, включая кооперативные, в их работе на территории волостей и уездов.

Монополия узбекского языка, однако, отнюдь не может считаться безусловной, поскольку Собрание Узаконений издается с двумя параллельными текстами — узбекским и русским, к которым в ближайшем будущем присоединяется таджикский [1]), делопроизводство по финансовым и специально-техническим вопросам, впредь до подготовки специалистов из коренного населения, идет по-русски и по-узбекски и такой же смешанный или, по определению закона, параллельный характер носит делопроизводство в ряде областных и центральных учреждений, включая кооперативы; бумаги на узбекском языке идут через специальные узбекские отделы, организованные при учреждениях, согласно декрета 31 дек. 1924 г.

В селениях, городах и волостях с большинством населения не узбекского языка установлено параллельное делопроизводство на узбекском и местном языках [2]); при этом узбекское делопроизводство официально считается основным при сношениях с другими учреждениями: подписи должны ставиться на узбекском тексте (п. 3 цирк. 21 марта 1925 г.). Законопроекты, согласно наказу Президиума УзЦИК от 10 декабря 1925 г. (С. У. УзССР, 1926 г., № 4, ст. 13), должны представляться в Президиум в узбекском и русском тексте. Большое внимание обращено на развитие и охрану института практикантов и организацию специальных центральной и местной комиссий по национализации государственного аппарата.

Стоит отметить при этом любопытную борьбу и чередование двух терминов „национализация“ и „коренизация“ аппарата, в которых отражается смесь в современной советской Средней Азии националистических элементов (особенно сильных в мелко-буржуазной и торговой бывшей Бухаре) и социалистических течений (Фергана, Туркменистан); для вторых существеннее, конечно, коренизация, т.-е. связь аппарата

---

[1]) Согласно новой конституции, принятой 31 марта и обращенной к опубликованию 11 июля 1927 г. (получена во время сдачи рукописи), декреты и постановления правительства Узбекской ССР должны публиковаться на узбекском, русском и таджикском языках. Всем национальным меньшинствам обеспечивается право родного языка.

[2]) Однако декретом 3 января 1926 г. о комиссии по делам национальных меньшинств при УзЦИК на эту комиссию возложено, в частности, представление соображений о выделении районов с делопроизводством на языке большинства местного населения (С. У. УзССР, 1924. № 1, ст. 2, § 4).

с массами, а отнюдь не языковый национализм сам по себе, с его не избежным следствием — отгораживанием и неравенством [1]).

Точка зрения коренизации выдвинута сильнее в Туркменском законодательстве (поскольку автор этих строк мог с ним ознакомиться).

Со своих первых шагов 18 января 1925 г. молодая республика установила у себя два государственных языка в законодательстве и параллельное, точнее смешанное, делопроизводство в высшем и среднем аппарате, кроме трех туркменских округов, работающих по-туркменски: все низовые органы работают на языке большинства населения данного района и на том же языке сносятся с высшими; центральные органы пишут низовым на обоих языках.

Интересы национальных меньшинств специально обслуживаются. Вопрос о языке-связи получил пока лишь косвенное разрешение в установлении 6 мая 1925 г. в Туркменской национальной военной школе обязательного изучения русского языка, как необходимого для будущих командиров и для прохождения ими высших военных заведений Союза ССР [2]).

* * *

Взятое в целом, языковое законодательство средне-азиатских республик представляется довольно пестрым и незаконченным: идея равноправия языков — притом в отношении лишь двух из них — намечена без прямого признания в законодательстве Туркменистана; в узбекском праве заметен перегиб на обязательный государственный язык с допущением вспомогательных местных; значение языка-связи несколько стушевано сейчас, хотя было ясно отмечено в 1923 году. Надо, однако, заметить, что население начинает все больше сознавать его значение — в этом отношении характерен факт очень охотного изучения и даже требования русской грамоты населением вдоль линий железной дороги в Туркменистане [3]). Это растущее сознание и вероятная латинизация местного алфавита [4]), облегчающая ликвидацию безграмотности и изучение местных языков, дают шансы на под'ем действительного равноправия языков.

§ 15.

Западные члены Советского Союза — Украина и Белоруссия — столкнулись с вопросом о равноправии языков сравнительно рано

---

[1]) Согласно постановлению УзЦИК 8 янв. 1927 г. (С. У. УзССР, 1927, № 1, ст. 3) термин „национализация" заменен „узбекизацией".

[2]) Вопрос о языке командования и обучения в национальных частях средне-азиатских республик поставлен так же, как в Закавказьи.

[3]) См. „Власть Советов", 1926 г., № 9.

[4]) Необходимость латинизации шрифта признана постановлением УзЦИК 10 июня 1926 г. (С. У. УзССР, 1926, № 11—12, ст. 46), при чем отмечено, что это „дело не одного года". Для проведения ее образованы специальный центральный и местные комитеты по введению ново-узбекского алфавита (С. У. 1926, № 25, ст. 117, 16 окт. 1926 г.); в Туркменистане аналогичный комитет по ново-туркменскому алфавиту создан 7 апр. 1927 г. (прот. ТуркмЦИК, № 116).

(впервые в 1919 году), и их законодательство по этому вопросу отличается сравнительно большой разработанностью и полнотой [1]).

В дореволюционную эпоху обрусительная политика в Белоруссии и на Украине, осложнявшаяся, особенно в Белоруссии, антиеврейской линией, вызвала сильное обострение национального вопроса, доходившее до ненавистничества и вызывавшее крайне националистические увлечения в рядах украинских и белорусских социалистов. С этими увлечениями в свое время много спорил и боролся Ленин [2]). И на этих увлечениях, а также на националистических предрассудках мелкой буржуазии и крестьянства строили свои расчеты в разгаре революционной борьбы сильные антисоветские группы на Украине и в Белоруссии, выдвигавшие лозунги народных республик и всячески подчеркивавшие значение национального государственного языка,— даже когда обращались на нем за помощью к иностранным интервентам [3]).

Эта ставка на национальность не всегда оказывалась ошибочной— достаточно вспомнить неоднократные „смены власти“ в Минске, Киеве и даже Харькове и националистическую окраску крестьянского бандитизма и партизанщины на Украине. В такой обстановке выдвигание лозунга равенства в с е х наций и языков, как условия мирного строительства, приобретало особое значение для советской государственности: и уже в марте месяце 1919 года — между германской и польской интервенциями — правительства советских республик Украины и Белоруссии подчеркивают именно этот лозунг.

В своей конституции 14 марта 1919 г. Украинская ССР „стремясь уничтожить вместе с делением общества на классы также национальный гнет и национальную рознь“ (ст. 4) и „признавая равные права за трудящимися, независимо от их расовой и национальной принадлежности, об'-являет противоречащим основным законам Республики установление или допущение каких-либо привилегий или преимуществ на этом основании а равно какое бы то ни было угнетение национальных меньшинств или ограничение их равноправия“ (ст. 32) и ставит в своем гербе девиз на двух языках — „русском и украинском“ (ст. 34).

Почти одновременно советская Белоруссия также повторяет в ст. 15 конституции 4—6 февраля 1919 г. формулу о недопущении угнетения

---

[1]) См. в „Жизни Национальностей“ 1918—1924 г. статьи по украинскому и белорусскому вопросам, в частности статьи В д о в и ч е н к о и Ч е р в я к о в а в № 1 за 1923 г. (в том же № указатель к небольшим статьям 1918—1922 гг.). Т у р у к, Ф. Белорусское движение (1921); сборники „Советская Белоруссия“ (1922) и „Беларусь“ (1924); отчеты правительств БССР и УССР к V Всебелорусскому и IX Всеукраинскому с'ездам Советов (в последнем главу „украинизация“). Т р а й н и н. СССР и национальная проблема, 1924; Е н у к и д з е, А. С. К вопросу о национальных языках, „Советское Строительство“, 1926, № 1, и его же статью во „Власти Советов“, 1925, № 45.

[2]) Л е н и н. Собр. соч., т. XIX, стр. 46, 47, 52—53.

[3]) Знаменитая телеграмма белорусской рады Вильгельму II с просьбой о защите против большевизма была составлена на белорусском языке (см. Т у р у к, приложения), украинский гетман Скоропадский, опиравшийся на немцев, всегда, однако, подписывался по-украински „Павло“ (а не Павел).

национальных меньшинств и ограничении их равноправия (воспроизведение ст. 22 конституции РСФСР 1918 г.[1]) и 21 марта 1919 г. признает общегосударственными языками пять языков — литовский, польский, еврейский, русский и белорусский. Упоминание о литовском языке в Белоруссии об'ясняется происходившим тогда кратковременным и незавершенным об'единением Белоруссии с Литвой (так наз. „период Литбела“)[2]).

В этих актах следует отметить более широкую постановку вопроса в Белоруссии и нарочитое — с несомненной целью подчеркнуть отсутствие националистического шовинизма — отнесение украинского и белорусского языков на последнее место, вопреки их наибольшей распространенности[3]).

Тяжелый толчок польской войны помешал выдвинутым лозунгам получить какое-либо практическое осуществление, и только в следующем году законодательство Украины и Белоруссии вновь возвращается к языковому вопросу.

При этом движение возобновляется, так сказать, с декларативной точки. Президиум ВУЦИК 21 февраля 1920 г. указывает, что во всех учреждениях УССР украинский язык должен применяться наравне с „великорусским“ и что „никакое преимущество для великорусского языка недопустимо“. Из текста декрета (С. У. УССР, 1920 г. №1, ст. 5) следует что причиной его издания были отказы в принятии заявлений на украинском языке — в частности, со стороны начальников военных отрядов,— вызывавшие, естественно, раздражение среди местного населения и заставлявшие его смотреть на советский аппарат, как на своего рода завоевателей. Учитывая этот результат, декрет грозит отказывающимся принимать заявления по-украински „всей строгостью военно-революционных законов“— угроза, которая при отсутствии достаточного числа украинских работников так же легко могла остаться без последствий, как провозглашенное Белоруссией 1 августа 1920 года в ее Декларации Независимости, установление „полного равноправия языков белорусского, русского, польского и еврейского в сношениях с государственными учре-

---

[1]) Повторение ст. 22 акта 10 июля 1918 г. мы встречаем и в некоторых позднейших советских конституциях — азербейджанской (ст. 11), грузинской (ст. 7, несколько измененная), туркестанской 24 сент. 1920 г. (ст. 24), но эта формула сама по себе не помешала Грузии выдвинуть государственный грузинский язык.

[2]) См. Гутковский, сборник „Беларусь“ стр. 225 и Дурденевский, „Конституционное строительство ССР Белоруссии“, „Советское Право“, 1924, № 1, стр. 99—100.

[3]) Изменения границ влияли, конечно, на национальный состав; в границах 1924 г. после укрупнения Белоруссии, имелось, согласно цифр Трайнина (цит. соч. стр. 56 и 177), на Украине: украинцев—74%, русских—13,1%, евреев—6,8%, немцев—1,4% и т. д. в Белоруссии: белоруссов — 70%, русских —17%, евреев —9%, поляков—2% и т. д.; отчет IX Всеукраинскому с'езду 1925 г. показывает несколько меньшую цифру для украинцев (72%), по новейшим данным Буценко, основанным на последней переписи в 1927 г: на Украине 80%,— украинцев, 9,2%— русских, 5,8%— евреев и т. д. („Изв. ЦИК“, 1927, № 147); издание харьковского НКВД „Национальный состав УССР“ (1923), сейчас считается определенно устаревшим.

жденіями и в органах и учрежденіях народного просвещения и социальной культуры“ [1]).

Стоит заметить, что, сознавая недостаток подготовленных советских работников, и украинский и белорусский законодатель требует применения местных языков прежде всего в сношениях с населением; но украинская формула шире, скрывая в себе потенциальную возможность перехода на параллельное украинское делопроизводство (язык должен применяться в учреждениях); белорусская осторожно указывает лишь язык внешнего делопроизводства (сношения с населением) и язык школы.

Подготовку необходимых кадров Украина начинает с того же 1920 года,— в первую очередь по линии народного комиссариата просвещения, предписывая принять меры к изучению украинского языка и к правильной жизненной постановке украиноведения на курсах по подготовке преподавателей (циркуляр 4 мая 1920 г.); конечной целью работы ставится при этом создание „украинских национальных форм культуры путем коммунистического воспитания масс“.

Декрет 21 сентября 1920 г., поручая Наркомпросу обратить внимание на серьезное изучение украинского языка работниками просвещения, перевести ряд учебных заведений на украинский язык преподавания и озаботиться изданием учебников на украинском языке в достаточном количестве, вместе с тем отметил необходимость организации обучения украинскому языку советских служащих (вечерние школы) и привлечения во все учреждения сотрудников, знающих украинский язык и могущих на нем удовлетворять запросы населения.

Здесь намечалась уже практическая программа, осуществление которой могло потребовать значительного времени. На ту же практическую почву встал 4 февраля 1921 года ЦИК Белоруссии, предлагая своему Народному Комиссариату Просвещения принять меры по введению белорусского языка в школах, с сохранением, однако, в школах национальных меньшинств преподавания на материнском языке.

В изданных во исполнение этого постановления циркулярах указывалось на значение преподавания на родном языке, или „белоруссизации школы“, как основы „для углубления культуры среди массы белорусского населения“ [2]).

В 1921—1922 гг. в украинском и белорусском законодательствах наблюдалось отсутствие специальных актов по языковому вопросу, на ряду с чем шла интенсивная работа учебных ведомств по проведению национальных языков в школах в ведомственном порядке.

Вместе с тем, как характерный показатель политического значения, которое украинское и белорусское правительство придавали в это

---

[1]) В связи с отделением новой западной границей (по Рижскому миру 1921 г.) Литвы от Белоруссии упоминание о литовском языке в белорусском праве исчезает.

[2]) Я пользуюсь здесь сведениями и циркулярами Белорусского Наркомпроса (особенно циркуляры 18 октября 1921 г., 3 марта 1922 и 14 сент. 1922 г.). Циркуляр 3 марта, из которого дана выдержка в тексте, указывает на сравнительно малые результаты в течение первого года.

время языку преобладающего населения страны, надо отметить факт, что союзные договоры с РСФСР (украинский 28 дек. 1920 г., белорусский 16 янв. 1921 г.) заключались на двух языках — русском и украинском, русском и белорусском. Рижский мирный договор с Польшей имеет, кроме русского и польского, украинский текст. Договор УССР с Чехо-Словакией 6 июня 1922 г. заключен на украинском и чешском языке, и т. д. В Собрании Узаконений УССР параллельный русскому украинский текст появился с 1920 г. (с перерывами по техническим причинам).

Наконец, следует отметить, что в Уголовно-Процессуальном Кодексе УССР 13 сентября 1922 г. (С. У. УССР № 41) статья 22 устанавливала судопроизводство „на одном из двух государственных языков — украинском или русском“ или на языке наиболее значительного национального меньшинства данной местности [1]).

В 1923 году, в связи с определенным признанием национального начала в строительстве Союза ССР конституцией 6 июля 1923 года и с постановлениями XII с'езда коммунистической партии о развитии законодательства по обеспечению применения национальных языков (см. выше § 12), Украина и Белоруссия вновь возвращаются к законодательной разработке языковой проблемы—Украина летом, Белоруссия осенью 1923 г. При этом украинское законодательство, идущее по времени несколько впереди, начиная с 1924 года оказывает на законодательство БССР заметное влияние, почему на украинских актах следует остановиться в первую очередь.

* * *

Подготовительная работа украинского Наркомпроса по созданию национальной культуры к началу 1923 года прошла крупный этап в виде Кодекса Законов о народном просвещении УССР (12 ноября 1922), определенно принявшего принцип работы на родном языке, с отрицанием „всякой искусственной украинизации“, но с учетом удельного веса украинцев в общей массе населения.

Стремясь к „обеспечению наиболее полного развития национально-культурных форм жизни украинского народа—языка, литературы и искусства, являющихся мощным средством приобщения масс города и деревни Украины к мировой культуре“, Комиссариат Просвещения провел через СНК УССР 27 июля 1923 года обширный декрет о мерах по украинизации учебно-воспитательных и культурно-просвети-

---

[1]) Белоруссия 24 июня 1922 г. распространила Уголовно-Процессуальный Кодекс РСФСР 1922 г. на свою территорию с 15 июля 1922 г. (С. У. БССР, № 5, ст. 81), не изменяя ст. 22 („на языке русском или большинства населения“). Ср. еще С. У. БССР, 1924 г., № 4, ст. 41, о применении 2-й редакции этого Кодекса, без изменений ст. 22. В Уголовно-Процессуальном Кодексе УССР 20 июля 1927 г. (С. У. УССР, 1927 г., № 36—38) ст. 23 устанавливает, что „производство по уголовным делам должно вестись на украинском языке, а в национальных камерах суда—на языке соответствующего национального меньшинства“, со специальными гарантиями по обеспечению интересов участвующих в деле лиц (см. приложение)

тельных учреждений; в декрете дан длинный ряд директив о планомерном переходе преподавания на украинский язык, в довольно быстром темпе, по учреждениям социального воспитания и в ряде высших школ (в особенности в педагогических, а также в медицинской); дано предписание о введении вступительных и выпускных экзаменов по украинскому языку в высшей школе; даны директивы по издательству, по разработке украинского академического словаря и научной терминологии, по подготовке профессуры, знающей в совершенстве украинский язык, и т. д.; при этом в школах национальных меньшинств преподавание должно вестись на родном языке, с изучением русского или украинского в качестве обязательного предмета, по выбору данного национального меньшинства (неясно, как этот выбор производится); во всех украинских школах сохраняется в качестве обязательного предмета преподавания русский язык, как язык, имеющий общегосударственное и общесоюзное значение и приобщающий украинский народ к культуре Союза ССР [1]).

В изложенном декрете, как легко заметить, преобладает линия разработки украинской культуры, виденная нами уже в циркулярах 1920 г. и направленная к возможному фактическому уравнению двух культур, старой российской и новой украинской.

В изданном спустя три дня другом декрете украинского СНК—„о мерах обеспечения равноправия языков“ (1 авг. 1923 года) проведена вторая линия украинского права по языковому вопросу—линия приближения управления к населению, „украинизации всего государственного аппарата“.

Во вводной части декрета указывается, что, несмотря на энергичную работу по развитию украинской школы и распространению украинской книги, неравенство русской и украинской культур, установившееся в результате векового гнета, еще не устранено. Задача правительства УССР — устранить это неравенство и вместе с тем приблизить государственный аппарат к языку, нуждам и быту украинского народа.

Поэтому, считая, что знание русского языка, являющегося средством общения с самым крупным национальным меньшинством на Украине и с народами всего Союза, приобщает украинскую культуру к имеющей мировое значение культуре русской, правительство УССР полагает, однако, необходимым сосредоточить в ближайшее время внимание на распространении украинского языка, как более слабого в своем школьном и книжном развитии, не соответствующем численности и удельному весу украинского народа в составе населения УССР.

Декрет подтверждает равноправие языков всех национальностей, населяющих Украину, предоставляя каждому гражданину

---

[1]) Сопоставление двух мест о значении украинского и русского языков может дать впечатление, что первый важен для приобщения к мировой, а второй—только к советской культуре. Но, как видно из текста почти одновременно изданного декрета от 1 августа, перед нами не национальная надменность, а неудачная редакция.

право родного языка в общественной жизни и в сношениях с администрацией, и широко допуская выделение административных единиц с ведением делопроизводства и сношений с населением на местном языке преобладающего в данной единице национального меньшинства (национальные округа). Ввиду „политического и культурного удельного веса русского языка“, последний признается, вместе с украинским, имеющим наибольшее распространение в Республике; под политическим весом в данном случае разумеется, очевидно, „общесоюзное значение“ (декрет 27 июля) русской речи, ее роль как языка связи. Эта роль учтена Украиной в указании, что в межсоюзных сношениях и сношениях с государственными органами и общественными организациями, ведущими работу на русском языке, употребляется русский язык (1 августа, ст. 12); специально предусмотрено, что для бригад сквозных поездов „общесоюзных магистралей“ не обязательно знание двух наиболее распространенных языков, украинского и русского (повидимому, достаточно второго).

Все остальные государственные служащие обязаны знать два наиболее распространенных языка—украинский и русский, при чем, в соответствии с численным перевесом украинского населения, „в качестве преимущественного языка для официальных сношений избирается украинский“.

В обращениях власти к населению в целом (т.-е. в законах, обязательных постановлениях, воззваниях и т. д.) употребляются оба языка—украинский и русский [1]). На этих же языках, как правило, должны параллельно писаться документы публично правового характера (напр., удостоверения личности), выдаваемые центральными и окружными органами. Никто не может быть зачислен на службу в государственное учреждение без знания обоих распространенных языков [2]); допускаются исключения для незнающих украинского языка в особо важных случаях, с обязательством выучить его (в шесть месяцев). Исключения для незнающих русского языка закон 1923 г. предвидит только для районов и сел (ст. 20, прим. 2), где требуется язык большинства населения и один из распространенных. При этом не оговорено, что языковые требования не касаются выборных должностей, но на практике это подразумевается, равно как и нераспространение этих требований на рабочих (вероятно, с целью избегнуть смешения закон употребляет термин „государственной службы“).

Состоящие на службе лица обязаны овладеть обоими языками в течение года,— требование нереальное при отсутствии нужного кадра инструкторов и средств на обучение и оставшееся, действительно, нереализованным.

---

[1]) В соответствии с преимущественным значением украинского языка, он ставится первым.

[2]) В развитие этого постановления 11 марта 1927 г. издано специальное постановление комиссии по украинизации (С. У. УССР, 1927 г., II отд., № 11, ст. 87), о котором ниже.

Изучение языка служащими и переход на украинское делопроизводство заполняет собой всю остальную часть декрета, в конце концов несколько затушевывая его принципиальную сторону.

Почти все центральные органы УССР и ряд местных органов общесоюзных комиссариатов, имеющих ближайшее соприкосновение с населением (налоговые органы, почтовые отделения, военные окружные комиссариаты) [1]), переходят в течение года на украинский язык; язык делопроизводства местных органов определяется в зависимости от состава населения.

В центральных и окружных органах юстиции, уголовного розыска и нотариата допущено смешанное делопроизводство на украинском и русском языках, в районных органах оно должно быть украинским, за исключением участков с преобладанием национальных меньшинств, судоговорение происходит на языке судопроизводства, но за обвиняемыми, потерпевшими, свидетелями, экспертами и понятыми сохраняется право говорить на родном языке, и суд может предоставить это право и другим участникам процесса [2]).

Декреты 27 июля и 1 августа 1923 года — из которых сами украинцы считают основным второй — составляли, несомненно, очень крупные шаги по разрешению двух стоявших перед украинским правительством задач: „сделать украинскую школу с национальным украинским языком — советской школой и сделать украинский язык — языком советской власти“ [3]).

Серьезным препятствием к осуществлению указанных задач служили: подавляющее преобладание служащих „русского языка“ (в высших учреждениях до 90%), расшатанность средств УССР тяжелыми 1919—1921 г.г. и значительность расходов по украинизации, особенно школьной, вызвавшая даже необходимость обратиться в общесоюзные инстанции в апреле 1924 года за соответствующими кредитами.

За всем тем проведение декретов 1923 года на практике пошло с чрезвычайной быстротой: к началу 1925 года из 15.000 школ социального воспитания на Украине 12.000 перешло на украинский язык (как и

---

[1]) В законе говорится еще о губернских органах; но 3 июня 1925 г. губернии на Украине упразднены.

[2]) Мы видели выше постановления Уг. Проц. Кодекса УССР о языке судопроизводства—украинском, с допущением языков меньшинств; согласно § 14 Положения о нотариате 20 апреля 1923 г. (С. У. УССР, 1923 г., № 13, ст. 232), совершаемые и свидетельствуемые документы могут быть изложены на украинском, русском или иностранных языках с переводом на русский или украинский, при чем „знание русского и украинского языков для нотариусов обязательно“ (последняя фраза исчезла при переиздании 16 декабря 1925 г., ввиду того, что украинский язык стал к этому времени общеобязательным в учреждениях); и, наконец, Гражданско-Процессуальный Кодекс УССР 3 сентября 1924 г. в § 9 устанавливает, что „производство ведется на языках украинском или русском или соответственно на языках других национальных меньшинств“, согласно инструкций НКЮ и с охраной права родного языка (см. приложение).

[3]) Отчет рабоче-крестьянского правительства Украины за 1923—1924 г. (к IX Всеукраинскому Съезду Советов), Харьков, 1925, стр. 13 сл., цифровые данные в тексте взяты из того же отчета.

следовало ожидать, сельские учителя оказались большими сторонниками реформы); Украинское издательство дало 4.000.000 учебников на украинском языке — 80% всей продукции учебных книг против 35% в 1923 г.; низовой советский аппарат (районы) на 75% перешел на украинский язык, до 40% работников центральных учреждений знали украинский язык, при чем общее число украинских бумаг в центре составляло до 47% и в Народном Комиссариате Юстиции поднималось до 80%.

Очень энергично шла украинизация высшей школы, хотя декретом 27 июля 1923 предписывалась в этом направлении известная осторожность („не снижая уровня преподавания"). Педагогические высшие институты были украинизированы первыми, как наиболее нужные для украинской школы.

В вышеуказанных трудных условиях данные достижения можно считать блестящими, и, поскольку процесс выравнивания культур должен быть неизбежно длительным, чтобы быть прочным, некоторое удивление вызывает стремление украинского законодателя к еще большему „ускорению проведения полной украинизации", подчеркнутое в отчете IX Всеукраинскому С'езду, и в принятых, после признания С'ездом политики правительства правильной, декретах 30 апреля и 16 июля 1925 г. о мерах к срочной и полной украинизации государственного аппарата и о практических мероприятиях по ее проведению.

Оба указанных декрета и изданные на их основании постановления всеукраинской Центральной Комиссии по украинизации советского аппарата от 15 и 31 декабря 1925 года и 15 июня 1926 г. содержат ряд очень детальных, иногда мелочных — постановлений по украинизации, вплоть до украинизации надписей, этикеток, бланков, штампов, биржевых документов и т. д. Но среди мелких подробностей, подчас напоминающих об языковом законодательстве прежней Австрии (чешском, галицийском), необходимо выделить более важные новые моменты: обязательность перехода на украинское делопроизводство к 1 января 1926 года *всех* учреждений УССР (а не только указанных в декрете 1 августа 1923), за исключением непосредственно обслуживающих национальные меньшинства; обязательность украинского делопроизводства в сношениях с населением для общесоюзных учреждений; обязательность ликвидации украинской неграмотности служащих с возможностью увольнения *без компенсации* по Кодексу Законов о труде в случае, если руководители учреждения усмотрят упорное уклонение от изучения языка; создание специальной комиссии по украинизации, упомянутой выше, с обширными контрольными и нормативными полномочиями, превращающими ее в своего рода Наркомнац по насаждению украинского языка, и с сетью местных комиссий; непременное требование украинского языка в выдаваемых гражданам документах публично-правового характера и вывесок учреждений, в отличие от 1923 года *лишь с допущением* („предоставляется право") параллельного русского текста и, наконец, предписание служащим перейти в обращении с населением на украинский язык.

Если прибавить появление в 1926 г. сообщений о внесении украинским Наркомпросом нового законопроекта об окончательной украинизации школ средних и высших и постановление украинизационной комиссии о ликвидации незнания служащими украинского языка к 1 апреля 1926 г., после чего все незнающие независимо от их служебного положения будут уволены („Изв. ЦИК" 1926, № 23 и 25), — то получится впечатление усиленного внедрения обязательного государственного языка, своеобразного перегибания на „местный шовинизм", — с риском, как правильно указал А. С. Енукидзе, серьезного „разобщения с русской культурой", значение которой, однако, официально признается[1]).

Некоторую долю этого перегиба надо отнести на счет увлечения борьбой с остатками у части служащих „великодержавных настроений", которыми отчасти об'ясняется вялость проведения украинского языка (см. декрет 30 апреля 1925 г., откуда взята и подчеркнутая оговорка). Но, помимо того, что эта вялость не подтверждается цифрами, из того же декрета видно, что для нее были очень реальные причины: отсутствие надлежащей организации обучения, отсутствие поощрения самодеятельности и т. д. Нужно еще учесть, что усталость после службы, недавняя реформа украинского правописания, разница литературного украинского (галицийского) языка с привычным говором восточной Украины, недостаток опытных корректоров — делают ликвидацию украинской неграмотности очень не простой.

Поэтому А. С. Енукидзе, несомненно, прав, возражая против увлечений „жесткой" украинизацией; нужно добавить, что такие увлечения приводят иногда к требованиям технически невыполнимым для самих украинцев: так, предписание декрета 30 апреля 1925 года издать академический и технические словари украинского языка к 1 января 1926 года — намеченной дате перехода на украинское делопроизводство — не могло быть полностью выполнено, несмотря на исключительную энергию Украинской Академии. И 11 марта 1927 года постановление Центральной Комиссии по украинизации о требовании знания украинского языка от поступающих на государственную службу уже явно учитывает технические условия, не требуя знания украинского языка от лиц, не имеющих отношения к делопроизводству, от приглашаемых на время из других республик и т. д., и заботясь об организации подготовки.

Жесткость и срочность в проведении украинизации, несомненно, находят очень серьезное об'яснение в запросах и нуждах украинского

[1]) См. Енукидзе, А. „Партийные директивы и национальная политика на местах", „Власть Советов", 1925, № 45, „можно ли так безапелляционно-жестко требовать не приобщения к русской культуре, а разобщения с ней" — спрашивает автор по поводу декрета 30 апреля 1925 г. — „Ведь сам Президиум ВУЦИК еще 1 августа 1923 года заявил: „что русский язык, перестав быть средством угнетения в руках привилегированных классов, является, наоборот, средством приобщения украинской культуры к высоко развитой и имеющей мировое значение русской культуре" (стр. 4). — Ср. еще интересные прения на второй сессии ЦИК СССР III созыва в апреле 1926 г. (стен. отчет, стр. 458 и слл.) и в президиуме Совета Национальностей ЦИК 24 и 25 июня 1927 г. („Изв. ЦИК", 1927, № 147).

крестьянства: украинская деревня предпочитает в администрации свой язык и, поскольку эта деревня сейчас сильно наводняет ранее русский город (в Харькове доля украинцев в населении с 25% поднялась до 40% за несколько последних лет), она нуждается в своем языке и здесь. Но учитывание этого процесса еще не обязывает, конечно, к националистическим крайностям и к увлечению западными образцами и если жесткая борьба с неправильными вывесками (австрицизм) может, в конце концов, встречать критику только с бюджетно-сметной точки зрения, то жесткое заграждение доступа в университет лицам, не знающим преимущественного языка (тоже старо-австрийская практика), есть нечто, вызывающее представление о „шовинизме", говоря термином А. С. Енукидзе и во всяком случае о стремлении к полной украинизации.

Надо думать, однако, что украинское законодательство не увлечется идеей всецелого и всемерного украинизирования: в сельских округах оно проявляет большую заботу о правах национальных меньшинств, создав значительное количество национально-административных единиц[1]); IX Всеукраинский С'езд, подчеркнув признание права наций на самоопределение, утвердил конституцию автономной Молдавской республики, где, между прочим, равноправие языков сделано одной из норм основного закона; но поскольку соблюдаются права меньшинств сельских, должны будут учитываться и интересы меньшинств городских — русского и еврейского.

И эти меньшинства, вопреки временным веяниям и „уклонам" и благодаря могучим связующим свойствам современной техники и подвижности современного рабочего, вероятно, поддержат необходимую живую сцепку культур Союза.

Следует отметить, что в 1927 г. наступила своего рода стабилизация украинского законодательства по языковому вопросу. Обширное Положение „об обеспечении равноправия языков и о содействии развитию украинской культуры", утвержденное ВУЦИК и СНК УССР 6 июля 1927 г. (С. У. УССР, № 34, ст. 57), систематизировало, отменило и заменило собой почти все предшествующее законодательство, тщательно подведя его итоги и несколько усилив роль языков национальных меньшинств[2]).

Попрежнему признаются равноправными языки всех национальностей, населяющих территорию УССР, право каждого пользоваться родным языком, преимущественное значение украинского языка для офи-

---

[1]) К июню 1927 г. на Украине было девять русских районов, семь немецких, три болгарских, 1 еврейский и 1 польский (см. о польских советах на Волыни закон 28 апр. 1925 года, С. У. УССР, № 70, ст. 394); национальных сельских советов было 872, и более ста поселковых, в том числе 49 русских и 69 еврейских. По сравнению с 1925 годом заметно увеличение русских советов и районов. См. Буценко, „Власть Советов", 1925, № 45, 1926, № 44 и „Изв. ЦИК", 1927, № 147; ср. еще Ривес. Работа среди нацмен. на Украине, „Власть Советов", 1927, № 21.

[2]) Положение опубликовано во время наборa первых глав этой книги. См. его текст в приложении.

циальных публикаций и сношений; систематизируются и подтверждаются ранее изданные нормы о введении украинского языка в преподавание и делопроизводство, при чем сотрудники государственных организаций, еще не изучившие хорошо украинского языка или языка местного национального большинства населения, обучаются ему за свой счет (ст. 65).

По сравнению с предшествующим законодательством, заметим: 1) очень внимательную разработку норм, относящихся к делопроизводству национально-территориальных единиц и национальных судебных камер, где преимущественное значение имеет местный национальный язык; 2) общее допущение параллельных текстов в официальных документах и публикациях, на иных, кроме украинского языках, по желанию получающих документы граждан или сообразно с национальным составом обслуживаемого публикациями населения; 3) более решительное введение украинского языка во внутреннее делопроизводство и счетоводство общесоюзных учреждений, предприятий и организаций на территории УССР, а также в их сношения с местным украинским населением (не национальными меньшинствами)[1]. При этом сношения украинских учреждений и организаций с учреждениями других союзных республик вне УССР ведутся на языке соответственной республики или русском, который может являться языком-связью и в национально пестрых административных единицах, в переписке исполкомов.

Неоднократно подчеркивается идея охраны прав национальных меньшинств, являющихся одною из основных идей нового закона: так, государственные учреждения, получающие бумаги на неизвестном им языке, обязаны подыскать переводчика; Молдавская республика имеет право урегулирования у себя языкового вопроса на основе украинского законодательства и т. д.

* * *

Весьма значительный удельный вес городских меньшинств Белоруссии, где евреи и русские в городах решительно преобладают[2]); определенное тяготение культурного слоя еврейства к русскому языку и очень трезвый и положительный учет значения этого языка белорусским крестьянином, в прошлом больше терпевшим от польского, чем от русского „паньства“ и сейчас видящим в соседях — „расийцах“ ближайшую опору в экономическом строительстве разоренной страны; наконец, сравнительно малая численность собственно белорусской интеллигенции — таковы, думается мне, главные причины того, что белорусское советское законодательство союзного периода до последнего времени держалось более осторожного темпа в языковом вопросе, чем украинское.

26 сентября 1923 года сессия Белорусского ЦИК'а ограничилась подтверждением равноправия четырех местных употребительных языков,

---

[1]) Здесь, несомненно, желательно урегулирование вопроса в общесоюзном порядке (см. выше стр. 62).

[2]) В Минске евреев до 72%, русских 13—14%.

и указанием на обязанность государственных учреждений отвечать гражданину на языке его обращения.

Вместе с тем сессия, учитывая, что, „средствами государства не удастся в Белоруссии в ближайшее время удовлетворить все культурные потребности населения“, обратилась к белорусскому, польскому и еврейскому населению с призывом помочь строительству культурно-просветительных учреждений на родном языке.

В отношении государственного аппарата было указано на необходимость переподготовки работников и в особенности изучения местных языков работниками ответственными.

С 1 сентября 1923 года (С. У. БССР, № 18) Белорусский ЦИК распространил на Белоруссию действие Гражданско-Процессуального Кодекса РСФСР, устанавливающего ведение гражданских дел на языке большинства населения (выше уже упоминалось о распространении в 1922 году уголовно-процессуальных норм).

Работа по созданию национальной школы велась белорусским Наркомпросом довольно энергично, при чем обнаружилось, в частности, предпочтение еврейским населением школ русского языка и соответственно преобладание этих школ в городах в 1922—1923 гг.

Работа по введению местных языков в аппарат затруднялась ограниченностью средств маленькой Белоруссии (тогда 6 уездов) и наличностью ряда острых нужд хозяйственного восстановления.

Белоруссы отчетливо понимали, что для прочного введения национальных языков нужна прежде всего книга на этих языках, а в отношении белорусской книги нужна большая работа над терминологией, далеко не полной; для разрешения же этих задач бюджет ставил узкие рамки.

Большое расширение белорусской территории на восток в марте 1924 года, превратившее Белоруссию в европейскую державу средней величины, вроде Дании, и значительный прилив из-за границы интеллигентных белорусских беженцев-националистов, не нашедших в Польше и Литве осуществления своих чаяний,—пополнили средства и силы; вместе с тем об'единение находившихся в разных республиках белорусских местностей, по преимуществу крестьянских, ставили задачу их национального сплочения, с учетом в то же время наличия ряда инонациональных островков: латышей в Витебщине, русских в Смоленщине и т. д. (есть даже татарские поселки).

15 марта 1924 г. VI Всебелорусский С'езд вновь, как бы мимоходом, подтверждает равноправие наций и языков.

Но уже 15 июля 1924 г. сессия Белорусского ЦИК „в целях предоставления трудящимся БССР широких возможностей использования основных законов БССР, в силу которых языки национальностей, населяющих территорию БССР, являются равноправными“ (т.-е. Декларации независимости), принимает обширный акт „О практических мероприятиях по проведению национальной политики“; в развитие этого акта 16 сентября 1925 года принят был Советом Народных Комиссаров

декрет о практических мероприятиях по проведению национальной политики в области народного просвещения в 1925—26 учебном году.

Из этих двух актов первый, 15 июля 1924 года, представляется во многом подражанием украинским законам 1 августа и 27 июля 1923 года; в его последнем разделе дан ряд директив в области народного просвещения на 1924—25 учебный год; уточненное повторение этих директив на новый учебный год дано в сентябрьском декрете 1925 года.

Необходимо оговорить сейчас же, что подражание украинскому образцу в законе 1924 года сопровождается точным учетом местных условий и в большинстве случаев довольно удачно избегает чрезмерной „жесткости".

Практические мероприятия в области национальной политики разделены законом на две группы: мероприятий общего характера и мероприятий в области народного просвещения БССР.

В первой группе мы находим признание равноправия языков белорусского, еврейского, русского и польского, при чем белорусский язык, „ввиду значительного преобладания в БССР белоруссов", избирается как „язык преимущественный для сношения между государственными, профессиональными и общественными учреждениями и организациями", а русский язык признается языком сношений органов БССР с органами СССР и других союзных республик (язык-связь).

Каждому гражданину обеспечивается право родного языка в публичной жизни и в сношениях с различного рода органами и учреждениями Республики, которые в своих обращениях к населению должны пользоваться, на-ряду с белорусскими, и другими языками, в зависимости от национального состава населения, к которому обращаются. В связи с этим все ведомства, профессиональные и общественные учреждения приспосабливают свой аппарат к обслуживанию национальных особенностей населения, устанавливая календарный план перевода делопроизводства на белорусский язык в течение трех лет, с тем, чтобы в первую очередь переходили на этот язык части аппарата, обслуживающие белорусское население.

Так, по военному ведомству в первую очередь переходят к белорусскому делопроизводству местные органы (окружные комиссариаты), а по почтовому—обслуживающие сельское население конторы и отделения.

Все сотрудники советских, профессиональных и общественных организаций и учреждений обязаны знать русский и белорусский язык, а от определяемого для каждой местности окружным исполкомом количества сотрудников—требуется также знание еврейского, польского или (в местностях со значительным количеством иного населения) латышского либо другого языка.

Тем самым польский и еврейский языки, в соответствии с реальным соотношением групп населения, оказываются в положении, близком

к положению языков национальных меньшинств, что в известной мере закреплено также в постановлениях акта 15 июля 1924 г. о публично-правовых документах и законах.

Основные и важнейшие законы БССР печатаются, хранятся и пред'являются к пользованию на четырех равноправных языках, обыкновенное законодательство—на белорусском и русском языках. Публично-правовые документы общесоюзного значения выдаются на белорусском и русском языках [1]), остальные на белорусском и одном из трех прочих.

Штампы делаются на четырех языках, печати на белорусском, а в учреждениях, обслуживающих национальные меньшинства, согласно специальному дополнению 27 марта 1926 г., — и на языке меньшинства. Соответственное правило установлено и для вывесок (24 декабря 1924 г.).

Из изложенного ясно, что среди четырех равноправных языков мы имеем два более и два менее распространенных (из первых белорусский — преимущественный, русский — общесоюзный); положение двух групп отличается друг от друга тем, что языки первой употребляются во всех законах и публичных документах и обязательны для всех сотрудников официальных органов, языки второй — употребляются лишь в некоторых определенных случаях и определенными сотрудниками.

На ряду с этим другие чисто „местные" языки могут употребляться гражданами в официальных обращениях (право языка), но не вводятся систематически в работу государственного аппарата.

Из этого положения есть, однако, два из'ятия: во-первых, в местном управлении правительство БССР широко допускает образование административных единиц—сельских и местечковых советов—с делопроизводством на национальных местных языках; эта практика одобрена VII Всебелорусским С'ездом в мае 1925 г. и закреплена в ст. 20 новой конституции [2]); во-вторых, равноправные языки второй группы приравнены к местным в нотариальных актах Положением о нотариате 6 марта 1925 года. Согласно этому Положению, оказавшему, кстати сказать, несомненное влияние на редакцию „языковой" статьи украинского нотариального закона 16 декабря 1925 г., совершаемые и свидетельствуемые акты могут быть изложены на белорусском и русском языках „или же на иностранном и местном языках с переводом на белорусский или русский язык" [3]).

---

[1]) Специально подтверждено для документов, выдаваемых для употребления вне пределов Белоруссии, декретом 18 сентября 1926 г. (С. З. БССР, № 40, ст. 148).

[2]) См. в приложении; к началу 1926 г. в Белоруссии было 51 национальный совет („Изв. ЦИК", 1926 г., № 36), обслуживавшие 150 тыс. человек.

[3]) С изданием этого Положения (С. У. БССР, 1925 г., № 17, ст. 141), отпало применение Положения о нотариате РСФСР, практиковавшееся в Минщине фактически, на основании и в пределах распоряжений НКЮ БССР (ср. С. У. БССР, 1923 г., № 5, ст. 51). Одним из этих распоряжений народный комиссар Гетнер 8 мая 1923 г. предложил свидетельствовать акты на „русском, белорусском, польском и еврейском языках" без какого-либо перевода. (С. У. БССР, 1922 г., № 8, ст. 79). Циркуляр этот сейчас заменен приведенным в тексте правилом.

Фактически мы едва ли ошибемся, сказав, что в Белоруссии устанавливается официальное двуязычие.

Для изучения необходимых языков сотрудникам учреждений дается срок согласно календарному плану—от одного до трех лет; по истечении данных сроков прием на службу лиц, не удовлетворяющих установленным языковым требованиям, не может производиться; исключения в нужных случаях допускаются, при чем лица, принятые на службу без знания белорусского и русского или иного дополнительного языка, обязаны их выучить („в течение шести месяцев“) [1]).

Для содействия изучению предписывается организовать соответственные курсы при учреждениях.

Вместе с тем законодатель посвящает очень много внимания языковому вопросу в школе или ее „белоруссизации“ (выражение закона). Преподавание в начальной и средней школе, и вообще обслуживание просветительных потребностей населения должно вестись на родном материнском языке учащихся или обслуживающих.

Белорусский и русский языки—как язык большинства населения и язык общесоюзного значения — являются обязательными предметами. Календарный план введения „белоруссизации, а также перевода на родные языки“ установлен с большими деталями на сроки до пяти лет, которые, однако, могут быть сокращаемы, и в отношении средней и высшей школы были сокращены законом 16 сентября 1925 г.

Предписаны меры к подготовке и переподготовке учителей с созданием специальных секторов педагогического факультета по польскому и еврейскому языку, к разработке белорусской научной терминологии и русско-белорусского академического словаря, к расширению белорусского издательства; кафедры в высшей школе, при прочих равных условиях, замещаются лицами, знающими белорусский язык.

От поступающих в высшую школу требуется знание белорусского языка, с допущением, однако, исключений, с тем, что поступающие обязаны изучить язык в течение года.

Принимаются, наконец, меры к оживлению белорусского театра и кинематографа.

Перевод всех надписей на фильмах на белорусский язык, с одной стороны, усиление белоруссизации педагогических техникумов и школы второй ступени — с другой, и, наконец, предложение подготовиться к переводу преподавания в высшей школе с 1 октября 1926 года на белорусский язык и при приеме студентов заботиться о равномерном обслуживании всех национальностей (наблюдался относительный перевес горожан — евреев и русских) — таковы наиболее существенные черты „дополнительного“ декрета 16 сентября 1925 г.

Календарные подробности сроков и технические детали я здесь опускаю [2]). Общее впечатление от этих сроков и от изложенных выше основных

[1]) Здесь надо заметить простое переписывание украинской нормы, неприспособленное к удвоенным требованиям.

[2]) См. приложение.

норм таково, что белорусский законодатель, несмотря на рост в Белоруссии в последнее время местного шовинизма (дело Листопада в 1926 г.), действует в языковом вопросе довольно умеренно и достаточно практично. В действительности привычка постоянного городского населения Белоруссии к разноязычию сильно облегчила переход государственного аппарата к новому делопроизводству; календарные планы, как показывает предписанная актом 18 сентября 1926 г. проверка, выполнялись довольно сносно[1]); белоруссизация средней школы встретила препятствия в недостатке педагогов, но, вероятно, при осторожном подходе к делу и расширении сети педагогических техникумов, даст результаты. Сельские школы, сеть которых стремительно растет, белоруссизируются в белорусских местностях очень успешно[2]).

Наиболее трудна в данных реальных условиях белоруссизация высшей школы (Университет, Сельскохозяйственный Институт), где знание студентами разных языков и языковый состав преподавателей говорят скорее за возможность допущения финской практики, т.-е. чтения курсов на языке, знакомом данному преподавателю, при чем возрастание числа молодых сил из рядов крестьянства должно быстро доставить белорусскому языку преобладание. Закон 1924 г. стоял именно на этой точке зрения; попытка ускорить этот процесс, намеченная в 1925 году, навеяна, видимо, украинским примером.

Заканчивая на этом обзор „режима языков“ в БССР, укажу, что 11 апреля 1927 года новая белорусская конституция довольно удачно резюмировала главные линии этого режима, закрепив равноправие четырех языков — белорусского, еврейского, русского и польского, с признанием преимущественного значения за белорусским ввиду численного значительного преобладания в Белоруссии лиц белорусской национальности, и с гарантией для национальных меньшинств национальной школы и (там, где они составляют местное большинство) возможности образовать национальные советы. Важнейшие законодательные акты печатаются на четырех языках — и так напечатана сама конституция.

* * *

Если сопоставить теперь содержание белорусского и украинского советского законодательств по языковому вопросу, подобно тому, как в начале этого параграфа сопоставлялись их первые шаги, то мы увидим сход-

---

[1]) В частности с 10 августа 1925 г. Белорусский НКЮ стал выпускать Собрание Узаконений на двух языках параллельно; стоит при этом отметить, что ни белорусское, ни украинское законодательства не дают прямых указаний на аутентичность текста; поскольку Украина требует подписи текстов и украинского и русского, а в БССР „законы предъявляются к пользованию на двух языках“, можно считать оба текста имеющими равную силу, по примеру Бельгии, несмотря на неудобства при неточностях в переводе.

[2]) Ср. в отчете правительства V Всебелорусскому С'езду Советов (БССР в 1921 — 1923 гг.) и у Енукидзе, А. Два года национального строительства, „Советское строительство“, 1927, № 4, ряд цифр по Белоруссии (стр. 42). — В 1926 г. из 4.305 начальных школ 3.794 белорусских; в 1919—20 гг. их были единицы. — О белоруссизации аппарата см. Кульбешеров в „Изв. ЦИК“ 1927 г., № 256.

ство принципов равноправия языков, права языка отдельного гражданина и „языка-связи", с выделением национальных округов, — принципов, в Белоруссии получивших конституционное значение.

В обоих законодательствах принцип равноправия привел, в главном, к установлению официального билингизма — украинско-русского, белорусско-русского, поскольку равноправие всех языков технически неосуществимо.

В Украине провозглашение такого равноправия только оттенило билингизм, фактическую наличность двух распространенных языков, в Белоруссии равноправие четырех языков привело к установлению среди них двух групп — наиболее распространенных и менее распространенных; тут сказался социальный удельный вес языка.

Учет такого „удельного веса" языков, на которых говорит преобладающее в обеих республиках крестьянство, приводит УССР и БССР к выдвиганию „преимущественного" украинского и белорусского языка, при чем очень большое внимание вызывает в обоих случаях переведение именно на эти языки государственного аппарата и школы, с риском создания некоторых стеснений в школе для русского языка. Законодательство Белоруссии при этом осторожнее в смысле темпа; но в нем нельзя не заметить своеобразной белоруссизации всех „общественных учреждений" (разумелись ближайшим образом кооперативы); чрезмерно широкая формула, по ее буквальному смыслу, обязывала бы два учреждения русской и еврейской или польской общественности в Минске и Витебске писать друг другу по-белорусски; однако, сколько мне известно, практика в этих случаях эластичнее закона.

Следует сказать, что в белорусском и украинском законодательствах о языке, несмотря на их сравнительную систематичность и тщательную размежевку „равноправных" и „преимущественных" языков, как-то мало чувствуется формально признаваемое украинским законом основное и необходимое устремление языкового права — на общность и слияние национальных культур в гармоническое целое.

Эта нота слияния более ощутима в праве старшей из советских республик — РСФСР, — к которому мы теперь возвращаемся.

§ 16

Законодательство РСФСР по языковому вопросу, после вхождения Республики в Союз ССР, отличается той же эмпиричностью и осторожностью, которые характеризовали его в до-союзный период. Первым впечатлением от него является даже известная разбросанность — так как систематических больших актов по языковому праву, аналогичных украинским или кавказским, в РСФСР пока не издавалось; соответственные нормы приходится искать и в кодексах, и в конституции, и в декретах об учреждении новых автономных республик, и в отдельных директивах Президиума ВЦИК по национальному строительству.

В этой внешней бессистемности есть внутренний смысл: она позволяет избегнуть излишнего, говоря современным термином, стандарти-

зирования языкового вопроса в частях страны, стоящих на разном уровне культуры [1]). Подход к вопросу тут конкретный, от случая к случаю, с накапливанием опыта, в общем очень выдержанный и осторожный. Для этой осторожности в РСФСР есть,— помимо указанной разнокультурности, в известной мере встречающейся и в других республиках,— две очень серьезные свои причины.

Первая из них может быть названа психологической, вторая — этнографической. Психологическая причина заключается в застарелом и устарелом, но все еще живучем среди национальных меньшинств страхе пред „великодержавными замашками“ и „великорусским шовинизмом“ былой „господствующей народности“; этот страх заставляет деятелей национальных меньшинств ревниво относиться к мероприятиям центра по национальному вопросу, и одно время, при первых шагах республики, его непрочь были использовать и даже раздуть западные соседи: Финляндия потребовала в мирном договоре 1920 г. гарантий автономии для Восточной Карелии, а в Рижском договоре с Польшей РСФСР, БССР и УССР обязались — первая за себя и за Белоруссию — гарантировать развитие языка и культуры польского меньшинства, правда, „в пределах внутреннего законодательства“ и на основе взаимности, т. е. обеспечения лицам русской, украинской и белорусской национальности в Польше права на развитие родного языка. Отсюда ясна необходимость большой выдержанности в законодательной работе.

Вторая упомянутая выше причина — этнографическая — заключается в том, что в РСФСР на преобладающем фоне русского населения многочисленные и по преимуществу „деревенские“ мелкие национальности вкраплены довольно компактными гнездами, которые в большинстве случаев относительно просто выделяются в автономные территориальные единицы. Вне этих территориальных автономий,— число которых сейчас достигает 25 [2]),— языковая проблема почти не ставится или же ставится в смягченной форме, поскольку городские национальные меньшинства коренной России в большинстве двуязычны (армяне, евреи, поляки, латыши) и к русскому языку относятся сейчас положительно, чему способствует общность экономической и рабочей среды, отдельные же

[1]) Напомним, что на ряду с почти вполне грамотными немецким или еврейским меньшинствами в РСФСР есть народности, не имеющие алфавита — вроде карачаевцев на Кавказе (алфавит вырабатывался в 1925 г.) или дальневосточных гиляков, коряков, ительменов и орочен, стоящих на охотничьей стадии хозяйства.

[2]) К середине 1927 г. числилось 11 автономных республик (Башкирская, Бурят-Монгольская, Дагестанская, Карельская, Казакская, Киргизская, Крымская, Немецкая, Татарская, Чувашская, Якутская), 12 автономных областей (Адыгейская, Вотская, Ингушская, Кабардино-Балкарская, Калмыцкая, Коми, Карачаевская, Марийская, Ойратская, Северо-Осетинская, Чеченская и входящая в Казакскую республику Кара-Калпакская), 2 национальных особых округа — Горно-Шорцевский и Черкесский, в 1926 г. выделенный из бывшей Карачаево-Черкесской области. „Развитие государственных форм малых народностей, живущих на русской территории“ сжато и выпукло обрисовано в работе под этим заголовком проф. Л а н г а н с а (Langhans), помещенной в немецком „Архиве публичного права“ за 1925 г., с диаграммой и с библиографией советского государственного права на русском и иностранных языках.

иноязычные села в Пензенской, Ульяновской (б. Симбирской), Нижегородской, Астраханской и др. губерниях легко получают национальные сельские советы, с делопроизводством на мордовском, татарском и др. языках [1]).

Внутри автономий, где имеется обычно, как увидим, значительная национальная разнородность, вопрос о равноправии языков ставится очень определенно и так же определенно решается законодательством федерации в утвердительном смысле.

Возьмем для наглядности, с одной стороны, Москву, с другой — Немецкую Республику Поволжья или Карелию, где, как мы видели (§ 11), равноправие языков было раньше всего установлено на территории РСФСР.

Было бы, пожалуй, праздным занятием торжественно провозглашать равноправие всех языков в Москве, не делая из него выводов; с другой стороны, вывести из такого провозглашения, например, публикацию постановлений Московского Совета на семи или восьми употребительных в Москве языках, начиная с русского и кончая цыганским и татарским, было бы едва ли оправдываемой тратой средств: население читает по-русски и интересуется ростом жилой площади неоспоримо больше, чем разноязычием.

Но публикация законов на трех языках в Немецком Поволжьи, где перемешаны плохо понимающие друг друга немецкие, украинские и русские села, или такая же публикация в Карелии, где трения между русскими и значительно самобытными по культуре карельскими элементами осложняются еще близостью родственной карелам Финляндии с ее равноправием языков — отнюдь не являются нецелесообразной и беспредметной „принципологией".

Здесь население хочет своих языков в широком масштабе — и получает их. Так, в частности, в акте провозглашения Карельской Республики 25 июля 1923 г. была выдвинута знакомая населению из финской практики формула равноправия языков, при чем шведский язык соответствующего текста финляндской конституции был заменен русским („карельско-финский и русский языки являются равноправными на территории Автономной Карельской ССР").

Эта формула, с соответственной заменой карельского языка была затем повторена для Бурят-Монгольской Республики 12 сентября 1923 г., для Немецкой Республики 20 февраля 1924 г. (немецкий, русский, украинский языки), для Чувашской и для Киргизской Республики 15 июня 1925 г. и 21 марта 1927 г. [2]). Равноправие языков, таким образом, подчеркивается в РСФСР прежде всего для автономий, причем его реализация, как увидим (§ 17) и в автономиях встречает известные экономические пределы.

Но вместе с тем законодатель, учитывая общую значительность иноязычного населения Республики, проявляет большую заботу о реали-

---

[1]) См. ниже о постановлении 30 ноября 1925 г.

[2]) См. приложение, рубрику РСФСР.

зации права языка там, где это составляет потребность не автономизированных меньшинств, и в частности в суде, в школе и на выборах [1]).

В этом направлении нужно прежде всего отметить принципиальное постановление „послесоюзной" конституции РСФСР 11 мая 1925 года. Статья 13 этой конституции в первой части по существу повторяет прежнюю норму ст. 22 конституции 10 июля 1928 года о несовместимости с основными законами республики угнетения национальных меньшинств или „ограничения их равноправия", добавляя запрет „установления или допущения" каких-либо „преимуществ" и признание за отдельными национальностями права выделяться в автономные республики и области; новая вторая часть статьи вполне определенно признает „за гражданами РСФСР право свободного пользования родным языком на с'ездах, в суде, управлении и общественной жизни. Национальным меньшинствам обеспечивается право обучения на родном языке в школе" [2]).

Возможность употребления родного языка в суде, как мы видели, была обеспечена в широкой форме уже процессуальными кодексами РСФСР до союзного периода; имея в виду наиболее полное техническое осуществление такой возможности, Президиум ВЦИК 23 ноября 1925 г (С. У. РСФСР, № 85, ст. 628) ввел в „План работ уполномоченных по делам национальных меньшинств" подготовку создания камер суда с делопроизводством и судопроизводством на национальных языках и юридических консультаций для населения на этих же языках.

В том же Плане и в одновременно с ним опубликованном постановлении 30 ноября 1925 г. о привлечении на выборы трудящихся национальных меньшинств Президиум ВЦИК указывает на необходимость принятия мер по вовлечению национальных меньшинств в общества взаимопомощи и кооперативы, пользуясь их языками для распространения соответствующих сведений; по ведению избирательной кампании, митингов и собраний на родном языке меньшинств; по печатанию на том же языке избирательных воззваний, инструкций и т. п.—„во всех губерниях, округах и уездах, кантонах, где имеются более или менее значительные массы территориально необ'единенных национальных меньшинств" (эти меры намечались уже избирательным циркуляром 22 сент. 1924 г.).

---

[1]) К 1924 году в составе населения РСФСР, на основании цифр Трайнина было: русских — 70,2%, киргизов (казаков)— 5,7%, украинцев — 4,4%, татар — 3,6%, белоруссов — 1,7%, мордвин — 1,1%, немцев — 0,7%, евреев — 0,6%, и т. д. С окончанием размежевания РСФСР, УССР и БССР 16 окт. 1925 г. (Собр. Зак. ССР, 1926, № 4, ст. 26) доля украинцев и белоруссов должна была несколько снизиться и доля русских, напротив, возрасти; у Свириновской («Национальный состав населения РСФСР», „Власть Советов", 1926, № 29—30) эта доля определяется в 77%.

[2]) В начальном проекте конституции, выработанном НКЮ (так наз. проект Курского) эта часть статьи отсутствовала; она появилась впервые в проекте, предложенном Госпланом РСФСР (так наз. проект Вельмана); в специальной комиссии Госплана указывалась также на желательность установления важных для хозяйственников норм о языке-связи российской федерации; но в окончательную редакцию введено лишь указание на право языка.

Вместе с тем предписывалось приступить к подготовке вопроса о выделении сельских, посадских, и, в случаях нужды, более крупных административных единиц, с делопроизводством на языках соответствующих национальных меньшинств „в местностях с преобладанием в составе населения одной какой-либо национальности — при гарантии прав языков остальных населяющих местность национальностей [1]). И, наконец, отмечалась потребность подготовки как ответственных, так и технических работников из национальных меньшинств для обслуживания местных учреждений и вовлечения представителей меньшинств в исполнительные комитеты.

Постановление 30 ноября подчеркивает при этом необходимость особого внимания к сельским местностям, без ущерба, однако, и для городских меньшинств [2]).

Поскольку вопрос о делопроизводстве на местных языках является одним из самых трудных технически как вне национально-автономных единиц, так и на их территории, Президиум ВЦИК сначала в руководящем постановлении 14 апреля 1924 г., затем в циркуляре 26 июня 1924 г. и в особых тезисах, разработанных Отделом Национальностей при ВЦИК и представленных в конце октября 1924 г. в совещание членов ВЦИК по вопросам местного делопроизводства, указывал на ряд мер по постепенному переводу делопроизводства на местные языки: — организацию курсов, выработку необходимых технических приспособлений (пишущие машины с соответственными шрифтами), а равно выработку форм и терминов делопроизводства, введение института практикантов, внимательный учет национальных меньшинств и их работников и т. д. [3]).

Указанные меры были рассчитаны прежде всего на автономные республики и области, но с соответственными изменениями имеют значение и для других местностей с крупными меньшинствами; основная цель их, как отмечал Президиум ВЦИК, — прежде всего приблизить аппарат к массам и в первую очередь провести местные языки „в учреждениях, близко соприкасающихся с сельским населением и затрагивающих нужды крестьянства“ (тезисы) и в местностях, где русский язык является наиболее чуждым [4]).

[1]) Примерами являются Пермяцкий национальный округ Уральской области (образованный еще 3 апреля 1925 г.) и Ардонский казачий округ в Северной Осетии (16 ноября 1925 г.); о создании до 40 национальных советов и районов в ряде преимущественно приволжских губерний см. „Два года работы правительства РСФСР“, М. 1927.

[2]) Согласно данным Сборника „Шесть лет национальной политики Советской власти“, 1924 (стр. 143) — 87,75% национальных меньшинств РСФСР принадлежат к сельскому населению.

[3]) Не ограничиваясь предписаниями, Президиум ВЦИК широко шел навстречу материальным нуждам мест по проведению „языковых“ мер, требуя, однако, их документального обоснования и мотивировки (в 1924 году по 12 автономным об'единениям было сделано обоснованных заявок на 1.806.500 рублей, главным образом на школы, курсы, печатание книг и т. п.).

[4]) См. материалы в Институте Советского Права, Отдел правовых материалов, рубрика 3/13.

Само собой разумеется, что при отсутствии надлежащей языковой подготовки в школе, все такие меры остались бы благими пожеланиями: и в школьной области право РСФСР идет настречу праву родного языка. Здесь необходимо указать акты 9 апреля 1924 г., 5 октября 1925 г. и особенно 21 ноября 1925 г., дающий реальную поддержку для более раннего циркуляра Народного Комиссариата Просвещения 27 марта 1924 г., о просветительной работе среди национальных меньшинств.

Первым из названных актов ВЦИК, ликвидируя исполнивший свою политическую задачу Народный Комиссариат по делам Национальностей, сохранил его функции по отделу национальных меньшинств за новым Отделом Национальностей ВЦИК и в местностях с разнородным национальным составом населения удержал при отделах народного образования (губернских и соответствующих) — особые секции по делам просвещения национальных меньшинств; вторым актом в составе Народного Комиссариата по просвещению был закреплен организованный уже в 1920 г. особый директивный центр — Совет по просвещению национальностей не русского языка, осуществляющий „общее руководство“ делом этого просвещения „с учетом особенностей быта и языка“ [1]); акт 21 ноября 1925 года принял конкретные меры по подготовке преподавателей для школ национальностей не русского языка „как первый этап в организации высшего педагогического образования для этих национальностей“.

На-ряду с введением преподавания родного языка и методики в педагогических высших учебных заведениях для студентов соответствующих национальностей, в 1925 и 1926 гг. намечен к открытию ряд лингвистических отделений в педагогических факультетах и институтах в Ленинграде, Казани, Иркутске, Перми, Москве, Саратове, Ульяновске, Устьсысольске, а равно в Крымском, Горском и Кубанском Педагогических Институтах,— с целью подготовки преподавателей родного языка и литературы для различных национальностей и национальных меньшинств (в частности, в Ленинграде — латышское, финское, эстонское и польское отделения, в Москве — еврейское, в Саратове — немецкое и мордовское и т. д.).

Этим путем будут поставлены на твердую почву выдвинутые циркуляром Наркомпроса 27 марта 1924 года перевод на родной язык преподавания „в школах I ступени с преобладающим количеством детей нацмен“ и введение в качестве обязательного предмета родного национального языка, литературы и культуроведения „в школах II ступени, находящихся в местностях, населенных преимущественно нацмен“, а также для детей национальных меньшинств во всех школах, где такие дети „составляют до 50%“; сознавая технические препятствия к осуществлению этой программы, Народный Комиссариат Просвещения ставил ее реализацию в прямую зависимость от „наличия педагогов, знающих

[1]) Кодекс законов о народном образовании УССР (С. У. УССР, 1922, № 49, ст. 729, § 46), говоря о Совете по делам просвещения национальных меньшинств, не оттеняет языковой проблемы; напротив, новейшее Положение о Наркомпросе УзбССР 3 января 1926 г. (С. У. УзбССР, 1926, № 2, ст. 4, § 23) воспроизводит российскую формулу

язык нацмен", и рекомендовал переподготовку учителей путем „курсов, конференций, кружков и т. д."

Необходимый для этого квалифицированный персонал и стремится создать ноябрьский декрет 1925 г.[1]). В широких размерах поставлено Наркомпросом дело по развитию школьной сети, изданию нужных пособий и созданию печати на языках меньшинств [2]).

В последнее время значительную культурно-просветительную деятельность развивает комитет помощи малым народностям Севера, учрежденный при ВЦИК.

Таким образом следует признать, что охрана права родного языка граждан в школе, суде и общественной жизни РСФСР поставлена достаточно широко; остается вопрос о языке-связи, возникавший в законодательствах других союзных республик.

По этому вопросу в законодательстве РСФСР мы находим постановления Президиума ВЦИК 14 апреля и 22 декабря 1924 г. Пункт „г" первого из них устанавливает, что сношения государственных органов в национальных республиках и областях с центральными органами РСФСР производятся на принятом в последних русском языке; во втором Президиум ВЦИК, указывая на затруднительное положение, в котором оказываются обладатели удостоверений личности и других публично-правовых документов, написанных на местных языках, за пределами соответствующей местности, предлагает составлять документы, предназначенные к пред'явлению и пользованию в общефедеративном масштабе (вне выдающей документ автономной республики или области), на русском языке или в виде двух текстов, из которых один русский (он может быть переводным).

Следует отметить, что вопрос о языке-связи был подвергнут в РСФСР специальному обсуждению и проработке в комиссии о местных языках, созданной Президиумом ВЦИК под председательством В. А. Аванесова 18 февраля 1924 года. Поводом к образованию комиссии послужили, ближайшим образом, об'емистые отчеты и материалы на татарском языке, присланные из Казани в Народный Комиссариат Финансов и Центральное Статистическое Управление и оказавшиеся тормозом в работе.

Комиссия в составе семи человек (из них двое русских) приняла во внимание при рассмотрении вопроса крайнюю техническую труд-

---

[1]) Резюмированный в тексте циркуляр Наркомпроса, с рядом плановых подробностей, напечатан у Трайнина, „СССР и национальная проблема", 1924, стр. 224—226. С его изданием следует считать технически сильно измененным постановление того же ведомства 31 окт. 1918 г. (см. § 11), опубликованное в Собрании Узаконений.

[2]) Помимо отчетов Наркомпроса, см. интересные цифры и данные о количестве школьных пунктов и издаваемых книг у Диманштейн, С. „Прошлое и настоящее". М. 1924, стр. 71—73, 75. У него же на стр. 78—80 о коммунистических университетах Запада и Востока и их роли в области подготовки работников-националов.— Ср. еще „Два года работы правительства РСФСР", 1927, стр. 22 слл., ряд интересных цифр, показывающих, в частности, прирост школ национальных меньшинств на 28% (с 1923 по 1925 г.) при общем приросте школьной сети РСФСР на 6%, и „Изв. ЦИК" 1927, № 256.

ность и весьма серьезные неудобства внутреннего делопроизводства государственного аппарата в федеральном масштабе на двух десятках языков, с огромным необходимым числом переводчиков в центре. В связи с этим переписка мест с центром была принята на языке центральных учреждений и для введения национальных языков на местах были указаны начала „стройки снизу", технической подготовки постепенности и введения в первую очередь коренизации аппарата в областях, наименее знакомых с русским языком и культурой. В первую очередь указана была желательность знакомства сотрудников местных учреждений с разговорной речью населения, для об'яснений с ним. В этих целях предлагалось при приеме на службу давать предпочтение при прочих равных условиях лицам, знающим местный язык. Эти начала и были установлены в декрете 14 апреля 1924 года „о мерах к переводу делопроизводства на местные языки", в качестве „основных директив".[1])

Равным образом постановление о необходимости русского текста в документах общереспубликанского значения было результатом обсуждения вопроса в совещании членов ВЦИК, на основании упоминавшихся октябрьских тезисов 1924 года, при чем Отдел Национальностей, помимо чисто-технических соображений, указывал на роль русского языка, „как языка об'единения всех проживающих в пределах СССР разнообразных народностей".

Эта мысль о необходимости культурного об'единения и сохранения средства к нему в виде языка-связи, языка-цемента при полной охране прав всех национальностей, впервые высказанная в постановлении Наркомпроса 31 октября 1918 года, не исчезает в законодательной работе РСФСР и особенно ясно воплощается в широкой практике создания в больших университетских центрах специальных высших школ или отделений их для подготовки национальных культурных работников (см. выше о декрете 21 ноября 1925 г.). Эта практика, способствуя приобщению молодых студентов к общероссийской культуре, приучает их видеть в национальном языке крупную ценность, но не абсолютную „жесткую" самоцель. Логическим и желательным дальнейшим продолжением этой практики было бы создание 1—2 учебных заведений по востоковедению и лингвистике в крупных восточных центрах специально для не местных студентов (русских, украинцев, евреев и др.), желающих работать на Востоке и нуждающихся в конкретном ознакомлении с местной жизнью и трудовой обстановкой.

---

[1]) Наличие основной директивы о языке сношений общефедерального характера делало юридически излишним изданный 5 октября 1925 г. запрет направлять и пересылать в Президиум ВЦИК делопроизводственные бумаги без русского перевода, с установлением обязанности перевода их представительствами автономных об'единений; ввиду указаний представительств, что бумаги, как правило, идут уже по-русски и что для исключительных случаев в Президиуме ВЦИК имеются специалисты отдела национальностей,— постановление было скоро отменено (см. С. У. РСФСР 1925, № 71, ст. 564 и 1926 г., № 5, ст. 24).

* * *

В целом, общереспубликанское законодательство РСФСР по языковому вопросу, при кажущейся разбросанности и отсутствии ярких формулировок равноправия, осуществляет реальное равноправие языков в большом захвате.

Без всяких подчеркиваний „преимущественности“ и „государственности“ оно просто признает значение языка самого большого национального ядра в Республике, как языка-связи и общения — федерального, общесоюзного, международного; на-ряду с этим оно определенно поддерживает развитие живых языков, устанавливает право употребления их в суде и общественной жизни и специально закрепляет их равноправие в законодательной и административной работе там, где в этом есть потребность, формируя автономные об'единения.

Нам остается теперь бросить взгляд на языковое право этих об'единений.

§ 17.

Законодательство советских автономий по языковому вопросу отличается большой текучестью и редкой труднодоступностью: группу молодых закавказских и средне-азиатских автономий мне, например, пришлось оставить по недостатку материалов вне поля работы и сосредоточиться по преимуществу на автономиях РСФСР. Однако и здесь приходится сталкиваться с неполнотой сведений и материалов: характерно, что литература по автономным республикам и областям РСФСР — вообще небольшая — вопроса о языковом законодательстве почти вовсе не касается; исключение — специальная статья С. И. Нариманова в „Советском Строительстве“ за 1925 год, которая подтверждает чрезвычайную малодоступность источников: автор, обследуя по данным Отдела Национальностей ВЦИК поволжские республики и области, не мог еще осветить одну из любопытнейших, именно Немецкую[1]). Между тем языковое право автономий интересно и важно, так как реализация равноправия языков сталкивается здесь с очень большой мозаичностью национального состава, данные относительно которого, надо сказать, пока несколько

[1]) См. Нариманов, С. Перевод делопроизводства на местные языки в автономных республиках и областях, „Советское Строительство“, 1925, кн. 1; отмечу из литературы по автономиям.— Атнагулов, С. Башкирия, М. 1925; Борисов, Т. Калмыкия, М. 1925; Бороздин, И. Современный Татарстан, „Новый Восток“, 1925, кн. 10—11; Самурский. Дагестан, М. 1925; Косвен, М. Якутская Республика, М. 1925. Трайнин. Союз ССР и национальная проблема“, 1924; журнал „Власть Советов“ и „Жизнь национальностей“; сборники — „Пять лет власти советов“, „Политика советской власти по национальному вопросу за три года“, „Шесть лет национальной политики советской власти“, „Северный Кавказ после районирования“ (1925, 2 тома), „Красная Карелия“, 1925 (законодательные материалы). С правовой стороны положение советских автономий освещено у Архиппова, Советские автономные республики и области, М. 1925; Котляревского, Правовое положение автономных республик, „Советское право“, 1925, № 6 и Александренко, С. В. К анализу государственно-правовой природы автономных республик, сборник памяти В. М. Гордона, Харьков, 1927.

шатки[1]). Однако, поскольку такие данные все же имеются, можно утверждать, что среди автономных республик и областей РСФСР следует различать три группы: автономий национально-„сплошных“, с сильным преобладанием основной национальности (Чувашия, Якутия, Коми, Ингушетия, Осетия, Чечня), автономий с двойным ядром, где на-ряду с национальностью, дающей имя республике, имеется очень крупное культурное

---

[1]) Такой шаткости способствуют частые до последнего времени передвижки границ и неизбежные дефекты сведений местной статистики (Атнагулов на стр. 82 приводит любопытный пример превращения нескольких десятков тысяч татар в башкир и, по миновании надобности, обратно). С этой оговоркой и впредь до опубликования результатов новой всесоюзной переписи можно принять для национального состава автономий РСФСР следующие данные:

Республики:

Якутская*	88 % сахалар,	6 % русских,	4,5% тунгусов,	1,5% проч.
Чувашская	75,6% чувашей,	19,6% „	2,2% татар	2,6% „
Немецкая*	67,4% немцев,	21,3% „	9,7% украинцев,	1,6% „
Киргизская . . .	63,5% киргизов,	16,8% „	15,4% узбеков,	4,3% „
Казакская	53,7% киргиз-казак.,	30,1% „	16,2% прочих (очень пестро)	
Татарская* . . .	51,1% татар,	40,9% „	4,7% чуваш	3,3% проч.
Бурятская	50,5% бурят,	49,5% „	и прочих (очень мало).	
Карельская* . . .	42,1% карел,	56,3% „	0,9% финнов,	0,7% проч.
Башкирская . . .	30,8% башкир,	44,4% „	16,2% татар,	8,6% „
Крымская	25,6% татар,	44 % „	8,3% евреев,	7,8% укр. 14,8% проч.
Дагестанская . . .	24,1% аварцев,	10,6% „	17 % даргинцев,	15,2% кумыков, 33,1% проч.

Области:

Ингушская . . .	98,3% ингушей,	1,7% русских и прочих.		
Чеченская	98 % чеченцев,	2 % русских и прочих (дроби округлены).		
Осетинская . . .	86 % осетин,	12 % „	0,8% немцев,	1,2% проч.
Кабард.-Балкарск.	64,5% кабардинцев,	13,7% „	14,8% балкар,	7 % проч.
Карач.-Черкесская (до расчленения)	33,6% карачаевцев,	37,3% „	10,9% черкесов,	16,2% „
Адыгейская . . .	48,8% черкесов,	39,9% „	1,5% ингушей,	0,2% проч.
Вотская	58,7% вотяков,	37,7% „	1,7% татар,	1,9% „
Калмыцкая . . .	65,7% калмыков,	21,5% „	17 % украинцев,	0,8% „
Коми-Зырянск. . .	92 % коми,	6 % „	2 % прочих.	
Марийская . . .	53,1% мари,	42 % „	4,9% прочих (чувашей и др.).	
Ойратская	45 % ойратов,	55 % русских, белоруссов и прочих.		

Данные под звездочкой — по цифрам Трайнина; для северо-кавказских областей — по „Северный Кавказ после районирования“, т. I, стр. 63—66; т. II, стр. 382, слл.; для Дагестана, Калмыкии и Бурятии — по цит. соч. Самурского и Борисова и статье Бермана в „Жизнь Бурятии“, 1924, № 1; для Киргизии по „Известиям ЦИК“, 1926, № 70; для остальных по сведениям Отдела Национальностей при ВЦИК за 1924—1925 г. Свириновская в статье „Национальный состав населения РСФСР“ („Власть Советов“, 1926 г., № 29—30) дает на основании цифр, полученных с мест статистическим подотделом ВЦИК в 1925—1926 г., трехрядную таблицу (коренное население — русские — прочие) с весьма близкими к вышеприведенным данными; так, она принимает для Якутии 83,2% сахалар, 8,5% русских, 8,3% прочих; для Бурятии — 48,8% бурят, 51,2% русских и прочих; для Карелии — 40,8% карел, 57,8% русских, 1,4% прочих; для Немецкой Республики — 67,5% немцев, 21,1% русских, 11,4% прочих и т. д. — 26 апреля 1926 г. из состава Карачаево-Черкесской области выделен Черкесский округ (С. У. РСФСР, № 25, стр. 198).

меньшинство, подчас становящееся относительным и даже абсолютным большинством (Крым, Карелия), и автономий сложно-национальных, где таких меньшинств два, — как в Башкирии, Киргизстане, Калмыкии, Немецком Поволжьи и в кавказских „двойных" областях. Особняком, ближе к третьей группе, приходится выделить Дагестан с его 4 крупными горскими народностями и десятками мелких, не считая пришлых русского и персидского меньшинств [1]). В „сплошных" автономиях вопрос о равноправии языков приобретает сравнительно простую форму — реализации национального местного языка и сохранения в необходимом об'еме языка-связи, иначе говоря, известного официального двуязычия; такое двуязычие на первых порах является, главным образом, разговорным, поскольку национальное население этих автономий, страдая сильной и часто подавляющей безграмотностью (в Чечне до 99%), сносится с администрацией устно, и законы, например, не читает, а заслушивает. Некоторое количество двуязычных (билингов) в приволжских сплошных автономиях и в Якутии облегчает дело: для Якутии и Северного Кавказа этому способствует также фактическое преобладание в составе администрации местных уроженцев-националов. Для примера укажу, что в Якутском Президиуме ЦИК из 10 человек 8 — якуты (сахалар); в СНК владеют якутским языком — 50%; в уездном и судебном аппарате — 70—80%; вообще из 12% не-якутского населения половина знает по-якутски, и ряд русских приленских сел сильно об'якутился, совершенно почти забыв русский язык, чему способствует сильная метизация еще с конца XVII века [2]). Трудности языковой проблемы здесь скорее в школе, чем в делопроизводстве, которым население мало интересуется; трудность эта в отсутствии алфавита, в недостатке шрифта, когда алфавит создан или избран, в отсутствии транскрипции, в малом количестве интеллигенции. Для Якутии работы Новгородова и для Северного Кавказа — Яковлева дали нужный толчок в области транскрипции; переход на латинский или производный от латинского шрифт облегчит возможность создания своей письменности и, следовательно, своих школы и делопроизводства; в приволжских автономиях первой группы (Чувашия, Вотская область), уже в дореволюционную эпоху усвоивших русский или близкий к нему шрифт, дело в этом отношении продвинулось очень значительно, и рост школьной сети обещает дать нужные кадры работников из местных сил без каких-либо резких трений. Стоит также отметить ровную, спокойную и успешную работу Марийской области, начавшей

[1]) На основании цифр Самурского в Дагестане надо считать 24,1% аварцев, 17% даргинцев, 15,2% кумыков, 13,2% кюринцев, 6% лаков, 5,2% ногайцев, 2,2% чеченцев и т. д., и т. д. См. Самурский, Н. (Эфендиев), Дагестан, стр. 30 сл. Русские, персы и евреи составляют большинство в городах. См. еще С. И., Многонациональная автономная республика (Дагестан), „Власть Советов", 1926, № 36.

[2]) Косвен. Якутская республика, 1925, стр. 21—22. Метизация наблюдается в приленской полосе; напротив, удивительно хорошо сохранилось оторванное от мира русское меньшинство в „Русском Устье", заброшенное в низовья Индигирки, повидимому, с XVII века и представляющее любопытный этнографический островок. См. Косвен, стр. 52, и Зензинов, „Старинные люди у Холодного океана", М. 1914.

ее 23 ноября 1923 года очень систематичным, практическим и взвешивающим все местные данные Постановлением о национальной политике и языке и продолжающей до 1927 года в том же духе (24 марта 1927 г., см. приложение).

Чувашия, начавшая с простого об'явления чувашского языка обязательным государственным языком во всех учреждениях, включая общественные (26 янв. 1922 г.), со введением его к 1 марта 1922 года, быстро убедилась в непрактичности этого требования, как ввиду бедности чувашского терминологического словаря, так и ввиду необходимости языка-связи с центром и с соседями-татарами. 22 марта 1922 года было издано новое постановление „в развитие" (фактически в отмену) первого, ставшее на путь постепенной и планомерной реализации национальной речи и письменности.

За пять лет работы эта линия не изменилась (постановление Областного исполкома 23 марта 1925 г., I С'езда Советов Чувашской АССР 26 янв. 1926 г. и ЦИК Чувашской АССР 15 января и 26 апреля 1926 г.), и поскольку при местных назначениях преимущество отдается, согласно акту 22 марта 1922 года, лицам, знающим чувашский язык, реализация этого языка, особенно в низовом аппарате, сильно продвинулась. Вместе с тем роль русского языка сохранена в федеральных учреждениях и технической сфере (счетоводство и т. п.). В декрете РСФСР 15 июня 1925 года о преобразовании Чувашской области в республику мы находим официальное установление „равноправия языков" [1]).

В большинстве автономий второй группы (двойное ядро) вопрос о равноправии языков стоит гораздо сложнее: здесь необходимое официальное двуязычие имеет значение не столько сохранения языка-связи, сколько обслуживания быта двух групп, не понимающих друг друга, при чем одна из них обычно имеет малую численно или сравнительно слабую по квалификации интеллигенцию. Здесь возможны — и действительно наблюдаются — „всплески национализма", борьба за места в аппарате и т. д. [2]). Надо добавить, что в некоторых автономиях имеют большой численный вес иные национальные меньшинства (уйгуры и украинцы в Казакстане, узбеки в Киргизии, украинцы, немцы, болгары и греки в Крыму), интересы которых законодателю приходится учитывать, давая им право языка или выделяя их в особые районы. В других местностях, как в Ойратии, наличие крупных меньшинств и слабая грамотность местного населения вызвали просто временное признание необходимости права языка и посильного разговорного билингизма (речи на с'езде Области частью переводились по-алтайски), с сохранением письменного делопроизводства по-русски [3]).

---

[1]) См. к этому „реализация государственного языка в Чувашской АССР", „Власть Советов", 1926, № 1.

[2]) См. М. П. С. „Национальные меньшинства в автономных областях и республиках", „Власть Советов", 1927, № 14.

[3]) См. „Протоколы I Областного С'езда Советов Ойратской Автономной Области", гор. Улала, 1923, стр. 3, 66, 166 (выдержка из постановления дана в Приложении).

Общей, довольно сильной помехой для реализации местных языков служила при этом на Востоке проблема шрифта, как в смысле неудобства арабской и монгольской вязи, так и в смысле недостатка и дороговизны набора: там, где шрифт был, загруженность местной национальной интеллигенции иной работой не давала его использовать. Казакский ЦИК констатировал однажды, что в течение года по-киргизски ничего не удалось издать (1 июня 1922 г., С. У. КССР, № 7). Для Бурятии необходимо отметить еще тот факт, что разговорный бурятский язык и сложная монгольская письменность очень далеко разошлись друг с другом; это обстоятельство создает—особенно в школе—почти такие же затруднения, как обучение на другом языке [1]).

Тем не менее, более культурные восточные автономии второй группы, как Татарстан, Казакстан и Бурятия повели очень настойчивую работу по реализации своих языков, создав по этому предмету значительное законодательство, в Татарской республике занимающее десятки страниц [2]).

Затруднения по реализации местных языков неизбежны и технически очень велики в маленьких автономиях с тремя и больше национальными ядрами: кавказские области и бывшая Горская республика выходят из этих затруднений путем своеобразного национального почкования, расчленяясь на новые более однородные автономные единицы. Дагестан, Немецкое Поволжье и Башкирия—создают „сложный билингизм", близкий к белорусскому типу. Немецкая республика признает главными три языка—немецкий, русский и украинский—с альтернативным употреблением двух последних, смотря по местности [3]). Башкирия, признавая формально два языка—русский и башкирский,—приравнивает к последнему, как увидим, татарское „наречие", опять-таки с альтернативным употреблением по местностям. Дагестан, судя по постановлению дагестанского Народного Комиссариата внутренних дел 11 мая 1924 г., формально признает равноправие тюркского, аварского, лакского, даргинского и русского языков и право языка всех остальных народностей, требуя, чтобы в окружных исполкомах и в милиции было по нескольку сотрудников, знающих местные языки (сейчас государственный аппарат состоит на 70% из горцев, а в НКВД на 90%): на практике, однако, как указывает Самурский, пришлось выдвинуть два более культурные языка—русский, как связь для внешних сношений, и тюркский, как связь для внутренних, поскольку он доступен большинству населяющих Дагестан племен [4]).

---

[1]) „Материалы по организации бурят-монгольской национальной школы", гор. Урга, 1922, стр. 52—53.

[2]) См. сборник декретов, постановлений, важнейших циркуляров и других материалов в области реализации татарского языка, Казань, 1925 (47 страниц нормативного материала).

[3]) Три же языка—киргизский, русский и узбекский—намечены в качестве официальных в проекте конституции Киргизстана.

[4]) Проект конституции Дагестана, одобренный 5 апреля 1927 г. VI Дагестанским С'ездом Советов и направленный на утверждение ВЦИК и Всероссийского С'езда, уста-

Наконец, в Калмыкии сильное украинское меньшинство имеет пока право языка, а не равноправный язык.

Следует оговориться, что бедной и вымирающей Калмыкии совершенно пока непосильна широкая постановка равноправия языков, достаточно трудная для бюджета и более богатых автономий и вызывающая необходимость поддержки центра[1]).

Обращаясь от этих общих замечаний к развитию и содержанию языкового законодательства автономий, я отмечу прежде всего, что в этом развитии можно различить три стадии: декларативную или пионерскую, систематическую и конституционную.

Первая стадия относится к 1920—1921 гг. и наблюдается в Татарстане, Башкиристане, Крыму и Казакстане (тогда Киргизской Республике), выступивших пионерами движения. Декреты татарских Ревкома и ЦИК'а 6 июля 1920 г., 5 марта 1921 и 25 июня 1921 г. постепенно выдвигают татарский язык, как государственный наравне с русским и прежде русского. Башкирский II С'езд в июле 1921 года признает башкирский язык государственным наравне с русским. Казакский СНК 2 февраля 1921 г. и II С'езд КССР 4 октября 1921 года постановляют об издании законов на государственных русском и киргизском языках и о реализации киргизского языка в целях приближения управления к массам.

Характерным для этих ранних актов является увлечение термином „государственный язык" и стремление к упразднению былого неравенства.

Эти черты очень ярко выразились в провозглашении Крымской конституцией 10 ноября 1921 г. двух „государственных языков"—татарского и русского и в установлении крымским же законом 10 февраля 1922 г. применения татарского языка наравне с русским в законодательстве, управлении и в телефонной связи (раньше в Крыму было запрещено разговаривать по телефону иначе, как по-русски). Одновре-

---

навливая равноправие языков всех дагестанских народностей, для надписи на гербе республики выбирает тюркский и русский языки (ст. 94): „все надписи на гербе учинены на тюркском и русском языке. Тюркские надписи учинены латинским и арабским шрифтами".

[1]) В большинстве автономий РСФСР обнаруживается сейчас масса вопиющих нужд—из них в первую очередь по здравоохранению: калмыки гибнут от туберкулеза (60%) и гонорреи („олона ген",—общая болезнь, по народному названию); буряты — от люэса (до 80% и в восточных областях); среди якутов свирепствует туберкулез и проказа; трахома, с массовой слепотой, стала национальной болезнью чувашей и перекидывается к мари и вотякам; в Крыму среди татар в горах развилась эпидемия столбняка и т. д. При всем добром желании и энергичной помощи центра федерации, доведшаго в 1924—1925 г. бюджетные назначения на душу населения по некоторым из автономий до цифры, превышающей среднюю по РСФСР (средняя 1 р. 54 к.—по Крыму 2 р. 08 к., по Якутии—2 р. 42 к. и др.) и создавшего специальный фонд помощи отсталым областям, нельзя ожидать быстрой победы над вековой запущенностью и заброшенностью. При этом, естественно, общая необходимость экономии средств заставляет в первую очередь выдвигать ассигнования на сохранение и оздоровление жизни населения.

менно была создана комиссия „по татаризации советских аппаратов“ (впервые намечена 24 ноября 1921 г. [1]).

Вторая стадия законодательства автономий о языках начинается с середины 1922 года, после перелома в голодном бедствии и продолжается до 1925 г., при чем захватывает целый ряд автономий, кроме выше указанных (Якутия, область Мари, Воти, Коми, Бурятия, Калмыкия и др.).

Главный расцвет законодательства в Крыму, Татарской и Казакской Республике падает на 1922—1923 год, с переходом на систему специальных комиссий по реализации языка; законодательство других автономий развернулось, по примеру Татарстана, уже в 1924 году, при чем надо заметить, в Башкирии и Казакстане большую принципиальную роль сыграли постановления IV Всебашкирского (дек. 1923) и IV Всекиргизского (5—10 янв. 1924 г.) С'ездов Советов о „скорейшей реализации башкирского языка“; „введении киргизского делопроизводства“ и „систематической, плановой подготовке работников“.

Наиболее крупными актами этого периода являются в Татарстане декреты 8 мая и 21 декабря 1922 г. и 18 августа 1923 г., в Казакстане — 22 ноября 1923 г., в Бурятии 26 апреля 1924 г., в Якутии 26 мая и 1 октября 1924 г., в Башкирии 6 октября 1924 г., в Немецкой Поволжской Республике — 19 мая 1924 года и т. д. (см. приложение).

Этим законодательством дело реализации равноправия языков было поставлено на широкую и практическую основу, при чем термин „государственный язык“, хотя и попадается (Башкирия), но менее часто, чем раньше.

Наконец, третья стадия начинается в 1925 году с разработкой ряда проектов конституций автономных республик, пока еще неутвержденных ЦИК'ом и С'ездом Советов РСФСР, но на местах в большинстве уже принятых. Проекты, приведенные в извлечениях в приложении, закрепляют равноправие обычно двух „официальных“ и иногда „государственных“ языков. На всех проектах, кроме карельского и волгонемецкого, сказалось очень сильное влияние конституции РСФСР 11 мая 1925 года, при чем недоговоренная в ней мысль о языке-связи выражается в повсеместном признании русскаго языка „официальным“.

Появление этого последнего правильного термина нельзя не приветствовать.

Подробное изложение законодательства автономий вызвало бы утомительные повторения: главнейшие образцы читатель найдет в приложении [2]). Здесь я ограничусь лишь тремя типичными автономиями:

[1] Впоследствии, с некоторым ослаблением политического влияния татарских националистов, игравших известную роль в Крымских переворотах 1918—1921 гг. (см. „Жизнь Национальностей“, 1923, № 1), и с реальной татаризацией состава низового государственного аппарата (40%), языковый вопрос в Крыму стал менее боевым и даже указание на государственный язык в конституции 1925 г. отпало. (С. У. КрымССР, 1925 г., № 1).

[2]) Термин „законодательство“ употребляется для краткости. Формально автономные области издают только обязательные постановления, хотя сами называют их иногда декретами.

„сплошной", двунациональной и сложно национальной групп, именно Якутской, Татарской и Немецкой Поволжской Республикой, отмечая лишь наиболее существенные особенности у некоторых других.

В Якутской республике пришлось в 1922 году начать с „разрешения" забитому и робкому населению „сноситься между улусами по-якутски" [1]). Введение якутского языка в школу 12 августа 1922 года осталось долгое время мертвой буквой по недостатку учителей и особенно книг.

Якутская интеллигенция принялась, однако, за работу; в начале 1924 г. был создан совет по проведению якутской письменности, принят латинский шрифт; 26 мая 1924 г. Президиум Якутского ЦИК'а издает постановление „о введении якутского языка и письменности".

Согласно этому постановлению, якутский язык, как самый распространенный, приравнивается к русскому в центральных и окружных учреждениях, при чем все граждане, обращающиеся в учреждения по-якутски, должны получать ответ на этом языке и при замещении должностей при прочих равных условиях преимущество должно отдаваться лицам, знающим якутский язык. Делопроизводство в непосредственно соприкасающихся с населением улусах (волостных) и наслежных (сельских) учреждениях должно переводиться на якутский язык с 1 октября 1924 года.

Предложено пересмотреть штаты учреждений в целях замещения некоторых должностей сотрудниками, знающими якутский язык; для планомерного ознакомления состава центральных и окружных учреждений с живой якутской речью и подготовления на будущее время достаточного кадра работников организуются курсы при учреждениях (очевидно, центральных), а в средних учебных заведениях и при распределении стипендий в высшие школы РСФСР—известная доля мест отводится якутам и говорящим по-якутски лицам; организуется в школах I и II ступени обязательное преподавание на якутском языке, при чем первые два года в школах I ступени якутского населения преподавание ведется исключительно по-якутски; специально предусмотрено в очень широкой форме введение якутов на службу по ленскому пароходству и по местной электрической станции.

Наконец, признано обязательным опубликование важнейших актов и распоряжений в местной официальной газете на якутском языке. Легко видеть, что никаких прямых указаний на равноправие языков в постановлении 26 мая нет (косвенное указание можно видеть в двойном опубликовании актов) и что подчеркивается особенно право местного национального языка; основными чертами постановления, имеющимися и в других автономиях первой группы, являются возможное усиление местного элемента в аппарате и развитие национальной школы и грамотности; очень своеобразной чертой является умолчание о языке делопроизводства нескольких чисто-русских волостей в приисковом районе

[1]) Якуты сами называют себя „сахалар" (в единственном числе „саха").

и на Индигирке: на практике здесь делопроизводство осталось русским, но оговорить это обстоятельство якутский закон в 1924 г. забыл или счел фактически лишним [1]).

В октябре 1924 года был издан одобренный ЦИК Якутии циркуляр его председателя о переходе на якутское делопроизводство во всех учреждениях республики к 1 мая 1925 года, о запрете приема на службу лиц, не знающих якутского языка, и о полном запрете приема на службу в Республике лиц, уволенных за нерадивое отношение к якутскому делопроизводству.

Поскольку одновременно подтверждается перевод только „важнейших" актов на якутский язык, создается бюро переводчиков для установления правильного текста и допускаются исключения по приему на службу для квалифицированных специалистов—ясно, что по существу октябрьский циркуляр не так далеко отходит от майского постановления: но он отходит от него по общей стремительности намеченного им темпа якутизации и энергии санкций (своего рода волчий паспорт, при чем не предусмотрена возможность принятия обратно на службу по доказательстве изучения нужного языка). Мы видели выше из цифр, что фактически в Якутии очень благоприятные данные для употребления живой местной речи, „нажим" же в области делопроизводства без нужных технических данных, конечно, не мог дать ничего кроме нереальных сроков, намечавшихся в раннем законодательстве Чувашии, о котором была речь выше.

Третий Якутский С'езд Советов в начале 1925 г. одобрил политику правительства, но в конституции 23 марта 1925 г. никаких руководящих постановлений по вопросу о языках и их равноправии дано не было.

Лишь вводный акт к конституции, предписывая издать ее по-русски и по-якутски, косвенно указывал на официальный характер двух языков.

В развитие постановлений конституции (пока еще не утвержденной правительством РСФСР), касающихся законодательной процедуры, 11 января 1926 г. секретариат Якутского ЦИК предложил ведомствам вносить законопроекты на двух языках, с запрещением издания окончательного текста по-якутски без визы НКЮ.

25 января 1926 г. издан декрет ЦИК'а „о якутизации", стремящийся подвести итоги ранее изданным постановлениям, при чем в отношении перехода на якутский язык в делопроизводстве дана отсрочка (до 1 марта), и среди учреждений установлены две группы: учреждения до окружных включительно ведут делопроизводство параллельное или смешанное, в зависимости от обстоятельств; учреждения низового аппарата ведут делопроизводство по-якутски, с из'ятием на этот раз русских

[1]) Надо заметить, что Чечня, еще более однонациональная, чем Якутия, сочла, однако, нужным сделать эту оговорку для своего казачьего района; ту же оговорку для русских селений мы находим в Вотской области, а в Марийской для национальных районов вообще; Чувашская республика, как и Якутская, установили соответственную оговорку в 1926 г.

и иных не-якутских волостей и обществ (но не тунгусов и других мелких народностей, знающих якутский язык).

Счетная часть обязательно ведется на русском языке.

Все официальные опубликования (в частности, законов) делаются на двух языках. Принимаются меры к рекрутированию знающего якутский язык персонала. Санкции нарушений правил якутизации производятся, в отличие от 1924 года, через дисциплинарные суды.

Особая комиссия по-якутизации получила задание разработать план осуществления намеченной реформы с учетом технической стороны дела.

В общем, с изданием этого постановления, право Якутской Республики, повидимому, начало входить в стадию неторопливой планомерной работы по развитию, прежде всего, технических приспособлений для реализации языка, в которую уже вошла Чувашия и к которой сразу приступили северо-кавказские, прикамские и Марийская области.

В Марийской и Вотской областях мы находим признание русского языка „официальным“ (Мари) или „государственным“ (Вотн) на равных правах с местным национальным; обе эти области признают роль русского языка, как языка-связи в области счетоводства и т. п. технических сношений.

Как правило, в областях главное внимание обращается на введение живой устной речи в управление и на обучение в школе, делопроизводство же переводится на местный язык планомерно и очень постепенно. Причина, как указано в одном официальном марийском документе, — тот факт, что даже местные национальные работники (марийцы), отлично владея разговорной речью, с трудом пока оперируют ею письменно ввиду наличия ряда наречий и недостаточной технической установленности языка [1]). В еще большей мере эти обстоятельства приходится учитывать на Северном Кавказе с его разными говорами и борьбой шрифтов.

* * *

Сравнительно старое развитие местной письменности и литературы в Приволжьи и Казакстане и сильное национальное движение среди татар, башкир и киргиз-казаков при отпадении ограничений старого режима—таковы были причины, поставившие в автономных республиках этих национальностей проблему равноправия языков очень реально и настоятельно, в особенности в сравнительно культурном Татарстане, где русские составляют почти половину населения. Татарская республика первой из автономий РСФСР вступила на путь самостоятельного законодательства о языках, и это законодательство дало, так сказать, тон праву автономий второй группы.

---

[1]) Записка марийского представительства в Москве в сентябре 1925 г. Ср. для характеристики работы Области Коми и Вотской Области, „Власть Советов“, 1925, № 5 и 17/18 и для Чувашской Республики, 1926, № 1.

Уже ранние акты 6 июля 1920 г. и 5 марта 1921 г., с их стремлением к равенству двух языков на бланковых штампах и на печатях и с организацией при учреждениях особых бюро переводчиков для перевода декретов, постановлений и иных официальных документов „на татарский язык с русского и наоборот", а также для приема татарских заявлений и ответа на них по-татарски нашли свое отражение в упоминавшемся акте Крымской республики 10 февраля 1922 г., равно как акт, считаемый в Татарской республике основным по языковому вопросу — декрет Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров ТССР от 25 июня 1921 г.

Этот декрет устанавливает государственным языком республики — татарский, но, „учитывая высокий процент русского крестьянского и пролетарского населения, постановляет, что на-ряду с татарским на правах государственного существует (!) и русский язык".

Законы республики и обращенные к населению постановления властей публикуются на двух государственных языках.

Предписывается создать суды и школы на татарском языке для татар, провести реформу татарского правописания, принимать письма с татарским адресом и татарские телеграммы, организовать в школах II ступени преподавание татарского языка для желающих русских и точно также русского в татарских школах, создать курсы для служащих государственных учреждений. Создается комиссия по реализации татарского языка, ведающая распределением работников татар и всеми бюро переводчиков. Принимаются меры к обеспечению правильности татарских переводов.

В общем реализация татарского языка предвидится в пределах фактической возможности.

Такой возможности в течение долгого времени не давал голод, захвативший все внимание и силы местной власти; но он же дал в известной мере толчок к продолжению дела, показав важность уметь об'ясняться с голодными крестьянами на их языке. Начиная с 8 мая 1922 г. издаются несколько актов по языковому вопросу, важнейшим из которых является „Инструкция по реализации татарского языка в государственных учреждениях и предприятиях ТССР" 21 декабря 1922 г.

Эта Инструкция, собирая воедино предшествовавшие постановления, устанавливает перевод делопроизводства на татарский язык в селах и волостях, с охраной права русских местностей вести делопроизводство по-русски; устанавливает равенство татарского и русского языков на всех общественных собраниях, с правом непонимающих участников требовать перевода; устанавливает право родного языка граждан в отношении подачи заявлений и сношений, предписывает введение преподавания татарского языка для всех учащихся средней и высшей школы, предпочтение при прочих равных условиях при приеме на службу лиц, знающих русский и татарский языки и обязательное составление всех публично-правовых документов (мандатов, удостоверений) и официальных вывесок на двух языках.

Работа ведется под руководством комиссии по реализации татарского языка, действующей на местах через кантонные (уездные) комиссии.

Позднейшие акты или уточняли отдельные пункты Инструкции (18 августа 1923 г.— о языках удостоверений личности, 21 сентября 1923 г.— о вывесках и штампах) [1]) или дополняли ее нормами об ее распространении на кооперативные и профессиональные учреждения и предприятия ТССР и о мерах к татаризации советского аппарата с учетом нужд национальных меньшинств (5 мая 1924 г., 7 мая 1926 г.).

В направлении татаризации было установлено, что при сокращении штатов оставляются преимущественно лица, знающие два языка. При незнании татарского языка лицами, состоящими в должностях, где такое знание, по соприкосновению с населением, необходимо, может быть производим подбор работников путем пересмотра штатов и в порядке ст. 47 Кодекса Законов о труде, при чем увольняемым предоставляется компенсация (контраст с украинской нормой 1925 г.).

Предложено обратить особенное внимание на татаризацию состава милиции.

Основными принципами действующего законодательства и практической работой по реализации татарского языка являются, по указанию официальных материалов, следующие: 1) признание двух официальных языков „на одинаковых правах“ — русского и татарского; 2) право родного языка гражданина при обращениях во все учреждения; 3) признание основным языком делопроизводства каждой административной единицы языка большинства населения, с временным отступлением от этого правила в центре и в кантонах, где основное делопроизводство ведется по-русски, но сношения с местным аппаратом ведутся на языке его делопроизводства и с гражданами — на языке их обращений; 4) начало работы по татаризации с низового аппарата, с рациональным использованием работников татар и с обучением служащих в виде дополнительной меры [1]).

Два основных правовых начала — равноправие официальных языков и право родного языка — закреплены в новом проекте татарской конституции (см. приложение); следует отметить, что роли русского языка, как языка-связи татарское право почти не касается, за исключением разве постановления об удостоверениях личности, выдаваемых обязательно на русском и татарском языках (18 августа 1923 г.).

В практике наблюдалось стремление создать монополию для татарского языка даже в сношениях с центром федерации и известное увлечение местным национализмом; если принять во внимание, что до революции в Татарстане было по Бороздину 1.124 русских и 35 татарских начальных школ, то некоторая реакция в обратную сторону станет понятна (по данным Кантора, 818 русских и 920 татарских школ I сту-

---

[1]) Заменена пост. 9 июня 1926 г., данным в приложении.

[2]) Сборник декретов, постановлений, важнейших циркуляров и т. д. в области реализации татарского языка. Казань 1925, стр. 49.

пени), вплоть до риска известного „отрыва от русской культуры", по выражению А. С. Енукидзе [1]). Такой отрыв, однако, едва ли может быть значительным при громадном численном перевесе русских в городах (77,3%) и весьма большом количестве их в деревне (37,3%).

Русская масса населения в городах и недостаток квалифицированных работников-татар дают в большинстве кантонных и центральных учреждений возможность осуществления лишь „права языка" или, по выражению отчета ТатЦИК в 1926 г., пассивную реализацию татарского языка; зато в татарских волостях и селах реализация вполне активна — до 97% перешли на татарское делопроизводство, из них 52% полностью, 45%—смешанным делопроизводством [2]). Процент работников из татар в центральных и кантонных учреждениях непрерывно растет, что облегчает обращение татарского населения по делам и даже способствует его передвижению из деревни в город (в Казани доля татарского населения поднялась с 19% до 25%, процент татар-служащих с 7,8% в 1921 г. до 16,8% в 1925 г.). Интересно, что процент ответственных работников татар выше, чем процент технических служащих (22% и 13% в Казани, 31 и 17,8% в кантонах), но для последних растет быстрее и с развитием просвещения, несомненно, еще возрастет.

В целом, достижения „комиссии по реализации языка" (учреждения, принятого из Татарстана большинством автономий РСФСР)—надо за данный период (4 года) и в данных условиях (голод, хозяйственная разруха) считать очень большими и, повидимому, довольно прочными.

Право ближайших соседей и сверстников Татарской республики, именно Казакстана и Башкирии представляет сравнительно мало отличий от только что виденного [3]). Казакстан с 1922 г. проявляет большое внимание к языкам в законодательной процедуре (требование не только опубликования, но и подготовки закона на двух языках, придание значения только проверенным официальным переводам); практическую работу по переводу делопроизводства на казакский язык Казакстан ведет довольно стремительно, „по срокам" и, если сведения на 1926 г. точны, достиг почти 100% перехода аульного делопроизводства на местный язык. Однако в губерниях, уездах и в центре республики делопроизводство или параллельное или русское, при чем в последнее время роль русского языка, как связи с центром федерации и крупным русским меньшинством подчеркивается в местной прессе.

Ближайшей задачей в Казакстане ставится — „чтобы техническими работниками были казаки, знающие русский язык". Вопрос тут, очевидно, в под'еме квалификации [4]).

---

[1]) Енукидзе, цит. статья во „Власти Советов", 1925, № 45; Бороздин. Современный Татарстан, „Новый Восток", 1925, кн. 10—11; Кантор, Е. Школы и учительство в автономных республиках, „Власть Советов", 1925, № 5.

[2]) См. Отчет ТатЦИК к VI С'езду Советов ТССР и „Власть Советов", 1926, № 10.

[3]) В Бурятии законодательство отличается от татарского лишь большей краткостью и первоначально—яркими выпадами против „задерживающего" влияния русской грамотности на бурятскую культуру.

[4]) См. Кантор, цит. ст. и „Власть Советов", 1926, № 10.

В этом пришлось убедиться образующей переход к третьей группе автономий Башкирии, первоначально очень националистически настроенной, и в 1922/23 г. пытавшейся усиленно наводнять свой аппарат башкирскими безработными без подготовки, что создало, по мягкому выражению официальных отчетов комиссии по реализации башкирского языка, „неплодотворность работы".

„Комиссия в своей деятельности убедилась в том",— говорит отчет за 1924 г.,—„что введение башкирского языка в делопроизводство возможно постепенно, планомерно и с низов, прежде всего путем подготовки достаточного количества работников-канцеляристов из башкир путем открытия краткосрочных курсов и вовлечения практикантов в аппараты госучреждений". Идя этим путем в волостях, Башкирия довела параллельное делопроизводство до 55% общего количества, процент двуязычных работников в волостях до 70%, в кантонах до 30%.

В собственно законодательной области Башкирская республика обратила большое внимание на почту, установив практическое правило, по которому адрес на местном языке пишется на одной половине конверта и переводится по-русски почтовым служащим на другой; в остальном заметно сильное влияние Татарстана и — в отношении языка законов — Казакстана; как специальные особенности укажу введение обычных арабских цифр (вместо турецких), учет значения русского языка как языка-связи и своеобразную фикцию, по которой республика, признавая государственными языками башкирский и русский, в местностях, населенных татарами, считает „башкирским языком местное наречие" (6 октября 1924, ст. 2).

Фактически, таким образом, в Башкирии три официальных языка с альтернативным употреблением двух из них, что сближает ее языковое право с Немецкой Республикой, как сближает их сложность состава.

* * *

Закон о языках Автономной Республики Немцев Поволжья 19 мая 1924 года отличается систематичностью, тщательной, можно сказать почти педантической, отделкой деталей и оригинальным расположением материала, где общность и важность положений постепенно возрастает, и наиболее существенные отнесены ближе к концу. Закон начинается с предписаний о восстановлении национальных названий местностей, о языках печатей, вывесок и бланковых штампов (при чем подробно указывается, в каком порядке и в каких случаях должны размещаться немецкий, русский или украинский и в некоторых селениях татарский тексты, по принципу помещения на первом месте языка преобладающего в данной административной единице населения); далее следуют правила об изготовлении документов публично-правового характера (мандаты и т. п.), о языках официальных распоряжений, постановлений и об'явлений, о порядке делопроизводства, о государственных языках на собраниях и заседаниях, о сношениях с учреждениями вне республики (на русском языке), о курсах по подготовке работников, о школах, наи-

конец, о сроках перехода на новое делопроизводство и обеспечении населению возможности обращаться в учреждения на разговорном языке. Образуются специальные комиссии по реализации языка.

Закон признает равноправными и государственными три языка (немецкий, русский, украинский), при чем в республиканском законодательстве обязательны русский и немецкий, а в постановлениях местных властей могут употребляться русский и немецкий, или русский и украинский, или, наконец, один из трех языков, смотря по составу населения в пределах действия акта.

Делопроизводство в селах и кантонах ведется на языке большинства населения данной административной единицы, с допущением татарского делопроизводства в татарских селах.

Внутреннее делопроизводство центральных учреждений ведется по-русски, но сношения с гражданами и нижестоящими учреждениями ведутся на языке обращений граждан и подчиненных органов, а сношения с немецкими кантонами—только по-немецки. Равным образом, кантонные учреждения сносятся с селами на языке делопроизводства последних. Сношения с учреждениями вне республики, а равно переписка разнонациональных сел и кантонов между собой, ведутся на русском языке (язык-связь), изучение которого является во всех школах обязательным предметом.

Таковы главные начала стройного и обширного акта 19 мая 1924 г. отраженные и в новом проекте конституции Немецкой Республики. Проведение акта 1924 года в жизнь дало, благодаря сравнительно весьма культурному составу населения, очень значительные результаты. В семи кантонах (из 14) делопроизводство сельских советов и кантисполкомов ведется по-немецки, в пяти—переведено на немецкий язык судопроизводство; в остальных кантонах имеется смешанное делопроизводство, ввиду смешанного состава населения,— причем в двух кантонах преобладают почти сплошь русские и в двух украинцы. В школах кантонов с чисто-немецким или преобладающе-немецким населением преподавание ведется по-немецки, в школах русских и украинских — на родном языке, причем в школах I ступени введен в них в качестве обязательного предмета немецкий язык, и, наоборот, в немецких школах таким предметом является язык русский.

Есть требования со стороны населения о введении немецкого языка в качестве обязательного предмета и в русских школах II ступени.

Население вообще „относится к принятому курсу одобрительно“[1]).

* * *

В предыдущем изложении были затронуты только автономии восточной зоны РСФСР. Прежде чем подводить итоги, следует упомянуть

---

[1]) Рогов, А. Реализация немецкого языка в Немреспублике, „Власть Советов“ 1926, № 14; см. текст закона 19 мая 1924 г. в приложении.

вкратце о двух крохотных культурных автономиях советской западной границы, одна из которых входит в РСФСР и другая — в УССР. Я разумею Карельскую и Молдавскую республики.

По своему национальному составу они относятся — первая к двунациональным, вторая — к сложнонациональным образованиям [1]).

Карелия по интересующему нас вопросу декретировала мало—основные линии сводятся к равноправию двух языков в законодательстве, делопроизводстве и судопроизводстве на местах, сообразно национальному составу и обеспечению права языка в школе и управлении (см. приложение, 9 августа 1924 г.), но на практике она осуществляет равноправие языков довольно удачно [2]).

Молодая Молдавия пока руководится подробным украинским законодательством (см. в частности украинское постановление 15 дек. 1925 г. о молдавском и украинском языке вывесок); собственная конституция Молдавской АССР 23 апреля 1925 г. провозглашает равноправие языков, указывает три наиболее употребительных языка (молдавский, украинский и русский) и гарантирует гражданам право языка.

В целом, в праве советских автономий РСФСР и УССР мы имеем в очень различных оттенках признание равноправия двух и в виде исключения трех официальных языков, идею языка-связи и права языка гражданина.

Полнее всего эти начала нашли свое выражение в украинско-молдавском праве и в самостоятельном законе Немецкой Республики; принцип языка-связи сильно ослаблен в законодательствах второй группы (Татарстан). Право языка гражданина признается везде и реализуется также в трех областях первой группы, где юридические формулировки сравнительно скудны (Калмыкия, северо-кавказские области).

В связи с этим наблюдается пополнение советского аппарата местными элементами, его „коренизация“ и прочное сращивание с местами: передвижение владеющих местными языками работников труднее, их стремятся удержать даже при штатных сокращениях.

Как общую черту, наблюдаемую в советском языковом праве почти везде, за исключением закавказских республик, надо заметить еще умолчание об аутентичном тексте закона. Вопрос этот приходится решать в зависимости от подготовки текста и там, где эта подготовка установлена билингвистически (на двух языках), как в Казакстане, Якутии и Башкирии,— тексты имеют, по общим началам равноправия, одинаковую силу.

---

[1]) Буценко, А. К вопросу районирования Украины, Хар. 1925, стр. 35, дает следующий национальный состав Молдавии: молдаван—34,5%, украинцев—42,2%, русских—16,3%, евреев—9,2%, немцев—2,4%, болгар, поляков и прочих—1,6%.— О составе Карелии см. второе примечание к этому §. Всего населения в Молдавии полмиллиона (538.151), а в Карелии 204 тысячи.

[2]) См. Гюллинг, „Изв. ЦИК“, 1927, № 147 (доклад).

§ 18

Если, заканчивая работу, попытаться свести этот очерк к немногим основным положениям, то такие положения можно, мне кажется, формулировать следующим образом:

1. „Равноправие языков" есть понятие более широкое, чем право языка: первое предполагает второе; равноправие языков требует активного введения их в работу государственного аппарата; право языка требует лишь допущения его в общественной жизни и в сношениях граждан с властью.

2. Технические и экономические причины и ограниченность способности людей к языкознанию ставят равноправию языков довольно узкие пределы (двуязычие, редко трехязычие). Реальное равноправие языков требует обычно поддержки более слабому языку со стороны государства. При этом нарастает потребность в общем языке-связи.

3. Развитие демократизации в политической и социальной жизни в XIX веке способствовало выставлению требования равноправия языков малыми — в большинстве деревенскими — народами Европы.

После мировой войны это требование на Западе ослабело в связи с создавшимся в Европе мелкодержавием и конкуренцией государств и языков, приводящими к своеобразному языковому национализму: преобладающий государственный язык и „право языка" меньшинств — таково обычное состояние западного права по вопросу, даже при формальном признании равенства прав всех национальностей (исключение в языковом вопросе — Швейцария и близко Финляндия и Бельгия).

4. В Советском Союзе, в связи с широким развитием федерализма и отказом от политического соперничества наций, получила первоочередное значение проблема равноправия языков, как средства сближения руководящей рабочей демократии и советского аппарата с национальными крестьянскими массами и как средства устранения былого национально-политического гнета.

5. Гипноз старых формул и старых переживаний дал при этом в законодательстве некоторых советских республик и областей стремление заменить старый „государственный" язык новым своим, с явными уклонами к языковому национализму; с течением времени, однако, формула „государственного" языка стала уступать место „официальным" или „наиболее распространенным" языкам с установлением равноправия двух или — редко — большего числа языков, с обычным выделением в последнем случае двух главных.

6. Принцип равноправия языков, с вытекающим из него правом родного языка для всех граждан, и идея языка-связи — таковы основные начала, проводимые по языковому вопросу советским законодательством и являющиеся юридическим средством расчистки пути к слиянию наций Союза в культуре будущего.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ[1])

[1]) Все материалы без особой ссылки — по коллекциям Института Советского Права.

I. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО СОЮЗА ССР и СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК *).

СОЮЗ ССР.

Конституция Союза ССР 6 июля 1923 г.

(Извлечение.)

34. Декреты и постановления Центрального Исполнительного Комитета, его Президиума и Совета Народных Комиссаров Союза ССР печатаются на языках, общеупотребительных в Союзных Республиках (русский, украинский, белорусский, грузинский, армянский, тюрко-татарский).

70. Государственный герб Союза Советских Социалистических Республик состоит из серпа и молота на земном шаре, изображенном в лучах солнца и обрамленном колосьями; колосья переплетены лентами, на лентах имеются надписи на шести языках, упомянутых в ст. 34: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“. На верху герба имеется пятиконечная звезда.

(*По редакции пост. II Съезда Советов ССР.*)

О порядке опубликования законов и распоряжений Правительства Союза ССР.

(Извлечение из пост. ЦИК и СНК Союза ССР 22 августа 1924 года.)

Примечание: 1-й отдел „Собрания законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза ССР“ печатается на 6 языках, указанных в ст. 34 Конституции Союза ССР.

(*Собр. Зак. СССР, 1924 г., № 7, ст. 71.*)

Об урегулировании вопроса с посылкой материалов (на национальных языках) Союзными Республиками в центральные органы Союза ССР.

(Пост. През. ЦИК Союза ССР 26 сентября 1924 г.)

Предложить Центральным Исполнительным Комитетам Союзных Республик дать распоряжение своим органам и учреждениям, чтобы при посылке материалов в центральные учреждения Союза ССР, на ряду с текстом на национальном языке, препровождался и перевод на русском языке.

(*Прот. През. ЦИК ССР, 1924 г., № 29, п. 14.*)

*) Во время печатания книги опубликован закон Союза об охране границ СССР, касающийся вопроса о языке актов, об аресте судов (язык русский, замечания капитана на любом языке) см. С. З. СССР, 1927 г., № 62, ст. 624).

Консульский Устав Союза ССР.

(Извлечение.)

51. Консул обязан принимать от граждан Союза ССР заявления, как письменные, так и устные, на любом из языков, перечисленных в ст. 34 Конституции Союза ССР (на русском, украинском, белорусском, грузинском, армянском и тюрко-татарском).

(8 янв. 1926 г., Собр. Зак. СССР, 1926 г., № 10, ст. 78.)

Устав Банка для внешней торговли Союза ССР.

(Извлечение.)

§ 71. Делопроизводство и переписка Банка в пределах Союза ССР ведутся на русском языке. При сношениях с правительственными и общественными учреждениями республик, входящих в состав Союза ССР, в коих законом предписывается употребление местных языков, Банк руководствуется подлежащими законами. Переписка с заграницей производится на языке по усмотрению правления.

(16 дек. 1924 г., Собр. Зак. СССР, 1925 г., Отд. II, № 4, ст. 7.)

Об обязательном ведении счетоводства торговыми и промышленными предприятиями [1]).

(Извлечение из пост. СНК Союза ССР 9 ноября 1926 г., в ред. 30 июля 1927 г.)

2. Предусмотренный ст. 1 учет ведется на одном из живых языков по усмотрению владельца предприятия либо народного комиссариата или соответствующего ему учреждения, в непосредственном ведении которого находится предприятие. Употребление шифра допускается лишь в государственных предприятиях.

Примечание. В ЗСФСР упомянутый учет может вестись лишь на одном из упомянутых в ст. 20 конституции ЗСФСР языков или на одном из языков, употребление которых для этой цели допущено законодательством ССР Грузии, Армении и Азербайджана по принадлежности.

(Собр. Зак. СССР, 1927 г., № 1, ст. 8 и № 46, ст. 468.)

Основы уголовного судопроизводства Союза ССР 31 октября 1924 года.

(Извлечение.)

15. Рассмотрение на суде уголовных дел ведется, как общее правило, на языке большинства местного населения.

Вместе с тем на судебные учреждения возлагается обязанность принимать все доступные им меры, чтобы обеспечить возможность ведения уголовных дел на языке обвиняемых, если последние принадлежат к национальному меньшинству. В этих случаях суд, до назначения дела к слушанию, решает в распорядительном заседании вопрос о языке, на котором будет вестись производство дела, руководствуясь интересами наиболее полного выяснения дела, интересами гласности суда и интересами обвиняемых. Если участвующие в деле лица не владеют языком, на котором ведется данное дело, то следственные органы и суд обязаны пригласить переводчика и через последнего ставить заинтересованных лиц в известность о каждом процессуальном действии.

(Собр. Зак. СССР, 1924 г., № 24, ст. 206.)

---

[1]) О специальных технических нормах относительно языка телеграфных сношений см. примечание 2 к § 12 текста этой книги.

О национальных меньшинствах.

(Извлечение из постановления III С'езда Советов Союза ССР 26 мая 1925 года).

Констатируя, что политика Союза ССР в национальном вопросе вполне оправдала себя и оказала огромное влияние в деле укрепления Советского Союза, III С'езд Советов Союза ССР, однако, считает, что деятельность Советов в национальных республиках и автономных областях должна получить еще большее развитие, в смысле полного обеспечения повсеместно прав национальных меньшинств, и поручает Центральному Исполнительному Комитету Союза ССР обеспечить полностью проведение соответствующих мер, как то: введение во все выборные советские органы представителей национальных меньшинств, в случаях значительной численности национальных меньшинств образования отдельных советов, с употреблением языков этих меньшинств, организацию школ и судов на родном языке и т. п.

(Собр. Зак. Союза ССР, 1925 г., № 35, ст. 247, V.)

З С Ф С Р.

Конституция ЗСФСР 10 апреля 1925 года.

(Извлечение.)

20. Декреты, постановления и распоряжения Закавказского Центрального Исполнительного Комитета, его Президиума и Совета Народных Комиссаров ЗСФСР публикуются на языках: армянском, грузинском, русском и тюркском.

54. Весь герб окаймлен красной (алой) лентой, где вписано золотыми буквами слева направо на армянской, русском, грузинском и тюркском языках „ЗСФСР".

Постановление ЗакЦИК и СНК ЗСФСР от 28 февраля 1925 года о распубликовании и времени вступления в силу законов и распоряжений Правительства ЗСФСР, а также распоряжений ведомств ЗСФСР.

(Извлечение.)

1. Постановления Закавказского Центрального Исполнительного Комитета, его Президиума, Совета Народных Комиссаров и Высшего Экономического Совета ЗСФСР распубликовываются в „Собрании узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства ЗСФСР" на четырех языках: русском, грузинском, тюркском и армянском и в газетах: „Заря Востока" на русском, „Коммунист" на грузинском, „Мартакон" на армянском и „Ени-Фикир" на тюркском языках.

(С. У. ЗСФСР, 1925 г., № 3, ст. 384.)

Постановление ЗакЦИК 12 октября 1925 года о языке документов, предназначенных для пред'явления и пользования за пределами ЗСФСР.

В дополнение и развитие декрета Закавказского Центрального Исполнительного Комитета от 13 августа 1923 года о языке государственных учреждений ЗСФСР (*С. У. ЗСФСР, 1923 г., № 10, ст. 173*)[1]), Закавказский Центральный Исполнительный Комитет постановляет:

[1]) Текст см. ниже.

Обязать все государственные учреждения и общественные организации республик, входящих в состав ЗСФСР, составлять документы, предназначенные для пред'явления и пользования вне пределов ЗСФСР, на языке данной республики и параллельно на русском языке.

Председатель ЗакЦИК М. Цхакая.

Секретарь ЗакЦИК А. Шавердов.

(С. У. ЗСФСР, 1925 г., № 10, ст. 503.)

Декларация о языке государственных учреждений и обеспечении прав национальных меньшинств.

Уничтожение национального угнетения и неравенства, в какой бы форме оно ни проявлялось, замена национальной вражды и ненависти угнетающих классов интернациональной солидарностью трудящихся и братским сотрудничеством народов в едином государственном союзе является одной из основных задач рабоче-крестьянской революции и советской власти. Установлением советской власти трудящиеся массы Закавказья, в союзе с революционными рабочими и крестьянами России, скинули с плеч своих национальное ярмо великорусских помещиков в лице царских генералов и чиновников, а также власть мелкобуржуазных шовинистических партий, проводивших политику взаимного недоверия, взаимной вражды, ненависти и истребления. Советской властью Закавказья уничтожен раз навсегда режим национальных погромов и резни, господствовавший здесь за все время хозяйничанья мелкобуржуазно-шовинистических партий меньшевиков, дашнаков и мусаватистов и их заграничных покровителей — антантовских и белогвардейских заправил.

Тем самым был заложен твердый фундамент национального освобождения народов Закавказья и создана возможность беспрепятственного развития национальных культур и братского единения трудящихся масс страны. Предшествующие годы существования рабоче-крестьянской власти в республиках Закавказья в смысле использования этих возможностей в интересах культурного развития страны и установления братского единодушия его народов, являются беспримерными не только в вековой истории царского владычества, но и по сравнению с временами господства буржуазных и националистических классов и партий Закавказья.

Однако, в условиях общей культурной и экономической отсталости нашей страны, при крайней разнородности этнического состава народонаселения, разностепенности и разнохарактерности национальных культур, перед рабочими и крестьянами Закавказья, перед органами революционной власти трудящихся масс страны стоит еще трудная задача поднятия культурно-экономического уровня отсталых народов, искоренения следов великодержавного шовинизма и пережитков национализма и национальной отчужденности среди племен и народов Закавказья.

Главный путь разрешения этой задачи—вовлечение широких трудовых масс разноплеменных национальностей Закавказья в культурное и политическое строительство и превращение государственного аппарата в организацию самих трудящихся.

Живые разговорные языки трудящихся масс закавказских национальностей должны стать орудием культурного их развития и могучим средством приобщения их к завоеваниям рабоче-крестьянской революции.

Исходя из вышеизложенного, 2-я сессия ЗакЦИК'а признает необходимым:

1. Обратить сугубое внимание руководящих органов власти на постановку и развитие культурной работы национальных республик, уделив исключительное внимание культурной работе областей, населенных национальными меньшинствами.

2. Предложить Президиуму ЗакЦИК'а в кратчайший срок издать закон, регулирующий применение в госучреждениях Федерации национальных языков, а также сношения этих учреждений с населением на родных языках.

3. Обязать ЦИК'и республик издать в кратчайший срок кодекс о применении в госучреждениях как языка большинства населения, так и языков национальных меньшинств.

4. Ввести обязательное преподавание в ряде школ высшего типа, и в первую очередь в техникумах, основных языков народов Закавказья, а также изучение их истории и быта.

Придавая первостепенное значение настоящей декларации в видах неуклонного практического применения и обеспечения вытекающих из нее положений, 2-я сессия ЗакЦИК'а предлагает Президиуму ЗакЦИК'а и ЦИК'ам республик установить соответствующие законы, преследующие и карающие всех нарушителей прав национальностей и нацменьшинств.

(Из постановлений 2-й сессии ЗакЦИК, 28—29 июня 1923 г.)

Декрет Закавказского Центрального Исполнительного Комитета о языке государственных учреждений ЗСФСР 13 августа 1923 года.

В осуществление основных принципов декларации 2-й сессии Зак. ЦИК'а „о языке госучреждений и обеспечении прав национальных меньшинств", Закавказский Центральный Исполнительный Комитет постановляет:

1. Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров ЗСФСР публикуют свои законы, декреты, постановления и проч. на языке русском и государственных языках республик, входящих в состав ЗСФСР—армянском, грузинском и тюркском.

2. Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров ЗСФСР сносятся с ЦИК'ами, Совнаркомами и Наркоматами республик, входящих в ЗСФСР, на русском языке, получают же ответы, запросы, отношения и проч. на русском или государственном языке соответствующей республики.

3. Граждане подают всякого рода бумаги в ЗакЦИК и ЗакСНК на одном из четырех указанных выше языков и получают ответы на языке, избранном просителем.

4. Язык сношения органов национальных республик с центральными краевыми органами, об'единенными наркоматами и управлениями устанавливается ЦИК'ами соответствующих республик.

5. В развитие настоящего декрета СНК ЗСФСР издать особые положения о применении языков национальных республик на железной дороге, в почтово-телеграфных учреждениях и в Отдельной Кавказской армии.

Председатель ЗакЦИК М. Цхатия.

За секретаря ЗакЦИК Гинзбург.

(С. У. ЗСФСР., 1923 г., № 10, ст. 173.)

Декрет Совета Народных Комиссаров ЗСФСР о введении в действие Положения о применении языков национальных республик на Закавказских железных и шоссейных дорогах 23 августа 1923 г.

В осуществление основных принципов декларации 2-й сессии Зак. ЦИК'а „о языке госучреждений и обеспечении прав национальных меньшинств" и во исполнение пункта 5 декрета Закавказского Центрального Исполнительного Комитета от 13 сего августа Совет Народных Комиссаров ЗСФСР постановляет:

1. Утвердить и ввести в действие „Положение о применении языков национальных республик на Закавказских железных и шоссейных дорогах".

2. Поручить Наркомпути в кратчайший срок представить на утверждение Совнаркома ЗСФСР проект Положения о применении языков национальных республик по отделу портов управления Уполнаркомпути ЗСФСР.

Председатель СНК ЗСФСР М. Орахелашвили.
За Управ. делами СНК ЗСФСР Н. Иванишвили.
За секретаря СНК ЗСФСР Трейвис.

Положение о применении языков национальных республик на Закавказских железных и шоссейных дорогах.

I. По управлению дороги.

а) Запросы и ответы в правительственные учреждения республик, входящих в состав ЗСФСР, излагаются на государственном языке соответствующей республики;

б) все без исключения надписи, об'явления, приказы, циркуляры, правила, распоряжения и т. п., вывешиваемые для общего сведения граждан на станциях, конторах и других помещениях, а также на путях, обязательно излагаются одновременно на четырех языках Закавказской федерации: армянском, грузинском, тюркском и русском. Надписи же, об'явления, приказы и проч. местного значения, в тесном смысле слова, излагаются на языке данной республики и параллельно на русском языке.

в) всякого рода распоряжения, об'явления и правила, вывешиваемые в вагонах, циркулирующих в пределах ЗСФСР, издаются одновременно на упомянутых в предыдущем пункте 4 языках;

г) в пределах отдельных республик, входящих в состав ЗСФСР, вся переписка с линией не технического характера ведется на двух языках: на языке данной республики и параллельно на русском языке;

д) все приказы, циркуляры и депеши технически-распорядительного характера, исходящие от управления дорог, впредь до установления технической терминологии на языках республик, входящих в состав ЗСФСР, издаются на русском языке;

е) вся техническая, материальная и денежная отчетность в управлении железных дорог ведется на русском языке;

ж) вся внутренняя, между службами управления железных дорог, переписка ведется на русском языке.

II. По линии Закавказских железных и шоссейных дорог.

а) Запросы и ответы в правительственные учреждения республик, входящих в состав ЗСФСР, излагаются на языке данной республики;

б) документы на перевозку грузов и багажа, как внутри отдельных республик, входящих в состав ЗСФСР, так и в транзитном направлении, составляются на языке данной республики и параллельно на русском языке;

в) всякого рода служебная переписка не технического характера в пределах отдельных республик, входящих в состав ЗСФСР, ведется на языке данной республики или на русском языке;

г) техническая, материальная и денежная отчетность, а также вся переписка, связанная с этой отчетностью, как внутри отдельных республик, так равно и с соседними республиками и управлением дорог, временно, впредь до установления технической терминологии на языках республик, входящих в состав ЗСФСР, ведется на русском языке;

д) всякого рода служебные сношения не технического характера по линии между железнодорожными учреждениями и по шоссейным дорогам между шоссейными учреждениями различных республик, входящих в состав ЗСФСР, ведутся на языке данной республики и параллельно на русском языке; переписка же технического характера, направляемая с линии в управление дорог, излагается на языке данной республики и параллельно на русском языке;

ж) депеши служебного характера по эксплоатационно-технически-отчетным вопросам при передаче их из одной республики в другую должны излагаться и передаваться на русском языке.

III. Сношения с частными учреждениями и лицами.

а) Всякого рода заявления, поступающие от частных лиц, как в управление дорог и в линейные учреждения дороги, обязательны к приему на языке данной республики, на языке национального меньшинства данного района и на русском языке;

б) все документы и справки выдаются по желанию просителя на языке, избранном им в соответствии с предыдущим пунктом „а“, либо на одном из них;

в) депеши, адресуемые частными лицами и учреждениями в пределах отдельных республик, входящих в состав ЗСФСР, обязательны к приему либо на языке данной республики, либо на русском языке. Депеши же, передаваемые из одной республики в другую, принимаются и передаются на русском языке, впредь до создания технических возможностей на языках республик, входящих в состав ЗСФСР;

г) во исполнение сего Положения и в полном соответствии с ним, Уполнаркомпути издать незамедлительно инструкции и правила по применению настоящего Положения.

Председатель СНК ЗСФСР М. Орахелашвили.
За Управделами СНК ЗСФСР Иванишвили.
За секретаря СНК ЗСФСР Трейвис.

(С. У. ЗСФСР, 1923 г., № 10, ст. 175.)

Постановление Совета Народных Комиссаров ЗСФСР о введении в действие Положения о применении языков национальных республик в Краснознаменной Кавказской армии 14 февраля 1924 года.

В осуществление основных принципов декларации 2-й сессии ЗакЦИК'а „О языке госучреждений и обеспечении прав национальных меньшинств“ и во исполнение п. 5 декрета Закавказского Центрального

Исполнительного Комитета от 13 августа 1923 года, Совет Народных Комиссаров ЗСФСР постановляет:

1. Утвердить и ввести в действие „Положение о применении языков национальных республик в Краснознаменной Кавказской армии".

2. Во исполнение настоящего Постановления Революционному Военному Совету Краснознаменной Кавказской армии поручается издание дополнительных инструкций и приказов.

Председатель СНК ЗСФСР М. Орахелашвили.
Управ. делами СНК ЗСФСР Н. Иванишвили.
Врид. Секретаря СНК ЗСФСР С. Лекишвили.

(С. У. ЗСФСР, 1924 г., № 2, ст. 35.)

Положение о применении языков национальных республик в частях, учреждениях и управлениях Кавказской Краснознаменной армии.

А. Управления и учреждения армии:

1. Сносятся с закавказскими федеративными государственными и общественными учреждениями на русском языке.

2. С учреждениями и организациями отдельных, входящих в ЗСФСР, республик сносятся на русском языке, получают же ответы, запросы, отношения и прочее на русском или государственном языке соответствующей республики.

3. С управлениями и штабами дивизий сносятся на русском языке.

4. Переписку между управлениями, а также хозяйственную, техническую, денежную отчетность ведут на русском языке.

5. Приказы и распоряжения, относящиеся не только к частям армии, но и к населению, публикуются на 4-х языках: русском, грузинском, армянском и тюркском.

Б. Номерные дивизии, гарнизоны и части этих дивизий:

1. Сносятся с учреждениями и организациями республик на языке соответствующих республик.

2. Все приказы и распоряжения, относящиеся не только к частям, но и к населению прилегающих местностей, публикуются на языках: русском, республиканском и национального меньшинства данной местности или района.

В. Управления и части национальных дивизий и военных школ:

1. Сносятся с учреждениями и организациями республик на языке соответствующих республик.

2. С закавказскими учреждениями и организациями сносятся в том же порядке, какой установлен ЦИК'ом данной республики для всех республиканских правительственных учреждений.

3. Сносятся между собою на языке соответствующей республики.

4. Команду и строевое обучение красноармейцев и курсантов данной дивизии и школы ведут на государственном языке соответствующей республики.

Примечание: Политическое обучение и воспитание красноармейцев и курсантов национальных меньшинств в отдельных республиках могут производиться на родном языке.

Сношения с населением.

1. Все управления, учреждения и части ККА обязаны обращаться к населению на основном языке данной местности или района.

2. На запросы, заявления, жалобы и т. п. обращения граждан ЗСФСР все управления, учреждения и части армии обязаны отвечать на том языке, на котором составлено обращение.

Председатель СНК ЗСФСР М. Орахелашвили.

Управляющий делами СНК ЗСФСР Н. Иванишвили.

Врид. Секретаря СНК ЗСФСР С. Лекишвили

(С. У. ЗСФСР, 1924 г., № 2, ст. 36.)

Постановление Совета Народных Комиссаров ЗСФСР об утверждении и введении в действие Положения о применении языков национальных республик по управлению Закавказского Округа Связи 21 ноября 1924 г.

В осуществление основных принципов декларации 2-й сессии ЗакЦИК'а „О языке государственных учреждений и обеспечении прав национальных меньшинств" и во исполнение п. 5-го декрета Закавказского Центрального Исполнительного Комитета от 13 августа 1923 года „О языке государственных учреждений ЗСФСР (С. У. и расп. ЗСФСР 1923 года № 10, ст. 173), Совет Народных Комиссаров ЗСФСР постановляет:

Утвердить и ввести в действие нижеприведенное „Положение о применении языков национальных республик по управлению Закавказского Округа Связи".

Положение о применении языков национальных республик по управлению Закавказского Округа Связи.

Раздел I.

По управлению Округа Связи.

1. Управление Закавказского Округа Связи сносится с правительственными учреждениями республик, входящих в состав ЗСФСР, на русском языке; получает же ответы, запросы, отношения и проч. на русском или государственном языке соответствующей республики по постановлению ЦИК'а последней.

2. Все без исключения об'явления, циркуляры, распоряжения и т. п., публикуемые управлением Округа Связи для общего сведения, излагаются одновременно на четырех языках: русском, армянском, грузинском и тюркском.

3. Всякого рода служебные распоряжения, циркуляры и вообще внутренняя переписка Управления Округа с почтово-телеграфными учреждениями ЗСФСР излагаются на русском языке или на языке соответствующей республики.

4. Вся внутренняя переписка между отделами Управления Округа и приказы по округу излагаются на русском языке.

Раздел II.

По почтово-телеграфным учреждениям.

5. Всякого рода служебная переписка между почтово-телеграфными учреждениями в пределах отдельных республик, подлежащая разрешению в пределах данной республики, ведется на государственном языке данной республики или на русском.

Переписка между учреждениями разных республик, входящих в состав ЗСФСР, ведется на русском языке.

6. Все без исключения надписи, об'явления, приказы, циркуляры, правила, распоряжения и т. п., вывешиваемые для общего сведения граждан в почтово-телеграфных учреждениях, излагаются на языке данной республики, на языке национального меньшинства и на русском.

7. Материальная и денежная отчетность почтово-телеграфных учреждений в пределах отдельной республики ведется на русском языке, но может вестись параллельно и одновременно также на языке соответствующей республики.

8. Исполнение телефонной станцией требований (заказов) обязательно на русском языке или языке государственном данной республики.

Вызовы же и ответы по телефону между отдельными республиками производятся на русском языке.

9. Адреса посылок, сопроводительные к ним адреса, адреса заказных и простых писем, а равно денежных переводов, отправляемых в пределах одной республики, входящих в состав ЗСФСР, излагаются на языке соответствующей республики, на языке национального меньшинства или на русском; отправляемых же за пределы отдельной республики— излагаются на языке данной республики или на языке национального меньшинства и, в обоих случаях, одновременно на русском языке.

Примечание 1. В соответствующих подавательских книгах записи и квитанции излагаются на том языке, на котором составлено всякого рода почтовое отправление.

Примечание 2. Письма, опущенные в ящики в пределах ЗСФСР на одном из четырех языков: русском, армянском, грузинском или тюркском, обязательны к пересылке по принадлежности.

10. Все почтово-телеграфные документы, циркулирующие в пределах отдельных республик, составляются на государственном языке данной республики, между отдельными же республиками — на русском.

11. Всякого рода акты по поводу недостачи вложения и проч. составляются на государственном языке данной республики; если же таковые подлежат направлению за пределы отдельной республики,— или на русском языке или на языке данной республики, с переводом на русский язык.

12. Все специальные книги, за исключением книг, указанных в ст. 7 настоящего постановления, ведутся на государственном языке данной республики.

Раздел III.

Сношения с частными лицами и учреждениями.

13. Всякого рода заявления, подаваемые частными лицами в управления Закавказского Округа Связи, обязательны к приему на любом из четырех языков: русском, армянском, грузинском и тюркском.

14. Всякого рода заявления, подаваемые частными лицами как в управления уполномоченных, так и в местные учреждения почтово-

телеграфного ведомства в ЗСФСР, обязательны к приему на одном из четырех языков: русском, армянском, грузинском и тюркском.

15. Все документы и справки выдаются на том языке, на котором подано заявление.

16. Депеши, адресуемые частным лицам и учреждениям в пределах республик, входящих в состав ЗСФСР, обязательны к приему либо на государственном языке данной республики, либо на русском.

Депеши же, передаваемые из одной республики в другую, принимаются и передаются на русском языке.

Председатель СНК ЗСФСР М. Орахелашвили.
Управ. делами СНК ЗСФСР Н. Иванишвили.
Врид. Секретаря СНК ЗСФСР С. Лекишвили.
(С. У. ЗСФСР, 1924 г., № 8, ст. 282.)

Постановление Закавказского Центрального Исполнительного Комитета 12 октября 1925 года о производстве на территории ЗСФСР перевыборов в советы.

(Извлечение.)

5. Публикация, повестки и всякого рода обращения к избирателям излагать, на ряду с республиканским, также на языках национальных меньшинств, равным образом обеспечить всем избирателям осуществление всех прав, предоставленных им законодательством ЗСФСР и республик, входящих в состав ЗСФСР, о языке национальных меньшинств.

(С. У. ЗСФСР, 1925 г., № 10, ст. 506.)

ГРУЗИЯ.

Конституция ССР Грузии 5 июля 1926 г.

(Извлечение.) [1])

10. Государственным языком ССР Грузии является язык грузинский.

Примечание. Национальным меньшинствам, населяющим территорию ССР Грузии, обеспечивается право свободного развития и употребления родного языка как в своих национально-культурных, так и в государственных учреждениях.

Декрет Всегрузинского Центрального Исполнительного Комитета Советов о применении в государственных учреждениях республики государственного языка и языка большинства населения и национального меньшинства [2]).

(Принят V сессией Всегрузинского ЦИК'а 28 февраля 1924 г.)

Во исполнение п. 3 декларации второй сессии Центрального Исполнительного Комитета Советов ЗСФСР о языке Всегрузинский Центральный Исполнительный Комитет постановляет:

1. Государственным языком Советской Социалистической Республики Грузии является язык грузинский. Языками большинства населе-

---

[1]) Любезно сообщено И. Н. Анановым.
[2]) Любезно сообщено И. Н. Анановым.

ния и употребительными в государственных учреждениях республики языками национального меньшинства признаются языки русский, армянский и тюркский.

2. Все законодательные акты, а равно административные акты центральных органов власти, обязательные к исполнению населением по всей территории республики, публикуются помимо государственного языка на указанных в предыдущей статье языках национального меньшинства.

Примечание: При возникновении сомнений в толковании означенных актов подлинным текстом признается грузинский.

3. Постановления, распоряжения и об'явления местных органов власти, обязательные к исполнению населением, публикуются на языках государственном, большинства населения данного уезда (ст. 6) и употребительных из числа указанных в ст. 1 сего декрета языках национальных меньшинств (ст. 7).

4. Делопроизводство в государственных учреждениях республики ведется на государственном языке с указанными ниже из'ятиями.

5. Каждый гражданин имеет право подачи письменных и словесных заявлений, жалоб и сведений в центральные и государственные учреждения, помимо государственного языка, на одном из указанных в ст. 1 употребительных языков национального меньшинства, а равно может требовать выдачи документов и справок и посылки извещений, повесток и об'явлений с переводом на один из этих языков.

6. В учреждениях уезда, в коих по последним статистическим данным большинство (относительное) населения не грузинской национальности, делопроизводство ведется на языке большинства населения. Указанный порядок устанавливается по представлению Уездного Исполнительного Комитета Центральным Исполнительным Комитетом Советов.

7. Употребительным языком национального меньшинства в учреждениях уезда признается язык, из числа указанных в ст. 1 сего декрета, в том случае, если по последним статистическим данным население означенной национальности превышает в уезде 15%. Установление употребительного языка в учреждениях уезда принадлежит по представлению Уездного Исполнительного Комитета Центральному Исполнительному Комитету Советов.

8. Граждане, обращающиеся в уездные учреждения и к должностным лицам уезда, могут пользоваться языками, повсеместно государственным, в уезде с большинством населения не грузинской национальности языком этого большинства, а равно тем языком, который на основании ст. 7 признан употребительным в данном уезде в пределах прав, указанных в ст. 5 сего декрета.

9. Сношения учреждений уезда, в коих делопроизводство на основании ст. 6 сего декрета ведется на языке большинства населения с центральными органами власти и последних с первыми ведутся на делопроизводственном языке уездных учреждений. Сношения уездных учреждений, пользующихся равными делопроизводственными языками, ведутся на государственном языке или на одном из языков, указанных в ст. 1.

10. Административные органы, ниже уездных, могут по постановлению соответствующих исполкомов вести делопроизводство на языке государственном или одном из употребительных, упомянутых в ст. 1 сего декрета, однако же переписку с центральными уездными учреждениями ведут на делопроизводственном языке уезда, сношения же с населением по правилам, преподанным ст. 8 сего декрета.

11. Лицам, не принадлежащим к национальностям, язык коих признан употребительным на всей территории республики или в одном из

уездов, во всех учреждениях разрешается пользоваться на правах, предусмотренных ст. 5 сего декрета, русским языком.

12. Судопроизводственный язык в судебных учреждениях республики определяется Уголовным и Гражданским процессуальными кодексами. Сторонам, не владеющим государственным языком или языком большинства населения данной местности, предоставляется право: а) подачи на употребительном в данном уезде языке национального меньшинства населения жалоб, заявлений и всех вообще судопроизводственных бумаг, б) дачи на том же языке словесных об'яснений, в) требования словесного перевода на этот язык судом непосредственно или через переводчика всех судопроизводственных действий, заявлений и ходатайств противной стороны, заключений прокурорского надзора, приговоров и решений, определений и постановлений судебных органов, показаний свидетелей и заключений сведущих лиц, г) выдачи в переводе на этот язык приговоров, решений, определений и постановлений судебных органов, протоколов и др. судопроизводственных актов, а равно удостоверений, свидетельств и справок и д) посылки на указанном языке вызывных повесток, извещений и об'явлений.

13. Настоящий декрет вступает в силу с 1 мая 1924 года.

АРМЕНИЯ.

Декрет Ревкома Армении 9 декабря 1920 г. о государственном языке [1]).

В пределах республики государственным языком признается армянский.

В районах, населенных мусульманами, на ряду с армянским признается также и тюркский.

Председатель Ревкома Касьян.

Конституция ССР Армении 22 июня 1926 г.

(Извлечение.) [2])

19. Государственным языком ССР Армении является армянский.

20. Национальным меньшинствам ССР Армении в их национальной культуре обеспечивается свободное культурное развитие и право употребления своего родного языка в делопроизводстве в соответствии с основными началами власти трудящихся.

АЗЕРБАИДЖАН.

Декрет Азербайджанского Центрального Исполнительного Комитета Советов от 17 июня 1924 г. о применении в государственных учреждениях республики государственного языка и языков большинства населения и национального меньшинства.

Во исполнение п. 3 декларации второй сессии Закавказского Центрального Исполнительного Комитета Советов о языке, Азербайджанский Центральный Исполнительный Комитет постановляет:

---

[1]) Перевод с армянского текста, любезно сообщенный представительством ЗСФСР в Москве. Иных законов по вопросу, кроме приведенного, мне указать не могли. См. еще ниже выдержку из конституции Армении 1926 г.; отмечу, что Собрание Узаконений ССР Армении печатается только на армянском языке (мне неизвестном).

[2]) Любезно сообщено И. Н. Анановым.

1. Государственным языком Азербайджанской Социалистической Советской Республики является язык тюркский.

2. В государственных учреждениях АзССР на основаниях, изложенных в настоящем декрете, допускается также употребление языков большинства населения не тюркской национальности (ст. 7), а также языков национальных меньшинств (ст. 8), каковыми являются: русский, армянский и грузинский.

3. Все законодательные акты, а равно административные акты центральных органов власти, обязательные к исполнению населением по всей территории республики, публикуются, помимо государственного языка, на указанных в предыдущей статье языках национальных меньшинств.

Примечание. При возникновении сомнений в толковании означенных актов подлинным текстом признается тюркский.

4. Постановления, распоряжения и об'явления местных органов власти, обязательные к исполнению населением, публикуются на языках государственном, большинства населения данного уезда (ст. 7) и употребительных из числа указанных в ст. 2 сего декрета национального меньшинства (ст. 8).

5. Делопроизводство в государственных учреждениях республики ведется на государственном языке с указанными ниже из'ятиями.

Примечание 1. Аппараты АзЦИК'а, СНК, Наркомпроса, НКВД, НКЮ, НКЗД, НКЗ и НКСО признаются национализированными, т.-е. ведущими переписку между собою на государственном языке. Поименованные учреждения с учреждениями ненационализированными ведут переписку параллельно на тюркском и русском языках.

Примечание 2. Учреждения, подлежащие национализации, обязаны переписку и сношения с национализированными учреждениями вести на тюркском языке или параллельно на русском и тюркском языках. Ненационализированные учреждения переписку между собою ведут параллельно на тюркском и русском языках.

6. Каждый гражданин имеет право подачи письменных и словесных заявлений, жалоб и сведений в центральные государственные учреждения как на государственном, так и на одном из указанных в ст. 2 употребительных языков национального меньшинства, а равно может требовать выдачи документов и об'явлений с переводом на один из этих языков.

7. В учреждениях уездов, областей, районов, в коих по последним статистическим данным большинство (относительное) населения не тюркской национальности, делопроизводство ведется на языке большинства населения.

Указанный порядок устанавливается по представлению уездного исполнительного комитета Центральному Исполнительному Комитету Советов.

8. Употребительным языком национального меньшинства в учреждениях уезда или области признается язык из числа указанных в ст. 2 сего декрета в том случае, если таковой является разговорным языком национальности, по последним статистическим данным превышающей 15% населения уезда или области. Установление употребительного языка в учреждениях уезда принадлежит по представлению уездного исполнительного комитета Центральному Исполнительному Комитету Советов.

9. Граждане, обращающиеся в уездные или областные учреждения, или к должностным лицам уезда или области, могут пользоваться повсеместно языком государственным, в уездах или областях с большинством населения не тюркской национальности — языком большинства, а равно

тем языком, который на основании ст. 8 признан употребительным в данном уезде или области в пределах прав, указанных в ст. 6 сего декрета.

10. Сношения учреждений, уездов и областей, в коих делопроизводство на основании ст. 7 сего декрета ведется на языке большинства населения, с центральными органами власти и последних с первыми ведутся на делопроизводственном языке уездных учреждений. Сношения уездных учреждений, пользующихся разными делопроизводственными языками, ведутся на государственном языке или на одном из языков, указанных в ст. 2.

11. Административные органы, ниже уездных, могут по постановлению соответствующих исполкомов вести делопроизводство на языке государственном или на одном из употребительных, упомянутых в ст. 2 сего декрета, однако, переписку с центральными уездными учреждениями ведут на делопроизводственном языке уезда, сношения же с населением по правилам, преподанным ст. 9 сего декрета.

12. Лицам, не принадлежащим к национальностям, язык коих признан употребительным на всей территории республики или в одном из уездов, во всех учреждениях разрешается пользоваться, на правах, предусмотренных ст. 6 сего декрета, русским языком.

13. Судопроизводственный язык в судебных учреждениях республики определяется Уголовным и Гражданским процессуальными кодексами. Сторонам, не владеющим государственным языком или языком большинства населения данной местности, предоставляется право: а) подачи на употребительном в данном уезде языке национального меньшинства населения жалоб, заявлений и вообще всех судопроизводственных бумаг, б) дачи на том же языке словесных об'яснений, в) требования словесного перевода на этот язык судом непосредственно или через переводчика всех судопроизводственных действий, заявлений и ходатайств противной стороны, заключений прокурорского надзора, приговоров, решений, определений, постановлений судебных органов, показаний свидетелей и заключений сведущих лиц, г) выдачи в переводе на этот язык копий приговоров, решений, определений, постановлений судебных органов, протоколов и др. судопроизводственных актов, а равно удостоверений, свидетельств и справок, и д) посылки на указанном языке вызывных повесток, извещений и об'явлений.

14. Настоящий декрет вступает в силу с момента опубликования [1]).

Председатель АзЦИК'а Касумов.
Секретарь АзЦИК'а Шахбази.

(„Бакинский Рабочий", № 171 от 31 июля 1924 года.)

УЗБЕКИСТАН.

Постановления Революционного Комитета Узбекской ССР.

(Из обращения Революционного Комитета Узбекской ССР к трудящимся.)

Революционный Комитет приступает к созданию нового и изменению старого государственного аппарата. Госаппарат должен стать активным, гибким, работоспособным, дешевым и, больше чем когда-либо раньше, близким к широким слоям населения.

[1]) Настоящим декретом фактически поглощен и заменен декрет ЦИК и СНК АзССР от 31 июля 1923 г. (С. У. АзССР, 1923, № 8, ст. 312) „о национализации государственных учреждений", установивший признание тюркского языка государственным и введение его в высших государственных учреждениях и НКПросе, НКЮ, НКВД, НКЗеме, НКПроде, НКСО, с постепенным распространением на прочие ведомства. Переписка с уездами должна была вестись по-тюркски. Граждане имели право родного языка. — § 9, могущий считаться сохранившим полное значение, определяет: „языком сношений с автономной Карабахской областью является армянский".

Национальная политика советской власти выражается в полном равноправии всех наций. Поэтому Революционный Комитет УзССР заявляет, что отныне на территории УзССР нет места национальному антагонизму. Всем национальным меньшинствам, входящим в УзССР, обеспечивается все необходимое им для культурного и экономического развития, в смысле управления, суда и просвещения на родном языке, упорядочения земельных и водных вопросов, выделения в самостоятельные административные единицы, где налицо условия для создания таковых и где будет к этому выражена воля трудящихся.

Председатель Ревкома УзССР Ф. Ходжаев.

Зам. Председателя Гольдберг.

Члены: Имамов, Рахимбаев, Саиджанов, В. Иванов.

2 декабря 1924.

(*С. У. УзССР, 1925 г., № 1, ст. 1.*)

Об издании Собрания узаконений и распоряжений Рабочего и Дехканского Правительства Узбекской ССР 13 декабря 1924 г.

(Извлечение.)

В целях постоянного и систематического ознакомления широких масс трудящихся с законодательством республики и облегчения советским учреждениям, предприятиям и организациям руководства законами, Революционный Комитет Узбекской Республики постановил:

1. Поручить НКЮ УзССР организовать с 1 января 1925 г. издание Собрания узаконений и распоряжений правительства Узбекской ССР.

2. Обязательному опубликованию в Собрании узаконений подлежат все декреты, постановления и распоряжения правительства УзССР и руководящие распоряжения центральных ведомств и учреждений УзССР, а также обязательные к применению на территории УзССР декреты, постановления и распоряжения правительства СССР.

Собрание узаконений и распоряжений издавать параллельными текстами на узбекском и русском языках, не реже одного раза в неделю.

Об опубликовании декретов, постановлений и распоряжений правительства Узбекской ССР параллельно на узбекском, русском и таджикском языках.

На основании ст. 17 принятой II Всеузбекским С'ездом Советов Конституции Узбекской ССР и во изменение и дополнение ст. ст. 3 и 6 постановления Революционного Комитета Узбекской ССР от 13 декабря 1924 г., № 28, „об издании Собрания узаконений и распоряжений Рабочего и Дехканского Правительства Узбекской ССР“ (Собр. Узак. УзССР, 1925 г., № 1, ст. 7), Центральный Исполнительный Комитет Советов Узбекской ССР постановляет:

1. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Дехканского Правительства УзССР издавать на узбекском, русском и таджикском языках.

2. Все декреты, постановления и распоряжения правительства УзССР входят в законную силу с момента опубликования их в газетах „Кзыл Узбекистан“, „Правда Востока“ и „Авази-Таджик“ или же в Собра-

нии узаконений и распоряжений Правительства УзССР, в зависимости от того, в каком из указанных органов опубликование последовало раньше.

27 апреля 1927 г.
г. Самарканд.

(С. У. УзССР, 1927 г., № 15, ст. 83.)

Конституция Узбекской ССР 31 марта — 11 июля 1927 г.

(Извлечение.)

17. За всеми национальными меньшинствами Узбекской ССР признается право свободного пользования родным языком на с'ездах, в суде, управлении и общественной жизни и обеспечивается право обучения на родном языке в школе. Декреты, постановления и распоряжения Правительства Узбекской ССР опубликовываются на узбекском, русском и таджикском языках [1]).

(С. У. УзССР, 1927 г., № 24, ст. 145.)

Об обязательном ведении делопроизводства на узбекском языке и об образовании при Ревкоме УзССР центральной, а на местах—областных комиссий по национализации госаппарата 31 декабря 1924 г.

В целях приближения работы советских органов к коренному населению и привлечения широких рабоче-дехканских масс к советскому строительству, Революционный Комитет Узбекской Советской Социалистической Республики постановил:

1. Обязать все государственные, общественные, кооперативные, хозяйственные и иные учреждения, организации и предприятия в работе своей на территории волости и уезда все делопроизводство вести исключительно на узбекском языке.

Примечание 1: В селениях, волостях и городах, где большинство населения говорит не на узбекском языке,— вести параллельное делопроизводство: на узбекском языке и на языке большинства населения.

Примечание 2: В городах с европейским населением, в окрестностях которых большинство населения составляют узбеки,—делопроизводство вести параллельно на узбекском и русском языках.

2. Делопроизводство по финансовым и специально-техническим вопросам, впредь до подготовки соответствующего кадра работников из среды коренного населения, вести на русском и на узбекском языках.

3. В пределах б. Бухарской и Хорезмской республик во всех областных, государственных, общественных, кооперативных, хозяйственных и иных учреждениях, организациях и предприятиях—делопроизводство попрежнему вести исключительно на узбекском языке.

4. Во всех областных, государственных, общественных, кооперативных, хозяйственных и иных учреждениях, предприятиях и организациях б. Туркестанской ССР (в Ташкентской, Ферганской и Самаркандской

---

[1]) На тех же языках, согласно новой редакцией ст. ст. 112 и 113 конституции, ставятся надписи на гербе УзССР и буквы на флаге. См. С. У. Уз СССР. 1927 г., № 342, ст. 206.

областях) вести параллельное делопроизводство на узбекском и русском языках.

5. Обязать все народные комиссариаты, центральные управления и центральные общественные, хозяйственные, кооперативные и иные учреждения, организации и предприятия создать у себя специальные отделы делопроизводства на узбекском языке, с тем, чтобы через таковые проходили все сношения означенных учреждений с местными, областными и уездными органами и отдельными гражданами из коренного населения, а также обязать руководителей означенных учреждений в дальнейшем производить планомерное расширение национализации аппарата через указанные отделы.

6. Постановление ЦИК и Совнаркома б. Туркестанской ССР от 24 августа 1923 года за № 130 в отношении института практикантов оставить в силе [1]).

7. В целях наблюдения за исполнением настоящего постановления, руководства и инструктирования работы по национализации аппарата, создать при Революционном Комитете Узбекской ССР Центральную Комиссию по национализации госаппарата и прочих указанных выше общественных, кооперативных, хозяйственных учреждений, организаций и предприятий в составе члена Ревкома (председатель) и двух членов по назначению последнего и представителей РКИ, УзЦСПС, а на местах на тех же началах — областные комиссии.

8. Предоставить Центральной Комиссии при Ревкоме УзССР право непосредственного обследования, инструктирования и надзора за проведением в жизнь настоящего постановления, а также издания инструкций в развитие последнего, создания специальных курсов по подготовке технических работников из коренного населения при наркоматах и других центральных учреждениях.

9. Изложенные выше правила делопроизводства должны быть проводимы в жизнь со дня издания настоящего постановления.

(С. У. УзССР, 1925 г., № 1, ст. 22.)

Постановление ЦИК Узбекской ССР о Центральной Комиссии по национализации госаппарата при ЦИК Советов УзССР 8 марта 1925 г.[2]).

Центральный Исполнительный Комитет Советов УзССР постановил:

1. Подтвердить к неуклонному исполнению постановление Революционного Комитета УзССР от 31 декабря 1924 г. за № 48 об обязательном ведении делопроизводства на узбекском языке.

2. Указанную в п. 7 означенного постановления Центральную Комиссию по национализации госаппарата считать существующей при Центральном Исполнительном Комитете Советов УзССР.

3. Председателем Центральной Комиссии по национализации госаппарата назначить тов. Мавлянбекова и членами товарищей: Икрамова, Иногамова, Одили, Газиева, Ильясова и представителя от УзЦСПС.

(С. У. УзССР, 1925 г., № 9, ст. 105.)

---

[1]) Текст см. ниже.

[2]) 8 января 1927 г. переименована в комиссию по узбекизации госаппарата (С.У. УзССР, 1927, № 1, ст. 3).

Об обязательности ведения делопроизводства в государственных учреждениях и предприятиях, а также кооперативных и советских организациях на узбекском языке.

Циркулярно.

Всем наркоматам Узбекской Советской Социалистической Республики и всем правительственным, общенародным, хозяйственно-торговым предприятиям, кооперативным, советским организациям, действующим в пределах Узбекской Республики, а также всем обл. исполкомам.

21 марта 1925 года, № 10.

Невзирая на обязательность ведения всего делопроизводства в государственных аппаратах на узбекском языке, согласно декретов, изданных в целях приближения работы советских органов к местному населению и привлечения всей рабоче-дехканской массы к советскому строительству, декретов о коренизации (национализации) в пределах Узбекской республики государственного аппарата, большинство учреждений делопроизводство ведет только на одном русском языке.

По этому поводу из областей и мест поступают настойчивые жалобы, что даже направляемые в области и места важные бумаги, в виду получения их на месте только на русском языке, будучи не поняты местными работниками, возвращаются обратно.

Такие ненормальные действия, если, с одной стороны, свидетельствуют невнимательность учреждений к приказам о приближении государственного аппарата к местным трудовым массам, то, с другой стороны, считаются большой помехой к своевременному выполнению государственных дел.

Для пресечения впредь таких ненормальных, вредных и самочинных действий, а также для действительного проведения в жизнь декретов о коренизации государственного аппарата, всем наркоматам УзССР и всем хозяйственным, промышленным предприятиям, кооперативным учреждениям, советским организациям в пределах Узбекской Республики, а также областным исполкомам категорически предлагается твердое проведение в жизнь нижеследующего:

1. Изданные бывш. Центральным Исполнительным Комитетом и Советом Народных Комиссаров Туркреспублики, а последнее время Революционным Комитетом Узбекистана все декреты, циркуляры, касающиеся национализации госаппарата, оставаясь и в настоящее время в силе, являются обязательными для всех учреждений в пределах Узбекской Республики.

2. В виду признания узбекского языка государственным, все официальные бумаги, исходящие из вышеуказанных учреждений в центр области и места, не должны исходить в порядке официальных бумаг (с соответствующими печатями и подписями) путем перевода с русского на узбекский язык, а указанным учреждениям категорически предлагается действовать через имеющие быть организованными при учреждениях, согласно п. 5 приказа Ревкома Узбекистана от 31 декабря 1924 г. № 48 отделы узбекского делопроизводства в виде самостоятельно на узбекском языке написанных бумаг.

3. Согласно п. 3 приказа Совета Народных Комиссаров бывш. Туркреспублики от 15 августа 1923 года, за № 124, делается напоминание о недопустимости без согласия Центральной Комиссии по национализации государственного аппарата при ЦИК'е УзССР перевода из одного места

в другое, а также увольнения по сокращению штатов или другими путями, как штатных сотрудников из коренного населения, так и практикантов.

Примечание. Если по отношению коренных работников явится необходимость в сокращении, то до осуществления его этот вопрос должен быть обязательно согласован с Центральной Комиссией по коренизации. Что же касается до госучреждений областного масштаба, то этот вопрос, в указанном выше порядке, должен быть согласован с областными по коренизации учреждений комиссиями.

4. Практикантство для коренных работников не должно быть обязательным, и лица, могущие на узбекском языке самостоятельно вести делопроизводство, соответственно выявленным им в работе способностям, согласно общих законов о труде, должны назначаться непосредственно на штатную должность.

5. В целях проведения дела коренизации по единому плану и чтобы увязать это дело в одном месте, центральные учреждения (комиссариаты), без учета и утверждения Центральной Комиссии, областные без учета и согласия областных комиссий не могут принимать ни одного коренного работника на службу.

6. Имея в виду необходимость обеспечения основ социальной революции, а потому крайнюю необходимость (с классовой точки зрения) для всякого рода промышленных предприятий (фабрик, заводов) создания здорового и настоящего рабочего класса из местного населения, путем практического проведения мероприятий для их привлечения в предприятия в этом направлении, согласно пункта 1-го журнального постановления Президиума ЦИК УзССР от 3-го апреля с. г. за № 4, а также для действительного практического осуществления вышеуказанной задачи для всякого рода промышленных предприятий (заводов, фабрик, трестов и др.) — обязательно открыть широкую дорогу для принятия местных работников.

Примечание. Для практического осуществления этой задачи Главным Управлениям в пределах УзССР предлагается дать соответствующее распоряжение находящимся в их ведении трестам, заводам, фабрикам и разным предприятиям.

7. В связи с переездом в Самарканд центральных учреждений (комиссариатов) по причине от'езда в Самарканд Центральной Комиссии по национализации государственного аппарата при УзЦИК'е для центральных учреждений (исключая областные учреждения), остающихся в Ташкенте, как то: Народный Комиссариат Почт и Телеграфов, а также жел. дор., Туркселькхозторг., Туркшелкхозяйственные заводы, тресты, кооперативы и др., для назначения местных работников и практикантов должна считаться полноправной Комиссия по коренизации при Ташоблисполкоме.

8. Для действительного практического исполнения вышеперечисленных пунктов настоящего циркуляра всем наркоматам, главным хозяйственным, торговым, промышленным предприятиям, кооперативам, а также облисполкомам вплоть до находящихся в их ведении местных отделов категорически приказываем, одновременно с рассылкой со своей стороны по этому вопросу соответствующего распоряжения, широко распространять и экземпляры настоящего циркуляра.

Все лица и учреждения, невнимательно относящиеся к общим декретам и циркулярам по национализации госаппарата, и этому делу оказывающие какое-либо противодействие, будут рассматриваться как

противодействующие национализации госаппарата и изданным властью в этом направлении декретам, и против них будут приняты необходимые практические меры.

Председатель ЦИК УзССР
Ахун-Бабаев.

Председатель СНК Узбекистана
Ф. Ходжаев.

Председатель Центральной Комиссии по национализации госаппарата
Мавлянбеков.

Отв. секретарь ЦИК Узбекистана Нуреддин-Кариев.

(С. У. УзССР, 1925 г., № 11, ст. 123.)

Положение о Народном Комиссариате Просвещения Узбекской ССР 3 января 1926 г.

(Извлечение.)

18. Академический центр организует изучение языка и этнографии узбеков и других народов Узбекистана.

23. Узсовнацмен является органом, через который Наркомпрос осуществляет общее руководство делом просвещения национальных меньшинств УзССР, согласуя свои мероприятия с языковыми и бытовыми особенностями каждой национальности.

(С. У. УзССР, 1926 г., № 2, ст. 4.)

О комиссии по делам национальных меньшинств при ЦИК'е УзССР 3 января 1926 г.

(Извлечение).

В целях развития и укрепления мирного сожительства и братского сотрудничества всех национальностей, живущих на территории УзССР, наблюдения за проведением в жизнь национальной политики советской власти и широкого содействия материальному и культурному развитию национальных меньшинств, при ЦИК'е УзССР организуется Центральная Комиссия по делам национальных меньшинств (Комиссия по делам нацмен).

4. В компетенцию Комиссии по делам нацмен при ЦИК'е УзССР для осуществления указанных целей входит:

г) представление соображений в ЦИК УзССР о выделении районов с преобладающим однородным составом населения той или иной национальности в отдельные районы с делопроизводством на родном языке большинства населения данного района.

(С. У. УзССР, 1926 г., № 1, ст. 2.)

Наказ 19 декабря 1925 г. о порядке работы Президиума Центрального Исполнительного Комитета Советов Узбекской Советской Социалистической Республики.

(Извлечение.)

12. Если вопрос разрешался предварительно в Совете Народных Комиссаров УзССР, то Совет Народных Комиссаров представляет в Президиум ЦИК УзССР по 15 экземпляров узбекского и русского текста каждого своего постановления.

(С. У. УзССР, 1926 г., № 4, ст. 13.)

Постановление Туркестанского Центрального Исполнительного Комитета Советов и Совета Народных Комиссаров ТССР от 29 августа 1923 г. № 130 [1])

В целях реального достижения и скорейшего перехода на местные языки в советском письмоводстве и делопроизводстве, Туркестанский Центр. Испол. Комитет и Совет Народных Комиссаров Туркестанской Республики постановили:

1. Все декреты и постановления издавать обязательно: на русском, узбекском, туркменском и киргизском языках.

2. Всем волостным исполнительным комитетам, с изданием настоящего постановления, все письмоводство, делопроизводство и переписку как с выше, так и с нижестоящими органами вести исключительно на местных языках.

3. Обязать центральные и областные органы одновременно приступить также к переходу делопроизводства на местные языки с установлением параллельного делопроизводства в центральных учреждениях немедленно после издания настоящего постановления, а в областных в течение 3-х месяцев.

Примечание 1. Сельским, аульным, кишлачным Советам в поселках со смешанным населением ведение переписки на местном языке обязательно.

2. Как исключение, допускается переписка на русском языке для населения пунктов с преобладающим большинством русского населения.

4. Обязать уездные исполнительные комитеты и их отделы вести сношения с подведомственными им исполкомами исключительно на местном языке.

5. Уездным исполнительным комитетам в течение 3 месяцев предоставить право сношений с облисполкомами на русском языке, но с безусловным воспрещением переводов на русский язык тех бумаг, которые написаны на местных языках и следуют хотя бы через уездные исполн. комитеты, облисполком и все выше стоящие центральные учреждения.

В центральных и областных учрежденихя перевод бумаг специального характера, написанных на местных языках, на русский допускается.

6. В технических аппаратах наркоматов, государственных хозяйственных органов и облисполкомов немедленно установить кадр практикантов из местного коренного населения, с заданием в 6 месяцев подготовить их практически на соответственные должности по своей линии.

Примечание 1. Практиканты получают содержание за счет соответствующего учреждения по ставкам 10 разряда ответственных работников.

2. По окончании практических работ, практикантов назначить на штатные должности.

7. Во всех наркоматах и учреждениях на должности начальников отделов или п/отделов выдвинуть соответствующих своему назначению работников из коренного населения или лиц, знающих местный язык.

8. Облисполкомам и уисполкомам, независимо от мероприятий, предусмотренных настоящим постановлением, проявить свою инициативу в деле подготовки достаточного числа работников по своей линии, а равно и в обучении ответственных работников—местным языкам.

---

[1]) См. выше пост. УзбЦИК 31 дек. 1924 г. и 21 марта 1925 г.

9. Для создания теоретически подготовленных резервов совработников из местного коренного населения ввести обязательным предметом преподавания „советское письмоводство и делопроизводство“ на местных языках в последнем классе школ.

10. Административный резерв НКВД, в полном его составе, использовать на практические работы при облисполкомах и уисполкомах применительно к ст. 8 для подготовки соответствующего кадра работников.

Состав резерва изменить и пополнить лицами из местного коренного населения и по истечении 6 месяцев назначить на штатные должности по усмотрению президиумов исполкомов.

11. НКВД на местах проверять и наблюдать за тем, чтобы имеющиеся при исполкомах работники из коренного населения и лиц со знанием местных языков были использованы возможно рациональнее, требуя при наличии достаточной подготовки и навыка их неуклонного продвижения на технические, а затем на более ответственные должности.

12. Для подготовки кадра секретарей волостных и уездных исполнительных комитетов учредить соответствующие курсы при ТурЦИК'е.

13. Всем наркоматам немедленно по издании декрета разработать план открытия ведомственных курсов и по надлежащем утверждении практически их осуществить.

14. Наблюдение за выполнением настоящего постановления возложить на НКВД, коему провести планомерный переход делопроизводства и письмоводства на местные языки безболезненно, не нарушая обычного хода работ учреждения.

Председатель ТурЦИК
Хидыралиев.

За председателя СНК Исламов.

Секретарь ЦИК Советов Туркреспублики
А. Шутемов.

Положение о порядке применения 4 государственных языков, установленных декретом ТурЦИК'а № 130, по учреждениям и в различных местностях ТССР [1]).

Гл. I. О районах ТССР по языкам.

Ст. 1. Установить на территории Туркреспублики следующие районы действия государственных языков: киргизского—Джетысуйская область, узбекского—Самаркандская область, туркменского—Туркменская область; в областях же Сыр-Дарьинской, Ферганской и Аму-Дарьинской действуют государственные языки—киргизский и узбекский параллельно впредь до установления особых подрайонов.

Гл. II. О языке сношений с учреждениями СССР и РСФСР и другими республиками Федерации.

Ст. 2. Высшие органы ТурЦИК и ТСНК, а также все остальные учреждения в подлежащих случаях устанавливают сношение со всеми учреждениями СССР и РСФСР на русском языке.

Ст. 3. Сношения учреждений ТССР с учреждениями других союзных и автономных республик Федерации проводятся на русском языке, или, по особому соглашению, на одном из местных языков.

---

[1]) См. выше пост. УзбЦИК 31 дек. 1924 г. и 21 марта 1925 г.

Гл. III. О праве населения на родной язык в сношениях с государственными учреждениями.

Ст. 4. Во всех районах действия государственных языков предоставляется каждому гражданину из национального меньшинства право обращаться во все государственные учреждения ТССР на родном языке.

Ст. 5. Учреждения отвечают на заявления, в случае возможности, на том же языке или на языке района.

Гл. IV. О порядке сношения между учреждениями ТССР.

Ст. 6. Высшие органы ТурЦИК и ТСНК и все остальные центральные учреждения, не исключая общефедеративных, сносятся с местными органами на языке района—в Джетысуйской—на киргизском; в Самаркандской—на узбекском; в Туркменской—на туркменском; в Сыр-Дарьинской и Аму-Дарьинской областях—впредь до установления особых подрайонов—параллельно на киргизском и узбекском языках.

Ст. 7. Сношение центральных учреждений с районными остаются на русском языке лишь только в тех частях их аппаратов, которые не могут, по об'ективным условиям, немедленно перейти на районные языки.

Ст. 8. Районным учреждениям, перешедшим во всех частях своего аппарата на районный язык, употребление в сношениях с центральными учреждениями русского языка не обязательно, и они устанавливают сношения на языке своего района.

Ст. 9. Во всех центральных учреждениях, не исключая хозяйственных, коммерческих, кооперативных и общественных, устанавливается параллельно делопроизводство на предмет осуществления прав районных учреждений и населения на родной язык в сношениях с государственными органами.

Гл. V. О порядке параллельного делопроизводства русского и районных языков в учреждениях высших и ведомственных в ТССР.

Ст. 10. Все законодательные акты СССР и РСФСР публикуются ТурЦИК'ом в переводе на всех районных языках ТССР.

Ст. 11. Все законодательные акты и общие правительственные распоряжения ТурЦИК'а и ТСНК издаются на всех 4 языках ТССР.

Ст. 12. Правительственные распоряжения ТурЦИК'а и ТСНК, касающиеся исключительно одного из указанных в п. 1 районов, издаются на языке соответствующего района, согласно указанию п. 1 настоящего положения.

Ст. 13. Все сношения правительственных органов непосредственно с населением происходят на языке района.

Ст. 14. Все низовые ячейки ведомственных органов ТССР переходят обязательно во всех частях своего аппарата на районные языки.

Ст. 15. Сохранение русского языка в специальных частях аппаратов местных органов устанавливается по соглашению с ними руководящими ведомственными органами.

Гл. VI. О порядке установления делопроизводства по ведомствам.

Ст. 16. Порядок установления делопроизводства с выработкой надлежащих единообразных форм и употребления того или иного из государственных языков ТССР предоставляется Комиссии СНК по уплот-

нению и переводу делопроизводства по соглашению с отдельными ведомствами.

Ст. 17. Проекты специальных положений, указанных в п. 16, представляются СНК на утверждение по мере установлений и согласований с ведомствами, при чем все проекты положений должны быть представлены в сроки не далее 1 месяца.

Гл. VII. О порядке перехода местных учреждений на районные языки.

Ст. 18. Переход на местные языки по-районно областных и уездных органов обусловлен декретом № 130 известными сроками, и выполнение обязанности такого перехода возлагается на исполкомы в согласии с областными и уездными комиссиями.

Ст. 19. Переход же низовых ведомственных ячеек на районные ячейки должен быть преподан руководящими ведомственными органами по соглашению с Комиссией СНК.

Постановление Народного Комиссариата Труда ТССР 20 декабря 1922 г.[1]).

О распространении на рабочих и служащих, увольняемых в порядке замены работниками из коренного населения, прав и льгот, предоставленных увольняемым по сокращению штатов.

В связи с увольнением из учреждений и предприятий рабочих и служащих по случаю замены их в порядке постановления ТурЦИК'а от 29/VIII с. г. за № 130 лицами из коренного населения, Народный Комиссариат Труда постановил:

Распространить на увольняемых по случаю замены их лицами из коренного населения все права и льготы, предоставленные по закону и по коллективным договорам лицам, уволенным со службы по случаю сокращения штатов.

Настоящее постановление вводится в действие с 1 ноября 1923 г.

Наркомтруда Панафидин.

Управделами НКТ Смирнов.

ТУРКМЕНИСТАН.

Постановление I С'езда Советов Туркменской Социалистической Советской Республики.

(Извлечение.)

I.

1. Декларацию об образовании Туркменской Социалистической Советской Республики принять и опубликовать.

Декларация об образовании Туркменской Социалистической Советской Республики.

12. Государственными языками Туркменской Социалической Советской Республики признаются — туркменский и русский.

20 февраля 1925 г.

---

[1]) См. выше пост. УзбЦИК 31 декабря 1924 г. и 21 марта 1925 г.

Постановление Революционного Комитета Туркменской Социалистической Советской Республики.

В целях наибольшего приближения соваппарата к трудящимся массам и установления в области делопроизводства определенного порядка, Революционный Комитет ТССР постановляет:

1. Государственными языками в Туркменской Социалистической Советской Республике признать туркменский и русский.

2. Всем центральным органам в сношениях их с местными органами вести переписку на обоих государственных языках параллельно.

3. Округам Мервскому и Полторацкому всю переписку с центральными учреждениями и органами окружного масштаба и вообще все делопроизводство вести на обоих государственных языках параллельно, сноситься же с низовыми органами исключительно на языке коренного населения.

4. В округах Керкинском, Чарджуйском и Ташаузском вести все делопроизводство на туркменском языке.

5. Делопроизводство в аулах и районах вести на языке преобладающего населения, т.-е. обслуживая и национальные меньшинства.

6. В развитие настоящего постановления Организационному отделу и Административному отделу Ревкома выработать соответствующую инструкцию.

18 января 1925 г.
Полторацк

Председатель Ревкома ТССР Айтаков.

Члены Президиума Ревкома:

Сахат-Мурадов, Атабаев, Паскуцкий.

Секретарь Ревкома ТССР Шутемов.

(С. У. ТССР, 1925 г., № 1, ст. 19.)

Постановление Центрального Исполнительного Комитета Советов Туркменской Социалистической Советской Республики 6 мая 1925 года о введении обязательного преподавания в Туркменской Национальной Школе русского языка.

В целях предоставления возможности комсоставу Туркменских национальных частей из граждан коренного населения получать дальнейшее военное образование в высших военных школах СССР, Центральный Исполнительный Комитет Советов ТССР постановил:

Ввести в Туркменской Национальной Школе младшего комсостава преподавание русского языка в качестве обязательного предмета.

Врид. Председателя ЦИК Советов Туркменской ССР

Назаров.

Секретарь ЦИК Советов ТССР Шутемов.

(С. У. ТССР, 1925 г., № 8—9, ст. 66.)

Положение о Народном Комиссариате Просвещения Туркменской ССР 29 апреля 1925 г.

(Извлечение.)

23. Государственный Ученый Совет имеет секции:

в) по изучению национальной культуры, быта и этнографии, осуществляющую создание единой орфографии и уточнение терминологии

туркменского языка, а равно изучающую особенности быта и языка туркменского народа.

24. Совнацмен является отделом Наркомпроса, через который последний осуществляет общее руководство делом просвещения национальных меньшинств Туркменской ССР, согласуя свои мероприятия с особенностями языка и быта каждой национальности.

(*С. У. ТССР, 1925 г., № 6, ст. 40.*)

УКРАИНА.

Постановление Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров УССР об обеспечении равноправия языков и о содействии развитию украинской культуры.

В отмену постановления Временного Рабоче-Крестьянского Правительства Украины от 9 марта 1919 г. „Об обязательном изучении в школах местного языка, а также истории и географии Украины“ (С. У. УССР, 1919 г., № 23, ст. 260), постановления ВУЦИК'а от 21 февраля 1920 г. „О применении во всех учреждениях украинского языка наравне с великорусским“ (С. У. УССР, 1920 г., № 1, ст. 5), декрета СНК УССР от 21 сентября 1920 г. „О введении украинского языка в школах и советских учреждениях“ (С. У. УССР, 1920 г., № 24, ст. 509), постановления СНК УССР от 27 июля 1923 г. „О мерах в деле украинизации учебно-воспитательных и культурно-просветительных учреждений“ (С. У. УССР, 1923 г., № 29, ст. 430), декрета ВУЦИК'а и СНК УССР от 1 августа 1923 г. „О мерах обеспечения равноправия языков и о содействии развитию украинского языка“ (С. У. УССР, 1923 г., № 29, ст. 435), постановления ВУЦИК'а и СНК УССР от 30 апреля 1925 г. „О мерах срочного проведения полной украинизации советского аппарата“ (С. У. УССР, 1925 г., № 26, ст. 202), постановления СНК УССР от 16 июля 1925 г. „О практических мерах по украинизации советского аппарата“ (С. У. УССР, 1925 г., № 56, ст. 332), и во изменение §§ 23, 25, 26 основных положений Кодекса Законов о просвещении, ст. ст. 22, 143, 170 Уг. Проц. Код.[1]), ст. 9 Гр. Проц. Код., а также во изменение всех прочих законов, противоречащих данному Положению, Всеукраинский Центральный Комитет и Совет Народных Комиссаров УССР п о с т а н о в и л и:

Утвердить нижеприведенное Положение „Об обеспечении равноправия языков и о содействии развитию украинской культуры“.

Положение об обеспечении равноправия языков и о содействии развитию украинской культуры

I. Общие положения.

1. Языки всех национальностей, населяющих территорию Украинской Социалистической Советской Республики, являются равноправными.

2. Каждый гражданин любой национальности имеет право в своих сношениях с государственными органами пользоваться родным языком, государственные органы должны, по желанию каждого гражданина, свои сношения с ним вести на его родном языке.

3. Каждый гражданин на всех публичных выступлениях, а также во всех случаях общественной жизни имеет право свободно пользоваться своим родным языком.

[1]) Статьям 22, 143, 170, У. П. К. УССР 12 сент. 1922 г. (С. У. УССР, 1922 г. № 41) соответствуют статьи 23, 138, 164 У. П. К. 20 июля 1927 г. (см. ниже), изданного после нового закона о равноправии языков.

4 Соответственно преобладающему количеству населения в УССР, говорящему на украинском языке, избрать как преимущественный язык для официальных сношений украинский язык.

5. В национально-территориальных административных единицах, выделенных в установленном порядке Правительством УССР, преимущественным языком для официальных сношений является язык соответствующей национальности, составляющей большинство такой административной единицы.

6. Государственные организации, находящиеся вне границ национально-территориальных административных единиц, но предназначенные исключительно для обслуживания нужд какой-либо отдельной национальности, или такие же организации в пределах национально-территориальной административной единицы, предназначенные исключительно для обслуживания нужд национальности, составляющей местное меньшинство такой национально-территориальной административной единицы, пользуются в своих сношениях языком той национальности, которую они обслуживают.

7. Нужды национальных меньшинств на территории УССР целиком обеспечиваются путем выделения их в национально-территориальные административные единицы.

Вместе с тем, государственные органы в своей работе должны заботиться об обеспечении интересов национальных меньшинств, не выделенных в национально-территориальные административные единицы, а также национальностей, в свою очередь, составляющих местное меньшинство в национально-территориальных административных единицах.

8. В национально-территориальные административные единицы выделяются, по общему правилу, местности УССР, в которых преобладающее количество населения не принадлежит к украинской национальности.

Примечание. Города и поселения городского типа не выделяются в национально-территориальные административные единицы.

II. О языке, применяемом в государственной жизни УССР.

А. О языке законов, правительственных и ведомственных постановлений и распоряжений.

9. Декреты, постановления и распоряжения ВУЦИК, СНК, УЭС, центральных ведомств и учреждений УССР, а также окружных исполнительных комитетов и городских советов, публикуемые для всеобщего сведения, надлежит опубликовывать обязательно на украинском и кроме того на русском языке.

10. Особо важные правительственные акты, из числа означенных в ст. 9 настоящего Положения, надлежит публиковать также отдельно, как на украинском языке, так и на языках национальных меньшинств в УССР.

11. Ведомственные распоряжения, бюллетени, сборники приказов, журналы, а также отдельные циркуляры, инструкции и т. п., предназначенные для руководства местных органов власти, печатаются на украинском языке, при этом, для обслуживания национально-территориальных административных единиц, они также издаются и на языках соответствующих нацменьшинств в УССР.

Б. О языке государственного герба, государственных печатей, штампов, вывесок, плакатов, об'явлений, разных эмблем и т. п.

12. Текст словесных обозначений на государственном гербе УССР и на государственной печати УССР необходимо излагать на украинском языке, при этом в национально-территориальных административных единицах допускается употребление параллельного текста на языке соответствующего нацменьшинства.

13. Все народные комиссариаты в УССР, как об'единенные, так и не об'единенные, управления уполномоченных народных комиссариатов Союза ССР в УССР, все государственные, промышленные, торговые и прочие учреждения, предприятия и организации на территории УССР, как республиканского и местного, так и общесоюзного значения, а также всевозможные их органы, отделения и заведения должны иметь печати, штампы, вывески, плакаты, об'явления, разные эмблемы и т. п. с словесными обозначениями на них, изложенными на украинском языке, при этом допускается параллельный текст на любом ином языке.

В. О языке актов публично-правового характера и различных словесных обозначений, публикуемых для всеобщего сведения.

14. Все акты публично-правового характера, как удостоверения личности, свидетельства об образовании, выписи из актов гражданского состояния и т. п., необходимо составлять на украинском языке, при этом, по желанию получателей этих актов, в них допускается включение параллельного текста на любом ином языке.

Примечание. Выдавая документы, поименованные в ст. 14, получателей необходимо предупреждать о их праве требовать включения параллельного текста на желательном для них языке.

15. Всякие вывески, штампы, а также всякие об'явления, публикуемые для всеобщего сведения, а также плакаты, афиши, повестки и т. п. необходимо излагать на украинском языке, при чем допускается применение параллельного текста на любом ином языке.

Примечание. В случае, если то или иное об'явление, воззвание и т. п. касается исключительно национального меньшинства, то можно применять язык данного национального меньшинства, без обязательного параллельного украинского языка.

16. Всякие этикеты на изделиях промышленных заведений на территории УССР, фабричные знаки, марки, условные сокращенные названия и фирменные названия и т. п. необходимо делать на украинском языке, при этом допускается параллельный текст на любом ином языке.

Г. О языке делопроизводства и сношений государственных органов и организаций.

17. Во всех государственных учреждениях, предприятиях и организациях, как республиканского и местного, так и общесоюзного значения на территории УССР, за исключением обслуживающих исключительно нужды национальных меньшинств, внутреннее делопроизводство и счетоводство необходимо вести на украинском языке.

Примечание. Правила настоящей статьи, относительно внутреннего делопроизводства и счетоводства, не распространяются

на государственные учреждения, предприятия и организации прочих союзных республик, находящиеся на территории УССР.

18. Все сношения приведенных в ст. 17 настоящего Положения государственных учреждений, предприятий и организаций на территории УССР необходимо вести на украинском языке.

Примечание. Правила настоящей статьи не распространяются на взаимные сношения исключительно между государственными учреждениями, предприятиями и организациями прочих союзных республик, находящимися на территории УССР.

19. Государственные хозяйственные организации общесоюзного значения, их отделения и отдельные заведения на территории УССР должны вести делопроизводство и счетоводство в сношениях с украинским населением, центральными и местными государственными организациями в УССР — на украинском языке.

20. Государственные организации, предназначенные по их положениям или уставам для обслуживания исключительно нужд отдельных национальных меньшинств, ведут внутреннее делопроизводство и счетоводство на языке соответствующей национальности. Отношения вышеозначенных организаций со всеми прочими государственными организациями на территории УССР должны вестись или на языке соответствующего национального меньшинства или на украинском.

21. Государственные организации, расположенные на территории УССР, должны вести сношения с государственными организациями прочих союзных республик, находящимися за пределами УССР, на языках, применяемых в тех республиках, или на русском языке.

22. Все государственные учреждения, предприятия и организации в случае, если они получат бумаги или документы на непонятном для них языке, не имеют права отказываться на этом основании от рассмотрения дела по существу. В означенных случаях, а также в случае необходимости применить в сношениях язык, непонятный для них, они должны обращаться к судебным переводчикам.

Д. О языке делопроизводства и ведения дел в судебных учреждениях.

23. Внутреннее делопроизводство, счетоводство и производство в судебных учреждениях, а также их сношения со всеми прочими государственными учреждениями, предприятиями и организациями, должно вестись на украинском языке, согласно правил, приведенных в ст. ст. 17—20 настоящего положения.

24. Судебные учреждения в УССР должны вести судопроизводство по всем делам на украинском языке.

25. Для обеспечения интересов национальных меньшинств, составляющих компактные массы среди местного населения и не выделенных в национально-территориальные административные единицы, организуются отдельные национальные камеры, делопроизводство и судопроизводство в которых должно вестись на языке соответствующего национального меньшинства.

26. В тех случаях, когда стороны, обвиняемый, потерпевший, свидетели или эксперты не владеют языком, на котором ведется судопроизводство в судебном учреждении, суд, если он не владеет соответствующим языком, обязан пригласить переводчиков и сообщать заинтересованным лицам о каждом судебном действии через переводчика. В том

случае, если суд владеет соответствующим языком, переводчиков не приглашают, а суд сам сообщает заинтересованному лицу.

27. При судопроизводстве, по желанию заинтересованной стороны, все постановления, документы и прочие материалы по судебному делу должны составляться и об'являться заинтересованному лицу, кроме языка судебного учреждения, также и на родном языке.

28. Порядок применения правил настоящего Положения о языке в судебных учреждениях УССР устанавливается особой инструкцией Народного Комиссариата Юстиции УССР.

III. О языке в учебных заведениях и научных учреждениях.

29. Сеть образовательных учреждений необходимо строить так, чтобы население каждой национальности имело возможность получить начальное (школы соцвоса) образование на своем родном языке.

30. Украинский язык и украиноведение во всех школах и детских домах национальных меньшинств и русский язык во всех школах и детских домах с не русским населением должны быть преподаваемы, как обязательные дисциплины, соответственно установленного учебного плана.

31. В школах фабзавуча, рабочих курсах — преподавание должно вестись на родном языке учеников. В профшколах преподавание должно вестись на украинском языке, за исключением предназначенных для обслуживания нужд национальных меньшинств. План построения сети всех этих заведений с соответствующим языком преподавания устанавливается Народным Комиссариатом Просвещения.

32. Высшие учебные заведения, за исключением предназначенных исключительно для обслуживания нужд национальных меньшинств, ведут свою работу на украинском языке.

Примечание 1. До окончательного перевода преподавания в высших учебных заведениях на украинский язык, необходимо ввести преподавание украинского языка, как обязательной дисциплины.

Примечание 2. Все лица, вступающие в высшее учебное заведение УССР и не окончившие профессиональной школы или рабочего факультета с преподаванием на украинском языке, держат отдельный экзамен по украинскому языку в об'еме установленном Народным Комиссариатом Просвещения УССР. Для лиц, вступающих в высшее учебное заведение УССР из других союзных республик, для экзамена по украинскому языку устанавливаются особые льготные сроки.

33. Учителя, преподаватели, профессора и научные сотрудники всех учебных заведений и научных учреждений УССР в отношении знания украинского языка и языков соответствующих национальных меньшинств должны удовлетворять требованиям, установленным для служащих государственных учреждений.

34. Профессора и преподаватели высших учебных заведений должны переходить к преподаванию на украинском языке, согласно плана, установленного Народным Комиссариатом Просвещения УССР.

Примечание. Исключения из правил, приведенных в ст. 33 и 34 настоящего Положения, временно допускаются только с разрешения Народного Комиссариата Просвещения УССР.

35. На должности профессоров, преподавателей высших учебных заведений необходимо назначать только лиц, которые могут вести преподавание на украинском языке.

Примечание. Исключения допускаются в порядке примечания к ст. 34 настоящего положения с обязательством изучить и перейти в определенный срок к преподаванию на украинском языке.

36. Всю научную исследовательскую работу и все дела научно-исследовательских кафедр прочих научных учреждений в УССР, за исключением предназначенных исключительно для обслуживания нужд национальных меньшинств, необходимо вести на украинском языке.

37. Все аспиранты научно-исследовательских кафедр, подготовляющиеся к научной деятельности, должны отдельно выдержать экзамен по украинскому языку в об'еме, установленном Народным Комиссариатом Просвещения УССР.

38. Зачисление в качестве аспирантов лиц, не знающих украинского языка в установленном Народным Комиссариатом Просвещения об'еме, не допускается.

39. Инструкция о применении правил, приведенных в ст. ст. 29—38 настоящего Положения, издается Народным Комиссариатом Просвещения УССР.

IV. О применении языков в национально-территориальных административных единицах.

40. В национально-территориальных административных единицах государственные органы применяют, как преобладающий для официальных сношений, язык местного национального большинства, обеспечивая, однако, право пользования родным языком для прочих национальностей данной административной единицы, в которой они составляют местное меньшинство.

41. Все служащие государственных органов в национально-территориальных административных единицах обязательно должны владеть языком местного национального большинства, а также украинским языком.

42. Обязательные постановления и прочие распоряжения органов власти национально-территориальных административных единиц, публикуемые для всеобщего сведения, должны быть опубликованы на языке соответствующей национальности, составляющей большинство в данной административной единице, а также и на языке национального меньшинства данного района, при этом в поселениях данной единицы, с составом населения прочих национальностей, эти постановления и распоряжения должны публиковаться также и на языке национальностей, составляющих большинство в этих селениях.

43. Печати, штампы, а также вывески, плакаты и об'явления, выставляемые для всеобщего сведения, необходимо излагать на языке местного национального большинства и на украинском языке, при этом допускается и параллельный текст на любом ином языке.

44. Все акты публично-правового характера, как удостоверения личности, свидетельства об образовании, выписи из актов гражданского состояния и т. п., должны составляться на украинском языке и на языке местного национального большинства, при этом, по желанию получателей этих актов, в них необходимо включать параллельный текст на любом ином языке.

45. Все делопроизводство государственных органов в национально-территориальных административных единицах должно вестись на языке местного национального большинства, при этом в поселениях с иным составом населения, принадлежащих к этим административно-террито-

риальным единицам, такое делопроизводство должно вестись на языке населения, составляющего большинство в этих поселениях.

46. Если в состав района, выделенного в национально-территориальную административную единицу, входят поселения с иным составом населения, то сношение районных исполнительных комитетов с органами этих селений должны вестись на их языке или на украинском.

Примечание. В национально-территориальных административных единицах необходимо сноситься на языке района национального меньшинства или на украинском, а в отдельных случаях (по соответствующим указаниям окрисполкома) можно и на иных языках, в том числе и на русском.

47. Сношения поселений, выделенных в национально-территориальные административные единицы, должны вестись с районными органами на языке селения или на украинском. Сношения районных исполнительных комитетов и отдельных селений, выделенных в национально-территориальные административные единицы, с органами власти прочих национально-территориальных административных единиц, населенных иной национальностью, должны вестись на языке этой последней национальности или на украинском.

Примечание. В национально-территориальных административных единицах необходимо сноситься на языке района национального меньшинства или на украинском, а в отдельных случаях (по соответствующим указаниям окрисполкома) можно и на иных языках, в том числе и на русском.

48. Сношения районных исполнительных комитетов, выделенных в национально-территориальные административные единицы, с окружными исполнительными комитетами, а также сношения окружных исполнительных комитетов с районами, должны вестись на языке этого района или на украинском.

49. Правила, установленные настоящим Положением о проведении украинизации, необходимо соответственно применять при переходе на языки соответствующих национальностей в районах и селах, выделенных в национально-территориальные административные единицы.

V. Об обеспечении равноправия языков национальных меньшинств, не выделенных в национально-территориальные административные единицы.

50. Государственные организации, проводя возложенную на них работу, должны выходить из интересов наилучшего обслуживания нужд национальных меньшинств вообще, а также национальных меньшинств, не выделенных в национально-территориальные административные единицы, и национальностей, составляющих местные меньшинства в этих единицах.

51. Государственные организации должны при проведении своей работы на украинском языке или на языке местного большинства в национально-территориальных административных единицах обязательно обеспечивать возможность для каждого гражданина обращаться к ним и получать ответы на родном языке гражданина.

52. Производя опубликование обязательных постановлений и прочих распоряжений местных органов власти, а также опубликовывая правительственные акты, обозначенные в ст. 9 настоящего Положения, государственные органы всегда должны иметь в виду компактные массы национальностей, составляющих меньшинство, не выделенные в национально-территориальные административные единицы, и означенные акты, в случае необходимости, кроме украинского языка и языка местного большинства,

выделенного в национально-территориальную административную единицу, опубликовывать также и на прочих общеупотребительных языках в данной местности.

53. Практическое проведение в жизнь правил настоящего Положения об обеспечении равноправия языков и содействия развитию украинской культуры, в особенности в деле обеспечения интересов национальных меньшинств, как выделенных, так и не выделенных в национально-территориальные административные единицы, возлагается на окружные и районные исполнительные комитеты.

VI. О равноправии языков в АМССР.

54. Правила обеспечения равноправия языков и содействия развитию молдавской культуры в АМССР издаются ЦИК'ом и СНК АМССР соответственно этому Положению.

VII. О специальных органах и мерах по обеспечению равноправия языков в УССР.

55. Вся работа по руководству украинизацией возлагается на Всеукраинскую Центральную Комиссию по украинизации при СНК УССР.

56. Руководство практическим проведением украинизации в округах возлагается на окружные комиссии по украинизации при окружных исполнительных комитетах.

57. Всеукраинская Центральная Комиссия по украинизации при СНК УССР состоит под председательством Председателя Совета Народных Комиссаров.

58. Всеукраинская Центральная Комиссия по украинизации при СНК УССР действует на основании Положения о ней, издаваемого Советом Народных Комиссаров УССР.

59. Окружные комиссии по украинизации состоят под председательством председателя окружного исполнительного комитета. Состав окружных комиссий по украинизации утверждается окружным исполнительным комитетом.

60. Руководство и ответственность за проведение украинизации в государственных организациях возлагается на руководителей означенных организаций.

61. При народных комиссариатах УССР, как об'единенных, так и необ'единенных, при управлениях уполномоченных народных комиссариатов Союза ССР в УССР и при центральных учреждениях УССР должны быть организованы ведомственные комиссии по украинизации в составе: председателя — руководителя учреждения или его заместителя, представителя месткома, а также лиц, отдельно назначенных руководителем учреждения, которые могут содействовать проведению украинизации.

62. На ведомственные комиссии по украинизации по общим директивам Всеукраинской Центральной Комиссии по украинизации при СНК УССР возлагается:

а) проведение учета личного состава сотрудников учреждения и подчиненных ему заведений с целью выяснения их знания украинского языка;

б) организация, совместно с месткомом, курсов украинского языка, кружков украиноведения и проведение широкой культурно-просветительной работы для содействия сотрудникам учреждения в изучении украинского языка и украинской культуры;

в) административно-хозяйственное руководство курсами украинского языка и кружками украиноведения при учреждении;

г) определение категорий сотрудников, освобождаемых по характеру их работы от обязательного обучения на курсах украинского языка;

д) обязательная проверка знания украинского языка новых сотрудников, принимаемых на должности, а также выработка мер к полной украинизации учреждения.

63. Методологическое и инструкционное руководство курсами украинского языка и кружками украиноведения возлагается на Наркомпрос УССР и окружные инспектуры просвещения.

64. Принятие на работу в государственные организации служащих[1]), не знающих украинского языка, а в национально-территориальных административных единицах, кроме того, и языка местного большинства, не допускается.

Примечание. Исключение из этого правила можно допускать лишь временно, в порядке, определенном в специальном постановлении Всеукр. Центр. Комиссии по украинизации при СНК УССР.

65. В государственных организациях, где сотрудники еще не достаточно хорошо усвоили украинский язык или язык соответствующего местного большинства, обучение таких сотрудников соответствующему языку можно производить лишь за их собственный счет.

66. Сотрудники, окончившие курсы обучения украинского языка, получают от соответствующей комиссии по украинизации учреждения, где они выдержали экзамены по украинскому языку, соответствующие удостоверения.

67. Для лиц, желающих получить должность в государственных организациях УССР, но не имеющих удостоверений о знании необходимых языков, организуются при Народном Комиссариате Просвещения УССР и его местных органах специальные квалификационные комиссии, которые за плату, по соответствующим инструкциям, будут проверять знания языка таких лиц и выдавать соответствующие удостоверения.

68. Учащиеся высших учебных заведений, рабочих факультетов, техникумов и профессиональных школ, выдержавшие экзамен по украинскому языку при своих школах и имеющие о знании языка соответствующие удостоверения, при поступлении на службу в государственные организации не подвергаются вновь экзамену по украинскому языку.

69. Украинизация общественных организаций производится согласно правилам, установленным центральными органами этих организаций.

70. Все инструкции, относящиеся к проведению украинизации в центральных государственных организациях, и материалы о состоянии украинизации в них, должны обязательно присылаться в копиях Всеукраинской Центральной Комиссии по украинизации при СНК УССР.

Окружные комиссии по украинизации также посылают Всеукраинской Центральной Комиссии по украинизации при СНК УССР вышеозначенные инструкции и материалы об организации местных органов.

VIII. Об ответственности за нарушение правил настоящего Положения.

71. За нарушение правил настоящего Положения виновные подлежат уголовной ответственности.

72. Сотрудники, не принимавшие необходимых мер к изучению украинского языка или языка соответствующего местного национального большинства, а также те из них, которые проявляют отрицательное отношение к украинизации, увольняются в административном порядке

[1]) Члены советов и исполкомов, не несущие иных обязанностей, не считаются „служащими". С. У. УССР, 1927 г., отд. II, № 35, ст. 171.

руководителями соответствующих учреждений и организаций без выдачи выходного пособия и без предупреждения.

Примечание. Сотрудников, уволенных в порядке настоящей статьи, можно принимать на работу лишь после того, как они в достаточной степени усвоят украинский язык или язык соответствующего местного национального большинства и получат о том удостоверение от соответствующей квалификационной комиссии.

Харьков, 6 июля 1927 г.

Председатель Всеукраинского Исполнительного Комитета Петровский.

Председатель Совета Народных Комиссаров УССР В. Чубарь.

Секретарь Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета А. Буценко.

Распубликовано в „Вістях ВУЦВК" 22 июля 1927 г., № 165.

(С. У. УССР, 1927 г., № 34, ст. 157.)

Постановления Централькой Всеукраинской Комиссии по украинизации советского аппарата при Совете Народных Комиссаров УССР.

I. О порядке введения на территории УССР вывесок, надписей, бланков, штампов и этикетов на украинском языке.

На основании постановления СНК УССР от 16 июля 1925 г. „О практических мероприятиях по украинизации советского аппарата" (С. У. 1925 г., № 56, ст. 332) и в развитие ст. 5-й постановления ВУЦИК и СНК УССР от 30 апреля 1925 г. „О мерах срочного проведения полной украинизации советского аппарата" (С. У. 1925 г., № 26, ст. 202), Центральная Всеукраинская Комиссия по украинизации советского аппарата при СНК УССР постановила:

1. Все необ'единенные народные комиссариаты, государственные учреждения и предприятия, как республиканского, так и местного значения, а также кооперативные организации и подведомственные им предприятия обязаны иметь вывески на украинском языке.

Примечание. В Автономной Молдавской Социалистической Советской Республике указанные в ст. 1-й учреждения и предприятия, за исключением учреждений и предприятий местного значения АМССР, должны иметь вывески на украинском и молдавском языках.

В административно-территориальных единицах, образованных по национальному признаку, вывески пишутся на украинском языке и языке большинства населения данной административно-территориальной единицы.

2. Управления уполномоченных общесоюзных народных комиссариатов, об'единенные народные комиссариаты, государственные предприятия, непосредственно подчиненные союзным органам, представительства органов Союза ССР и союзных республик, а также смешанные акционерные общества должны иметь вывески на украинском и русском языках.

3. Все культурно-просветительные учреждения и общественные организации с подведомственными им предприятиями (зрелища, столовые и т. п.) обязаны иметь вывески на украинском языке, но на ряду с этим

языком могут иметь вывески и на других языках народов Союза ССР, а также и на иностранных языках.

4. Печати, штампы и бланки должны изготовляться с соблюдением правил, указанных в ст.ст. 1—3 настоящего постановления.

Примечание. Государственные учреждения и предприятия, имеющие по роду своей деятельности сношения с заграницей, должны иметь штампы на украинском и иностранных языках.

5. На всех станциях железных дорог и пристанях водных путей сообщения, находящихся на территории УССР, а также на станциях коммунальных средств передвижения надписи, как наружные, так и внутренние, должны быть сделаны на украинском языке. На узловых же станциях железных дорог на территории УССР все надписи, как наружные, так и внутренние, должны быть сделаны на украинском и русском языках.

На вагонах железных дорог и на пароходах, находящихся в ведении Южного Округа Путей Сообщения, как внутри их, так и снаружи должны быть помещены надписи и на украинском языке.

Надписи, как снаружи, так и внутри транспортных средств передвижения, принадлежащих коммунальным предприятиям (трамвайные вагоны, автобусы), должны делаться на украинском языке.

6. Этикеты на изделиях украинской промышленности, предназначенных, главным образом, для украинского рынка, должны быть написаны на украинском языке. Этикеты на напитках, в том числе и спиртных, разлив коих производится в пределах Украины, могут быть написаны на ряду с украинским языком и на других языках.

Примечание. Текст на этикетах должен быть изложен понятным (популярным) языком, пользуясь при этом народными названиями соответствующих изделий.

7. Предельным сроком проведения в жизнь настоящего постановления устанавливается 1 января 1926 года.

Харьков, 15 декабря 1925 г.

Зам. Председателя Центральной Всеукраинской Комиссии по украинизации соваппарата при СНК УССР.— Зам. Председателя СНК УССР Сербиченко.

Секретарь Центральной Комиссии по украинизации соваппарата при СНК УССР Ф. Приходько.

(С. У. УССР, 1925 г., отд. II, № 27, ст. 69.)

II. О правильном выпуске печатных изданий на украинском языке.

Центральная Всеукраинская Комиссия по украинизации советского аппарата при Совете Народных Комиссаров УССР постановила:

1. Все принадлежащие государственным учреждениям и предприятиям типографии обязаны иметь на должности ответственных украинских корректоров лиц с высшей квалификацией по знанию украинского языка.

2. Народному Комиссариату Просвещения и его окружным инспектурам в течение недельного срока со дня опубликования настоящего постановления произвести в типографиях, указанных в ст. 1-й настоящего постановления, проверку квалификации как ответственных, так и технических украинских корректоров в отношении знания ими украинского языка.

На должностях ответственных украинских корректоров могут быть оставлены лишь лица, признанные имеющими высшую квалификацию по знанию украинского языка, с утверждения Центральной Всеукраинской Комиссии по украинизации советских учреждений при СНК УССР—для типографий г. Харькова и соответствующих комиссий при окружных исполнительных комитетах — для типографий на местах.

3. Все заведывающие типографиями, указанными в ст. 1 настоящего постановления, обязаны в пятидневный срок представить в подотдел ликвидации украинской неграмотности Народного Комиссариата Просвещения соответствующие списки ответственных и технических украинских корректоров.

4. Ответственность за правильность и грамотность выпускаемых из печати указанными в ст. 1 настоящего постановления типографиями на украинском языке книг, об'явлений, газет, журналов, листовок и т. д. возложить непосредственно на ответственного украинского корректора соответствующей типографии.

5. Все книги, об'явления, газеты, плакаты, журналы, листовки и т. д., издаваемые на украинском языке, должны до печатания обязательно проверяться в отношении правильности украинского языка ответственным украинским корректором и только после его визы материал может быть взят в набор.

Харьков, 31 декабря 1925 г.

Заместитель Председателя Центральной Всеукраинской Комиссии по украинизации соваппарата при СНК УССР—Зампред СНК УССР Сербиченко.

Секретарь Центральной Всеукраинской Комиссии по украинизации соваппарата при СНК УССР Приходько.

(С. У. УССР, 1925 г., отд. II, № 27, ст. 70.)

III. О порядке перевода на украинский язык делопроизводства товарных бирж УССР.

Всеукраинская Центральная Комиссия по украинизации советского аппарата при Совете Народных Комиссаров УССР постановила утвердить нижеследующую инструкцию о порядке перевода на украинский язык делопроизводства товарных бирж УССР.

Инструкция о порядке перевода на украинский язык делопроизводства товарных бирж УССР.

1. Перевод на украинский язык делопроизводства товарных бирж УССР должен быть закончен к 1 сентября 1926 года.

2. С указанного в ст. 1-й срока все письменные сношения органов товарных бирж должны совершаться на украинском языке.

Примечание. Отдельным частям биржевого аппарата, по роду своей деятельности вынужденным пользоваться языком, понятным в других частях Союза ССР, разрешается и после срока, указанного в ст. 1-й, писать на русском языке бумаги, перечисленные в ст. 4 и 13 настоящей инструкции.

3. Для перехода товарных бирж на украинское делопроизводство устанавливается следующий календарный план:

а) к 1 июля 1926 г. переводится на украинский язык делопроизводство общих отделов товарных бирж и, в частности, столы личного состава, хозяйственные части и регистратуры, а также издаваемые товарными биржами „Бюллетени“ в пределах, указанных в ст. 11-й;

б) к 1 августа 1926 г. переводится на украинский язык делопроизводство секций, бюро экспертизы и консультации, бюро по регистрации внебиржевых сделок и статистические части экономических отделов товарных бирж;

в) к 1 сентября 1926 г. переводится на украинский язык делопроизводство всех остальных частей аппарата товарных бирж.

4. Все акценты, офферты, вызовы и прочие бумаги по заключению междубиржевых сделок с биржами, находящимися вне УССР, пишутся на русском языке.

5. Бланки для междубиржевых сделок печатаются параллельным подстрочным текстом на обоих языках, при чем при совершении сделок с биржевыми органами, находящимися вне УССР, бланки заполняются на русском языке.

6. Регистрационные бюро по внебиржевым сделкам принимают к регистрации сделки, написанные на обоих языках. Однако, надписи о регистрации, а также записи в книгах делаются на украинском языке, независимо от того, на каком языке написана сделка.

7. Котировальные комиссии товарных бирж публикуют свои котировки на обоих языках в отношении тех товаров, которые обращаются на находящихся вне УССР рынках; цены прочих товаров публикуются на украинском языке.

8. Экспертные бюро, тарифно-справочные и другие подсобно-консультационные отделы товарных бирж составляют свои письменные заключения и справки на украинском языке. Однако, по требованию обращающегося клиента ему может быть выдана справка или заключение (акт) на русском языке, либо же на украинском с заверенным переводом на русский язык.

9. Судоговорение в арбитражных комиссиях при товарных биржах происходит на украинском или русском языках в зависимости от желания сторон.

Протоколы, решения и определения указанных комиссий пишутся на украинском языке, но сторонам предоставляется право получать выписки и бумаги в заверенных переводах на русский язык.

10. Заседания товарных секций конъюнктурных совещаний и других собраний при товарных биржах с участием лиц, не принадлежащих к аппарату биржи, ведутся на русском или украинском языке по желанию собрания.

Протоколы секций пишутся на украинском языке.

11. Издаваемые товарными биржами „Бюллетени“ публикуют сводки сделок, а равно информацию местного значения на украинском языке. Информационные сведения и статьи, представляющие общий интерес для всех бирж Союза ССР, могут сопровождаться параллельными русскими текстами. Сводка междубиржевого спроса и предложений печатается на обоих языках. Перепечатки из русских изданий печатаются на русском языке.

12. Все бланки статистической отчетности экономических отделов товарных бирж, изготовляемые в централизованном порядке в Совете биржевой торговли Союза ССР, заполняются на русском языке.

На русском же языке составляются доклады и материалы, изготовляемые по заданиям Совета биржевой торговли Союза ССР.

13. Переписка товарных бирж с лицами и учреждениями, находящимися вне УССР, ведется на русском языке. Прилагаемые при переписке материалы направляются с заверенными переводами на русский язык.

14. При обращении к товарным биржам лиц, не принадлежащих к составу украинской или русской национальности, товарные биржи обязаны, по мере возможности, обслуживать их на соответствующем языке национального меньшинства.

15. Непосредственное наблюдение за проведением в жизнь настоящей инструкции возлагается на Совет С'ездов биржевой торговли УССР, каковой докладывает Всеукраинской Центральной Комиссии по украинизации советского аппарата при СНК УССР о ходе работ по переводу на украинский язык делопроизводства товарных бирж в сроки, по соглашению с указанной Комиссией.

Харьков, 15 июня 1926 г.

Председатель Всеукр. Центр. Комиссии по украинизации совaппарата при СНК УССР. — Председатель СНК УССР В. Чубарь.

Отв. Секретарь Всеукр. Центр. Комиссии по украинизации совaппарата при СНК УССР Ф. Приходько.

(Сб. уз. и расп. УССР, 28 августа 1926 г., отд. II, № 21—22, ст. 75.)

IV. О требованиях знания украинского языка для лиц, поступающих на службу в государственные учреждения и предприятия УССР.

В развитие ст. 14 постановления ВУЦИК и СНК УССР от 30 апреля 1925 г. „О мерах срочного проведения полной украинизации советского аппарата“ (С. У. УССР 1925 г., № 26, ст. 202),—Центральная Всеукраинская Комиссия по украинизации советского аппарата при Совете Народных Комиссаров УССР постановила:

1. Все государственные учреждения и управления предприятий УССР могут принимать на службу лишь тех служащих, которые имеют удостоверения о знании украинского языка по 1 или 2 категориям.

Примечание 1. Правило настоящей статьи не применяется при приеме на службу:

а) лиц, которые по роду своей работы не имеют отношения к делопроизводству (вагоновожатые, счетчики гильз на табачных фабриках и т. п.), а также лиц обслуживающего персонала (уборщицы, конюха, сторожа, истопники и т. д.),

б) лиц, приглашенных из других союзных республик или из-за границы на временную работу (инженеров, архитекторов и т. д.), а равно тех же лиц, приглашенных на постоянную работу при условии изучения ими украинского языка.

Примечание 2. Указанные в настоящей статье удостоверения должны быть за подписями председателя комиссии по украинизации учреждения, при котором данное лицо подвергалось испытанию по украинскому языку, и официального представителя Народного Комиссариата Просвещения или окружной инспектуры народнаго просвещения и за печатью органов Народного Комиссариата Просвещения.

2. Предложить Народному Комиссариату Просвещения УССР организовать для лиц, желающих получить должности в центральных учре-

ждениях УССР, и окружным инспекторам народного просвещения—для лиц, желающих получить должности в местных учреждениях, специальные квалификационные комиссии, которые за определенную плату, согласно соответствующим инструкциям, проводили бы проверку знаний украинского языка лиц, не имеющих удостоверений о знании украинского языка.

Примечание. Аналогичные квалификационные комиссии организуются при культурно-социальных отделениях районных исполнительных комитетов, которым представляется право проверки знаний украинского языка лиц, желающих получить должности в учреждениях в пределах района.

3. Лица, окончившие курсы украинского языка, организованные Народным Комиссариатом Просвещения УССР в центре и окружными инспектурами народного просвещения на местах для частных лиц, поступая на службу в государственные учреждения и предприятия, не проверяются квалификационными комиссиями в том случае, если они имеют удостоверения об удовлетворительном знании украинского языка, выявленном ими при испытаниях на указанных курсах.

4. Учащиеся высших учебных заведений, рабочих факультетов, техникумов и профессиональных школ, выдержавшие испытание в знании украинского языка при своих учебных заведениях и имеющие соответствующие удостоверения, при приеме на службу в государственные учреждения и предприятия новому испытанию в знании украинского языка не подвергаются.

5. Настоящее постановление не распространяется на учреждения и предприятия, находящиеся на территориях нацменьшинств, выделенных в отдельные административные единицы.

Харьков, 11 марта 1927 г.

Председатель Центральной Всеукраинской Комиссии по украинизации соваппарата при СНК УССР В. Чубарь.

Врид. Секретаря Центральной Всеукраинской Комиссии по украинизации соваппарата при СНК УССР Агронов.

(Сб. уз. и расп. УССР, 13 апреля 1927 г., отд. II, № 11, ст. 57.)

Кодекс законов о народном просвещении УССР 23 ноября 1922 г.

(Извлечение.)

Основные положения.

§ 23. Исходя из права национальных меньшинств на культурное самоопределение и решительно отвергая всякую искусственную украинизацию, как и руссификацию, Украинская Социалистическая Советская Республика через Народный Комиссариат Просвещения и его местные органы обеспечивает населению всех наций и национальных меньшинств, населяющих Украину, воспитание и обучение на их родном языке.

§ 24. Язык преподавания в учебно-воспитательных учреждениях устанавливается Наркомпросом в согласии с волей местных Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов.

§ 25. Языки—украинский, как язык большинства населения Украины, в особенности на селе, и русский, как язык большинства в городах и общесоюзный, имеют в УССР общегосударственное значение и должны преподаваться во всех учебно-воспитательных учреждениях Украинской Социалистической Советской Республики.

§ 26. Все просвещение УССР должно быть проникнуто духом пролетарского интернационализма.

Ведя неуклонную борьбу со всяким национализмом, обособлением и шовинизмом, разбивающим единство и отравляющим сознание трудящихся масс, рабоче-крестьянская власть в то же время видит в беспрепятственном развитии национально-культурных форм (язык, литература, искусство) мощное средство приобщения трудящихся масс города и деревни к мировой культуре и к коммунизму, которые создаются международным пролетариатом и с его победой станут культурой единого освобожденного человечества.

(С. У. УССР, 1922 г., № 49.)

Уголовно-Процессуальный Кодекс РСФСР.

(Извлечение.)

22. Производство по уголовным делам ведется на русском языке, или на языке большинства населения данной местности.

В случаях, когда обвиняемые, потерпевшие, свидетели или эксперты не владеют языком, на котором ведется производство по данному делу, суд обязан пригласить переводчиков и ставить заинтересованных лиц в известность о каждом производимом судом действии через переводчика [1]).

Обвинительное заключение и другие документы должны быть вручаемы обвиняемым в этих случаях переведенными на родной язык обвиняемого и оглашаться, если он того требует, также на его родном языке.

Всякого рода бумаги и заявления могут быть подаваемы каждым из заинтересованных лиц на их родном языке, если удостоверено, что эти лица не владеют языком, на котором ведется производство по данному делу.

(15 февр. 1923 г., С. У. РСФСР, № 7.)

[1]) Аналогично требование ст. ст. 140 и 167 У.П.К. РСФСР о приглашении следователем переводчика при допросах лиц, говорящих на непонятном для следователя языке.

Уголовно-Процессуальный Кодекс УССР.

(Извлечение)

23. Производство по уголовным делам должно вестись на украинском языке, а в национальных камерах суда—на языке соответствующего национального меньшинства. Если стороны, свидетели и эксперты не владеют языком, на котором ведется производство, и если суд не владеет их языком, то суд обязан пригласить переводчика и ставить заинтересованных лиц в известность о каждом производимом судом действии через переводчика [1]). Если же суд владеет языком указанных выше лиц, то он, не приглашая переводчика, сам ставит в известность заинтересованных лиц о каждом судебном действии.

Все постановления и иные документы по делу, при требовании, должны вручаться ему переведенными на его родной язык и оглашаться на этом языке.

Всякого рода заявления и бумаги могут быть подаваемы заинтересованными лицами на их родном языке.

(20 июля 1927 г., С. У. УССР, № 36—38.)

[1]) Аналогично требование ст. ст. 138 и 164 У.П.К. УССР о приглашении следователем переводчика при допросах лиц, говорящих на непонятном для следователя языке.

Положение о Государственном Нотариате РСФСР.

(Извлечение.)

Ст. 14. Совершаемые и свидетельствуемые документы могут быть изложены на русском или на иностранных и местных языках с переводом на русский язык. Правильность перевода удостоверяется нотариусом. В случае же незнания нотариусом иностранного или местного языка, правильность перевода удостоверяется лицом, лично известным нотариусу. Подпись переводчика также удостоверяется нотариусом.

(24 авг. 1923 г., С.У. РСФСР, № 75.)

Гражданско-Процессуальный Кодекс РСФСР.

(Извлечение.)

Ст. 9. Производство ведется на языке большинства населения данной местности. Когда стороны, свидетели или эксперты не владеют языком, на котором ведется производство по данному делу,— суд обязан пригласить переводчиков и ставить заинтересованных лиц в известность о каждом производимом судом действии через переводчиков.

Ст. 145. Документы, представленные на ином языке, нежели тот, на котором происходит судоговорение, представляются с надлежащим переводом.

(7 июля 1923 г., С.У. РСФСР, № 46—47.)

Нотариальное положение УССР.

(Извлечение.)

16. Совершаемые акты и свидетельствуемые документы могут быть изложены на языках украинском и русском, а также на языках национальных меньшинств и иностранных с переводом на украинский или русский язык.

Правильность перевода удостоверяется судебным переводчиком в порядке, предусмотренном Положением о судоустройстве.

(16 дек. 1925 г., С. У. УССР, № 102.)

Гражданско-Процессуальный Кодекс УССР.

(Извлечение.)

Ст. 9. Производство ведется на языках украинском или русском или, соответственно, на языках других национальных меньшинств, составляющих значительную часть населения территории данного суда, где производство ведется. Если стороны, свидетели или эксперты не владеют языком, на котором ведется производство, суд обязан пригласить переводчика.

Примечание 1. Порядок введения в производство украинского языка определяется действующими декретами и инструкциями НКЮ.

Примечание 2. Перевод производства судов в местностях с компактным национальным меньшинством на язык этого национального меньшинства определяется инструкцией НКЮ.

Ст. 145. Документы, представленные на ином языке, нежели тот, на котором происходит судоговорение, представляются стороною с надлежащим переводом

(13 сент. 1924 г., С.У. УССР, № 16—17.)

БЕЛОРУССИЯ.

Декларация независимости ССР Белоруссии 1 августа 1920 г.

(Извлечение.)

... Советская Социалистическая Республика Белоруссии будет строить свою жизнь на основах вовлечения в советское строительство самых широких трудовых масс, к какой бы национальности и вероисповеданию они ни принадлежали. Устанавливается полное равноправие языков (белорусского, русского, польского и еврейского) в сношениях с государственными учреждениями и в организациях и учреждениях народного просвещения и социалистической культуры.

(Из сборника „Советская Белоруссия".)

Декларация Центрального Исполнительного Комитета ССР Белоруссии 26 сентября 1923 года.

(Извлечение.)

... Сессия ЦИК'а в полном согласии с решениями предыдущих С'ездов Советов считает необходимым еще раз декларировать полное равноправие языков, употребляемых местным населением,— белорусского, русского, еврейского и польского,— право населения обращаться во все советские учреждения на своем родном языке и обязанность всех государственных учреждений отвечать на том же языке.

Полное достижение этой задачи мыслимо только при постепенной перестройке аппарата, замене негодных работников и переподготовке остающихся. Особенно сессия обращает внимание ответственных работников на необходимость изучения местных языков и ознакомления с местными культурами.

... Сессия учитывает, что средствами государства не удастся в ближайшее время удовлетворить все культурные потребности населения, и поэтому она обращается к белорусскому, польскому и еврейскому трудящемуся населению с призывом помочь Советскому государству в строительстве культурно-просветительных учреждений на родном языке.

(С. У. БССР, 1923 г., № 13—14, прил. стр. 15.)

Конституция Белорусской ССР 11 апреля 1927 г.

(Извлечение.)

Ст. 20. Белорусская Социалистическая Советская Республика на основе полного уничтожения национального гнета обеспечивает свободное экономическое и культурное развитие и под'ем благосостояния трудящихся всех национальностей ее населяющих и организует широкое участие их в социалистическом строительстве через Советы рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Для более полного и широ-

кого вовлечения трудящихся национальных меньшинств Белорусской ССР в работу экономического и социалистического строительства в местностях, где трудящиеся той или иной национальности составляют большинство населения, организуются Советы, работающие на языке данной национальности и наиболее полно учитывающие в своей работе национальные особенности.

Ст. 21. За всеми гражданами Белорусской ССР признается право свободного пользования родным языком на с'ездах, в суде, управлении и общественной жизни.

Национальным меньшинствам обеспечивается право и реальная возможность обучения в школе на родном языке.

В государственных и общественных учреждениях и организациях Белорусской ССР устанавливается полное равноправие белорусского, еврейского, русского и польского языков.

Ст. 22. Ввиду значительного преобладания в Белорусской ССР населения белорусской национальности, белорусский язык избирается как язык преимущественный для сношения между государственными, профессиональными и общественными учреждениями и организациями.

Ст. 23. Опубликование важнейших законодательных актов производится на белорусском, еврейском, русском и польском языках.

Ст. 24. (Устанавливает надписи на государственном гербе Белорусской ССР „на белорусском, еврейском, русском и польском языках").

Постановление 2-й сессии Центрального Исполнительного Комитета Советов БССР VI созыва о практических мероприятиях по проведению национальной политики.

Раздел I. Мероприятия общего характера.

В целях предоставления трудящимся БССР широких возможностей использования основных законов БССР, в силу которых языки национальностей, населяющих территорию БССР, являются равноправными, 2-я сессия ЦИК, ставя своей задачей об'единение существующего по сему вопросу законодательства, а также дальнейшее его развитие, постановляет:

1. Языки национальностей, населяющих территорию БССР (белорусский, еврейский, русский и польский) являются равноправными.

2. Ввиду значительного преобладания в БССР населения белорусской национальности, белорусский язык избирается, как язык преимущественный для сношения между государственными, профессиональными и общественными учреждениями и организациями.

3. Каждому гражданину БССР, к какой бы национальности он ни принадлежал, обеспечивается право и реальная возможность пользования своим родным языком в его сношениях с различного рода органами и учреждениями республики и в сношениях с ним, при его обращении в эти органы.

4. На ряду с белорусским языком государственные, общественные и профессиональные учреждения и организации в своих сношениях с населением пользуются и другими языками, в зависимости от национального состава населения, к которому они обращаются.

5. Языком сношения органов БССР с органами СССР и других союзных республик является язык русский.

6. На с'ездах, конференциях, различного рода заседаниях, митингах и на всяких собраниях вообще каждому гражданину обеспечивается право свободно пользоваться своим родным языком.

7. В соответствии с указанными выше принципами все советские, профессиональные и общественные организации и учреждения должны приспособить свои аппараты к действительному обслуживанию национальных особенностей населения.

Для этой цели наркоматы БССР переводят свое делопроизводство на белорусский язык в следующие сроки:

А) В течение одного года: а) Управление делами ЦИК, б) Управление делами Совнаркома, в) Наркомпрос и г) Наркомзем.

Б) В течение двух лет: а) Наркомвнудел, б) Наркомюст, в) Уполнаркомпочтель в той части его органов, которые обслуживают непосредственно сельское население, д) Наркомсобес.

В) В течение трех лет: а) Наркомздрав, б) Наркомфин (местные органы), в) Наркомвоен (местные органы) и г) все прочие советские учреждения и организации БССР.

Примечание 1. Порядок и календарный план перевода делопроизводства на белорусский язык в различных органах и учреждениях разрабатывает само ведомство, однако с таким расчетом, чтобы в первую очередь перевести на белорусский язык те свои органы, учреждения и организации, какие непосредственно соприкасаются с белорусским населением.

Примечание 2. При переводе делопроизводства на белорусский язык необходимо иметь в виду обеспечение в силу § 3 настоящего постановления права и реальной возможности каждому гражданину пользоваться местными языками в его сношениях с различного рода органами и учреждениями республики.

8. Все документы публично-правового характера, как то: свидетельства, удостоверения, выписки из актов гражданского состояния и пр. выдаются и печатаются на языках белорусском и одном из трех других равноправных языков.

Примечание. Документы общесоюзного значения выдаются с текстом на белорусском и русском языках.

9. Штампы государственных учреждений и организаций изготовляются с текстом на четырех языках (белорусском, русском, еврейском и польском), печати же на белорусском языке[1]).

10. Основные законы республики печатаются, хранятся и предъявляются к пользованию на четырех указанных в п. 1 языках, все прочие законодательные акты и постановления публикуются, хранятся и предъявляются в пользование на языках белорусском и русском.

Примечание. В случае необходимости законодательные акты и постановления распубликовываются на всех четырех местных языках.

11. Для каждого сотрудника советских, профессиональных и общественных организаций и учреждений обязательно знание белорусского и русского языков, а для необходимого количества сотрудников обязательно дополнительно знание еврейского либо польского языка.

Примечание 1. Количество сотрудников, обязанных знать еврейский либо польский языки, а в местностях со значительным

[1]) См. ниже пост. 27 марта 1926 г.

количеством латышского либо украинского и прочего населения и эти языки национальностей, определяются Окружными Исполнительными Комитетами.

Примечание 2. Настоящая статья распространяется на всех служащих за исключением лиц физического труда в учреждениях.

12. Сотрудники государственных, общественных и профессиональных учреждений и организаций, не владеющие белорусским и русским языками, а также и те сотрудники, которые, согласно пункта 11 и примечаний к нему должны владеть одним из языков нацменьшинств, указанных в этом пункте, в течение сроков, указанных в пункте 7 настоящего раздела, должны изучить эти языки.

13. По миновании сроков, указанных в п. 7, граждане, не удовлетворяющие требованиям § 11 и примечаний к нему не могут быть приняты на службу в государственные, общественные и профессиональные учреждения и организации БССР.

Примечание 1. Исключения из настоящего пункта могут производиться с особого в каждом отдельном случае разрешения: а) центркомиссара или завед. центральным учреждением, б) на местах—председателя Окружного Исполкома.

Сотрудники, поступившие на службу без знания белорусского и русского языка, а в определенных ст. 11 случаях еврейского или польского, обязаны изучить их в течение шести месяцев со дня поступления на службу.

Примечание 2. При приеме на службу и осуществлении требований § 7 от сотрудников учреждений требуется лишь знание указанных в этом пункте языков, безотносительно к тому, к какой национальности принадлежит сотрудник.

14. Для фактического исполнения всех вышеуказанных мероприятий необходимо предложить всем ведомствам и организациям:

а) организовать курсы для служащих по изучению белорусского языка и

б) подготовить соответствующие штаты и состав сотрудников для обслуживания граждан, населяющих БССР.

15. Поручить Президиуму ЦИК'а БССР иметь постоянное и неослабное наблюдение за выполнением означенных постановлений.

Раздел II. О мероприятиях в области народного просвещения БССР.

В целях обеспечения за населением БССР права воспитывать и обучать своих детей на родном их материнском языке, а также для наибольшего развития культур каждой национальности, населяющей БССР, 2-я сессия Центрального Исполнительного Комитета Советов БССР постановляет:

1. Обучение и преподавание во всех учреждениях социального воспитания и профтехнического образования, а равным образом и обслуживание всех прочих культурно-просветительных потребностей населения должно вестись на их родном материнском языке.

2. Языки белорусский и русский — первый как язык большинства населения БССР, второй, как язык, имеющий общесоюзное значение, являются обязательными предметами преподавания во всех учебных заведениях БССР.

Примечание. Порядок проведения настоящего пункта в различных типах учреждений разрабатывается НКП.

3. Проведение белоруссизации культурно-просветительных учреждений присоединившихся частей Гомельской, Витебской и Смоленской губерний с целью их выравнения по Минщине на предмет обеспечения нормального и национального развития белорусского населения в присоединившихся частях должно итти неуклонно постепенно и последовательно.

4. Срок завершения белоруссизации, а также перевода всех вообще культурно-просветительных учреждений на родные языки обслуживаемых ими групп населения по всей нынешней БССР установить:

а) для учреждений по социальному воспитанию 3 года,

б) для учреждений по профтехническому образованию и политико-просветительных — 5 лет.

Примечание. По отношению к отдельным учреждениям срок этот может быть сокращен по усмотрению Народного Комиссариата Просвещения.

5. В указанный в п. 4 период времени необходимо принять все меры к планомерной переподготовке и подготовке культурно-просветительных работников, могущих обслуживать культурно-просветительные учреждения, работающие на языках обслуживаемого ими населения и обеспечения их необходимыми учебными руководствами и пособиями.

6. Поручить Народному Комиссариату Просвещения в 1924—1925 учебном году провести следующие мероприятия.

А. В области социального воспитания:

а) ввести белорусский язык, как обязательный предмет изучения во всех типах школ соцвоса;

б) комплектование учреждений социального воспитания производить в дальнейшем, строго руководствуясь языковыми особенностями детей;

в) перевести воспитание и обучение на белорусский язык в детских садах и в первые годы обучения трудовых школ, где обучаются дети белорусской национальности;

г) в существующих же учреждениях, имеющих разнонациональный детекий состав, необходимо путем реорганизации стремиться к максимальному обеспечению воспитания и обучения на родном языке;

д) продолжать проводимую уже белоруссизацию семилетних школ Минщины путем перехода преподавания в них старших классов на белорусский язык;

е) совместно с союзом Рабпрос произвести перегруппировку педагогического персонала с таким расчетом, чтобы все школы-семилетки и опытно-показательные школы с преобладающим количеством детей белорусской национальности были обеспечены белоруссоведами;

ж) ознакомить учителей и проч. культурно-просветительных работников учреждений соцвоса с белорусским языком путем рассылки в каждое учреждение учебной и педагогической литературы на белорусском языке и организации краткосрочных курсов белоруссознавства;

з) снабдить учреждения социального воспитания учебными руководствами и пособиями на родном языке детей, обслуживаемых данными учреждениями.

Б. В области профтехнического образования:

а) во всех профтехнических учебных заведениях БССР ввести белорусский язык, как обязательный предмет изучения;

б) в рабфаках и техникумах всех видов ввести обязательное изучение, кроме белорусского языка, белорусской литературы, истории и географии Белоруссии;

г) во всех высших учебных заведениях основать специальные кафедры по изучению Белоруссии (история, география, язык, литература, экономика, природные особенности и богатства края, быт и история населяющих Белоруссию национальностей). Кроме того, на педфаке БГУ учредить специальные секторы, подготовляющие работников для еврейских и польских культурно-просветительных учреждений;

д) при приеме в высшие учебные заведения и техникумы требовать знания белорусского языка;

Примечание. Разрешить НКП в случае необходимости допускать в текущем году по отношению к отдельным лицам или группам поступать в вузы и техникумы без знания белорусского языка, с обязательным изучением, однако, его в самом учебном заведении в течение первого академического года.

е) расширить работу Института Белорусской Культуры и принять все меры к окончанию обработки в 1924/25 учебном году белорусской научной терминологии и русско-белорусского академического словаря;

ж) при замещении вакантных кафедр профессорами, а также должностей преподавателей, ассистентов, ординаторов и проч. научных сотрудников высших учебных заведений и техникумов при всех равных условиях предпочтение отдавать лицам, знающим белорусский язык.

В. В политико-просветительной области:

а) снабдить избы-читальни, народные дома, клубы и библиотеки литературой на белорусском языке и на языках других национальностей, в зависимости от национального состава населения;

б) ввести во всех партийных школах, вечерних школах для взрослых, школах рабочей и крестьянской молодежи прохождение белорусского языка, истории и географии Белоруссии, согласно программы, выработанной НКП, применительно к каждому учебному заведению в отдельности;

в) приспособить художественную и музыкальную школы по одной на Белоруссию для изучения и разработки белорусского искусства и белорусской музыки; одновременно с сим НКП разрабатывает вопрос о формах организации художественного и музыкального воспитания трудящихся других национальностей;

г) обратить особое внимание на дальнейшее развитие Белорусского государственного театра и Белорусской студии в Москве и принять меры к обеспечению их оригинальным художественно-революционным репертуаром;

д) обратить внимание на развитие белорусского отделения Пролеткино, которому надлежит издавать кинофильмы, отражающие историю революции в Белоруссии, жизнь и культуру отдельных национальностей БССР, а также принять меры к переводу надписей картин на белорусский язык.

Г. В области издательства:

а) обязать Президиум ЦИК принять все меры для обеспечения культурно-просветительных учреждений учебниками, учебными пособиями и литературой для учащихся на всех местных языках пропорционально потребности, согласовывая эту работу с издательствами других союзных республик;

б) расширить издание марксистской и популярной политико-просветительной литературы для рабочих и крестьян на местных языках;

в) совместно с союзом Рабпрос приступить к изданию руководящего журнала для работников народного просвещения;

г) совместно с КСМ издавать журнал для детей младшего возраста на белорусском языке.

15 июля 1924 г.

Председатель ЦИК БССР А. Червяков.
За секретаря В. Игнатовский.

(С. У. БССР, 1924 г., № 11, ст. 108.)

Постановление Президиума ЦИК БССР по докладу Комиссии ЦИК БССР по осуществлению национальной политики.

(Извлечение.)

5. На ряду с проведением в жизнь практических мероприятий по части белоруссизации аппаратов, предложить всем учреждениям и организациям в своей повседневной работе уделить не меньше внимания проведению практических мероприятий, обеспечивающих всем национальностям возможность пользоваться своим родным языком при сношении с различного рода органами и учреждениями республики.

7. Установить, что сотрудники различных органов и учреждений, у которых будет замечено отрицательное отношение к белоруссизации, могут быть администрацией этих органов и учреждений уволены с занимаемых ими должностей; означенные сотрудники могут быть вновь приняты на службу лишь после достаточного усвоения ими белорусского языка.

8. Обязать все органы и учреждения оказывать самое широкое содействие самодеятельности сотрудников в деле изучения белорусского языка, выделяя для этого в нужных случаях необходимые средства.

(10 июля 1925 г. Собр. Зак. БССР, 1925 г., № 32, ст. 304.)

Постановление Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров БССР о практических мероприятиях по проведению национальной политики в области народного просвещения в 1925/26 учебном году.

В развитие постановления второй сессии Центрального Исполнительного Комитета БССР шестого созыва от 15 июля 1925 г. (Собр. Узак. БССР за 1924 г., № 11, п. 108) „о практических мероприятиях по проведению национальной политики“ Совет Народных Комиссаров БССР постановляет:

А. По социальному воспитанию.

1. Вести обучение на белорусском языке во всех трудовых школах БССР, в которых обучаются дети белорусской национальности, на

территории, присоединенной в 1924 г.— в первых трех группах, в остальных местностях—во всех группах.

2. Увеличить число учебных часов белорусского языка до шести в неделю в тех семилетних школах, где в младших группах белорусский язык не преподавался.

3. Ввести, как предмет преподавания, белорусский язык во всех четырехлетних трудовых школах всех национальностей (кроме белорусской), начиная со второго учебного года, а русский язык — во всех четырехлетних школах всех национальностей (кроме русской), начиная с третьего года обучения.

4. Раз'яснять населению важность и пользу обучения детей на родном языке, не применяя при этом никаких мер принуждения.

5. Перевести на белорусский язык обучение в тех школах крестьянской молодежи, где большинство составляют учащиеся белорусской национальности. Поручить Народному Комиссариату Просвещения разработать вопрос об открытии школы крестьянской молодежи с преподаванием на польском языке.

6. При открытии детских садов иметь в виду равномерное обслуживание всех национальностей.

7. Предложить Окружным Исполнительным Комитетам обеспечить наравне с белорусскими школами соответствующими помещениями все другие школы.

8. Предложить Народному Комиссариату Просвещения открыть при семилетних школах (польских и еврейских) общежития учащихся, по одному на округ.

9. Принимая во внимание дороговизну учебных пособий на национальных языках, предложить Народному Комиссариату Просвещения предусмотреть по смете на указанную цель ассигнования соответственно большие, чем на это предусмотрено для белорусских или русских школ.

Независимо от этого договориться с государственными издательствами УССР и РСФСР об организации совместного издания учебников на национальных языках.

Б. По профессионально-техническому просвещению.

1. Перевести полностью преподавание на белорусский язык во всех белорусских педагогических техникумах.

2. Обратить внимание на преподавание белорусского языка, а также истории и географии Белоруссии в польских и еврейских педагогических техникумах.

3. Ввести в академический план Минского Белорусского Педагогического Техникума имени Всеволода Игнатовского польский язык, как обязательный предмет.

4. Разработать план перехода преподавания на белорусский язык в сельскохозяйственных школах, начавших частичное проведение этого плана с наступающего 1925—26 акад. года.

5. Перевести преподавание на белорусский язык на первом курсе рабочего факультета.

6. Предложить профессорам, доцентам, ассистентам и научным работникам высших учебных заведений подготовиться к преподаванию и ведению занятий со студентами на белорусском языке с 1 октября 1926 г.

7. При комплектовании высших учебных заведений студентами иметь в виду необходимость равномерного обслуживания всех национальностей.

8. В тех техникумах и профшколах, где имеется значительное количество учащихся одной национальности, ввести в учебный план такой школы родной язык, как предмет обучения для учеников этой национальности.

9. Поручить Институту Белорусской Культуры установить и издать однообразную терминологию для пользования в высших учебных заведениях, техникумах и профессиональных школах.

В. По политическому просвещению.

1. Перевести полностью на белорусский язык преподавание в Могилевской Советской Партшколе и частично в Коммунистическом Университете БССР имени Ленина и в Витебской Партийной школе второй ступени.

2. Увеличить число часов преподавания белорусскаго языка, истории и географии Белоруссии в польских и еврейских отделениях партийных школ.

3. Проводить ликвидацию неграмотности на родном языке.

4. Агитационные кампании среди рабочих и крестьян проводить на их родном языке.

5. Вести работу в избах-читальнях, народных домах и клубах на языке той национальности, какую преимущественно обслуживают эти учреждения.

6. При библиотеках, народных домах, избах-читальнях, где большая часть населения составляет определенную национальную группу, открыть отделения, секции или уголки для обслуживания этой национальности.

7. Пополнить репертуар Белорусского Государственного Театра пьесами революционного содержания и обеспечить пьесами деревенский театр.

8. Приступить к выпуску кино-фильм из революционной жизни Белоруссии и демонстрировать все фильмы с надписями на белорусском языке.

9. Поручить Народному Комиссариату Просвещения по соглашению с Народным Комиссариатом Внутренних Дел разработать сеть курсов для изучения белорусского языка служащими сельских советов и районных и окружных советских учреждений и внести указанную сеть в смету наступающего бюджетного года по государственному бюджету.

16 сентября 1925 г.

Заместитель Председателя СНК БССР
Гельтман.

Врид. Управляющего Делами СНК БССР
Крендель.

(Собр. Зак. БССР, 1925 г., № 46, ст. 367.)

О дополнении постановления 2-й сессии ЦИК БССР VI созыва о практических мероприятиях по проведению национальной политики.

Президиум Центрального Исполнительного Комитета БССР постановляет:

1. Дополнить ст. 9 постановления 2-й сессии Центрального Исполнительного Комитета БССР VI созыва „О практических мероприя-

тиях по проведению национальной политики" (С. У. БССР за 1924 г., № 11, ст. 108) следующим абзацем вторым:

„Государственные учреждения и организации, постоянно работающие на языке национального меньшинства, изготовляют свои печати на белорусском языке и на том языке, на котором ведется работа".

2. Настоящее постановление внести на утверждение ближайшей сессии Центрального Исполнительного Комитета.

27 марта 1926 г.

Председатель ЦИК БССР
А. Червяков.

Секретарь ЦИК БССР
Д. Чернушевич.

(Собр. Зак. БССР, 12 июля 1926 г., № 23, ст. 88.)

О порядке проверки исполнения решений 2-й сессии ЦИК БССР VI созыва от 15 июля 1924 года в части проведения белоруссизации аппаратов советских и кооперативных организаций и учреждений БССР.

Ввиду того, что предусмотренный пунктом 7-м раздела 1-го постановления 2-й сессии ЦИК БССР VI созыва срок перевода на белорусский язык аппаратов Секретариата ЦИК, Управления делами Совнаркома, Наркомпроса и Наркомзема истек 15 июля 1925 года, Наркомвнудела, Наркомюста, Наркомсобеса и Уполнаркомпочтеля 15 июля 1926 года, а всех прочих ведомств, организаций и учреждений срок перевода делопроизводства на белорусский язык истекает 15 июля 1927 г., — Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров БССР постановляют:

1. Проверить в двухмесячный со дня опубликования настоящего постановления срок фактическое исполнение вышеуказанного постановления 2-й сессии ЦИК БССР VI созыва о переводе на белорусский язык делопроизводства в тех центральных учреждениях и организациях и их местных органах, для которых сроки перевода уже истекли.

2. Проверить до 1 января 1927 г. степень подготовленности и проводимые мероприятия по переводу на белорусский язык делопроизводства во всех тех центральных учреждениях и организациях и их местных органах, срок перевода которых на белорусский язык истекает 15 июля 1927 года.

3. Одновременно и в те же сроки в указанных в п.п. 1 и 2 настоящего постановления учреждениях и организациях проверить степень приспособленности их к обслуживанию других национальностей на их родном языке (еврейском, польском, русском).

4. В работу по проверке входят:

а) выяснение действий и мероприятий, предпринятых руководителями учреждений и организаций к осуществлению проведения белоруссизации и приспособлению аппаратов к обслуживанию других национальностей БССР;

б) проверка степени знания и усвоения сотрудниками учреждений и организаций белорусскаго языка;

в) проверка степени фактической обеспеченности аппаратов учреждений и организаций работниками, знающими языки других национальностей БССР;

г) проверка выполнения администрацией учреждений и организацией п. 13, раздела 1 постановления 2-й сессии ЦИК БССР VI созыва о непринятии на службу в государственные и кооперативные учрежде-

ния и организации, срок белоруссизации аппаратов которых уже истек, лиц, не владеющих белорусским и русским языками, а в необходимых случаях языками других национальностей. (См. п. 11-й и примечание к нему раздела 1-го постановления 2-й сессии ЦИК БССР VI созыва);

д) проверка выполнения в центре и на местах п. 9, раздела 1-го постановления 2-й сессии ЦИК БССР VI созыва о штампах и печатях и постановления Совета Народных Комиссаров БССР от 25 декабря 1924 года о вывесках и надписях в государственных, профессиональных и общественных учреждениях и организациях[1]).

5. Проверке знаний белорусскаго языка подлежат все без исключения работники умственного труда, независимо от занимаемых ими должностей, работающие в ведомствах, учреждениях, организациях, хозяйственных, торговых и промышленных предприятиях БССР.

Примечание 1. Рабочие, непосредственно занятые в производстве, и лица физического труда, обслуживающие ведомства, учреждения, организации и предприятия, как то: рассыльные, уборщики, сторожа, дворники, истопники, кучера, конюха, шоферы и чернорабочие — проверке знания белорусского и других языков не подлежат.

Примечание 2. Лица, занятые по найму в торговых и промышленных организациях, учреждениях и заведениях, не подходящие под категории, перечисленные в примечании 1-м п. 5 настоящего постановления (продавцы, приказчики, агенты, закупщики, десятники и т. п.) проверке подлежат.

Примечание 3. Порядок проверки рабочих и крестьян, избранных или в порядке выдвижения назначенных на службу в советские, кооперативные организации и учреждения, а также условия изучения ими белорусского языка, устанавливается особой инструкцией Нацкомиссии ЦИК БССР.

6. Проверка проводится специальными проверочными комиссиями, организуемыми для центральных учреждений и организаций Комиссией ЦИК БССР по осуществлению национальной политики, а для окружных, районных и сельских учреждений и организаций — окружными нацкомиссиями.

7. В состав комиссии по проверке центральных учреждений и организаций входят: уполномоченный Нацкомиссии ЦИК (как председатель проверочной комиссии), представители Наркомтруда, Наркомата РКИ, администрации проверяемого учреждения или организации и соответствующего месткома.

В таком же порядке с представительством соответствующих окружных учреждений и организаций создаются комиссии по проверке окружных учреждений и организаций.

8. В состав комиссий по проверке районных учреждений и организаций входят: представитель окружной нацкомиссии (как председатель проверочной комиссии), представитель Районного Исполнительного Комитета и представитель местных профорганизаций.

Эта же комиссия проверяет все учреждения и организации на территории всего района.

9. В целях большей успешности и тщательности проверки, проверочные комиссии привлекают к своей работе, по мере надобности, компетентных и сведущих лиц.

---

[1]) Требовалось составлять эти вывески и надписи по-белорусски, а в учреждениях, обслуживающих национальные меньшинства,—и на соответственном языке.

10. В своей работе проверочные комиссии руководствуются инструкциями, распоряжениями и указаниями Нацкомиссии ЦИК БССР.

11. Результаты проверки центральных учреждений и организаций и свои заключения проверочная комиссия записывает в протокол, который представляет на утверждение Нацкомиссии ЦИК БССР. Постановления последней являются окончательными и немедленно проводятся в жизнь всеми учреждениями и организациями, коих они касаются.

12. Результаты проверки окружных, районных и сельских учреждений и организаций проверочные комиссии в протокольном виде, вместе со своим заключением и с заключением соответствующего Райисполкома, представляют на рассмотрение окружных нацкомиссий, постановления коих входят в силу и подлежат немедленному исполнению по утверждении их Президиумом Окрисполкома.

Постановление Президиума Окрисполкома может быть отменено или изменено Президиумом Центрального Исполнительного Комитета БССР, по представлению Центральной Нацкомиссии.

Обжалование перед Президиумом ЦИК БССР постановления Президиума Окрисполкома не приостанавливает приведения его в исполнение.

13. К руководителям ведомств, учреждений и организаций, не проявившим активности или недостаточно проявившим таковую в деле осуществления директив по национальной политике Президиумом ЦИК БССР, а в округах и районах Президиумами Окружных Исполнительных Комитетов применяются, по представлению Нацкомиссии ЦИК БССР и окружных нацкомиссий, следующие меры воздействия:

а) предупреждение;
б) выговор;
в) предание дисциплинарному суду;
г) смещение на низшую должность;
д) снятие с ответственной работы на срок;
е) снятие с ответственной работы.

14. Меры воздействия по отношению к сотрудникам проверяемых учреждений и организаций применяются на основании фактов, установленных проверочными комиссиями (явный отказ от изучения белорусского языка, уклонение от изучения белорусского языка и т. п.) Это касается и тех сотрудников, которые должны обслуживать другие национальности.

15. В указанных в предыдущем пункте случаях, по отношению к сотрудникам учреждений и организаций, могут быть применены следующие меры:

а) предупреждение об увольнении с представлением определенного срока для изучения белорусского языка;
б) увольнение со службы.

Примечание. При определении меры воздействия по отношению к сотрудникам учреждений и организаций должны быть приняты во внимание причины неуспеваемости или слабой успеваемости в изучении белорусского языка.

16. Согласно п. 13, раздела I постановления 2-й сессии ЦИК БССР VI созыва, установить, что администрация учреждений и организаций, срок перевода аппаратов которых на белорусский язык уже истек, не должна принимать на службу новых сотрудников, не владеющих в достаточной степени белорусским языком. В исключительных случаях надлежит руководствоваться примечанием к п. 13 раздела I постановления 2-й сессии ЦИК БССР VI созыва.

17. Ввиду приближения срока (15 июля 1927 года) окончательного перехода указанных в п. „в" ст. 7, раздела I постановления 2-й сессии ЦИК БССР VI созыва ведомств, учреждений и организаций БССР на белорусский язык и в целях обеспечения своевременного и безболезненного проведения белоруссизации в этих ведомствах, учреждениях и организациях, — предложить руководителям таковых воздерживаться в дальнейшем от приема на службу новых сотрудников, не владеющих белорусским языком. Эта мера не применяется в отношении лиц, увольняемых в бессрочный отпуск из Красной армии, которые при поступлении на службу в выше упомянутые ведомства, учреждения и организации обязуются в шестимесячный срок изучить белорусский язык.

18. Общее руководство проверочной работой и наблюдение за успешным, планомерным и правильным прохождением ее возложить на комиссию ЦИК БССР по осуществлению национальной политики.

18 сентября 1926 г.

Председатель ЦИК БССР
А. Червяков.

Председатель СНК БССР И. Адамович.

Секретарь ЦИК БССР
Д. Чернушевич.

(*Собр. Зак. БССР, 1926 г., № 39, ст. 142.*)

О языке, на котором должны составляться документы, выдаваемые учреждениями БССР и предназначенные для пред'явления и пользования в других республиках Союза ССР.

Президиум Центрального Исполнительного Комитета и Совет Народных Комиссаров БССР постановляют:

Все документы, выдаваемые учреждениями БССР и предназначенные для пред'явления и пользования в других республиках Союза ССР, должны составляться на белорусском и русском языках.

18 сентября 1926 г.

Председатель ЦИК БССР
А. Червяков.

Председатель СНК БССР И. Адамович.

Секретарь ЦИК БССР
Д. Чернушевич.

(*Собр. Зак. БССР, 1926 г., № 40, ст. 148.*)

Положение о Народном Комиссариате Просвещения БССР.

(Извлечение.)

30. Центробюро данного нацменьшинства руководит всей культурно-просветительной работой на соответствующем языке и проводит через окружные отделы народного образования мероприятия НКП, приспособляя их к особенностям языка и быта населения данной национальности.

(*3 ноября 1924 г., пост. ЦИК, С.У. БССР, 1924 г., № 25-26, ст. 232.*)

Положение о Государственном Нотариате БССР.

(Извлечение.)

14. Совершаемые акты и свидетельствуемые документы могут быть изложены на белорусском и русском языке или же на иностранном и местных языках с переводом на белорусский или русский язык. Правильность перевода удостоверяется нотариусом. В случае незнания нотариусом иностранного или местного языка, правильность перевода удостоверяется лицом, лично известным нотариусу. Подпись переводчика также удостоверяется нотариусом.

(6 марта 1925 г. Собр. Зак. БССР, 1925 г., № 17, ст. 141.)

РСФСР.

Конституция РСФСР 11 мая 1925 г.

(Извлечение.)

13. Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика, исходя из равенства прав граждан, независимо от их расовой и национальной принадлежности, об'являет совершенно несовместимым с основными законами Республики какое бы то ни было угнетение национальных меньшинств или ограничения их равноправия и тем более установление или допущение каких бы то ни было (прямых или косвенных) преимуществ для остальных национальностей и признает право за отдельными национальностями на выделение, по решению их с'ездов советов с утверждением верховных органов Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, в автономные советские социалистические республики и области.

За гражданами Российской Социалистической Федеративной Советской Республики признается право свободного пользования родным языком на с'ездах, в суде, управлении и общественной жизни. Национальным меньшинствам обеспечивается право обучения на родном языке в школе.

(С.У. РСФСР, 1925 г., № 30, ст. 218.)

Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров от 20 февраля 1924 г. об Автономной Социалистической Советской Республики Немцев Поволжья.

(Извлечение.)

11. Немецкий, русский и украинский языки являются равноправными на территории Автономной Советской Социалистической Республики Немцев Поволжья. Во всех территориальных частях Республики делопроизводство ведется на языке большинства населения каждой такой части.

(С.У. РСФСР, 1924 г., № 20, ст. 199.)

Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров от 25 июля 1923 г. об Автономной Карельской Социалистической Советской Республике.

(Извлечение.)

6. Карельско-финский и русский языки являются равноправными на территории Автономной Карельской Социалистической Советской Республики.

(С.У. РСФСР, 1923 г., № 69, ст. 668.)

Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 12 сентября 1923 г. Положение о государственном устройстве Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической Республики.

(Извлечение.)

12. Бурят-монгольский и русский языки являются равноправными на территории Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической Республики.

(С. У. РСФСР, 1923 г., № 75, ст. 739.)

Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров РСФСР от 15 июня 1925 г. о государственном устройстве Чувашской Автономной Социалистической Советской Республики.

(Извлечение.)

11. Чувашский и русский языки являются равноправными на территории Чувашской Автономной Социалистической Советской Республики.

(С. У. РСФСР, 1925 г., № 43, ст. 319.)

Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров РСФСР от 21 марта 1927 г. о государственном устройстве Автономной Киргизской Социалистической Советской Республики.

(Извлечение.)

11. Киргизский и русский языки являются равноправными на территории Автономной Киргизской Социалистической Советской Республики. Во всех органах республики делопроизводство ведется на языке большинства населения данной местности.

(С. У. РСФСР, 1927 г., № 31, ст. 205.)

Декреты Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета 14 апреля и 22 декабря 1924 г.

I. О мерах к переводу делопроизводства государственных органов в национальных областях и республиках на местные языки.

Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета постановляет:

В целях приспособления советского аппарата в национальных областях и республиках к быту коренного населения и привлечения последнего к активному советскому строительству, считать необходимым постепенно переводить делопроизводство всех государственных органов или отдельных их частей на соответствующие местные языки. В этих целях утвердить следующие основные директивы:

а) считать первоочередной задачей подготовку и переподготовку местных работников для обслуживания государственных местных аппаратов, при чем организация курсов, набор практикантов и т. п. меры должны быть строго согласованы с финансовыми возможностями государства;

б) при переходе к делопроизводству на местных языках необходимо соблюдать строгую последовательность, начиная с перевода делопроизводства или введения параллельного делопроизводства на местном языке

в тех частях государственного аппарата, которые непосредственно обслуживают широкие массы населения, обеспечивая в первую очередь введение на местных языках разговорной речи сотрудников государственных учреждений и предприятий.

в) при приеме на государственную службу, при прочих равных условиях, преимущество должно отдаваться лицам, знающим местные языки;

г) переход к местному делопроизводству ни в коем случае не должен усложнять работу центральных органов РСФСР, сношение с которыми должно производиться на принятом в этих учреждениях языке, т.-е. на русском языке;

д) в целях популярности и доступности изданных советской властью декретов и кодексов, необходимо в ближайшее время разработать план перевода и печатания наиболее важных декретов и кодексов с тем, чтобы это печатание производилось по возможности централизованно, что даст возможность обслуживать не только автономные республики и области, но родственные национальные меньшинства остальной РСФСР;

е) необходимо вести особый учет расходам, отпускаемым государством для проведения всех мероприятий по приближению государственного аппарата к массам туземного населения;

ж) план развертывания работы по переходу на местные языки должен быть учтен таким образом, чтобы в первую очередь переходили те республики и области, которые по своей культуре и быту далеко отстали от советской культуры и для которых русский язык является абсолютно недоступным.

(С. У. РСФСР, 1924 г., № 41, ст. 371.)

II. О переводе делопроизводства на соответствующие местные языки в автономных республиках и областях.

Постановлением Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 14 апреля 1924 года (Собр. Узак., 1924 г., № 41, ст. 371) признано необходимым приступить к постепенному переводу делопроизводства на соответствующие местные языки в автономных республиках и областях.

В порядке применения означенного постановления и изданного в развитие его циркуляра Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 6 июня 1924 года, некоторые автономные республики и области нередко выдают гражданам документы, предназначенные для пред'явления за пределами соответствующих республик и областей, только на одном местном языке.

Такой порядок, с одной стороны, ставит государственные учреждения, профессиональные и общественные организации в крайне затруднительное, а иногда и безвыходное положение, лишая их возможности, ввиду отсутствия работников, знающих местные языки отдельных автономных единиц, проверить содержание этих документов, с другой стороны, и сами владельцы их оказываются в затруднении, имея документы на непонятном для подлежащих учреждений языке.

В целях устранения изложенных в настоящем циркуляре случаев, в соответствии и в развитие пункта „г" постановления Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 14 апреля 1924 года, Президиум Всероссийского Исполнительного Комитета предлагает сделать соответствующее распоряжение всем подведомственным учреждениям, организациям и должностным лицам, о составлении документов, предназначенных для пред'явления и пользования вне автоном-

ных республик и областей, на одном русском языке или на двух — русском и туземном, или же на одном туземном, с приложением заверенного перевода на русском языке.

(С. У. РСФСР, 1925 г., № 3, ст. 20.)

Положение о Народном Комиссариате Просвещения РСФСР 5 октября 1925 г.

(Извлечение.)

22. Совет по просвещению национальностей не русского языка является органом, при помощи которого Народный Комиссариат Просвещения осуществляет общее руководство делом просвещения национальностей не русского языка в Республике и согласует свои мероприятия с языковыми бытовыми особенностями населяющих Республику национальностей не русского языка.

(С. У. РСФСР, 1925 г., № 71, ст. 561.)

Декреты Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета:

I. О плане работ уполномоченных центральных исполнительных комитетов автономных республик, областных исполнительных комитетов автономных областей, краевых, областных и губернских исполнительных комитетов по делам национальных меньшинств.

(Извлечение.)

6. Разработать вопрос о проведении необходимых мероприятий для обеспечения возможности национальным меньшинствам обращаться в местные государственные учреждения на своих родных языках.

7. Принять меры к организации юридической помощи для национальных меньшинств на соответствующих языках национальных меньшинств.

8. Принять меры к наиболее полному вовлечению трудящегося населения национальных меньшинств в выборы в местные советы и в самые органы проведения этих выборов, а также в выборные органы власти. Для этой цели уполномоченный должен следить за тем, чтобы отчетные собрания местных советов проводились также на языках соответствующих национальных меньшинств, чтобы печатные приказы, инструкции, наказы и проч. по выборам, а также и отчеты о деятельности советов публиковались на языках национальных меньшинств.

10. Подготовить вопрос о создании среди населения национальных меньшинств организацию взаимопомощи в тех местах, где население национальных меньшинств не может быть обслуживаемо существующими или возникающими общими организациями взаимопомощи.

11. Приступить к подготовке вопроса о выделении сельских, посадских, местечковых, а также и более крупных административных единиц с делопроизводством на языках соответствующих национальных меньшинств в местностях с преобладанием в составе населения одной какой-либо национальности — при гарантии прав языков остальных населяющих местность национальностей.

12. Подготовить вопрос о создании камер Народного Суда с дело- и судопроизводством на языках соответствующих национальных меньшинств.

13. Принять меры к усиленному вовлечению национальных меньшинств в кооперацию потребительскую, промысловую, сельскохозяйственную и кредитную, для чего содействовать распространению среди национальных меньшинств сведений о всех видах кооперации на языках национальных меньшинств.

17. Поднять перед соответствующими органами вопрос об усилении подготовки работников из числа национальных меньшинств как для технической, так и для руководящей работы в советских аппаратах (работников милиции, финансовых работников, администраторов и др.).

18. Своевременно принимать меры к тому, чтобы при составлении бюджетов были достаточно предусмотрены расходы на нужды национальных меньшинств, особенно на нужды экономические, культурные и санитарные.

23 ноября 1925 г. (*С. У. РСФСР, 1925 г., № 85, ст. 628*).

II. О привлечении на выборы всех имеющих избирательные права трудящихся национальных меньшинств.

(Извлечение.)

а) Во всех губерниях, округах, уездах, кантонах, где имеются более или менее значительные массы территориально необ'единенных национальностей предвыборные воззвания, инструкции и т. п. печатать также и на языках национальных меньшинств;

б) ввести представителей национальных меньшинств в соответствующем количестве в избирательные комиссии;

в) принять меры к привлечению широких масс национальных меньшинств в избирательную кампанию путем устройства собраний, митингов, отчетов выборных депутатов и т. п. на родном языке национальных меньшинств;

г) принять меры к привлечению представителей национальных меньшинств в исполнительные органы Советов.

Эти директивы должны быть точно и неуклонно выполняемы как в сельских местностях, коим при проведении кампании следует уделить особенное внимание, так и во всех городах, включая и губернские города, и главные города автономных республик и областей, и поселки городского типа. В частности, в городах и поселках следует обратить внимание на малоорганизованные группы трудящихся национальных меньшинств: ремесленников, кустарей, домашних хозяек, безработных и т. п.

30 ноября 1925 г. (*С. У. РСФСР, 1925 г., № 85, ст. 635.*)

Декрет Совета Народных Комиссаров о подготовке преподавателей для школ национальностей не русского языка.

В целях обеспечения в республике школ повышенного типа национальностей не русского языка педагогическим персоналом, владеющим в достаточной степени, для педагогической работы, материнским языком, Совет Народных Комиссаров РСФСР постановляет провести, как первый этап в организации высшего педагогического образования для указанных национальностей, нижеследующие мероприятия:

1. Ввести на физико-техническом, естественном и экономически-общественном отделениях педагогических институтов и педагогических факультетов государственных университетов преподавание родного языка и методики преподавания на том же языке, как дисциплины, обязательные для студентов соответственных национальностей, согласно разработанному Народным Комиссариатом Просвещения плану.

2. Организовать лингвистические национальные отделения, имеющие целью подготовку преподавателей родного языка и родной литера-

туры для школ повышенного типа в следующих высших педагогических учебных заведениях:

а) в 1925 году: на педагогическом факультете Второго Московского Государственного Университета — еврейское; в Восточном Педагогическом Институте в Казани — чувашское и тюркско-татарское; в Кубанском Педагогическом Институте — украинское и в Ленинградском Педагогическом Институте имени А. И. Герцена — эстонское;

б) в 1926 году: в Ленинградском Педагогическом Институте имени А. И. Герцена — латышское, финское и польское; на педагогическом факультете Пермского Государственного Университета — народа Коми; в Восточном Педагогическом Институте в Казани — марийское и вотское; на педагогическом факультете Саратовского Государственного Университета имени Н. Г. Чернышевского — немецкое и мордовское; в Крымском Педагогическом Институте – тюркско-татарское; в Горском Педагогическом Институте — осетинское, чечено-ингушское и адыгейское и на педагогическом факультете Иркутского Государственного Университета — монголо-бурятское.

3. Реорганизовать педагогические техникумы повышенного типа в нормальные, возложив на них подготовку педагогического персонала для трудовых школ первой ступени: немецкого и эстонского — с 1 ноября 1925 года, латышского, чувашского (в городе Ульяновске) и народа Коми (в Устьсысольске) — к 1 октября 1926 года.

21 ноября 1925 года.

Заместитель Председателя СНК — А. Лежава.

Управляющий делами СНК — В. Смольянинов.

(С. У. РСФСР, 1925 г., № 81, ст. 617).

Декрет Совета Народных Комиссаров о просветительной работе среди национальных меньшинств в РСФСР.

(Извлечение.)

3. Поручить Народному Комиссариату Просвещения разработать и внести в Государственную Плановую Комиссию РСФСР проект мероприятий по поводу перевода просветительной работы среди национальных меньшинств на родной язык и, в частности, совместно с Центральным Издательством Народов Союза ССР, установить, какие меры должны быть приняты по улучшению издания учебников и массовой литературы.

(С. У. РСФСР, 1926 г., № 37, ст. 294.)

II. ОБРАЗЦЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СОВЕТСКИХ АВТОНОМИЙ.

МОЛДАВИЯ

Конституция Автономной Молдавской Социалистической Советской Республики, одобренная 23 апреля 1925 г. I Молдавским С'ездом Советов и утвержденная 10 мая 1925 г. IX Всеукраинским С'ездом Советов.

(Извлечение.)

9. Наиболее распространенными языками в АМССР признаются языки: молдавский, украинский и русский.

10. Языки всех национальностей, населяющих территорию АМССР, равноправны. Каждому гражданину в АМССР обеспечивается возмож-

ность в его сношениях с государственными органами и в сношениях государственных органов с ним пользоваться родным языком, равно как пользоваться таковым на заседаниях с'ездов советов, на всяких других с'ездах, заседаниях и разных публичных выступлениях.

НЕМЕЦКОЕ ПОВОЛЖЬЕ.

Инструкция по введению национального языка в АССРНП, утвержденная второй сессией ЦИКА АССРНП 19 мая 1924 года.

В целях приспособления советского аппарата Автономной Социалистической Советской Республики Немцев Поволжья к быту населения и привлечения последнего к активному строительству и в целях популярности и доступности населению декретов и кодексов, издаваемых советской властью, ЦИК АССРНП утверждает следующие положения о переходе на национальный язык:

О восстановлении национальных наименований местностей.

1. Все села и кантоны, имеющие двойное наименование (например: Ровное по-русски и Зельман по-немецки) должны перейти на национальное наименование, при чем Президиуму ЦИК'а принять меры к введению этого наименования в почтовом ведомстве.

2. Села, наименование которых было в свое время изменено в силу руссификаторской политики прежних правительств, а также те села, которые вообще желают переменить свое наименование на новое революционное, могут возбуждать перед Президиумом ЦИК'а ходатайство об изменении ныне существующего наименования, при чем окончательным сроком подачи заявления о таких переименованиях устанавливается 1 августа 1924 г.

II. О печатях и штампах.

3. Все печати, штампы и вывески должны быть изготовлены соответственно национальному наименованию сел и кантонов.

4. Печати, штампы и вывески сел, указанных в ст. 2, могут быть изготовляемы с новым наименованием только по получении соответствующего утверждения ВЦИК'а о переименовании этих сел.

5. Центральные учреждения республики имеют печати и штампы на немецком и русском языках, при чем немецкий текст излагается на штампах и бланках наверху и русский внизу, на печатях текст должен занимать: немецкий — наружный круг, а русский — средний (внутренний) или же немецкий — верхнюю часть, русский — нижнюю.

6. Кантонные учреждения имеют печати и штампы:

а) в кантонах с немецким населением — на немецком и русском языках, при чем текст располагается, как указано в ст. 5;

б) в кантонах с русским населением — на русском языке;

в) в кантонах со смешанным населением: с немецким и иных национальностей — на немецком и русском языках, при чем расположение текста производится в зависимости от преобладающего в кантоне населения (если немцев больше, то немецкий текст наверху и русский внизу, если прочих национальностей больше — русский наверху и немецкий внизу);

г) в кантонах с русским и украинским населением — на русском и украинском языках, при чем расположение текста в зависимости от

большинства населения (если украинцев больше, то украинский текст наверху, а русский внизу, в противном случае — наоборот).

7. Села с немецким населением имеют печати и штампы на немецком и русском языках, при чем первого языка наверху, второго внизу. Села с русским населением имеют печати и штампы на русском языке; села с украинским населением имеют печати и штампы на украинском и русском языках, при чем украинский текст располагается наверху, а русский внизу, и села с татарским населением имеют печати и штампы на татарском и русском языках.

О вывесках.

8. Все центральные государственные, кооперативные, общественные и иные учреждения, организации, заведения и предприятия, находящиеся в гор. Покровске, за исключением учреждений, обслуживающих Покровский кантон, имеют вывески на немецком и русском языках.

Примечание: 1) Учреждения, обслуживающие Покровский кантон, имеют вывески на украинском и русском языках;

2) Покровский Сельский Совет и Комитет Крестьянской общественной Взаимопомощи — на украинском и русском языках.

9. Вывески кантонных учреждений изготовляются соответственно штампам и печатям (см. ст. 6).

10. Вывески сельских учреждений — соответственно тексту печатей и штампам (см. ст. 7).

11. Вывески на улицах изготовляются применительно к вывескам учреждений.

12. Все вывески на станциях, пристанях и дорогах изготовляются на немецком и русском языках.

III. Об изготовлении документов массового характера.

13. Все мандаты, документы и удостоверения, выдаваемые государственными, кооперативными и иными учреждениями и предприятиями Нем. Республики, имеющие постоянный текст (например, удостоверения личности, на право владения землей, членства в Исполкомах и Советах, об окончании учебных заведений, должностным лицам по поручениям политического характера, квитанции массовой заготовки, окладные листы и т. п.) должны изготовляться или на немецком и русском, или на русском и украинском, или даже на одном из этих языков в соответствии со значением и местом применения этих документов. Специальный перечень таких документов разрабатывается каждым Народным комиссариатом, и утверждается СНК и Президиумом ЦИК.

IV. О порядке изготовления вывесок, штампов и т. п.

14. Во избежание ошибок в тексте изготовляемых, согласно настоящей инструкции национальных именных вещей и документов массового характера, все ныне применяемые вывески и заказы на новые вывески, печати, штампы и документы массового характера должны быть согласованы с соответствующими Комиссиями по проведению национального языка. Предметы, не утвержденные Комиссиями, считаются не действительными.

V. Об официальных и иных распоряжениях и об'явлениях.

15. Все постановления, приказы, инструкции, об'явления, плакаты и т. д., исходящие от всех центральных предприятий, учреждений и организаций Нем. Республики для сведения населения и посетителей и имеющие республиканское значение, должны об'являться одновременно на немецком и русском языках. Если перечисленные постановления и т. д. публикуются в газетах, то они должны помещаться в органах ЦИК'а на обоих языках: в „Нахрихтен" на немецком и „Трудовой Правде" на русском.

На местах эти документы издаются или на немецком и русском или на русском и украинском, или же на каком-нибудь одном из перечисленных языков, смотря по значению и месту применения указанных документов.

VI. О порядке делопроизводства.

16. В сельских советах делопроизводство ведется на языке большинства населения данного села.

17. Села иных национальностей, язык которых не является государственным (например, татары и т. п.) ведут свое делопроизводство на одном из государственных языков Республики Немцев Поволжья, но им не возбраняется вести для внутреннего употребления параллельное делопроизводство на национальном языке.

18. Разнонациональные села и кантоны сносятся между собою на русском языке.

19. В кантонных учреждениях делопроизводство ведется на языке большинства населения кантона, сношения же с селами национальных меньшинств ведутся на языке делопроизводства последних.

20. Кантонные учреждения ведут переписку с центральными учреждениями на языке, применяемом в кантоне.

21. Внутреннее делопроизводство центральных учреждений ведется на русском языке, при чем ответы на запросы мест и частных лиц даются на языке запроса.

22. Переписка центральных учреждений с кантонами, делопроизводство коих ведется на немецком языке, производится исключительно на немецком языке.

VII. О государственных языках на собраниях и заседаниях.

23. Государственными языками всех советских собраний и заседаний, в том числе с'ездов и конференций, в пределах Нем. Республики являются немецкий, русский и украинский на одинаковых правах. Если на собрании или заседании, ведущемся на русском языке, присутствуют лица, имеющие право решающего голоса и требующие, ввиду незнания русского языка, перевода докладов, прений и резолюций на украинский или немецкий языки или же имеются аналогичные требования о переводе на русский язык, в заседаниях, ведущихся на немецком языке, то эти требования подлежат удовлетворению.

24. Протоколы сессий ЦИК'а, а равно республиканских с'ездов, совещаний и конференций ведутся на немецком и русском языках.

VIII. О сношениях с учреждениями вне республики.

25. Вся переписка с учреждениями вне Нем. Республики производится всеми учреждениями Нем. Республики на русском языке.

IX. О курсах по подготовке работников.

26. Для проведения в жизнь выше изложенных статей, государственные органы Нем.-Республики под ответственностью их руководителей должны стремиться к наибольшему привлечению на службу лиц, владеющих немецким, а там, где следует—и украинским — языками, для чего:

а) как местные, так и центральные учреждения и организации Нем. Республики должны принять все меры к наибольшему командированию трудящейся молодежи из немцев и украинцев в учебные заведения и, по возможности, принять на себя заботы о семьях командированных;

б) все центральные, а также кантонные учреждения Нем. Республики должны организовать курсы-кружки по обучению немецкому и украинскому языкам.

X. О школах.

27. Во всех школах Нем. Республики преподавание всех предметов вести на языке соответствующей национальности, при чем в немецких и украинских школах русский язык проводить как обязательный предмет.

В русских и украинских школах повышенного типа в городских центрах немецкий язык является обязательным предметом.

Примечание. Определение порядка осуществления настоящего пункта возлагается на Наркомпрос под руководством Президиума ЦИК.

XI. Порядок и срок проведения перехода на национальный язык.

28. В целях планомерного проведения настоящей инструкции создаются соответствующие комиссии:

в республиканском центре в составе председателя ЦИК'а, Народного комиссара по просвещению и представителя Совета профессиональных союзов;

в кантонах в составе председателя кантисполкома, заведующего кантотделением народного образования и представителя канткома РКП (б).

29. На кантонные комиссии возлагается:

а) популяризация постановлений по вопросу о введении национального языка и по проведению настоящей инструкции в кантонных и сельских учреждениях и среди населения,

б) руководство по проведению настоящей инструкции кантонными и сельскими учреждениями,

в) контролирование совместно с органами НКРКИ и НКЮ исполнения государственными органами как настоящей инструкции, так и прочих постановлений центральных органов Нем. Республики в области введения национального языка.

30. Центральные учреждения Нем. Республики систематически отчитываются перед Центральной Комиссией по введению национального языка об их работе в этой области и о встречаемых затруднениях и препятствиях.

31. Кантонные учреждения и села должны посылать аналогичные отчеты в кантонные комиссии по проведению национального языка.

32. Мероприятия, предусмотренные настоящей инструкцией, должны быть проведены окончательно к 1 января 1926 г.

33. Сроки и порядок последовательности проведения отдельных мероприятий устанавливаются комиссией по введению национального

языка, под непосредственным руководством Президиума ЦИК в соответствии с местными условиями и финансовыми возможностями.

34. В процессе своих работ Центральная Комиссия устанавливает порядок очистки учреждений республики от элемента, затрудняющего проведение настоящей инструкции и вообще шовинистически настроенного (без различия национальностей).

XII. О разговорной речи на местных языках.

35. Все части государственного аппарата Нем. Республики, как центральные, так и местные, должны немедленно обеспечить широким массам населения возможность переговоров во всех без исключения государственных учреждениях и организациях — на местных языках (немецком, украинском и русском).

Председатель ЦИК'а Шваб.

Секретарь ЦИК'а Зандберг.

КАРЕЛИЯ.

Выписка из протокола № 40 Президиума ЦИК АКССР 9 августа 1924 г.

1. . . . . .

2. Обязать через ЦИК все исполкомы волостей с преобладающим карельским населением, чтобы разговорным языком с гражданами был карельский язык с сохранением русской и финской грамоты, а равно и с'езды советов по возможности проводить на карельско-финском языке.

3. Признать необходимым, чтобы об'яснение предметов в школе I ступени в карельских областях проводилось на карельском языке, с сохранением русской и финской грамоты.

4. Признать необходимым, чтобы разговорным языком всех отделов и учреждений Олонецкого и Паданского уездисполкомов являлся карельский язык, поручив УИК строго проводить это в жизнь.

5. Поручить Петрозаводскому и Камскому УИК организовать работу аппарата своего уезда так, чтобы граждане, обращающиеся в учреждения на карельском языке, могли получать раз'яснения на этом языке.

6. Это же правило должно быть предпринято и в отношении всех наркоматов и республиканских учреждений АКССР.

7. Подтвердить постановление СНК о ведении судоговорения в карельских областях на карельском языке.

8. . . . . .

9. Поручить СНК наметить наркоматы и учреждения Карелии, в коих определенные должности безусловно должны заполняться лицами, владеющими русским и карельско-финским языком.

10. Подтвердить решение СНК о переводе важнейших законов и кодексов на финский язык.

11. В целях получения в будущем квалифицированных советских работников, владеющих русским и карельско-финским языком, обязать все учреждения на ведомственные курсы в Москву и Ленинград отправлять исключительно работников, владеющих карельско-финским языком.

12. Признать необходимым, чтобы в техникумах Петрозаводска было предоставлено большее количество мест учащимся карелам.

ДАГЕСТАН.

Постановление Большого Президиума Дагестанского ЦИК 26 апреля 1925 г.

(Выписка из протокола № 3, пункт XVI).

Слушали:	Постановили:
Вопросы советского строительства.	Для улучшения работ низового аппарата и связи с аулом и в виду абсолютного незнакомства населения с советскими законами, без чего не может быть улучшена работа на местах, считать необходимым:

а) обязать орготдел ДЦИК'а рассылать краисполкомам и сельсоветам „Сборник узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства ДССР" ежемесячно с обязательным переводом на тюркский и аварский языки, а по возможности и на другие языки;

б) обязать все наркоматы и учреждения при рассылке на места циркуляров, имеющих наиболее важное значение, переводить их на местные языки и расходы по переводу включить в свои сметы.

Окрпайисполкомам вменить в обязанность производить переписку с низовыми аппаратами на местных языках.

Ввиду важности настоящего вопроса и замечающегося недовольства населения, незнакомого с русской письменностью, предоставить НКЮ право привлекать к ответственности лиц, виновных в нарушении настоящего постановления.

Постановление Президиума ДагЦИК 19 августа 1924 г.

(Выписка из протокола № 37, пункт 5/516.)

Циркуляр НКВД 31 июля 1924 г. о переводе делопроизводства на местные языки.	Принципиально признать желательным перевод делопроизводства на местные языки вплоть до Окружных исполкомов.

Постановление Президиума ДагЦИК 23 сентября 1924 г.

(Выписка из протокола № 46, пункт 4/567.)

Об организации переводческих отделений.	В виду предстоящей национализации госаппарата ДССР признать создание института переводчиков при всех наркоматах и исполкомах желательным.

КРЫМ.

Постановление Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров Крыма о татаризации государственных аппаратов и о применении татарского языка в учреждениях республики[1]).

В целях широкого и активного вовлечения татарских трудящихся масс в советское строительство и проведения в жизнь постановления

[1]) Конституция Крымской ССР, принятая Всекрымским Учредительным С'ездом 10 ноября 1921 г. (сейчас пересматриваемая) в ст. 2 определяла: „Государственными языками Крым ССР принимаются русский и татарский". Это постановление опущено в редакции 1925 г. См. С. У. Крым ССР, 1922 г., № 1 и 1925 г., № 1.

первого учредительного с'езда советов Крымской Советской Социалистической Республики о применении татарского языка в государственных учреждениях Президиум Центрального Исполнительного Комитета и Крымсовнарком постановил:

1. Образовать при КрымЦИК'е постоянную комиссию по татаризации советских аппаратов и применению татарского языка в государственном быту в составе: Предкрымцик'а тов. Гавена, Фирдевса, Меметова, Чебан-Заде и наркомвнудела.

2. На комиссию возлагается разработка мероприятий и подготовка материалов, связанных с вопросом о татаризации советских государственных аппаратов и применении татарского языка в государственном быту.

3. Комиссии предоставляется право кооптации новых членов с утверждения Президиума КрымЦИК'а, устройство совещаний с привлечением компетентных лиц и заинтересованных учреждений.

4. Для перевода на татарский язык всех декретов и законоположений Всероссийских центральных органов и государственных актов и распоряжений КрымЦИК'а и Совнаркома, а равно для издания на татарском языке популярных сборников существующего законодательства учреждается при Крымсовнаркоме центральная коллегия переводчиков, состав коей определяется Президиумом КрымЦИК'а.

5. На местах при окрисполкомах учреждаются должности переводчиков для перевода с татарского на русский и с русского на татарский языки всякого рода документов и бумаг, а также словесных заявлений.

6. Ввести в штаты наркоматов в центре и на местах должности практикантов из татар на основе оплаты их труда за время их практики подытоженным минимумом и несения ими определенной практической работы.

7. Все законодательные акты и правительственные обращения должны издаваться с переводами их на татарский язык.

8. Вывески, плакаты, лозунги, воззвания, вывешиваемые правительственными учреждениями и лицами, должны иметь перевод текста их на татарский язык.

9 Штампы, заголовки бумаг, бланки и печати правительственных учреждений и должностных лиц и профессиональных и кооперативных организаций должны быть снабжены параллельными текстами на татарском языке.

10. С опубликованием сего вменяется в обязанность всем государственным учреждениям, должностным лицам и организациям прием всякого рода заявлений на татарском языке.

Примечание. Прием счетов на татарском языке временно не производить; счета на татарском языке обязательно переводить на русский.

11. Отменить все существующие ограничения в отношении татарского языка, как, например, подачу телеграмм, разговоры по прямому проводу и проч.

Примечание. В силу местных условий в Крыму и в виду невозможности установления контроля, переговоры на татарском языке по телефону временно допустить только официальные.

Председатель КрымЦИК'а Гавен.

Председатель СНК Саид-Галиев.

Управ. делами СНК Мазыкин.

10/II—1922 г.

(*„Красный Крым“, № 36 от 14 февраля 1922 г.*)

Резолюция III Всекрымского С'езда Советов (10/XII — 1923 г.) по докладу о татаризации.

Заслушав доклад о татаризации, III Всекрымский С'езд Советов констатирует, что сравнительно низкий политический и культурный уровень трудящихся татар, крайнее обеднение и разорение татарского крестьянства, чрезвычайная ограниченность ресурсов крымского правительства, главным образом, вследствие голода, оставили трудно-преодолимые препятствия в деле осуществления принципов национальной политики крымского рабоче-крестьянского правительства.

Однако, несмотря на эти отрицательные об'ективные условия КрымЦИК и СНК за текущий год проделали значительную работу по проведению необходимых мероприятий, обеспечивающих дело татаризации соваппарата в районах с преобладающим татарским населением и создающих необходимые предпосылки для углубления татаризации в центре.

В целях поднятия культурного и политического уровня татарских трудящихся масс, а также в целях более широкого привлечения трудящихся татар как в центральные, так и в местные органы власти — III Всекрымский С'езд постановляет:

1. Одобрить линию КрымЦИК'а и Совнаркома в области практического осуществления принципов национальной политики в Крыму.

2. Поручить КрымЦИК'у усилить работу комиссии по татаризации путем организации при ней научно-технической секции.

3. Поручить КрымЦИК'у и Совнаркому декрет от 28/VIII—23 г. о введении татарского языка в районах с преобладающим татарским населением (Судакский, Карасубазарский, Бахчисарайский, Алуштинский и Ялтинский) [1]) неуклонно проводить в жизнь, обратив особое внимание на татаризацию суда.

4. Предложить КрымЦИК'у при конструировании нового состава Президиума ЦИК Совнаркома и Наркоматов продолжать проведение принципа татаризации.

5. Путем татаризации соваппарата и усиления работы переводческой коллегии постепенно ввести татарский язык наравне с русским в делопроизводство в центральных соваппаратах.

6. Предложить КрымЦИК'у издать постановление, распространяющее параграфы декрета от 10/II—22 г. о надписях на татарском языке и на профессиональные союзы, кооперативные организации и частные торгово-промышленные предприятия и учреждения.

7. Поручить КрымЦИК'у принять меры к полному обеспечению учебниками, школьными пособиями и материальными средствами установленной НКП твердой сети татарских учебных заведений.

8. Особое внимание обратить на создание материальной базы и развитие учебной программы Тотайковского педагогического техникума, долженствующего обеспечить татарскую школу подготовленным учительским персоналом.

9. Считать целесообразным существование в дальнейшем и развитие восточного отделения при Педагогическом факультете Крымуниверситета. Ввести изучение татарского языка на педагогическом факультете, как обязательный предмет.

10. Предложить КрымЦИК'у издать постановление о включении содержания татучителей в местный бюджет.

11. С целью поднятия производительности крымских сельскохозяйственных культур, а также для улучшения способов их обработки, пору-

---

[1]) Самый декрет здесь не помещен; содержание его соответствует заголовку.

чить Крым ЦИК'у и Совнаркому обратить серьезное внимание на развитие низших и средних сель.-хоз. школ, как обще-агрономического характера, так и особенно специальных культур с преобладанием учащихся из татарской деревни, в которой совершенно отсутствуют специалисты с научной подготовкой.

12. Считать целесообразным слияние Шеркета с Крымсельсоюзом, как меру, содействующую усилению и укреплению сельскохозяйственной кооперации, являющейся одним из рычагов восстановления как всего сельского хозяйства, так и специальных культур в особенности.

13. В целях создания кадров квалифицированных татарских работников и обеспечения крымской промышленности руководителями-специалистами из татар, усилить татарским элементом состав воспитанников в профтехнических школах и школах фабзавуча. Особое внимание обратить на Бахчисарайский художественно-промышленный техникум, который должен стать научно-технической базой для возрождающихся в настоящее время, после долгого упадка, татарских традиционных ремесел: ковроткацкого, чадрового, сафьянного и т. п.

14. Возбудить ходатайство перед НКПС и НКП-Т об организации курсов для подготовки работников связи и транспорта из татар.

15. Одобрить открытие первого в Крыму татарского театра, организация которого является крупным культурным достижением в области развития татарского национального искусства, поручив КрымЦИК'у поддержать его необходимыми материальными средствами.

16. Возбудить перед центром ходатайство об отпуске специальных средств для издания татарских книг, в первую очередь учебников для школ первой и второй ступени и сельскохозяйственной литературы, а также для оборудования и снабжения пособиями специальных татарских учебных заведений и содержание интернатских школ II ступени.

17. Поручить КрымЦИК'у обратить особое внимание на распространение официального органа правительственной газеты „Новый Мир" в татарской деревне и стремиться сделать ее ежедневной.

18. Поручить КрымЦИК'у возбудить ходатайство об укомплектовании кавкурсов имени КрымЦИК'а курсантами татарами до 50% всего состава.

ТАТАРСТАН.

Декрет Всетатарского Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов и Совета Народных Комиссаров ТССР [1]).

Учитывая создавшуюся впервые после долголетних обострений гражданской войны возможность мирного культурного строительства Татреспублики,— Татарский Центральный Исполнительный Комитет и Татарский Совет Народных Комиссаров в отношении трудящегося населения постановляют:

[1]) Этим постановлением и инструкцией к нему от 21 дек. 1922 г. фактически поглощены более ранние акты — постановление ТатРевкома за подписью Саид-Галиева и Усманова от 6 июля 1920 г. о введении в уездах и в Казани штампов и печатей на русском и татарском языках („круглая печать с гербом РСФСР, с краю татарское название учреждения, ниже — русское. Бланковые штампы так же — только без герба") и декрет ТСНК от 5 марта 1921 г. об образовании бюро переводчиков при всех наркоматах и учреждениях Татреспублики „в целях предоставления возможности широкого ознакомления трудовому татарскому населению со всеми декретами, постановлениями и распоряжениями советской власти", а также для облегчения письменных сношений трудящихся татар с советскими учреждениями; ответственным за публикуемый текст декретов и постановлений было бюро при НКВД, а декрет 5 марта должен был войти в силу 1 апреля 1921 г.

1. Ввести во всех государственных советских учреждениях татарский язык обязательным.

Примечание. Общественные, кооперативные и профессиональные организации вводят татарский язык по своему усмотрению.

2. В целях планомерного и скорейшего осуществления настоящего положения при ТатЦИК'е на правах его отдела учреждается специальная Комиссия по реализации татарского языка, каковая использует и развивает все татарские культурные силы путем их учета и распределения как в центре, так и на местах, а также через Татнаркомпрос проводит мероприятия к организации новых кадров татарских культурных работников, знающих татарский язык и национальный быт трудящихся. Постановления Комиссии считаются обязательными для всех советских учреждений и могут быть обжалованы только в ТатЦИК и Совнарком.

3. Обязательной орфографией при реализации татарского языка считается новая, выработанная Наркомпросом. Ему же, Наркомпросу, поручается создать специальную комиссию по установлению подходящей для государственных сношений терминологии и татарскую азбуку для телеграфных сношений.

4. Наркомпросу поручается немедленно организовать курсы татарского языка для желающих советских служащих, народной связи и советских работников. Ввести во всех русских школах II ступени для желающих преподавание татарского языка; а в татарских школах — точно также преподавание русского языка.

5. Наркомпросу поручается открыть в свое всемя закрытые татарские школы за исключением духовных и усиленно развивать татарские народные театры, при чем все советские учреждения обязаны Наркомпросу оказывать всяческое содействие.

6. Немедленно организовать, по практическому соглашению ТатЦИК'а и Наркомпроса и их органов на местах, народные суды на татарском языке в местностях с большинством татарскаго населения, чтобы таким образом судебные процессы и приговоры обязательно производились на родном языке подсудимых. По мере необходимости органы народных судов пользуются переводчиками, утвержденными ТатЦИК'ом и Наркомюстом или их органами на местах.

Примечание 1. Переводы текстуально заносятся в протоколы и зачитываются перед обвиняемыми и свидетелями, при чем переводчики отвечают перед судом Реввоентрибунала за неправильный или злоумышленный перевод.

Примечание 2. Наркомюсту поручается в месячный срок разработать положение о смешанном делопроизводстве.

7. Немедленно ввести прием и передачу телеграмм на татарском языке русским шрифтом в телеграфных конторах по практическому соглашению комиссии с почтово-телеграфным ведомством там, где это вызывается необходимостью, впредь до разработки татарского шрифта и особого постановления Комиссии по реализации татарского языка и декрета ТатЦИК'а и Татсовнаркома. Немедленно принимается во всех телеграфных конторах заказная корреспонденция с адресами на татарском языке. При этом комиссии по реализации татарского языка предлагается принять срочные меры к свободной передаче простой корреспонденции с татарскими адресами.

8. Все декреты и постановления ТатЦИК'а, Совнаркома и советских учреждений, подлежащие опубликованию, издаются на татарском и русском языках.

9. Учитывая высокий процент русского пролетарского и крестьянского населения в г. Казани и кантонах, для которого исключительное введение татарского языка может явиться большим затруднением — наравне с татарским, на правах государственного, существует и русский язык.

10. Переписка между государственными учреждениями и делопроизводство внутри их ведется на одном из государственных языков, причем и в тех и в других случаях при учреждениях организуются бюро-переводчиков, дающие справки на любом из государственных языков.

Примечание 1. Бюро переводчиков организуется по конкретному указанию Комиссии по реализации татарского языка и не может превышать количества 3-х переводчиков без особого канцелярского аппарата при центральных наркоматах и один-два — на тех же условиях.

Примечание 2. На Комиссию по реализации татарского языка возлагается обязанность снабжать силами переводчиков все учреждения, при коих признано необходимым организовать бюро-переводчиков.

Примечание 3. При отсутствии переводчиков учреждения реализуют татарский язык своими силами в пределах фактической возможности.

11. Все недоразумения и затруднения при осуществлении настоящего декрета разрешаются Комиссией по реализации татарского языка.

25 июня 1921 года.

Председатель ТатЦИК'а Бурхан Мансуров.
Председатель Татсовнаркома С. Саид-Галиев.
Секретарь ВсетатЦИК'а Гайнуллин.

(*„Известия ТЦИК“, 1922 г., № 138).*

Постановление № 48 Центрального Исполнительного Комитета АТССР от 8 мая 1922 года.

В развитие и дополнение декрета от 25 июня 1921 г. („Известия ТЦИК“ № 138) о реализации татарского языка,— Центральный Исполнительный Комитет АТССР постановил:

1. Во всех сельсоветах и советских учреждениях селений и в исполкомах и учреждениях волостей с большинством татарского населения ввести не позднее конца 1922 г. делопроизводство на татарском языке.

Примечание 1. Там, где имеется возможность, в указанных учреждениях делопроизводство должно установиться на татарском языке немедленно по получении сего постановления.

Примечание 2. Делопроизводство военного ведомства временно оставить на русском языке, впредь до выработки военведомством особой инструкции.

2. Если в волостях, где устанавливается делопроизводство на татарском языке, имеются не татарские селения и учреждения волости не могут существующим штатом обеспечить последним возможность правильных сношений на их языке, то в таких случаях устанавливаются с разрешения ТНКВД должности штатных переводчиков. Тот же порядок соблюдается и для тех волостей, где имеются татарские селения, но введено делопроизводство на татарском языке.

3. Во всех советских учреждениях ТССР (а в волостях только тех, в составе которых имеются татарские селения) установить обязательный прием всякого рода заявлений и прошений как устных, так и письменных на татарском языке.

Примечание. Учреждения должны принять все зависящие меры к тому, чтобы подобные обращения обслуживать силами сотрудников в пределах установленных штатов. Только в случае невозможности этого, с разрешения соответствующих органов Наркомтруда, учреждение вводит специального штатного переводчика.

4. Официальным языком всех советских собраний и заседаний в пределах ТССР являются русский и татарский языки на одинаковых правах.

5. При приеме служащих на все советские должности, при прочих равных условиях, отдавать предпочтение тем из кандидатов, которые владеют русским и татарским языками.

6. В городах и кантонах ТССР служащие совучреждений, которым по должности приходится постоянно соприкасаться с татарским населением, должны назначаться из лиц, владеющих и русским и татарским языками. При полном отсутствии таковых, при этих должностях с разрешения органов Наркомтруда устанавливаются переводчики.

7. В целях привлечения к советской работе лиц, владеющих обоими языками, установить для таковых советских служащих особое постоянное премирование, определение размера которого и техническое проведение в жизнь поручить Татпрофсовету и Татнаркомтруду.

8. Наркомпросу предлагается ввести с 1922/23 учебного года преподавание татарского языка во всех средних, высших и профессионально-технических учебных заведениях ТССР.

9. Предложить ТНКВД в месячный срок выработать и внести на рассмотрение ТЦИК инструкции по проведению в жизнь пунктов 1—6 сего постановления.

Зам. председателя ЦИК АТССР Казанов.

Секретарь Петров.

Инструкция по реализации татарского языка в госучреждениях и госпредприятиях АТССР.

В развитие постановлений от 25 июня 1921 г., 8 и 13 мая 1922 г.[1]) („Известия ТЦИК", № 138, 105 и 116.)

1. Всякие удостоверения, мандаты, доверенности, расписки, договоры, протоколы, денежные документы и проч. официальные, деловые бумаги и документы на татарском языке, исходящие как от госорганов, так и от частных лиц, в пределах АТССР имеют равную силу с соответствующими документами на русском языке.

2. Печати, штампы и вывески всех учреждений и предприятий, дощечки с названием селений, дорог, пристаней и станций при таковых и улиц в городах — в пределах АТССР должны быть на татарском и русском языках.

---

[1]) Текст постановления 13 мая 1922 г. о кантонных комиссиях по реализации татарского языка см. ниже.

3. Для всех центральных, кантонных, городских районных учреждений АТССР, а также волостных, если в составе волости имеются татарские селения, обязателен прием как устных, так и письменных обращений на татарском языке.

Примечание. При письменном обращении и ответы на эти обращения должны быть на татарском языке.

4. Все мандаты и удостоверения должностных лиц, выдаваемые перечисленными в 3-м пункте госорганами АТССР, должны быть одновременно на русском и на татарском языках.

5. Всякие постановления, приказы, инструкции, об'явления, плакаты и т. п., исходящие от перечисленных в 3-м пункте учреждений и предприятий для сведения населения и посетителей, должны об'являться одновременно на русском и на татарском языках. Если указанные постановления и т. д. публикуются в газетах, то они должны помещаться в органах ТЦИК на обоих языках — „Известия ТЦИК“ и „Татарстан“.

6. Все внутреннее делопроизводство (ведение книг, протоколов, ведомостей и т. д.) волостей с большинством татарского населения устанавливается на татарском языке. Сношение этих волостей с татарским населением, а также с татарскими селениями и волостями устанавливается на татарском языке; с кантонными и центральными учреждениями сношения их могут быть как на русском, так и на татарском языках; с нетатарским населением, селениями и волостями сношение их устанавливается на русском языке[1]).

7. В волостях с меньшинством татарского населения внутреннее и общее внешнее делопроизводство сохраняется на русском языке, но сношение их с татарским населением, входящим в их состав, устанавливается на татарском языке.

8. Делопроизводство сельсоветов с большинством татарского населения (протоколы, приговоры, ведение книг, ведомостей и т. п.) производится на татарском языке; всякие удостоверения, справки, уполномочия и пр., выдаваемые сельсоветами, могут писаться на татарском языке. В случае направления за пределы АТССР или в волости и селения с нетатарским населением, бумаги эти при их удостоверении соответствующими волисполкомами, должны снабжаться переводами на русском языке.

9. Государственным языком всех советских собраний и заседаний, в том числе также с'ездов и конференций, в пределах АТССР, являются русский и татарский языки на одинаковых правах. Если в собрании или заседании, ведущемся на русском языке, присутствуют лица, имеющие право голоса и требующие, ввиду своего незнания русского языка, перевода докладов, прений и резолюций на татарский язык, или же имеется аналогичное требование о переводе на русский язык в заседаниях, ведущихся на татарском языке, то эти требования подлежат удовлетворению.

10. Лица, командируемые в татарские или смешанные районы, волости и селения от центральных, кантонных и городских советских учреждений АТССР для проведения различных с'ездов и конференций, а также для проведения выборных, налоговых, хозяйственных и проч. кампаний, должны намечаться из лиц, владеющих татарским языком.

---

[1]) Ср. еще ниже постановления 7 и 29 мая 1926 г. об обслуживании национальных меньшинств.

11. Для проведения в жизнь указанных пунктов госорганы АТССР, под ответственностью их руководителей, должны стремиться к наибольшему привлечению на службу лиц из татар, и вообще, владеющих татарским языком и письменностью, для чего:

а) при приеме служащих все госорганы должны отдавать предпочтение, при прочих равных условиях, лицам, владеющим татарским языком, рассматривая знание такового как определенную квалификацию.

б) все госорганы должны пересмотреть свои штаты с тем, чтобы должности, которым особенно много приходится соприкасаться с татарским населением, непременно были бы замещены лицами, владеющими татарским языком;

в) как местные, так и центральные учреждения и организации АТССР должны принять все меры к наибольшему командированию трудящейся молодежи из татар в учебные заведения и по возможности принять на себя заботы о семьях командируемых.

г) все центральные учреждения АТССР и кантисполкомы должны организовать курсы-кружки по обучению татарскому языку и письменности ответственных и технических служащих своих отделов, а также принимать меры к организации курсов специальной подготовки по своему ведомству и кантону работников из татар для таких областей, которые ощущают острый недостаток в работниках-татарах.

12. Для обеспечения в будущем госорганов АТССР служащими, владеющими татарским и русским языками, Наркомпрос и его органы должны:

а) неукоснительно проводить меры в области реализации татарского языка, считая таковую одной из ударных работ;

б) обращать особое внимание на школы I ступени и на школы по ликвидации безграмотности среди татар, с тем, чтобы поднять грамотность среди татарского населения до уровня грамотности среди прочих народностей республики;

в) во всех профтехнических учебных заведениях и рабфаках забронировать определенное количество мест для учащихся татар, а также, принимая во внимание трудности поступления, ввиду незнания русского языка, организовать для татар при профессионально-технических учебных заведениях подготовительные группы и классы;

г) ввести во всех школах II ступени, профтехнических учебных заведениях, в партшколах, в рабфаках и вузах, а в городах в последних классах также и школ I ступени обязательное для всех учащихся преподавание татарского языка. В соответствующих татарских учебных заведениях ввести обязательное преподавание русского языка.

13. Ведомственное районирование АТССР по различным наркоматам (границы административных единиц, судебных и следственных участков, районов милиции, здравоохранения, хозяйственных и проч. органов), должно согласоваться по возможности с языковым составом населения; в соответствии с этим каждое ведомство должно пересмотреть границы своих районов.

14. Все наркоматы и центральные учреждения АТССР, в особенности Наркомпрос, Наркомзем, НКЗдрав, Цеветупр, должны пересмотреть сети своих учреждений (школ, библиотек, нардомов, клубов, опытно-показательных станций, больниц, медицинских, фельдшерских, ветеринарных, случных пунктов, складов и т. п.) с целью равномерного распределения последних по районам с той или другой народностью, а также с точки зрения обеспечения работниками, владеющими татарским языком, тех своих учреждений и предприятий, которые расположены в татарских и смешанных районах.

15. В дополнение к настоящей инструкции, отдельные наркоматы АТССР могут, с утверждения Центральной Комиссии при ТЦИК, издавать свои инструкции в области реализации татарского языка для подведомственных им учреждений.

16. Центральные учреждения АТССР систематически должны ставить в известность Центральную Комиссию по реализации татарского языка о работе учреждения в этой области и о встречаемых затруднениях и препятствиях. Кантонные и волостные учреждения должны посылать аналогичные отчеты в кантонные комиссии по реализации татарского языка.

17. На канткомиссии по реализации татарского языка возлагается:

а) широкое оповещение постановлений ТЦИК по вопросу о реализации татарского языка и настоящей инструкции в кантонных учреждениях, в волостях, селениях и среди населения.

б) руководство по проведению настоящей инструкции кантонными, волостными и сельскими учреждениями;

в) учет и целесообразное распределение совработников и культурников татар и безработных совслужащих, владеющих татарским языком, сообща с органами учета и распределения рабсилы и партработников;

г) контролирование совместно с органами РКИ и НКЮ исполнения госорганами как настоящей инструкции, так и прочих постановлений центральных органов АТССР в области реализации татарского языка и привлечение к дисциплинарной ответственности виновных в неисполнении таковых.

18. Настоящая инструкция вводится со дня ее опубликования. В случае полной невозможности немедленного проведения в жизнь, разрешается постепенное осуществление пунктов: 2, 3 и 5 до 1 февраля 1923 г., а пунктов: примеч. к п. 3, 4, 6, 7, лит. б) и г) 11 пункта, лит. в) и г) 12 пункта и пунктов 13 и 14—до 1 июля 1923 г.

19. В отношении учреждений военного ведомства будет издана особая инструкция.

Председатель ТЦИК'а Сабиров.

Секретарь Петров.

(Опубликов. 21/XII 1922 г. „Изв. ТЦИК" № 291.)

Постановление Центрального Исполнительного Комитета ТССР 30 апреля 1924 г.

В дополнение к инструкции по реализации татарского языка в государственных учреждениях и предприятиях ТССР („Известия ТЦИК" от 21/XII 1922 г., № 291), Центральный Исполнительный Комитет ТССР постановил:

1. Обязать все государственные центральные учреждения препровождать всякие инструкции и распоряжения, предназначенные для направления в сельсоветы местностей с татарским населением через кантонные и волостные исполнительные комитеты непременно с соответствующими переводами на татарском языке.

Примечание. Кантонные и волостные исполнительные комитеты направляют эти распоряжения в татарские волости и селения на татарском языке, а в смешанные волости на обоих языках.

2. Письменные сношения всех кантонных и районных советских учреждений с исполнительными комитетами волостей, имеющих большинство татарского населения, устанавливаются на татарском языке.

3. Государственным учреждениям ТССР воспрещается по отношению нижестоящих органов требовать от них перевода на русский язык материалов, отчетов, ведомостей и т. д., представляемых на татарском языке.

4. При наличии работников, имеющих соответствующую квалификацию и владеющих обоими (татарским и русским) языками, учреждения и предприятия ТССР применительно к п. 47 Кодекса о Труде должны заменять ими своих служащих, владеющих только одним языком в тех должностях, замещение которых требует знания обоих языков как для обеспечения приема и исполнения устных и письменных обращений на обоих языках, так и вообще для полного проведения в жизнь постановлений ЦИК ТССР в области реализации татарского языка. Увольняемым должна предоставляться установленная компенсация.

5. Для служащих, владеющих татарским языком и письменностью, при прочих равных условиях, кратковременность службы в данном учреждении не должна явиться основанием для увольнения при сокращении штатов, и в первую очередь должны сокращаться лица, не владеющие обоими языками.

6. Предложить всем центральным учреждениям ТССР усилить привлечение работников, владеющих татарским языком и письменностью, в таковых целях в тех учреждениях, где татаризован аппарат менее чем на 50%, установить не позднее 1 мая с. г. институт практикантов из татар в об'еме 10% всех служащих данного учреждения или предприятия.

7. Предложить НКВД по линии главной милиции принять меры к скорейшему установлению делопроизводства на татарском языке во всех милиционных районах с большинством татарского населения, а также укомплектования как ответственного, так и низшего состава милиции в татарских районах из лиц, владеющих татарским языком.

8. Предложить НКВД по линии уголовного розыска милиции а также татарского Отдела ГПУ принять меры к тому, чтобы по тем делам, которые подлежат направлению в суды, функционирующие на татарском языке, предварительное дознание производить также на татарском языке.

9. Распространить действие инструкции по реализации татарского языка от 21/XII 1922 г., а также и настоящее постановление кроме государственных органов также на кооперативные и профессиональные учреждения и предприятия в пределах ТССР.

10. Предложить Центральной Комиссии по реализации татарского языка по соглашению с областными органами кооперации и Татарским профессиональным Советом по принадлежности издать инструкцию в развитие § 9 сего постановления.

11. Поручить органам Рабоче-Крестьянской Инспекции при обследовании учреждений обращать внимание на выполнение инструкции по реализации татарского языка и на приспособление аппарата учреждения для работы в условиях реализации татарского языка.

Председатель ЦИК ТССР Сабиров.
Секретарь ЦИК ТССР Петров.

(С. У. ТССР, 1924 г., № 37.)

Постановление № 54 Центрального Исполнительного Комитета АТССР 13 мая 1922 года. Положение о кантонных комиссиях по реализации татарского языка.

1. При всех кантонных исполнительных комитетах ТССР не позже 15 июня 1922 г. должны организоваться кантонные комиссии по реали-

зации татарского языка в составе представителей кантисполкома уполном. НКЮ и отдела управления, по одному от каждого, под председательством представителя кантисполкома.

2. На кантонные комиссии по реализации татарского языка возлагается руководство работой всех советских учреждений в пределах кантона по реализации татарского языка, наблюдение за проведением в жизнь соответствующих постановлений центральной власти ТССР, выполнение отдельных поручений Центральной Комиссии при ТЦИК по этому вопросу, также обсуждение конкретных мер в области реализации татарского языка, вытекающих из особенностей данного кантона.

3. Протоколы канткомиссий по реализации татарского языка утверждаются кантисполкомами.

4. Постановления канткомиссий по реализации татарского языка в пределах их компетенции обязательны для всех советских учреждений кантона и могут быть обжалованы только в кантисполком и ТЦИК.

5. Кантонные комиссии ежемесячно представляют в Центральную Комиссию при ТЦИК протоколы всех своих заседаний, отчеты о своей деятельности, об общем положении дел по проведению вопроса в кантоне и о встречаемых препятствиях.

6. Кантонные комиссии своего особого канцелярского аппарата не имеют и пользуются аппаратом кантисполкома.

Подписали: Зампредседателя ЦИК ТССР Казаков.
Секретарь ЦИК ТССР Петров.

(Опубликовано в „Известиях ТЦИК" № 116 за 1922 г.)

Постановление Татарского Центрального Исполнительного Комитета 18 августа 1923 г.

В развитие постановления Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров от 20 июня 1923 года об удостоверениях личности, Центральный Исполнительный Комитет Татарской ССР постановил:

1. Удостоверения личности, выдаваемые в пределах ТССР, должны быть одновременно изложены на двух языках — русском и татарском.

2. Выработка инструкции по проведению в жизнь настоящего постановления возлагается на Народный Комиссариат Внутренних Дел ТССР, каковую инструкцию согласовать с инструкцией, имеющей быть изданной Наркомвнуделом РСФСР по проведению постановления ВЦИК и СНК от 20 июня с. г.

Председатель ЦИК ТССР Сабиров.
Зам. Секретаря ЦИК ТССР Шакиров.

(С. У. ТССР, 1923 г., № 41.)

О приспособлении советского аппарата к обслуживанию нацменовского населения.

Принимая во внимание наличие в некоторых волостях Татреспублики значительного количества нацменовского населения, Центральный Исполнительный Комитет ТССР, в целях приближения советского аппарата к нацменовскому трудовому населению и более удобного обслуживания такового на их родном языке, постановляет:

1. В местностях со значительным наличием однородного по языку нацменовского населения, на ряду с употребляющимися уже в государ-

ственных учреждениях ТР, согласно соответствующих законоположений, татарским и русским языками, ввести в практической деятельности низового советского аппарата употребление языков национальных меньшинств (чуваши, мари, вотяки и др.).

2. Порядок проведения в жизнь настоящего постановления определяется особой инструкцией, утверждаемой ЦИК ТССР.

Председатель ЦИК ТССР Шаймарданов.
Секретарь ЦИК ТССР Усманов.

Казань, Кремль, 7 мая 1926 года.

(С.У. ТССР, 1926 г., № 15, ст. 101.)

О приспособлении низового советского аппарата Татреспублики к обслуживанию нацменовского населения ТР.

(Издается на основании ст. 2 постановления ЦИК ТССР от 7 мая 1926 г.)

1. Все сельсоветы в пределах ТР, обслуживающие однородное по языку нацменовское население, внутреннее свое делопроизводство (ведение книг, протоколов и т. п.) по своему постановлению могут устанавливать на языке соответствующей народности.

2. Сельсоветы, обслуживающие разнородное по языку население, внутреннее делопроизводство устанавливают по своему усмотрению. В случае возникновения споров, таковое делопроизводство устанавливается на языке большинства обслуживаемого населения.

3. Сельсоветы, обслуживающие однородное нацменовское население или имеющие в составе обслуживаемого ими населения большинство той или иной народности из нацмен, независимо от установления своего внутреннего делопроизводства, должны приспособляться к приему устных и письменных обращений на языке большинства обслуживаемого населения.

4. Во всех волостях с наличием того или другого однородного нацменовского населения более 25%, аппараты ВИК должны приспособляться к обеспечению приема устных и письменных обращений на соответствующем языке, а при письменных обращениях на этом языке, и ответы на таковые должны быть на том же языке. В этих волостях сношение сельских учреждений, поставивших у себя внутреннее делопроизводство на соответствующем нацменовском языке, со своим ВИК'ом устанавливается на языке данного нацмен.

5. В волостях, имеющих то или иное однородное по языку нацменовское население от 10 до 25% населения этой волости, в целях приспособления аппарата ВИК к обслуживанию населения этой народности обеспечивается прием устных обращений на соответствующем языке. Письменное же сношение с населением на том же языке устанавливается по мере наличной технической возможности.

6. В волостях, имеющих однородное нацменовское население менее 10% всего населения волости, приспособление аппарата ВИК к приему как устных, так и письменных обращений на нацменовских языках проводится по мере фактической возможности.

7. Нацменовские сельсоветы, находящиеся в волостях, указанных в 5 и 6 пунктах настоящей инструкции, сношение со своими ВИК'ами при согласии последних, могут устанавливать на соответствующих нацменовских языках.

8. Аппарат низовых судебно-следственных органов и других районного характера учреждений, а также кантонных учреждений, имеющих

на территории обслуживаемого населения более или менее значительное количество той или другой народности из нацмен, приспособляется к обслуживанию последних на родном языке по мере возможности.

Примечание. В Буинском и Чистопольском кантонах, имеющих значительное количество чувашского населения, необходимо обратить особое внимание к обеспечению обслуживания чувашского населения на их родном языке.

9. Низовые советские органы, принимающие письменные обращения на тех или других нацменовских языках, в случае направления таковых в кантонные и центральные учреждения, а также в другие учреждения не обеспечившие приема письменных обращений на данном языке, должны препровождать таковые с переводом на татарский или русский язык.

10. На советского характера собраниях, заседаниях, с'ездах и конференциях, ведущихся на татарском или русском языках, при наличии более или менее значительного количества участников нацмен того или другого языка, нуждающихся в переводе докладов, прений и резолюций на свой язык, таковые должны переводиться на соответствующий язык.

11. Положения, указанные в настоящей инструкции, соответствующими учреждениями в пределах ТР, в случае наличия технической возможности, проводятся в жизнь по получении их на местах, а последним сроком их проведения устанавливается 1 января 1927 г.

Зам. председателя ЦИК ТССР Богаутдинов.
Вр. и. об. секретаря ЦИК ТССР Гуничев.

Казань, Кремль, 29 мая 1926 г.

(С. У. ТССР, 1926 г., № 21, ст. 121.)

О вывесках.

В отмену постановления своего от 21 сентября 1923 г. (С. У. от 30/IX 1923 г., № 50), Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров ТССР постановляют:

1. Обязать владельцев торговых и промышленных заведений, а также ремесленников и кустарей, работающих на дому, кроме лиц, производящих торговлю по 1-му разряду, иметь на каждом заведении и складе вывеску на видном месте, с указанием предмета предприятий и фамилии владельца или названия фирмы на русском и татарском языках.

Примечание. Настоящее правило не касается ремесленников и кустарей, работающих и сельских местностях.

2. Виновные в невыполнении настоящего постановления подлежат ответственности в административном порядке — штрафу до 50 рублей или 7 суток принудработ.

3. Настоящее постановление входит в силу в месячный срок со дня его опубликования.

4. Наблюдение за выполнением постановления возлагается на органы милиции.

Зам. председателя ЦИК ТССР Богаутдинов.
Председатель СНК ТССР Габидулин.
Вр. и. об. секретаря ЦИК ТССР Гуничев.

Казань, Кремль, 9 июня 1926 г.

(С.У. ТССР, 1926 г., № 22, ст. 132.)

КАЗАКСТАН [1]).

Постановление Совета Народных Комиссаров КССР о проведении в жизнь законодательных актов на киргизском языке.

На основании декрета Кирсовнаркома от 2 февраля 1921 г. о порядке употребления киргизского и русского языков в государственных учреждениях КССР [2]) — все декреты, инструкции, циркуляры, обязательные постановления и прочие законодательные и правительственные акты, имеющие общий, принципиальный характер и исходящие от центральных и губернских органов КССР, должны издаваться и опубликовываться во всеобщее сведение одновременно на русском и киргизском языках.

Вследствие затруднений чисто технического характера, — декрет этот пока не проведен в жизнь в полном его об'еме, а поэтому центральные и губернские органы КССР, рассылая на места издаваемые ими законодательные и иные акты на русском языке, пока лишены возможности присоединять к ним переводы русского текста на киргизский язык.

В связи с этим на местах появились и появляются переводы указанных выше актов на киргизском языке, которые, не представляя никакой гарантии их правильности, не дают уверенности в точном соответствии их с подлинниками, обязательными к руководству для всех учреждений и лиц.

Находя, что руководство подобного рода переводами, не выявляющими собою действительного содержания издаваемых центральными и губернскими органами КССР законодательных и правительственных актов может повлечь неправильное их применение, Совет Народных Комиссаров постановил:

1. Раз'яснить всем центральным и местным правительственным органам КССР, что подлежат принятию к руководству и применению только те законодательные и правительственные акты в переводе их на киргизский язык, которые, в установленном для сего порядке, опубликованы Народным Комиссариатом Юстиции КССР.

2. Наблюдение за точным выполнением настоящего постановления возложить на соответствующие Наркоматы по принадлежности.

Предкирсовнаркома Мурзагалиев.
Врид. Управделами КСНК Никольский.
Секретарь КСНК Артемьев.

13 сентября 1922 г., г. Оренбург.

(С. У. КССР, 1922 г., № 16, ст. 145.)

Постановление Президиума Киргизского Центрального Исполнительного Комитета о порядке принятия законов одновременно на русском и киргизском языках.

В целях осуществления декрета КСНК от 2 февраля 1921 года „Об издании законов КССР на ряду с русским и на киргизском“ и в развитие декрета КСНК и КЦИК от 4 января 1922 года „О порядке при-

---

1) В 1919 — 1925 г. Киргизская Республика.

2) Декрет 2 февраля 1921 г. здесь не помещается, как поглощенный настоящим постановлением. — Киргизский язык в настоящее время в официальных актах именуется казакским.

нятия законов" Президиум Киргизского Центрального Исполнительного Комитета постановил:

1. Декреты, инструкции, циркуляры, обязательные постановления и проч. законодательные и правительственные акты, исходящие от Центральных органов, рассматриваются и принимаются одновременно на русском и киргизском языках.

2. Наркоматы представляют в законодательные органы проекты декретов и других актов одновременно на русском и киргизском языках.

3. Для переводов и редактирования проектов декретов и других актов, а также для подготовки к изданию декретов и других актов на киргизском языке организуется при КЦИК переводческая коллегия по определенным штатам.

4. Наркоматы, не обладающие самостоятельным переводческим аппаратом, предварительно внесения своих законопроектов на рассмотрение законодательных органов, направляют русский текст законопроекта для перевода на киргизский язык в переводческую коллегию при КЦИК'е, упомянутую в пункте 3 настоящего постановления.

Председатель Киргизского Центрального
Исполнительного Комитета Мендешев.

Секретарь КЦИК Садвокасов.

Оренбург, 22 ноября 1922 г.

(С. У. КССР, 1922, № 19, ст. 182.)

Декрет о ведении делопроизводства на киргизском языке.

В осуществление постановлений Всекиргизского С'езда Советов и декретов КирЦИК'а и СНК:

а) о признании государственными языками на территории КССР киргизского и русского языков;

б) о введении делопроизводства в государственных, общественных учреждениях и организациях КССР на ряду с русским и на киргизском языке и

в) о принятии и издании декретов, инструкций, циркуляров, обязательных постановлений и других законодательных и правительственных актов на обоих языках, КирЦИК постановил:

1. Ввести с 1 января 1924 г. киргизский язык в делопроизводстве во всех киргизских волостях КССР и в следующих уездах: Олтевском, Тургайском, Челкарском, Темирском, Актюбинском и Иргизском Актюбинской губ.; Джамбейтинском и Гурьевском Уральской губ.; Карралинском и Зайсанском Семипалатинской губ.; Акмолинском, Атбасарском и Чарлачском Акмолинской губ., при чем в уездах со смешанным населением делопроизводство параллельно на киргизском и русском языках.

2. Во всех уездах остальных и губерниях КССР, за исключением Оренбургской губ. и ее уездов, делопроизводство на киргизском языке вводится полностью не позднее 1 июля 1924 г., к каковому сроку уездные и губернские органы обязываются приспособить свои аппараты к параллельному ведению делопроизводства на киргизском и русском языках.

Примечание. Поручить Кир. СНК в двухнедельный срок установить точный перечень ведомств, на которые не распространяется действие статей 1 и 2 настоящего декрета, и представить на утверждение Президиума КирЦИК'а.

3. Со дня издания настоящего декрета всем краевым учреждениям приступить к приспособлению своих аппаратов к параллельному ведению делопроизводства на ряду с русским языком и на киргизском языке, при чем окончательным сроком введения в них киргизского языка считать 1 января 1925 г.

4. Предложить всем Наркоматам и краевым учреждениям издать в течение 3 месяцев относящиеся к деятельности каждого из них руководящие законоположения на киргизском языке и с 1 января все проекты декретов и постановлений, подлежащих утверждению законодательных органов, представлять одновременно на двух языках — киргизском и русском.

5. Поручить КирРКИ при участии Комиссии по введению делопроизводства на киргизском языке при КирЦИК'е выработать образцы и формы делопроизводства в волостном масштабе не позднее 1 января 1924 г. и преподать их местам для руководства.

6. В специальных учебных заведениях и профессиональных курсах по подготовке работников, как обязательный предмет, ввести преподавание форм делопроизводства.

7. Для руководства и направления работы по введению делопроизводства на киргизском языке при КирЦИК'е и Губисполкомах создать специальные Комиссии, права и обязанности которых определяются особым положением [1]).

8. В развитие настоящего декрета НКВД и НКЮ разработать соответствующие инструкции, которые внести на утверждение КирЦИК'а.

Председатель ЦИК'а Мендешев.

Секретарь Садвокасов.

Оренбург, 22 ноября 1923 г.

Положение о центральной комиссии по введению делопроизводства на киргизском языке [2]).

1. Комиссия при Президиуме КирЦИК'а по введению делопроизводства на киргизском языке ставит своей задачей разработку руководства и наблюдения за работами губернских комиссий по введению этого делопроизводства.

2. Комиссия составляется из представителей ведомств под председательством Секретаря КирЦИК и 5-ти членов, утвержденных Президиумом КирЦИК.

3. На Комиссию возлагается:

а) разработка плана проведения работ, связанных с введением делопроизводства на территории КССР;

б) согласование с соответствующими наркоматами и учреждениями, перевод и издание всех законодательных актов, постановлений и циркуляров на киргизском языке;

в) разработка совместно с НКРКИ форм производства и преподания их на места;

г) введение постоянной регулярной работы через Секретариат КирЦИК'а по руководству и наблюдению за деятельностью местных комиссий в области установления делопроизводства на киргизском языке;

---

[1]) Ввиду передачи КазЦИК'ом 20 мая 1926 г. функций комиссий по делопроизводству Народному Комиссариату РКИ, КазЦИК 14 августа 1926 г. определил: считать п. 7 постановления 22 ноября 1923 г. утратившим силу („Вестник КазССР", № 21 — 24, ст. 208").

[2]) См. предыдущее примечание составителя. Акт формально не имеет значения, но помещается, поскольку функции комиссии (ст. 3) переданы НКРКИ.

д) разработка плана по подготовке необходимого кадра технических работников по введению делопроизводства.

4. Комиссия ежемесячно отчитывается в своей работе перед Президиумом КирЦИК'а.

5. В своей работе Центральная Комиссия пользуется аппаратом КирЦИК'а.

Оренбург, 6 декабря 1923 г.

Председатель КирЦИК'а Мендешов.

Секретарь Садвокасов.

БАШКИРИЯ.

Постановление Президиума БашЦИК об обязательном издании постановлений правительства на двух государственных языках: башкирском и русском.

В целях установления более тесной связи органов управления с широкими слоями башкирского населения, а также для полного осведомления всего населения о всех постановлениях правительства, Башкирский Центральный Исполнительный Комитет постановляет:

1. Обязать все учреждения и предприятия при внесении проектов постановлений, подлежащих массовому опубликованию, на утверждение БашЦИК'а и Башсовнаркома, составлять таковые на обоих государственных языках: башкирском и русском.

2. Обязать Башнаркомюст визировать проекты указанных постановлений на обоих языках, при чем право технических исправлений юридических терминов на башкирском языке оставляется за НКЮ.

3. Всем учреждениям предлагается следить за опубликованием своих постановлений на обоих языках, а официальным органам печати вменяется в обязанность печатание в своих изданиях постановлений правительства.

Уфа, 29 августа 1924 г.

Председатель БашЦИК Кушаев.

Секретарь БашЦИК Даутов.

Постановление Президиума БашЦИК о вывесках для государственных и общественных учреждений и предприятий.

В целях облегчения сношения населения с соответствующими органами власти и общественными организациями, а также облегчения их нахождения, Башкирский Центральный Исполнительный Комитет постановляет:

1. Обязать все государственные и общественные учреждения и предприятия иметь вывески на занимаемых ими помещениях, написанные на обоих государственных языках: башкирском и русском.

2. Текст вывесок в башкирской его части должен быть написан общепринятым понятным для башкирского населения шрифтом и в отношении правильности написания предварительно согласован с Башнаркомвнуделом.

3. Предложить Городским Советам название улиц, площадей, обозначение дорог и т. д. вывешивать также на двух языках.

4. Предложить Городским Советам аналогичные меры провести по отношению к частным предприятиям.

Уфа, 29 августа, 1924 г.

Председатель БашЦИК Кушаев

Секретарь БашЦИК Даутов.

Постановление СНК АБССР о применении местного башкирского языка во всех почтово-телеграфных учреждениях Башреспублики по приему простой и заказной корреспонденции, а также и телеграмм.

В целях проведения национального принципа и предоставления широким массам Башкирского населения Республики наибольших удобств при почтовых и телеграфных сношениях на родном языке, СНК АБССР постановляет:

1. Производить прием во всех почтовых и почтово-телеграфных учреждениях Башреспублики простой и заказной корреспонденции, пересылаемой в пределах Башкирской республики с тем, чтобы адрес, составленный на башкирском языке, писался на левой половине конверта, а правая оставалась не заполненной для написания адреса на русском языке, в почтово-телеграфных учреждениях пунктов отправления.

2. Предоставить право подачи телеграмм на башкирском языке в кантонных почтово-телеграфных конторах, а именно: Уфе, Бирсое, Белебее, Стерлитамаке, Месягутове, Преображенском заводе, Белорецком заводе и Аргаяше, с допущением обмена телеграфных сношений между перечисленными выше пунктами.

3. Поручить Уполномоченному Уральского Округа Связи при БСНК АБССР совместно с Народным Комиссаром Внутренних Дел выработать в развитие настоящего постановления особую инструкцию и широко опубликовать среди населения на обоих государственных языках, внеся предварительно таковую на утверждение в БСНК.

4. Настоящее постановление вступает в силу со дня получения его на местах.

Уфа, 6/X 1924 г.

Председатель СНК АБССР М. Халиков.

Ответственный секретарь СНК АБССР М. Юмакаев.

Постановление Башкирского ЦИК о введении в употребление индийско-арабских цифр в татаро-башкирской письменности.

Ввиду того, что в башкирской письменности часто употребляются разнородные цифры: турецкие и общеевропейские (индийско-арабские), вносящие большую запутанность, в целях пресечения таковой, БашЦИК постановляет:

1. Отменить употребление турецких цифр в башкирской письменности в пределах БССР.

2. Ввести в употребление принятые в Европе индийско-арабские цифры вместо отмененных турецких.

3. Употребление индийско-арабских цифр обязательно во всех школах, государственных и гражданских учреждениях и в печати (в газетах, журналах и прочих изданиях).

4. Настоящее постановление входит в силу со дня его опубликования.

10 января 1923 г.

(Собр. Уз. АБССР № 2, ст. 15, от 15 марта 1923 г.)

Декрет СНК Башкирской ССР 18 февраля 1923 г.

На основании постановления Башкирского ЦИК от 5 февраля 1922 года за № 45, Совет Народных Комиссаров Башкирской Социалистической Советской Республики п о с т а н о в и л:

1. В селениях и волостях БССР все делопроизводство является на том государственном (башкирском или русском) языке, на котором говорит большинство населения данного селения или волости с обеспечением интересов и прав меньшинств.

2. Для планомерного проведения в жизнь настоящего декрета образовать при Башсовнаркоме постоянную Центральную Комиссию в составе: 1) представитель Башнаркомвнудела, 2) представитель Башнаркомпроса, 3) представитель Башнаркомюста.

В кантонах образуется филиальное отделение комиссии, подчиненной Центральной Комиссии в составе: 1) представителя кантисполкома (председатель), 2) представителя кантоннароба и 3) кантонного уполномоченного Областного Башкирского Суда.

П р и м е ч а н и е. Центральной и кантонной комиссиям предоставляется право кооптации сведущих лиц с совещательным голосом.

3. На Центральную и кантонные комиссии в пределах своей территории по принадлежности возлагается руководство работой всех госучреждений по проведению настоящего декрета и инструкций Башсовнаркома, согласование и устранение возникших на практике затруднений и представление центральной власти БССР докладов о необходимых мероприятиях или коррективах в области осуществления настоящего декрета.

4. Центральная Комиссия приступает к работе немедленно по распубликовании настоящего декрета и в пределах своей компетенции, определяемой особой инструкцией, пользуется административными правами государственных учреждений.

5. Постановления Комиссий обязательны для всех советских учреждений и могут быть обжалованы: постановления канткомиссии — в Центральную Комиссию и Центральной Комиссии — в Башсовнарком.

6. Кантонные комиссии ежемесячно представляют в Центральную Комиссию протоколы всех своих заседаний, отчеты о своей деятельности, об общем положении дел и о встреченных препятствиях. Центральная Комиссия представляет отчеты о своей деятельности Башсовнаркому по требованию последнего.

7. Комиссии для своих работ обслуживаются канцеляриями: Центральная — Башсовнаркома, кантонные — кантисполкомов.

Подлинный подписали:

Председатель СНК БССР М. Х а л и к о в.

Ответ. Полит. Секретарь БСНК С. С у л т а н - Г а л и е в.

Постановление Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров АБССР о порядке ведения делопроизводства и разговорной речи в сельсоветах, волостях, а также в кантонных, центральных учреждениях и наркоматах, на национальных языках, приспособливая к условиям башкирской действительности

Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров АБССР постановляют:

1. Вести делопроизводство в сельсоветах на языке большинства населения данного общества.

Сельсоветы могут сноситься с волисполкомами на том же языке, независимо от того, на каком языке ведется делопроизводство в волисполкоме.

2. В волостях, большинство населения которых говорит на одном из государственных языков (башкирском или русском), вести делопроизводство на том же языке. При наличии русского или татаро-башкирского меньшинства населения, волисполкомы должны вести устные и письменные сношения с сельсоветами, а также отдельными гражданами на обоих государственных языках.

Примечание. Под башкирским государственным языком в селах, волостях и кантонах с преимущественно татарским населением надо понимать местное наречие.

3. Для проведения мероприятия в жизнь иметь в составе сотрудников волисполкома необходимое количество работников, знающих оба государственные языка и письменности.

4. В волостях или сельсоветах с однородным национальным составом населения, не говорящем на государственных языках (чуваши, марийцы, мордва, немцы, латыши и т. д.) внутреннее делопроизводство может быть установлено на местном языке.

Примечание. В этих случаях устные и письменные сношения с виками отдельных неграмотных на государственных языках граждан желательно допускать и на местном языке.

5. Систему перевода бумаг, как осложняющую делопроизводство и задерживающую исполнение бумаг, считать нежелательной, в особенности бумаг разового значения и прибегать к таковым считать допустимым только в случаях действительной необходимости.

6. В целях приближения суда к трудящимся в районах, населенных чувашами, латышами, марийцами, вотяками и др. нац. меньшинствами ввести в порядке постепенности судоговорение на местном национальном языке.

7. В целях наиболее успешного и полного проведения принципов национальной политики в советском строительстве поручить Народному Комиссариату Внутренних Дел совместно с Народным Комиссариатом РКИ проверить проделанную работу по административному районированию и внести отдельные целесообразные коррективы с тем, чтобы в составе сельсоветов и волостей получилась максимальная национальная однородность населения.

Примечание. Проект новых изменений внести на утверждение Совета Народных Комиссаров и ЦИК АБССР.

О кантонных учреждениях.

8. Обязать кантисполкомы и их отделы приспособить свои технические аппараты к сношениям с населением на обоих языках через вовлечение в аппараты необходимого для этой цели количества сотрудников, владеющих обоими государственными языками.

9. Поручить Народному Комиссариату Просвещения принять необходимые меры к осуществлению в Уфе и кантонах вечерних курсов по изучению и совершенствованию знаний на обоих государственных языках.

Примечание. При оценке полезности того или другого сотрудника, необходимо учитывать степень усвоения им обоих государственных языков, а также успешность занятий сотрудника на курсах по усовершенствованию знаний на обоих государственных языках.

О центральных органах.

10. В народных комиссариатах: Земледелия, Просвещения, Юстиции, Внутренних Дел и Бюро Жалоб РКИ и все учреждения и наркоматы, в которых, на основании постановлений БашЦИК'а от 5 декабря 1922 года и декрета Башсовнаркома от 13/II 1923 г. делопроизводство должно вестись на обоих государственных языках, как наиболее тесно общающихся с широкими слоями населения, должна быть обеспечена наиболее полно и в первую очередь возможность этих сношений на обоих государственных языках.

Примечание. В случаях необходимости замены (в Уфе или кантонах) отдельных сотрудников сотрудниками, владеющими обоими языками, должны учитываться интересы классового подбора аппарата и его работоспособность.

О преподавании государственных языков в школах.

11. а) Учитывая, что русский язык является общим языком СССР и знание его всем населением Союза может много содействовать сближению трудящихся разных национальностей между собой, а также содействовать успешному росту культурного и государственного строительства, ввести систематическое преподавание русского языка, как предмета в башкиро-татарских, а также других национальных школах, отводя ему достаточно внимания и времени.

б) Учитывая трудность участия в общественной и государственной работе в Башреспублике лиц, не знающих башкирского государственного языка, ввести преподавание такового, как предмета, в русских школах, но учитывая недостаток подготовленных учителей из башкир, ввести преподавание башкирского языка в ближайший период в школах II ступени и школах профобра в порядке следующей очереди: педтехникумы, сельск.-хоз. школы, школы II ступени и прежде всего в районах со смешанным населением.

Об издательской работе на башкирском языке.

12. Издательская работа, ведущаяся на башкирском языке, должна строить свой план на учете наличного в республике населения, говорящего на башкирском языке.

Зам. Председателя ЦИК АБССР М. Юрьев.

Председатель СНК АБССР М. Халиков.

Отв. секретарь СНК АБССР М. Юмакаев.

Уфа, 6 октября 1924 г.

Постановление ЦИК и СНК Автономной Башкирской Социалистической Советской Республики по реализации башязыка.

1. Во всех исполнительных комитетах нижеперечисленных волостей: Айлинской, Верхне-Кигинской, Больше-Окинской, Дуван-Мечетлинской, Мурзаларской и Насибашевской (Месягутовского к-на); Уршаклинской, Миркитлинской, Кальчир-Табынской, Брунувской, Макаровской, Калкашевской, Азнаевской и Аряслановской и Бегеняш-Абукановской (Стерлитамакского к-на); Ново-Кабановской, Янаульской, Кызыряровской, Татышлинской, Калакчинской, Байкибашевской, Старо-Балтачевской, Кизгинбашевской, Мураевской, Калмыковской, Илишевской, Асяновской, Измайловской, Кайнлыковской, Московской (Бирского кантона); Куручуевской, Резяповской, Чекмагушевской, Ахуновской, Будзяковской, Аднагуловской, Чукадытамакской, Ермекеевской, Слаковской, Киргиз-Миаковской, Зильдяровской и Ток-Чуранской (Белебеевского кантона); Белекей-Кудейской, Шариповской, Топорнинской, Чишминской, Абраевской, Кармаскалинской (Уфимского кантона); Учалинской, Кубеляк-Телевской, Тангатаровской, Катайской, Тамьян-Тангауровской (Тамьяно-Катайского к-на); Аргаяшской, Юарнской, Карабольской, Кунашакской, Мухамет-Кулевской (Аргаяшского кантона); Бурзянской, Темясовской, Таналыкской, Тангауровской, Сабировской, Салиховской, Утягуловской, Усерганской, Бурзян-Кипчакской, Мурапталовской (Зилаирского кантона)—в течение 2 месяцев со дня проведения административного районирования волостей, а в волостях, остающихся без изменения, в 3-месячный срок со дня опубликования, все делопроизводство аппарата вика установить на башкирском языке, делопроизводство военного стола оставить на обоих языках.

Срок перевода счетоводства финансо-налоговых столов виков установить кикам в отношении каждой волости в отдельности в зависимости от местных условий.

2. В волостях же нижеследующих: Белокатайской, Дуванской, Месягутовской, Емашинской (Месягутовского к-на); Ашкадарской, Федоровской, Зирганской, Мелеузовской, Красноусольской, Верхоторской (Стерлитамакского к-на); Калегинской, Аскинской, Байкинской, Красноholмской и Пономаревской (Бирского кантона); Бакалинской, Верхне-Троицкой, Белебеевской, Приютовской, Давлекановской, Альшеевской (Белебеевского кантона); Удельно-Дуванейской, Надеждинской, Благовещенской, Улу-Телякской, Иглинской, Степановской, Дмитриевской, Новоселовской, Булгаковской, Петровской и Архангельской (Уфимского к-на); Белорецкой, Усман-Галинской, Кигинской (Тамьян-Катайского к-на); Кананикольской, Хайбуллинской, Зилаирской, Куруильской, Кипчакской, Ташлинской, Кургазинской (Зилаирского к-на)—основное делопроизводство оставить на русском языке. В Шаранской волости оставить делопроизводство на обоих государственных языках.

В Бижбуляковской волости Белебеевского кантона и Сталинской, Бирского, делопроизводство установить в первой—на чувашском и второй—на марийском, либо на одном и государственных языков по их усмотрению.

В случае установления делопроизводства на родном языке, сношения с киками должны производиться на одном из государственных языков.

3. В волостях и сельсоветах, где делопроизводство вводится на одном из государственных языков, должна быть полностью обеспечена возможность сношений (устных и письменных) граждан с сельсоветом и виком также и на другом государственном языке.

При наличии в волости сельсоветов, где делопроизводство ведется на другом, чем в вике, государственном языке, должна быть полностью обеспечена возможность устных и письменных сношений с ними на этом языке.

Независимо от установленного делопроизводства на одном из государственных языков, безусловно необходимо привлечение на работу (в особенности на постоянные выборные должности) представителей нац. меньшинств данной волости при наличии хотя бы 15—20 проц. того или другого нацменьшинства.

4. В сельсоветах с абсолютным большинством населения одного из нацменьшинств делопроизводство может быть установлено на языке этого нацменьшинства или на одном из государственных языков по их усмотрению. Однако, сношения этих сельсоветов с виками, где делопроизводство ведется на одном из государственных языков, должно вестись на этом языке.

5. Кантонные аппараты должны быть полностью приспособлены к обеспечению устных и письменных сношений с волостями на том государственном языке, на коем ведется делопроизводство данной волости. То же и с отдельными гражданами. Основным мероприятием, проводимым с этой целью, должен быть соответствующий умелый подбор работников.

Несоблюдение правил сношений с волостями должно рассматриваться как серьезные служебные упущения, а лица, виновные в них, привлекаются к ответственности в дисциплинарном и судебном порядке.

6. Под башкирским государственным языком в сельсоветах, волостях и кантонах следует понимать местное наречие башкирского или татарского населения.

7. Вследствие того, что государственными языками в Башкирии являются башкирский и русский—необходимо принять серьезные меры к обучению работников сов. обществ. аппарата, знающих только один язык, второму государственному языку.

8. Обязать наркоматы принять все зависящие от них меры по выполнению настоящего постановления в отношении своих низовых органов.

9. Наркомату РКИ, Наркомтруда и Центральной Комиссии реализации языка путем изучения в отдельности центральных органов содействовать скорейшему приспособлению их к работе на обоих языках.

10. В целях уточнения и облегчения практического применения этого постановления предложить ЦКР языка преподать особую инструкцию.

11. В связи с возможностью некоторых расходов по изданию необходимых руководств и инструкций при проведении этого постановления в жизнь, Наркомфину изыскать соответствующую сумму за счет виков, по представленной для этой цели смете ЦК реализации языка.

12. Областные кооперативные об'единения должны в течение месячного срока разработать и издать постановление о реализации языка в низовых органах кооперации.

30 марта 1926 г.

Председатель БашЦИК'а Кушаев.
Председатель Башсовнаркома Мухаметкулов.
Секретарь БашЦИК'а Мансуров.
(„Красная Башкирия“ № 92, 1926 г.).

БУРЯТИЯ.

Постановление ЦИК'а Бурят-Монгольской АССР.

Бурят-Монгольский народ, в течение столетий находившийся под ярмом самодержавия и национального угнетения, подвергался усиленному действию руссификации, направленной к уничтожению всего

национального — обычая, языка, школы и т. п. И эта политика в некоторых районах Бурреспублики (например, Аларский, Боханский и Эхирит-Булагатский аймаки) имела настолько серьезный успех, что русский язык, русская грамотность и нередко русские обычаи и верования, чуждые бурятскому народу, вкоренились в массу, коверкая ее бытовой уклад жизни, останавливая культурный рост и развитие. Лишая же бурятское население родной грамотности и школ, царское правительство оставило в наследство Бурреспублике темную бурятскую массу. Великая задача поднятия культурного уровня бурятского народа, его физического и экономического возрождения, может быть проведена только в том случае, если бурятский народ применит таящиеся в нем творческие силы и примет самое деятельное участие в устройстве своей жизни.

Минувший организационный период поглотил все силы и внимание БурЦИК'а, почему БурЦИК не имел возможности практически подойти к вопросу о национализации советского аппарата. И только теперь ЦИК вплотную подошел к разрешению этой сложной задачи. Озабочиваясь планомерным осуществлением стоящих перед Бурреспубликой задач, ЦИК приступает в первую очередь к национализации советского низового аппарата в бурятских районах, приближению его к бурятским массам и вовлечению последних в активную общественную работу.

Принимая во внимание, что во всех восточных аймаках (из западных в Тункинском) монголо-бурятская грамотность существует в размерах, обеспечивающих возможность ведения в советских учреждениях делопроизводства на бурятском языке, ЦИК постановляет:

1. Ввести в Баргузинском, Хоринском, Агинском, Троицкосавском и Тункинском аймаках и в Верхнеудинском уезде среди бурят монгольского населения делопроизводство на бурятском языке в следующем порядке: в сомонах с 1 июня, в Хошисполкомах с 1 июля и в Аймисполкомах с 1 октября с/г.

2. Бюллетень ЦИК'а и СНК издавать на двух языках: бурятском и русском.

Примечание. При технических затруднениях своевременного выпуска перевода всего бюллетеня — в первую очередь переводить постановления и распоряжения, имеющие широкое общественное значение.

3. По всем вопросам, связанным с проведением в жизнь национализации делопроизводства, обращаться за раз'яснениями в ЦИК и СНК.

4. Поручить СНК в развитие сего постановления издать соответствующую инструкцию

5. Виновные в нарушении сего постановления должностные лица подвергаются ответственности на основании статьи 107 Уг. Код.

6. Настоящее постановление входит в силу с момента получения его на местах.

26 апреля 1924 года.

ПредЦИК'а Амагаев.
Управделами Головачев.

Инструкция по реализации бурят-монгольского языка в государственных учреждениях и предприятиях Бурят-Монгольской АССР в развитие постановления БурЦИК'а от 26/IV 1924 г., № 53.

1. Всякого рода удостоверения, мандаты, доверенности, расписки, договоры, протоколы, денежные документы и прочие официальные бумаги и документы на бурят-монгольском языке, исходящие как от госор-

ганов, так и от частных организаций и лиц в пределах БМАССР имеют равную силу с соответствующими документами на русском языке.

2. Все мандаты и удостоверения должностных лиц должны быть написаны на двух языках: бурят-монгольском и русском.

3. Печати, штампы, вывески учреждений и предприятий, дощечки с названием улиц в городах, селений, дорог, пристаней, станций и т. п. должы быть на бурят-монгольском и русском языках.

4. Все центральные органы БМАССР, аймачные—уездные, городские, а также хошунные — волостные, если в составе их смешанное население, обязываются принимать заявления как устные, так и письменные на обоих языках.

Примечание. При письменных обращениях ответы должны даваться на том языке, на котором написано обращение.

5. Все постановления, приказы, инструкции, об'явления и т. п., исходящие от органов управления и публикуемые в бюллетене ЦИК и СНК БМАССР в официальном отделе газеты „Бурят-Монгольская Правда“ и особых плакатов, должны быть на двух языках.

6. Все внутреннее долопроизводство (ведение книг, протоколов, ведомостей и т. п.) в хошунах восточных аймаков и Тункинского из западных устанавливается на бурят-монгольском языке. Сношение хошунов с аймачными (уездными) органами и центром может производиться на бурят-монгольском и русском языках.

7. В хошунах и волостях со смешанным населением ведение внешнего делопроизводства идет на языке большинства (по национальности), но сношения с сельсоветами (сомсоветами) устанавливаются на языке национальности, образующей сельсовет (сомсовет).

8. В обществах со смешанным населением внутреннее делопроизводство ведется на языке большинства, разного рода выписки, справки, удостоверения выдаются на нем же, если не требуется представление их в другие инстанции и учреждения, в противном случае эти документы выпускаются на обоих языках.

9. Государственным языком всех советских собраний, заседаний, с'ездов и конференций в пределах БМАССР являются русский и бурятский языки на одинаковых правах. Если в собрании или заседании, ведущемся на русском языке, присутствуют лица, имеющие право голоса и требующие в силу своего незнания русского языка перевода докладов, прений и резолюций на бурятский язык, или же имеется аналогичное требовани о переводе на русский язык в заседаниях, ведущихся на бурятском языке, то эти требования подлежат удовлетворению.

10. Лица, командируемые в районы с бурятским населением для проведения с'ездов, конференций, выборных и налоговых кампаний и т. п., должны намечаться из лиц, владеющих бурятским языком.

11. Все руководители государственных учреждений БМАССР должны стремиться к привлечению на службу бурят и лиц, владеющих бурятским языком и письменностью вне зависимости их национальности, осуществляя это мероприятие следующим образом:

а) пересмотреть личный состав учреждений с тем, чтобы на должности, которым часто приходится соприкасаться с бурятским населением, назначить бурята или лицо, владеющее бурятским языком;

б) при приеме на службу в госорганы отдавать предпочтение, при прочих равных условиях, лицам, владеющим бурятским языком.

12. Вследствие неподготовленности к реализации бурятского языка и письменности в органах ГПУ и Военведа проведение таковых в них отсрочивается впредь до особого распоряжения.

ПредЦИК'а Амагаев.
Управляющий делами ЦИК и СНК Головачев.

ЯКУТИЯ.

О введении якутского языка в школах.

На основании предоставленного рабоче-крестьянской властью права самоопределения всех наций на территории РСФСР, Совет Народных Комиссаров ЯАССР постановляет:

1. Во всех школах I ступени с преобладающим составом якутских детей первый год обучения вести исключительно на якутском языке по принятой международной транскрипции.

2. Во всех школах I ступени со второго года обучения и во всех группах школ II ступени ввести якутский язык в качестве обязательного предмета преподавания для всех учащихся, владеющих якутским разговорным языком.

3. Во всех группах педагогического техникума, фельдшерской школы, сельскохозяйственной школы якутский язык ввести как обязательный предмет преподавания, для всех учащихся без различия национальностей.

4. Считать желательным постепенный переход в сношениях между окружными органами Наркомпроса и школами на якутский язык, считая это подготовительной мерой перехода к якутскому языку, как языку официальных сношений.

5. Настоящее постановление обязательно для всех учреждений Наркомпроса, задачей которого является неуклонное проведение в жизнь данного постановления.

Якутск, 12 августа 1922.

Зампредсовнаркома ЯАССР С. Донской (первый).
Управделами СНК Говоров.

О разрешении официальных сношений на якутском языке.

Президиум ЦИК ЯАССР постановляет:

1. Разрешить всем улусным учреждениям ЯАССР сноситься письменно между собою на якутском языке.

2. Разрешить всем гражданам иметь с улусными учреждениями письменные сношения на якутском языке.

3. Разрешить всем гражданам, направляющим официальные бумаги во все учреждения ЯАССР, производить свою подпись на якутском языке.

4. При письменных сношениях на якутском языке употребление определенной транскрипции необязательно.

1922 г. Председатель ЦИК ЯАССР Ойунский.
Секретарь ЯЦИК Говоров.

Постановление Президиума ЯЦИК о введении якутского языка и письменности от 26 мая 1924 г.

(Извлечение[1])

1. Все учреждения республики обязаны принимать и давать ответы без переводчиков всем обращающимся на якутском языке — на этом

[1]) Любезно сообщено якутским представительством в Москве.

языке; все с'езды, конференции и т. п. с преобладающим количеством участников, знающих якутский язык, должны вестись на якутском языке, с переводом для не знающих его на русский язык; при приеме служащих при равных условиях должно даваться предпочтение владеющим якутским языком и грамотой; командировки на конференции, с'езды, проведение налоговой кампании и т. п. должны даваться лицам, знающим якутский язык; должны быть пересмотрены штаты всех тех учреждений, которые имеют соприкосновение с населением, в целях замещения некоторых должностей лицами, знающими якутский язык, и в целях осуществления плана введения разговорной якутской речи среди сотрудников в учреждениях и предприятиях.

2. Все центральные, окружные, улусные (волостные) и наслежные (сельские) учреждения и предприятия обязаны принимать письменные обращения наравне с русским и на якутском языке и давать ответы на том же языке, подготовляя таким образом переход к твердому ведению делопроизводства на якутском языке.

3. В целях окончательного закрепления делопроизводства на якутском языке в низовых аппаратах, постоянно и непосредственно соприкасающихся с местным населением, установить перевод делопроизводства в улусных и наслежных учреждениях и предприятиях с 1 октября 1924 года.

4. В целях подготовки работников по разным отраслям специальностей и обеспечения в будущем постоянным и достаточным кадром лиц, владеющих якутским языком и письменностью: а) вменить в обязанность руководителей учреждений организовать курсы по обучению якутскому языку и письменности служащих возглавляемых ими учреждений; б) при распределении стипендий в высшие учебные заведения отвести не менее 30% мест трудящейся молодежи из якутов и местных аборигенов, владеющих якутским языком; в) обратить особенное внимание на школы I ступени и на школы ликвидации безграмотности среди якутов; г) во всех профтехнических учебных заведениях отвести определенное место для учащихся якутов и организовать при этих заведениях подготовительные курсы на якутском языке; д) ввести во всех школах II ступени, профтехнических учебных заведениях, совпартшколах и школах 1 ступени обязательное для всех учащихся преподавание на якутском языке; е) обязать Народный Комиссариат Торговли и Промышленности во всех своих предприятиях, требующих технических навыков (электрические станции, мастерские и проч.), принимать в качестве учеников преимущественно якутов; ж) для подготовки специалистов по речному делу обязать управление пароходства ЯАССР должности водников, рулевых, лоцманов, кочегаров, масленщиков, баржевых приказчиков замещать якутами или лицами владеющими якутским языком.

5. Признать необходимым обучение в школах I ступени среди якутского населения вести в первые два года исключительно на якутском языке; вменить в обязанность учреждениям свои постановления и распоряжения, имеющие широкое значение, опубликовывать в местной официальной газете на якутском языке; образовать при ЯЦИК'е для руководства делом проведения в жизнь якутской письменности Совет якутской письменности.

О порядке издания официальных распоряжений и литературы в ЯАССР на якутском языке.

В целях выработки единообразия терминологии на якутском языке и осуществления функций политконтроля и инспекции по делам печати на якутском языке, Президиум Якутского ЦИК'а и СНК ЯАССР, в раз-

витие ст. 5 постановления своего от 26 мая 1924 года о введении якутского языка и письменности, и в дополнение постановления своего от 18 февраля 1924 года об образовании Совета якутской письменности[1]), п о с т а н о в л я ю т:

1. Все печатные издания официального характера на якутском языке (публикации, плакаты, отдельные издания и т. д.) допускать к выпуску только с разрешения Совета якутской письменности.

2. Функции по политконтролю и инспекции по делам печати для изданий на якутском языке возложить на Совет якутской письменности.

3. Поручить Совету якутской письменности выработать и представить на утверждение Президиума ЯЦИК проект инструкции по проведению настоящего постановления в жизнь, согласованный с НКЮ, Отделом ГПУ и НКЗдравом.

4. Настоящее постановление входит в силу со дня издания и подлежит опубликованию в печати.

1 сентября 1924 г.

Циркуляр по якутизации госорганов ЯАССР.

В с е м н а р о д н ы м к о м и с с а р а м, н а ч а л ь н и к а м с а м о с т о я т е л ь н ы х у п р а в л е н и й и п р е д с е д а т е л я м о к р у ж н ы х и с п о л н и т е л ь н ы х к о м и т е т о в (утв. През. ЯЦИК).

Исходя из того, что Советская власть с момента об'явления ЯАССР стала кровно родной властью средняцким, бедняцким, хамничитским и всем трудовым слоям коренного населения ЯАССР и учитывая, что старый аппарат власти являлся по своему существу паразитическим, чуждым интересам населения, все силы наших органов должны быть направлены к широкому и массовому вовлечению трудящихся Якутии в советское строительство. Отныне органы советской власти должны отвечать быту коренного якутского населения, они должны стать орудием их приобщения к более высоким ступеням культурно-общественной жизни, орудием их политического и экономического раскрепощения. Практическое его осуществление лежит в разрешении вопроса об якутизации органов управления в масштабе ЯАССР.

Считая якутизацию государственных органов управления в настоящий момент основной ударной задачей строительства ЯАССР, согласно решения 4-й сессии ЯЦИК 2-го созыва, в осуществление возложенного на меня задания Президиумом ЯЦИК от 22 сентября с. г., в порядке общего руководства якутизацией госорганов, предлагаю к неуклонному исполнению следующее:

1. В устранение всяких недоразумений, принимать и рассматривать как письменные, так и словесные заявления, ходатайства, жалобы и прочие дела на якутском языке от граждан республики; должностные лица и служащие государственных учреждений, отказывающиеся от приема заявлений под предлогом незнания якутского языка, будут привлекаться мною к ответственности, с преданием дисциплинарному суду при ЯЦИК, согласно статьи 3-й лит. „А“ и ст. 6-й положения о дисциплинарных судах РСФСР.

2. Полная ликвидация якутской неграмотности среди служащих госорганов и окончательный переход к делопроизводству учреждений на якутском языке, согласно постановления 4-й сессии ЯЦИК, устанавливается к 1 мая 1925 года; к этому времени руководители государственных учреждений должны озаботиться о своевременной ликвидации

[1]) Текст постановления 18 февр. 1924 г. здесь не помещается, как конкретный акт.

технической неграмотности своих служащих и подготовкой своего аппарата к безболезненному переходу на якутский язык.

3. Служащих государственных учреждений, пренебрежительно относящихся к делу якутизации государственных органов управления, игнорирующих ее и манкирующих службой на якутском языке—немедленно увольнять вовсе со службы, не принимая ни в одно учреждение ЯАССР.

4. С первого октября с. г. принимать на службу в государственные учреждения ЯАССР только лиц, владеющих якутским языком и могущих вести на нем деловые сношения.

5. Новые приглашения спецов высокой квалификации, особо необходимых для ЯАССР, и прием на службу с 1 октября с. г. лиц, незнающих якутского языка, производится с санкции председателя ЯЦИК.

6. С первого октября с. г. во всех учреждениях ЯАССР в книгах и делах о личном составе администрации и служащих учреждений, особо отмечать их национальность, знание якутского языка, давность их службы, честное и аккуратное отношение к делопроизводству на якутском языке. При регистратуре учреждений нужно особо отмечать количество всех поступающих и рассмотренных дел на якутском языке за каждый месяц.

7. Идя навстречу желаниям трудящихся масс на местах (улусах, неслегах), где сходы, собрания, митинги, и с'езды советов ведутся и происходят только на якутском языке—вести протоколы их обязательно на якутском языке.

8. Вменить в обязанность всех учреждений ЯАССР издавать все свои важнейшие государственного значения акты на якутском языке.

9. Все небходимые материалы и сведения по якутизации органов управления ЯАССР по первому требованию секретариата ЯЦИК должны быть без замедления представляемы в ЯЦИК для составления особого отчета к предстоящему третьему Всеякутскому С'езду Советов.

1 октября 1924 года.

(„Автономная Якутия", № 22, 1924 г.)

О переводах на якутский язык.

1. Техническое исполнение переводов постановлений и законоположений возложить на переводческую комиссию при АКПросздраве, поручив общий контроль и наблюдение за правильностью переводов НКЮ ЯАССР.

2. При Главсуде ЯАССР учредить должность судебного переводчика якутского языка, с оплатой по 14 разряду из местных средств.

1 октября 1924 г. Председатель ЯЦИК Ойунский.
Секретарь Габышев.

О порядке перевода на якутский язык местных ведомственных постановлений и распоряжений и общегосударственных законов.

а) В развитие приложения к главе IV Конституции ЯАССР о порядке внесения вопросов на рассмотрение СНК и ЯЦИК обязать все наркоматы и управления ЯАССР вносить в Президиум ЯЦИК и Совнаркома ЯАССР проекты декретов и постановлений с переводом на якутский язык, при чем об'яснительные записки могут быть представляемы только на русском языке.

б) Переводы на якутский язык местных ведомственных постановлений и распоряжений вменить в обязанность самих ведомств и отдельных

учреждений, в общем порядке издания ими постановлений и распоряжений.

в) Переводы на якутский язык общегосударственных законов и распоряжений производить по ведомственной линии, с возложением обязанности выполнения этих переводов на соответствующие наркоматы и управления, при чем окончательное редактирование текста этих переводов возложить на НКЮст ЯАССР, с запрещением издания и опубликования этих переводов без визы НКЮста ЯАССР.

11 января 1926 г.

Секретарь ЯЦИК Ф. М. Егоров.

(*„Автономная Якутия“, № 15, 1926 г.*)

О якутизации.

а) В развитие прежде изданных правительством ЯАССР постановлений о якутизации, обязать Управление делами ЯЦИК и СНК, все-наркоматы, управления, отдельные государственные и кооперативные учреждения и организации ЯАССР, включительно до окружного масштаба работ, но не ниже, перевести с 1 марта 1926 г. свои аппараты на параллельное делопроизводство на двух языках: якутском и русском, с тем, чтобы вести делопроизводство в зависимости от необходимости на одном из языков или на двух одновременно, в порядке, определяемом нижеуказанными пунктами:

Примечание 1. Действие настоящего пункта временно не распространяется на Главсуд ЯАССР и Госбанк с его отделениями.

Примечание 2. Из делопроизводства исключается счетно-бухгалтерская часть, каковая временно должна вестись на одном русском языке, но с обязательством приема оправдательных документов (расписок, квитанций и пр.) на якутском языке.

б) Протоколы заседаний и отдельные постановления ЯЦИК, его Президиума СНК и окрисполкомов, а равно подлежащие распубликованию отдельные распоряжения и приказы их, должны издаваться одновременно на двух языках: якутском и русском.

в) Постановления, распоряжения и приказы по другим учреждениям, перечисленным в п. „а“ настоящего постановления, должны издаваться одновременно на двух указанных языках только в тех случаях, когда таковые подлежат распубликованию, или подлежат сообщению окрисполкомам и низовым учреждениям ниже окрисполкомов.

г) Всякое официальное распубликование должно производиться одновременно на двух языках: якутском и русском.

д) Все учреждения, перечисленные в п. „а“ настоящего постановления обязаны исключительно на одном якутском языке сноситься со всеми окрисполкомами и низовыми учреждениями ниже окрисполкомов за исключением учреждений, волостей и сельских обществ русских и иных национальностей и во всех случаях устного и письменного обращения, на якутском языке, включая и обращения частных лиц.

е) Все учреждения, перечисленные в п. „а“ настоящего постановления, обязаны исключительно на одном русском языке сноситься с учреждениями РСФСР, СССР и друг. республик, входящих в состав их, а также с учреждениями волостей и сельских обществ русских и иных национальностей внутри ЯАССР, если таковые не обращаются сами на якутском языке и во всех случаях устного и письменного обращения на русском языке со стороны частных лиц русского населения или лиц других национальностей, не знающих якутского языка.

ж) Все учреждения, перечисленные п. „а“ настоящего постановления, сносятся между собой на одном из двух языков, по выбору в зависимости от удобства и целесообразности, но с обязательством ответа на якутском языке в случае обращения на этом языке.

Примечание. Исключение составляют сношения со всеми окрисполкомами и обратно, которые должны производиться обязательно на якутском языке.

з) Все низовые учреждения ниже окрисполкомов обязаны вести делопроизводство исключительно на одном якутском языке, за исключением учреждений волостей и сельских обществ русских и иных национальностей, которые могут вести делопроизводство на одном из двух языков или на двух параллельно по своему выбору.

Примечание. Не исключаются учреждения малых туземных народностей ЯАССР ввиду поголовного знания этими народностями якутского языка.

и) Низовые учреждения ниже окрисполкомов, ведущие делопроизводство исключительно на одном якутском языке и ведущие делопроизводство исключительно на одном русском языке, сносятся между собой при возможности с переводом на второй язык, а при невозможности — через окрисполкомы.

к) Обязать все учреждения, перечисленные в п. „а“ настоящего постановления, для постановки параллельного делопроизводства на двух языках, подыскать и иметь с 1 марта 1926 г. на должностях управделами, секретарей и начканцев только лиц, знающих якутский язык и якутскую письменность.

л) В развитие постановления Президиума ЯЦИК от 11 января с. г. за № 55, п. 5, лит. „в“ возложить техническое выполнение переводов на якутский язык общегосударственных законов РСФСР и СССР на переводческую комиссию при НКПросздраве ЯАССР по заданиям подлежащих ведомств и в потребных случаях на средства, особо изыскиваемые.

м) Возложить на Центральную Комиссию при ЯЦИК по проведению якутизации распределение между учреждениями, перечисленными в п. „а“ настоящего постановления, всех имеющихся в ЯАССР множительных аппаратов и пишущих машин с якутским шрифтом, в порядке обязательной платности стоимости их.

н) Предать дисциплинарному суду лиц, виновных в нарушении постановлений правительства ЯАССР о якутизации, в частности касающихся приема после 1 мая 1924 г. на службу без соответствующего разрешения лиц, не знающих якутского языка, о каковых лицах поручить Центральной Комиссии при ЯЦИК по проведению якутизации собрать дела и представить президиуму ЯЦИК для направления по подсудности.

о) Поручить Центральной Комиссии при ЯЦИК по определению якутизации представить по надлежащей разработке к ближайшему заседанию Президиума ЯЦИК доклад о практическом проведении перехода на параллельное делопроизводство на двух языках, с учетом технической стороны и материальных расходов.

Якутск, 25 января 1926 г.

Председатель Якутского Центрального Исполнительного Комитета
П. А. Ойунский.

Секретарь Якутского Центрального Исполнительного Комитета
Ф. М. Егоров.

(„Автономная Якутия“, № 32 ,1926 г.)

ЧУВАШИЯ.

Обязательное постановление Исполнительного Комитета Чувашской Автономной Области о реализации чувашского языка в пределах области от 23 марта 1922 г.

В развитие своего декрета от 26 января с. г. о реализации чувашского языка[1]) в целях скорейшего проведения его в жизнь, Исполнительный Комитет Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов Чувашской Автономной Области, идя навстречу жизненным интересам чувашских трудовых масс к безотлагательному и неуклонному исполнению устанавливает:

I.

Общие для учреждений положения.

1. Во всех советских государственных и кооперативно-общественных учреждениях области разговор с гражданами чувашами должен происходить на чувашском языке.

2. На чувашском языке могут быть составляемы все подаваемые в учреждении области бумаги: заявления, просьбы, жалобы, об'яснения, протоколы, акты и проч.

3. Всем государственным, кооперативным и кредитным учреждениям области вменяется в обязанность принимать поступающие на чувашском языке заявления и переписку.

4. Все циркуляры, воззвания, об'явления, плакаты и проч., предназначенные для чувашского населения, должны быть составляемы на чувашском языке.

5. На с'ездах, общих собраниях и заседаниях коллегий, при разноплеменном составе их, доклады и прения по ним, а также протоколы и постановления могут быть допускаемы на русском и чувашском языках, но распоряжения и постановления с'ездов в заседании для чувашского населения делаются на чувашском языке.

6. По делам, требующим командировок на места с чувашским населением, учреждения обязываются поручать таковые командировки исключительно лицам, владеющим чувашским языком.

7. Немедленно организовать краткосрочные курсы по изучению правописания и изложения мыслей на чувашском языке для знающих чувашский язык сотрудников учреждений, которые в первую очередь могут быть использованы для предстоящей работы по реализации чувашского языка.

8. Предложить отделам уездным и областным при назначении на вакантные места и при сокращении штатов преимущество давать лицам, знающим чувашский язык.

9. Для безболезненного осуществления положений, изложенных в п. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 и 8, во главе отдельных учреждений, их подотделов и секций должны стоять лица, хорошо владеющие чувашским языком.

II.

Положение для некоторых учреждений.

А. Предлагается вести все делопроизводство на чувашском языке:

1. Сельским советам, волисполкомам, уездным и областным отделам: а) народного образования (во всех управлениях), б) земельному,

[1]) Декрет, устанавливавший в качестве „государственного языка области — чувашский", фактически поглощен настоящим актом, который в свою очередь после постановлений 1925 г. приобретает скорее историческое значение.

в) управления, г) труда, д) юстиции, с обревтрибуналом, и е) местному транспорту.

Примечание. Уездные и областные отделы, значащиеся в отделе II, лит. А, п. 1 за исключением Нарсвязи, обязываются безотлагательно приступить к подбору лиц, могущих поставить делопроизводство в этих учреждениях на чувашском языке.

2. Сельсоветы, волисполкомы, уездные и областные отделы, указанные в отделе II, лит. А, п. 1, могут писать на чувашском языке во все учреждения области.

Б. Книги, счета и документы по бухгалтерии ведутся, впредь до особого распоряжения, по принятому порядку, на русском языке.

Примечание. Журналы входящих и исходящих бумаг, книги, протоколы и разносные должны быть использованы применительно к требованиям настоящего постановления.

В. Нижепоименованным учреждениям предлагается в частности: а) Оботнаробу: 1. Признать обязательным изучение чувашского языка краевых предметов во всех чувашских школах чувашской области.

2. В школах I ступени первые четыре года обучение вести на родном языке.

3. В старших группах школ I ступени обучение вести как на русском, так и на чувашском языках, при чем обучение краевым предметам и чувашскому языку вести обязательно на чувашском языке.

4. В школах II ступени, в педтехникумах обучение краевым предметам, чувашскому языку и чувашской литературе вести исключительно на чувашском языке.

5. При педтехникумах организовать чувашские опытные школы, где обучение вести обязательно на чувашском языке.

6. В профтехнических школах и техникумах изучение чувашского языка, краевых предметов и чувашской литературы обязательно для чуваш.

7. Выработать программу предметов по краеведению: чувашскому языку, истории, этнографии чуваш, музыке, пению, специально-экономическому состоянию Чувашской области.

8. Издать русско-чувашский словарь научных, политических, экономических, литературных и юридических терминов. Работу закончить и подготовить к печати не позднее 1 июня 1922 года.

б) Областному Отделу Юстиции: 1. В первую очередь обязательно вести судоговорение на родном языке по делам, по коим фигурируют в качестве свидетелей и обвиняемых чуваши.

2. Если в деле, кроме чуваш, фигурируют лица, не знающие чувашский язык, то судоговорение производить на чувашском языке посредством переводчика.

3. Предварительное следствие над чувашами, находящимися под следствием, производить непременно на родном их языке, без помощи переводчика.

4. Написанные на русском акты, постановления, протоколы и т. п. документы оглашать непременно на чувашском языке.

5. Для перехода к полному судопроизводству на чувашском языке предложить Отделу Юстиции при помощи компетентных лиц, приготовить формы протокола, постановлений, актов, приговоров и проч. почувашски.

6. Для подготовки же судебно-следственных деятелей судопроизводства на чувашском языке, устроить кратковременные само-курсы с теоретическими и практическими занятиями.

в) Обревтрибуналу. 1. При следственном производстве следователи обязываются принимать от чуваш как устные, так и письменные показания, заявления, об'яснения и проч. на чувашском языке.

2. Подписку о невыезде, повестки, постановления об осмотре вещей, об избрании мер пресечения и протоколы допроса обвиняемых и свидетелей для чуваш составлять на чувашском языке, по выработанным формам.

3. Судоговорение вести на чувашском языке при наличии чуваш в числе членов коллегии.

При этом обвинительный акт, протоколы судебного заседания, анкеты,—опроса обвиняемых и свидетелей вести на чувашском языке.

4. По возможности избирать в качестве следователей лиц, могущих вести следственное делопроизводство на чувашском языке.

г) Обгосполитуправлению. В целях точности осведомления, информации, получаемые от осведомительного аппарата на местах, а также могущие быть по ним следствия вести на чувашском языке.

д) Облпродкому. Во главе коллегии по управлению заготовок в облпродкоме и упродкомах, а также волостными налоговыми инспекторами иметь лиц, владеющих чувашским языком.

е) Обфинотделу. Обфинотделу и уфинотделу реализировать чувашский язык в области переписки общего характера с местными учреждениями.

ж) Совнархозу. Иметь в качестве агентов по лесозаготовкам людей, знающих чувашский язык.

III.

1. Признать необходимым иметь при Отуправе особую и постоянную комиссию при обязательном секретаре для успешной реализации чувашского языка в Автономной Области.

2. Настоящее постановление входит в силу со дня опубликования.

Председатель Обл. Испол. Комитета и Член ВЦИК'а Коричев.

Зав. Област. Отделом Управления Сухарев.

Секретарь Облисполкома Михайлов.

Постановление I (6) Всечувашского С'езда Советов (26—31 января 1926 года по реализации чувашского языка.

В целях большего приближения советского аппарата к чувашским трудящимся массам и вовлечения последних в общее советское строительство через реализацию чувашского языка, в дальнейшем необходимо проведение следующих мероприятий:

1. Фактическое осуществление делопроизводства на чувашском языке во всех сельских, волостных и уездных учреждениях, обслуживающих чувашское население, а равно установление в центральных административных учреждениях ЧАССР сношения с 4 уездами на чувашском языке, с усилением в них количества работников, владеющих чувашским языком. Для осуществления этого мероприятия надлежит Центральной Комиссии по РЧЯ [1]) срочно разработать план фактиче-

[1]) Комиссия по реализации чувашского языка при Исполнительном Комитете Чувашии организована с октября 1924 г. Довольно обширное положение о Центральной и местных комиссиях РЧЯ 23 марта 1925 г. частью воспроизведено, частью дополнено в напечатанном ниже акте 29 апреля 1926 г.

ского проведения реализации чувашского языка и таковой преподать всем учреждениям и местным организациям.

2. В целях подготовки кадра квалифицированных работников по реализации чувашского языка необходимо проведение курсов для секретарей сельсоветов при волисполкомах, а также включение в программы разных ведомственных курсов, устраиваемых по ЧАССР, цикла чувашского языка, делопроизводства и истории.

3. В целях технического облегчения канцелярского делопроизводства на чувашском языке, принять меры к снабжению волисполкомов и других учреждений ЧАССР пишущими машинами с чувашским шрифтом.

4. Необходимо обязать комиссии по реализации чувашского языка при наркоматах, уисполкомах, а равно и уполномоченных при волисполкомах, ответственных в проведении мероприятий по РЧЯ конкретно приступить к работе по РЧЯ.

5. В судебно-следственных участках, обслуживающих чувашское население, судоговорение и судопроизводство по возможности должны вестись на чувашском языке, для чего необходимо усилить состав служащих, знающих чувашский язык.

Подписали: Председатель I (6) Всечувашского С'езда Советов ЧАССР Илларионов.

Секретарь I (6) Всечувашского С'езда Советов Захаров.

По вопросу о реализации чувашского языка.

Исполнительный Комитет Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов Автономной Чувашской Социалистической Советской Республики, заслушав отчетный доклад о деятельности Комиссии по реализации чувашского языка за время с 1 октября 1924 года по 1 октября 1925 г. и план работ по реализации чувашского языка на 1925/26 г. постановляет:

Работу Комиссии по реализации чувашского языка за время с 1 октября 1924 г. по 1 октября 1925 г. признать удовлетворительной.

Принимая во внимание недостаточную подготовленность общественного мнения по вопросам реализации чувашского языка даже и среди многих работников в совторганах, предложить Комиссии поднять широкую агитацию по ознакомлению всего населения с правильной политикой советской власти по национальному вопросу.

В 1925/26 году провести в жизнь следующие мероприятия по реализации чувашского языка:

1. Перевод делопроизводства во всех чувашских сельсоветах и волисполкомах на чувашский язык.

2. Установление сношений уездных и районных учреждений с чувашскими волостями и селениями на чувашском языке.

3. Установление судопроизводства в чувашских судебных следственных участках на чувашском языке.

4. Проведение обязательного знания чувашского языка медицинским, ветеринарным и агрономическим персоналом, работающим в чувашских и смешанных районах. Чувашизация в этих участках налогового, страхового и милицейского аппарата и т. п.

5. Установление делопроизводства в уездах, кроме Алатырского, на чувашском языке в Уземотделах, УОНО, милиции, уездных кооперативных органах. Усиление количества работников, владеющих чувашским языком.

6. Установление во всех центральных административных учреждениях сношения с 4 уездами на чувашском языке.

7. Предложить наркоматам и уисполкомам (4) принять меры к увеличению числа служащих — чуваш и русских, знающих чувашский язык.

8. Снабжение виков, уездных и центральных учреждений пишущими машинами с чувашским шрифтом.

9. Подготовка соответствующих машинисток числом не менее 60 человек.

10. Проведение краткосрочных курсов по подготовке секретарей сельсоветов при виках с программой на 40 часов, с привлечением соответствующих лекторов.

11. Устройство курсов для подготовки уездных и центральных работников по реализации чувашского языка на 175 человек.

12. Обучение русских служащих по их добровольному желанию чувашскому языку в гор. Чебоксарах и уездах по наличному числу желающих.

13. Постановка докладов по вопросам реализации чувашского языка с широким обсуждением их на общих собраниях.

14. При совещаниях по советскому строительству уделять должное место и вопросам РЧЯ.

15. Издание академического чувашского словаря проф. Н. И. Ашмарина признать первостепенной и неотложной задачей, а равно усиление издания чувашской литературы по разным отраслям.

16. Включение в программу чувашских школ республики практического изложения мыслей и составления писем и деловых бумаг на родном языке с фактической проверкой при выпусках достигнутых результатов.

17. Обследование отдельных виков и уездных учреждений в целях выявления степени перехода их к делопроизводству на чувашском языке и попутное инструктирование их по вопросам реализации чувашского языка, для чего инструкторы уисполкомов и инспектора НКРКИ при своих обследованиях разных учреждений и предприятий должны внести в программу своих работ соответствующие вопросы по проведению в жизнь реализации чувашского языка, — по инструкциям орготдела ЧувашЦИК, согласованным с Центральной Комиссией РЧЯ.

18. Включать в программы ведомственных курсов, устраиваемых по АЧССР, предметы из цикла чувашеведения, языка и делопроизводства не менее 25% всех часов занятий.

19. Все бумаги и распоряжения по периферии Чувашской Республики направлять сверху вниз в чувашские районы на чувашском языке.

20. Произвести точный учет преподавательских сил по Чувашреспублике для занятий по циклу чувашеведения.

21. При волисполкомах выделить особых уполномоченных по вопросам реализации чувашского языка из состава волработников, ответственных в проведении соответствующих мероприятий пред вышестоящими органами.

22. Обратить внимание Комиссии по реализации чувашского языка на выработку однообразной терминологии в делопроизводстве.

Гор. Чебоксары, 29 октября 1925 г.

Председатель Исполкома АЧССР Илларионов.
Секретарь Исполкома АЧССР Михайлов.

(Бюлл. ЦИК Чувашской Авт. Соц. Республики, 15 января 1926 г., № 6, ст. 40.)

По реализации чувашского языка.

В отмену инструкции, опубликованной в № 51 газеты „Канаш“ от 12 апреля 1924 года, признавая реализацию чувашского языка задачей неотложной, Президиум Центрального Исполнительного Комитета Чувашской Автономной Социалистической Советской Республики постановляет:

1. Все удостоверения, мандаты, доверенности, расписки, договоры, протоколы, денежные документы и проч. официальные деловые бумаги и документы на чувашском языке, исходящие как от госорганов, так и от частных лиц, в пределах Чувашреспублики имеют равную силу с соответствующими официальными бумагами на русском языке.

2. Печати, штампы и вывески всех учреждений и предприятий, дощечки с названиями селений, дорог, пристаней, станций и улиц в городах в пределах Чувашской республики должны иметь текст на чувашском и русском языках.

3. Для всех центральных, уездных, городских, районных, волостных и сельских учреждений ЧАССР обязателен прием как устных, так и письменных обращений на чувашском языке.

Примечание. При письменном обращении на чувашском языке ответы на эти обращения должны быть на чувашском языке.

4. Все мандаты и удостоверения должностных лиц, выдаваемые перечисленными в 3 пункте госорганами и общественными учреждениями Чувашреспублики по командировкам на территории ЧАССР, должны быть написаны на чувашском языке.

5. Все постановления, приказы, инструкции, об'явления, плакаты и т. п., исходящие от перечисленных в 3 пункте учреждений и предприятий для сведения населения и посетителей, должны об'являться на русском и чувашском языках.

6. Все внутреннее делопроизводство (ведение книг, протоколов, ведомостей и т. д.) волостей с большинством чувашского населения, сношения этих волостей с чувашским населением, а также с чувашскими селениями и волостями устанавливаются на чувашском языке. С уездными и областными учреждениями сношения могут быть как на русском, так и на чувашском языках, сношения же с не чувашским населением, селениями и волостями устанавливается на русском языке.

7. Всякого рода собрания, заседания, с'езды, конференции и т. п. в пределах Чувашреспублики могут вестись как на чувашском, так и на русском языках. Если в собрании или заседании, ведущемся на чувашском языке, присутствуют лица, имеющие право голоса и требующие, в виду своего незнания чувашского языка, перевода докладов, прений и резолюций на русский язык, или же имеется аналогичное требование о переводе на чувашский язык в заседаниях, ведущихся на русском языке, то эти требования подлежат удовлетворению.

8. Лица, командируемые в чувашские или смешанные районы, волости и селения от центральных, уездных и городских учреждений Чувашреспублики для проведения различных с'ездов и конференций, а также выборных, налоговых, хозяйственных и проч. кампаний, должны намечаться из лиц, владеющих чувашским языком.

9. Для проведения в жизнь вышеуказанных пунктов госорганы Чувашреспублики под ответственностью их руководителей должны стремиться к наибольшему привлечению на службу лиц из чуваш и вообще владеющих чувашским языком и письменностью, для чего:

а) при приеме служащих все госорганы должны отдавать предпочтение лицам, владеющим чувашским языком, рассматривая знание такового, как определенную квалификацию;

б) все госорганы должны пересмотреть свои штаты с тем, чтобы лица, которым по должности особенно много приходится соприкасаться с чувашским населением, непременно были замещены лицами, владеющими чувашским языком;

в) как местные, так и центральные учреждения и организации Чувашреспублики должны принять все меры к увеличению количества трудящейся молодежи из чуваш в учебных заведениях всех типов;

г) все центральные учреждения Чувашреспублики и уездные исполкомы должны организовать курсы-кружки по обучению чувашскому языку и письменности ответственных и технических служащих своих отделов, а также принимать меры к организации курсов специальной подготовки работников для таких областей работы, в которых ощущается наиболее острый недостаток.

Примечание. Обучение чувашскому языку в кружках и на курсах основывается на принципе добровольности и ни в коем случае не должно быть принудительным.

10. Для обеспечения в будущем госорганов Чувашреспублики служащими, владеющими чувашским языком, Наркомпрос Чувашреспублики и его органы должны:

а) во всех профтехнических учебных заведениях и рабфаках ЧАССР забронировать определенное количество мест для учащихся чуваш;

б) ввести во всех школах II ступени, профтехнических учебных заведениях, партшколах и вузах, а в городах в последних классах также и школ I ступени, обязательно для всех учащихся преподавание чувашского языка.

11. Для планомерного введения чувашского языка во всех государственных учреждениях и предприятиях ЧАССР учреждаются: ЦКРЧЯ при ЦИК ЧАССР, уездные комиссии при уиках и волкомиссия РЧЯ при виках, действующие на основании прилагаемого при сем особого положения.

12. Центральные учреждения Чувашреспублики систематически должны ставить в известность Центральную Комиссию по реализации чувашского языка о работе учреждения в этой области и о встречаемых затруднениях и препятствиях, а также представлять своевременно отчеты по специальным требованиям Центральной Комиссии при ЦИК'е ЧАССР.

13. В отношении учреждений военного ведомства и ГПУ должна быть издана особая инструкция.

14. Проведение в жизнь настоящего постановления возлагается на Орготдел ЦИК'а, Центральную Комиссию РЧЯ при ЧувашЦИК'е и НКП.

15. Всем центральным учреждениям предоставляется издавать на основе и в развитие сего постановления инструкции для подведомственных учреждений по проведению мероприятий по РЧЯ.

16. Настоящее постановление входит в силу немедленно по опубликовании в очередном № „Саккун Хыпаре“ (Сборн. указ. и распор. правительства ЧАССР).

17. Действие сего постановления не распространяется на селения Алатырского уезда.

Приложение к п 11. Положение о комиссиях РЧЯ.

1. В целях планомерного введения чувашского языка во всех государственных учреждениях и предприятиях ЧАССР, в видах приближения советского аппарата к местному населению и вовлечению широких масс трудящихся в советское строительство учреждаются: Центральная Комиссия по реализации чувашского языка при ЦИК ЧАССР, ведомственные комиссии при наркоматах и центральных учреждениях, уездные комиссии при уиках и волостные комиссии РЧЯ при виках.

2. Центральная Комиссия по реализации чувашского языка при ЦИК'е ЧАССР составляется не более, чем из семи членов, назначенных персонально ЦИК ЧАССР. Секретарь ЦКРЧЯ назначается наравне с членами Центральной Комиссии.

3. Комиссия по реализации чувашского языка, являясь вспомогательным органом Центрального Исполнительно К-тета ЧАССР, исполняет распоряжения Совнаркома и ЧувашЦИК'а по реализации чувашского языка, а также представляет свои соображения и проекты в этой области на утверждение Центрального Исполнительного Комитета.

4. Центральная Комиссия РЧЯ финансируется по сметам и штатам, утверждаемым ЦИК ЧАССР.

Примечание. В отдельных случаях по разрешению ЦИК'а Комиссии предоставляется право сдельной оплаты труда за научно-технические и переводческие работы.

5. Центральная Комиссия руководит деятельностью всех комиссий по реализации чувашского языка.

6. Центральная Комиссия по реализации чувашского языка имеет право требовать от всех местных учреждений, кооперативных и частных предприятий предоставления в ее распоряжение всякого рода письменных и печатных материалов по реализации чувашского языка—программ, планов, отчетов, смет, цифровых данных, сводок, таблиц и пр.

7. Центральная Комиссия РЧЯ инструктирует и контролирует все учреждения ЧАССР по реализации чувашского языка, ревизуя делопроизводство через особых, командируемых на места, лиц или через аппарат НК РКИ и инструкторов орготдела.

8. Центральная Комиссия РЧЯ в своем производстве пользуется канцелярским аппаратом ЦИК.

9. Комиссия по реализации чувашского языка при наркоматах, центральных учреждениях образуется распоряжением лица, возглавляющего учреждение в составе не менее трех лиц, персонально утверждаемых ЦК РЧЯ.

10. Уездные комиссии состоят при уиках; в их состав входят: 1) председатель уика или его заместитель, 2) зав. орг. инструкторским отделом уика, 3) представитель УОНО, 4) представитель от профорганизаций и 5) один из инструкторов орготдела.

Примечание. Комиссии РЧЯ могут привлекать к своей работе и других лиц, сведущих в деле РЧЯ.

11. На уездкомиссии по реализации чувашского языка возлагается:

а) руководство делом реализации чувашского языка в подведомственных им волостях и селениях уезда;

б) широкое оповещение постановлений ЦИК и распоряжений Центральной Комиссии по вопросу о реализации чувашского языка в уездных учреждениях, в волостях и селениях;

в) руководство уездными, волостными и сельскими учреждениями по проведению настоящего положения и распоряжений Центральной Комиссии РЧЯ.

г) учет и целесообразное распределение совработников и культработников чуваш и безработных совслужащих, владеющих чувашским языком;

д) наблюдение и контролирование совместно с органами РКИ и НКЮ исполнения госорганами как настоящего положения, так и прочих распоряжений центральных органов Чувашреспублики в области реализации чувашского языка и привлечение к ответственности виновных за неисполнение.

12. Для РЧЯ в волисполкомах, обслуживающих чувашское население, образуются волкомиссии РЧЯ, утверждаемые УК РЧЯ.

Примечание. Волкомиссии при необходимости по местным условиям могут привлекать к своей работе сведущих лиц.

13. Центральной, ведомственным и уездным комиссиям для нижестоящих комиссий по реализации чувашского языка предоставляется право составления всякого рода письменных и печатных правил, инструкций, указаний, анкет и проч. на основе постановлений ЦИК'а ЧАССР о реализации чувашского языка.

Гор. Чебоксары, 29 апреля 1926 г.

Подписали: Зам. Председателя ЦИК'а ЧАССР А. Харитонов.
Врид. Секретаря ЦИК'а ЧАССР Л. Лукин.

(*Сборн. уз. и расп. ЧАССР, РСФСР и СССР, изд. Чуваш. ЦИК'ом, 1 июня 1926 г., № 13—14, ст. 62.*)

МАРИЙСКАЯ ОБЛАСТЬ.

Постановление Марийского Областного Исполнительного Комитета по проведению в жизнь начал национальной политики и реализации марийского языка

Часть первая.

Советская власть с самого начала об'явила полное равноправие и свободу всех наций, освободив от всякого угнетения малые народности, поставила себе задачею поднятие культуры ранее угнетенных народов. За эти годы советская власть воплотила в жизнь об'явленные ею начала в национальном вопросе. Два года работы Маробисполкома были заняты организационным устройством и борьбой с голодом и его последствиями. Только первый год Маробласть приступает к плановой советской работе. Стремясь к осуществлению в пределах Марийской области начал национальной политики советской власти, Маробисполком постановляет:

1. Об'явить официальными языками в пределах Маробласти языки: марийский и русский.

2. Обязать служащих советских учреждений изучать марийский язык, для чего организовать с 1 января 1924 г. в городах: Краснококшайске, Козьмодемьянске и Сернуре курсы марийского языка. Организацию курсов возложить на отделы народного образования.

3. Пропустить через курсы в первую очередь работников и служащих милиции и уголовного розыска, исполнительных комитетов, юстиции, финотделов, общих отделов. Во вторую очередь работников

городских библиотек, отделов здравоохранения, образования, собеза, больниц, домов заключения. В третью очередь остальные учреждения. Ответственность за прохождение курсов служащими названных учреждений возложить на администрацию.

4. Все наиболее важные печатные материалы по советскому строительству печатать обязательным порядком и на марийском языке.

5. В целях приближения органов власти к широким слоям трудового населения, обязать волисполкомы в сношениях с сельсоветами, состоящими исключительно из мари, перейти на марийский язык, с татарскими (в Маритурекской волости) на татарский язык; с сельсоветами со смешанным составом населения сношения ведутся на языке большинства населения.

Примечание. Однако, волисполкомам и сельсоветам, по желанию населения, разрешается вести сношения и на одном языке (т.-е. на русском или на марийском).

6. Сношения между волисполкомами и кантонами и их отделами, а также кантонными учреждениями с областными могут вестись на том или другом языке.

Примечание. Счетоводство ведется на русском языке.

7. Выступления представителей власти на публичных собраниях, митингах и иных местах, производить на родном языке большинства слушателей.

Примечание. В случае, когда выступление по незнанию языка не может производиться на языке большинства слушателей, употребляется тот из официальных языков, который известен выступающему с обязательным, однако, переводом на язык большинства слушателей.

8. На всех с'ездах, конференциях могут употребляться оба из официальных языков.

Примечание. Перевод их на язык слушателей, не знающих того или другого языка, производится по желанию слушателей.

9. При личных сношениях не должно отказываться от выслушивания просьбы или обращения на родном для обращающихся языке. При незнании употребляют переводчика.

10. Всем ответственным руководителям учреждений из состава работников своего учреждения, владеющих марийским языком, выделить переводчиков, к помощи коих обращаться во всех случаях, при незнании марийского языка.

11. Обязать ответственных руководителей учреждений теперь же начать укомплектовывать свои штаты с таким расчетом, чтобы в них были представлены в достаточном количестве марийцы или лица, знающие марийский язык.

12. Воспретить личному составу всех учреждений под уголовной ответственностью в выступлениях, при личных обращениях, употребление уничижительных слов.

Часть вторая.

Марийский Областной Исполнительный Комитет, признавая, что поднятие культурного уровня отсталых, ранее угнетенных национальностей, установление тесного сотрудничества между всеми национально-

стями находится в зависимости от правильного практического разрешения вопросов национальной политики во всех отраслях советского государства, по народному образованию постановляет провести следующие мероприятия:

1. Во всех однородных школах обязательно преподавание языка учащихся и преподавание на языке учащихся. В смешанных школах обязательно изучение марийского языка.

В однородных школах с исключительно русским или татарским составом учащихся изучение марийского языка не является обязательным.

2. Обратить серьезное внимание на подготовку культработников со знанием марийского языка, быта и нравов мари.

3. Во всех педтехникумах и с.-хозтехникумах, как в учебных заведениях, в которых больше всего готовятся педагоги и руководители по с. х-ву для работы среди марийского крестьянства изучение марийского языка обязательно.

Принимаются в эти учебные заведения по преимуществу знающие марийский язык.

4. В остальные профтехнические учзаведения прием производится на общем основании, т.-е. со знанием и без знания языка мари.

5. Организовать при педтехникумах и с.-х. техникумах подготовительные группы для марийцев.

Примечание. Принять при этом во внимание отсталость учащихся мари из-за плохого знания языка и проч.

6. Принимая во внимание, что для поступления в вуз отсутствует достаточное количество кандидатов из мари, организовать в ближайшие годы краткосрочные курсы к подготовке в вуз.

7. При командировках в вуз, имея в виду громадный недостаток работников высшей квалификации со знанием языка, быта и нравов, мари, безусловно отдавать предпочтение лицам, знающим таковые, но не за счет искусственной задержки культурного роста других национальностей.

8. Обратить особое внимание на подготовку работников мари для органов юстиции, для чего организовать юридические курсы.

9. Организовать месячные курсы акушерок и санитаров для лиц со знанием марийского языка.

10. Организовать 6-недельные периодические кооперативные курсы, преимущественно с составом из мари.

11. Обеспечить Козьмодемьянский с.-хоз. техникум с лесным отделением в достаточно полной мере учащимися со знанием языка мари.

12. Обратить серьезное внимание на вовлечение женщин, в особенности марийских, в профтехнические школы.

13. Ввиду невозможности совместной подготовки в педтехникумах Области татарских учителей договориться с Татнаркомпросом о даче мест в педагогических учебных заведениях для татар Маробласти. Выделить необходимые средства.

14. Принять меры к открытию в 1924/25 учебном году школы-семилетки для татар.

15. Основательная переподготовка учительства имеет весьма важное значение, почти главное в смысле содействия практическому проведению национальной политики. Принять меры к организации курсов по переподготовке учительства, пропуску через совпартшколы, организации курсов, конференций и т. д.

16. В марийских и смешанных школах все работники должны владеть языком учащихся.

Примечание. Временно, ввиду недостатка работников, в старших группах смешанных школ могут быть допущены лица, не знающие языка, но с обязательством изучения его в кратчайший срок.

17. В татарских, вотякских и чувашских школах, во всех группах учителя должны знать язык детей.

18. На основе материалов Обпроверкома и во исполнение пунктов 16 и 17 провести переброску учителей из одной школы в другую.

19. Детские дома комплектуются по языковому признаку и смешанными. Для всех руководительниц обязательно знание языка детей, как в первом, так и во втором случае.

20. Во все школы II ст. принимаются со знанием и без знания языка мари, но с обязательным изучением его в этих школах (в текущем году делается отступление, как и в отношении педтехникумов). Методическому Совету при ОБОНО поручается установить — в каких группах преподавать марийский язык.

21. Куженерский школьный городок должен быть по языковому признаку, Оршанский и Мари-Биляморский — смешанными. Признать необходимым организацию в с. Еласах горно-марийской семилетки.

22. Признать необходимым периодический созыв совещания зав. школами для правильного проведения всех мероприятий на местах.

23. Обполитпросвету сосредоточить свое внимание на работе в деревне.

24. Работники волостных библиотек с населением мари и смешанным все должны знать язык мари. Что касается центральных библиотек в городах, то в них состав работников со знанием языка мари довести до 50%.

25. Принять меры к тому, чтобы в политпросветработе обеспечить места в большинстве, для лиц со знанием языка мари.

26. Организовать избы-читальни и культпросвет, кружки в деревнях, в особенности марийских.

27. Организовать в Параньге татарскую библиотеку.

28. Придать культпросвет-экскурсиям в деревню плановой характер, вовлекая все организации и культурные силы.

29. Упорядочить и усилить культшефство над деревней.

30. Весь просвещенский аппарат на местах приспособить применительно к требованиям данного постановления.

31. Работу комиссии по переводчеству и издательству при ОБОНО определить в следующем:

а) взять на учет изданную литературу на марийском языке;

б) взять на учет все имеющиеся рукописные материалы.

в) начать издание в первую очередь учебников по общеобразовательным и общественным дисциплинам по заранее выработанному плану на основе результатов проведения 1 и 2 пунктов.

г) учесть работников марийской литературы;

д) начать усиленные сборы и разработку материалов по истории, этнографии, быту и нравам народа мари, для составления и издания соответствующих учебников и другой литературы.

е) поддержать составление и издание полного словаря языка мари из средств ОбИК.

ж) пополнить типографию марийским шрифтом;

з) обратить особое внимание на усиление деятельности научного общества по изучению местного края, как на реальную силу в деле составления литературы на марийском языке, в первую очередь учебников для школ.

32. Принять все меры к поддержанию материальными средствами работы Научно-Методического Совета, организацию инструктивно-методической школы и курсов по переподготовке марийских учителей.

Проведение в жизнь настоящего постановления возложить на областной отдел народного образования и кантисполкомы.

Краснококшайск, 23 ноября 1923 г.

Председатель Марийского Областного Исполнительного Комитета Смирнов.
Секретарь Семенов.

О практическом проведении реализации марийского языка [1]).

В целях усиления коренизации соваппарата, а также большего вовлечения к активному советскому строительству коренного населения области марийцев и в развитие постановления ВЦИК РСФСР от 14/IV 1924 г. (С. У., № 41, ст. 371), Президиум Маробисполкома постановляет:

1. Обязать госорганы и отдельные части их делопроизводство переводить на марийский язык.

2. Практическая работа по переводу делопроизводства на марийский язык в местностях с большинством марийского населения должна начаться с низовых советских органов — с сельских советов.

Предложить кантисполкомам: Моркинскому — к 1-му июля с/г. перевести на марийский язык делопроизводство всех сельсоветов с марийским составом населения; Звенигородскому, Козьмодемьянскому, Сернурскому и кантону Йошкар-Ола к указанному же сроку перевести делопроизводство на марийский язык не менее 25% всего состава сельсоветов.

3. Предложить Моркинскому кантисполкому делопроизводство его аппарата и аппарата его отделов перевести на марийский язык к 1-му июля с/г.

К 1-му же июля с/г. перевести делопроизводство на марийский язык в областных отделах — Обзу и Обоно, для чего последним предложить немедленно организовать курсы по изучению марийского языка

4. В основном переход на марийский язык учреждений и организаций должен быть проведен к 1 января 1928 года, для чего предложить учреждениям и организациям провести конкретные мероприятия по переводу делопроизводства к указанному сроку.

В частности предложить немедленно организовать в делопроизводстве группы из сотрудников марийцев, или знающих марийский язык, могущих обслуживать как массу населения на их родном языке, так и те учреждения и организации, которые переведут делопроизводство на марийский язык.

5. В целях единообразного употребления технических выражений, терминов и т. п. на марийском языке, облегчения русским и другим служащим усвоения и пользования марийским языком, а также перевода их (терминов) для общего пользования,— считать необходимым в срочном порядке издание русско-марийского словаря, помимо академического

---

[1]) Некоторые постановления предшествующих годов (см., напр., прот. № 39 1926 г.) не приводятся, в виду конкретного характера или поглощения настоящим актом.

словаря, издание коего предусмотрено постановлением Президиума ОбИКа от 16/XII 1926 г. (прот. № 39, § 10). Разработку и издание русско-марийского словаря поручить комиссии, каковую утвердить в составе т.т.: Эшкинина, Васильева, Митюка, Березкина, Белкова, Егорова, Иванова Н., Карпова, Мухина и Ермакова. Кроме того, поручить Орготделу ОбИК'а в срочном порядке издать существующие руководства по делопроизводству на марийском языке.

6. Перевод делопроизводства в учреждениях и организациях на марийский язык не должен повлечь за собой увольнения или ухудшения использования работников русских и др. национальностей, для чего необходимо создать все условия по изучению ими марийского языка.

В осуществление этого предлагается провести следующие мероприятия:

а) Во всех учреждениях создать курсы по изучению марийского языка.

б) В случае малочисленности сотрудников того или иного учреждения, в целях создания курсов с нормальным кадром слушателей, провести об'единение с сотрудниками других учреждений.

в) Предложить всем учреждениям в дни занятий курсов освобождать сотрудников от работы на $^1/_2$ часа раньше обычного срока, уменьшая таким образом на $^1/_2$ часа рабочий день.

Примечание. Это не должно повлечь за собой увеличения количества сотрудников и ухудшения работы учреждения.

Занятия курсов установить ежедневно продолжительностью в 1 час.

г) Предложить учреждениям и организациям за их счет обеспечить сотрудников необходимыми пособиями для изучения марийского языка.

Облегчая всемерно изучение сотрудникам марийского языка, Обисполком призывает работников учреждений и организаций внимательно отнестись к намеченным мероприятиям и всемерно способствовать проведению их в жизнь, предупреждая одновременно, что в отношении работников, уклоняющихся от изучения марийского языка без достаточных оснований, могут быть приняты меры вплоть до освобождения от работы.

7. Предложить всем учреждениям и организациям с переводом на марийский язык их делопроизводства обеспечить обслуживание русских и других национальных меньшинств на их родном языке.

Все справки, разговоры, раз'яснения, переписка с русскими и др. должны производиться на их родном языке.

8. Ответственность за проведение настоящего постановления возложить на руководителей учреждений и организаций, а общее руководство по коренизации соваппарата оставить за президиумом Областного исполнительного комитета, а в кантонах—за президиумами кантисполкомов.

Постоянное наблюдение за выполнением настоящего постановления возложить на РКИ.

9. Имея в виду п. 8 настоящего постановления, во изменение постановления президиума ОбИК'а от 20/II 1925 г. (прот. № 9, § 2) и от 30/IX 1926 г. (прот. № 30 § 11), Комиссию по реализации марийского языка (РМЯ) реорганизовать, оставив ее при орготделе ОбИК'а в качестве подсобного технического органа.

10. Поручить орготделу ОбИК'а совместно с РКИ и учено-методическим советом Обоно в трехнедельный срок представить на утверждение президиума ОбИК'а инструкцию по применению настоящего постановления.

Гор. Йошкар-Ола, 24 марта 1927 г.

Председатель Маегов.
Секретарь Яковлев.

(Протокол № 2 заседания Президиума Облисполкома Марийской Области.)

ОБЛАСТЬ ВОТИ

Протокол комиссии по реализации вотского языка в учреждениях и организациях Вотской Автономной Области 23 сентября 1924 года.

(Извлечение.)

Раздел 1. О переводе делопроизводства на вотский язык.

1. Для действительной реализации вотского языка установить как общее правило, что разговорная речь и общая переписка (прием заявлений, ходатайств, ответы на них и т. д.) должны вестись как на русском, так и на вотском языке во всех учреждениях и организациях области, начиная с сельсоветов и кончая областными учреждениями и организациями.

2. В целях планомерности и постепенности перехола к внутреннему делопроизводству на вотском языке, начать таковой переход с сельсоветов и волисполкомов, как непосредственно соприкасающихся с массами вотского населения при следующих условиях:

а) в волостях с населением от 50% и выше вотяков внутреннее делопроизводство перевести на вотский язык;

б) в волостях с населением от 50% и выше русских внутренее делопроизводство оставить на русском языке.

Примечание. Общую переписку и разговорную речь вести согласно пункта 1 настоящего протокола, за исключением Курьинской волости, население которой состоит на 100% из русских.

[Следует поименное отнесение волостей к вотской и русской группам, предписание вести на вотском языке внутреннее делопроизводство в уездных учреждениях и организациях, соприкасающихся с широкими слоями вотского населения (общие отделы, земотделы, управления милиции и уг. розыски, судебные и следственные органы, налоговой аппарат, кооперация), предписание оставить на русском языке делопроизводство в областных учреждениях и организациях за исключением редакции газеты „Гудыри“ и педагогических техникумов; далее подробные указания о подготовке кадра работников знающих вотский язык, путем введения в учреждения 10% практикантов вотяков, организации специальных курсов, издание руководств, инструкций и т. п.

Установлено обязательное обучение вотских детей в школах I ступени на родном языке с одновременным преподаванием русского языка.]

Инструкция по введению вотского языка в госучреждениях, госпредприятиях и общественных организация Вотской Автономной Области.

Во исполнение постановления 5 областного С'езда Советов ВАО по национальному вопросу:

1. Всякие удостоверения, мандаты, доверенности, расписки, договоры, протоколы, денежные документы и проч. официальные деловые бумаги и документы на вотском языке, исходящие как от госорганов, общественных организаций, так и от частных лиц, в пределах Вотской Автономной Области имеют равную силу с соответствующими документами на русском языке.

2. Печати, штампы и вывески всех госучреждений и госпредприятий и общественных организаций, дощечки с названием селений,

дорог, станций и улиц в городах, — в пределах Вотской Автономной Области должны быть обязательно на вотском и русском языках.

3. Для всех областных, уездных, городских, волостных учреждений и общественных организаций, а так же в сельсоветах ВАО и в местностях с вотским населением обязателен прием как устных, так и письменных обращений на вотском языке.

Примечание. При письменном обращении на вотском языке, ответы на таковые даются на вотском языке в обязательном порядке.

4. Все мандаты и удостоверения должностных лиц, выдаваемые перечисленными в пункте 3 госорганами и общественными организациями Вотской Автономной Области, должны быть одновременно написаны на вотском и русском языках.

5. Всякие постановления, приказы, инструкции, об'явления, плакаты и т. п., исходящие от перечисленных в пункте 3 учреждений, предприятий и общественных организаций, касающихся широких слоев населения ВАО, должны об'являться одновременно на вотском и русском языках. Если указанные постановления и проч. публикуются в газетах, то они должны помещаться в газетах „Гудыри“ и „Ижевская правда“.

6. Все внутреннее делопроизводство (ведение книг, протоколов, ведомостей, денежные отчетности и проч.) в волисполкомах временно сохраняется на руссском языке, но при наличии ратотников можно сейчас же переходить на вотский язык.

7. Сношения и распоряжения как в устном, так и письменном виде волисполкомов с сельсоветами, об'единяющими вотское население и вообще с вотяками, устанавливаются в обязательном порядке на вотском языке. Там, где сельсоветы об'единяют вотское и русское население, распоряжения даются на обоих языках, а в местностях с чисто русским населением — на русском языке.

8. Волисполкомы, а равно и другие учреждения в пределах Вотской Автономной Области имеют право сноситься с другими волисполкомами, с госучреждениями, уездными и областными, на вотском языке.

9. Делопроизводство сельсоветов, с преобладающим большинством вотского населения, за исключением ведения книг (протоколы, приговоры, ведомости и т. д.), может производиться на вотском языке; всякие удостоверения, справки, уполномочия и проч., выдаваемые сельсоветами, в этих случаях должны писаться на вотском языке; в случае направления, за пределы ВАО или в волости и селения с невотским населением, эти бумаги, при их свидетельствовании волисполкомами, должны снабжаться переводом на русский язык.

Примечание. Исходящие бумаги на вотском языке за пределы ВАО от областных, уездных учреждений и общественных организаций, точно так же должны снабжаться переводом на русский язык в обязательном порядке.

10. В пределах Вотской Автономной Области государственным языком является вотский и русский. На всех советских собраниях и заседаниях, в том числе на с'ездах и конференциях, русский и вотский языки имеют равные права. Если в собрании или заседании, ведущемся на русском языке, присутствуют лица, имеющие право голоса и требующие (ввиду своего незнания русского языка) перевода докладов, прений и резолюций на вотский язык, или же имеется аналогичное требо-

вание о переводе на русский язык в заседаниях, ведущихся на вотском языке, то эти требования подлежат удовлетворению.

11. Лица, командируемые в вотские или смешанные районы, волости и селения, от областных, уездных и городских советских учреждений ВАО для проведения выборных, налоговых, хозяйственных и прочих кампаний должны намечаться из лиц, владеющих вотским языком.

12. Для проведения в жизнь вышеуказанных пунктов госорганы ВАО под ответственностью их руководителей должны стремиться к наибольшему привлечению в свои учреждения на службу лиц из вотяков, для чего: а) при приеме служащих все госорганы должны отдавать предпочтение, при прочих равных условиях, вотякам и лицам, владеющим вотским языком, рассматривая знание такового, как определенную квалификацию, б) все госорганы должны пересмотреть свои штаты с тем, чтобы должности, которым особенно много приходится соприкасаться с вотским населением, обязательно должны быть замещены вотяками или лицами хорошо владеющими вотским языком.

Примечание. В первую очередь п. „б" относится к органам милиции, юстиции, народного образования, земледелия, здравоохранения и к низовым налоговым аппаратам.

в) По изучению вотского языка и письменности ответственными работниками и техниками и техническими служащими должны быть организованы в обязательном порядке курсы-кружки как в области, так и в уездах по одному, а при наличии преподавательских сил и средств—и более.

г) Как местные, так и областные учреждения и организации ВАО должны принять меры к наибольшему командированию трудящейся молодежи из вотяков в учебные заведения и по возможности принять на себя заботы о семьях командируемых.

13. Для обеспечения в будущем госорганов и общественных организаций ВАО служащими из вотяков и владеющими вотским языком, отделы народного образования должны: а) неуклонно проводить реализацию вотского языка, считая таковую одной из ударных работ; б) обращать особое внимание на школы I ступени и на школы по ликвидации неграмотности среди вотяков с тем, чтобы поднять грамотность среди вотского населения до уровня грамотности среди прочих народностей Вотобласти;

в) Во всех профтехнических учебных заведениях (рабфаках и т. д.) забронировать определенное количество мест для учащихся вотяков, а также принимая во внимание трудности поступления, в виду их малоподготовленности, организовать для вотяков в профессионально-технических учебных заведениях, рабфаках и школах II ступени подготовительные группы и классы; г) ввести во всех школах II ступени, профтехнических учебных заведениях, в партшколах, рабфаках и техникумах обязательное для учащихся преподавание вотского языка; д) учащимся вотским детям в школах I ступени обязательно обучение на родном вотском и одновременно преподавание русского языка.

14. Ведомственное районирование ВАО по различным госорганам (границы административных единиц, судебных и следственных участков, районов милиции, учреждений здравоохранения, хозяйственных и прочих органов) должно согласоваться по возможности с национальным составом населения, — в соответствии с чем каждое ведомство должно пересмотреть границы своих районов.

15. Все областные учреждения ВАО, в особенности ОбОНО, ОбЗУ, ОбЗдрав, должны пересмотреть сети своих учреждений (школ, библиотек, нардомов, клубов, опытно-показательных полей, больниц, медицинских и ветеринарных, фельдшерских и прокатных пунктов, случ. пунктов и т. д.) с целью равномерного распределения последних по районам с той или другой народностью, а также с точки зрения обеспечения работниками, владеющими вотским языком, тех своих учреждений и предприятий, которые расположены в вотских и смешанных районах.

16. В развитие и раз'яснение настоящей инструкции, отделам Обисполкома предоставляется право издавать свои циркуляры и практические указания в области реализации вотского языка для подведомственных им учреждений.

17. Областные учреждения ВАО систематически должны ставить в известность Обисполком о реализации вотского языка, о работе учреждений в этой области и о встречаемых затруднениях и препятствиях. Уездные и волостные учреждения должных посылать аналогичные отчеты в уисполком, а уисполком в Обисполком.

18. На уисполкомы по реализации вотского языка возлагается:

а) широкое оповещение настоящей инструкции о реализации вотского языка в уездных учреждениях, в волостях, в селениях и среди населения;

б) руководство по проведению в жизнь настоящей инструкции уездными, волостными, сельскими учреждениями;

в) учет и целесообразное распределение совработников и культработников вотяков и безработных совслужащих, владеющих вотским языком, совместно с органами учета и распределения рабсилы и партработников;

г) контролирование совместно с органами РКИ и НКЮ исполнения госорганами как настоящей инструкции, так и прочих постановлений и распоряжений Обисполкома в области реализации вотского языка и привлечения к ответственности виновных в неисполнении таковых.

19. Настоящая инструкция вводится в жизнь со дня ее опубликования в печати[1]).

Предобисполкома Наговицин.
Секретарь Русинов.
Зав. Ор. частью Грозный.

ОБЛАСТЬ КОМИ.

Справка.

Принципиальное решение о зырянизации советского аппарата области Коми принято Президиумом Облисполкома 24 ноября 1923 г. и утверждено III Областным С'ездом Советов. Создана специальная комиссия по зырянизации, приступившая к работе 27 ноября 1923 года. Работа велась в следующих направлениях: подготовка работников, практически знающих коми-язык; обучение коми-языку сотрудников, его не знающих; приспособление технического аппарата (пишущие машинки, шрифт, словари, самоучители и т. д.).

Намечены и проводятся: 1) введение родного языка в разговорную речь сотрудников всех учреждений области, имеющих дело непосред-

---

[1]) Инструкция издана отдельной брошюрой в конце 1921 г.

ственно с коми-населением[1]); 2) перевод всего делопроизводства низового аппарата (волостного и уездного и большей части областного на коми-язык); 3) зырянизация всех печатных изданий, выходящих в течение года и предназначенных для крестьян Коми-области; 4) перевод важнейших кодексов и распоряжений центральной власти; 5) содействие к созданию оригинальных и переводных литературных произведений на коми-языке для народных библиотек, домов и школьных библиотек; 6) содействие зырянизации школы I ступени и введение коми-языка, как предмета, во все школы II ступени и повышенного типа.

ЧЕЧНЯ.

Выписка из протокола № 9 Президиума ЦИК Чеченской Области от 27 августа 1924 года.

(Извлечение.)

1) Признать возможным приступить к делопроизводству на чеченском языке, начав таковое с нагорной полосы; 3) из местных языков надлежит признавать государственным чеченский язык; 4) признать Петропавловскую волость из трех бывших станиц и одного хутора волостью национального меньшинства, для которой делопроизводство должно быть на русском языке; 6) предложить Облоно ввести курсы по обучению местному языку лиц, работающих в учреждениях, но не владеющих местным языком.

[Следуют постановления о введении делопроизводства на чеченском языке тремя этапами с октября месяца 1924 г. по октябрь 1925 года в различных округах и учреждениях области, в плоскогорных округах с отнесением расходов на местные средства, о приобретение пишущих машин со шрифтом на чеченском языке, типографского шрифта, изданий специальных руководств, книг и т. д. с отнесением расходов на госбюджет.]

КАЛМЫКИЯ.

Протокол заседания комиссии по переводу делопроизводства на местный язык в Калмыцкой Области 4 сентября 1924 г. по поводу циркулярного распоряжения ЦИК РСФСР о переводе на местный язык делопроизводства совваппаратов.

1. Параллельно существующему делопроизводству на русском языке признать необходимым введение делопроизводства на местном калмыцком языке, почему в первую очередь ускорить отлитие и заготовку нового алфавита русской транскрипции, принятого КалмЦИК и утвержденного ГУС.

2. Ввиду малоопытности калмыков в канцелярском делопроизводстве ввести практикантство калмыков во всех госучреждениях Калмобласти, для чего ходатайствовать перед центром об увеличении штата госучреждений до 10%.

3. Озаботиться составлением сметы по заготовке шрифта.

4. Организовать в областном центре счетоводно-бухгалтерские курсы на 50 человек.

5. Организовать при улусных центрах 2-месячные курсы по изучению техники делопроизводства.

6. Организовать на местах курсы-школы по проведению в жизнь и изучению новой транскрипции среди населения.

[1]) От 70 до 80% работников области — коренные коми, что облегчает реализацию коми-языка.

7. Обязать все учебные заведения, находящиеся в гор. Астрахани, а также и в улусах изучением нового алфавита русской транскрипции, как отдельного предмета.

8. Озаботиться составлением сметы по расходу на содержание и работу переводческой комиссии, как то: издание кодексов, декретов, распоряжений СССР и брошюр по ведению делопроизводства и отчетности на местном языке.

9. Ввиду экономической слабости Калмыцкой Области и большой дефицитности местного бюджета, все расходы по введению калмыцкого языка в делопроизводство произвести за счет госбюджета [1]).

ОЙРАТИЯ.

Постановление по советскому строительству I Областного С'езда Советов Ойратской Автономной Области.

(Извлечение.)

5. Все законы и декреты РСФСР и распоряжения центральной сов. власти для граждан Ойратской Автономной Области, а равно и для советских государственных органов и Областного Исполнительного Комитета Советов считаются обязательными, а потому Ойратская Автономная область не присваивает себе права законодательства.

6. Областной С'езд Советов и его Исполнительный Комитет пользуются правами рассмотрения и изменения законов и распоряжений центральной власти РСФСР применительно к местным условиям Ойратской автобласти, согласно существующих положений.

14. Так как ойратские народы в настоящее время не имеют своей самостоятельной грамотности и язык ойратских племен настолько культурно не развит, что не представляется возможным ввести свой национальный алфавит и наречие, признать целесообразным сохранение русской грамоты и русского языка в деле управления областью, а также все делопроизводство и отчетность в государственных и общественных учреждениях области вести на русском языке.

15. Признать необходимым перевод на алтайский язык всех центральных и местных распоряжений органов сов. власти, касающихся всего населения области.

16. Желательно ввести во всех школах для алтайского населения изучение русского языка.

(5 мая 1923 года. Протоколы С'езда, отд. изд. Улала, 1923 г.)

III. ПРОЕКТЫ ПО ВОПРОСУ О РАВНОПРАВИИ ЯЗЫКОВ.

А. Проект постановления Президиума ВЦИК 1923 г. (первый).

В развитие основных начал, установленных декларацией прав народов России 3 ноября 1917 г. (газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства № 4), Конституцией РСФСР (ст. 11 и 22), Положением о школах национальных меньшинств (Собр. узакон 1918 г., № 80), Положением о Народном Суде (Собр. узакон. 1920 г., № 83), Уголовно-

[1]) Позднейшие постановления по Калмыцкой Области носят в большинстве конкретный характер. 12 февраля 1927 г. комиссия по коренизации (переименованная из комиссии по переводу делопроизводства на местный язык) приняла постановление о переводе делопроизводства некоторых улусов на калмыцкий язык с 1 мая 1927 г., утвержденное 17 февраля 1927 г. Калмоблисполкомом. Однако уже 14 мая возник вопрос о больших расходах и недостатке работников на местах.

Процессуальным Кодексом и договором об образовании СССР 30 декабря 1922 г. („Известия" 1923 г., № 1), Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета п о с т а н о в и л:

1. Каждый гражданин, на каком бы языке он ни говорил, имеет право обращаться во всякое государственное учреждение или иное учреждение, обслуживающее интересы местного населения, с заявлениями, письменными или устными, на родном языке.

Примечание. Если языком обращения является один из местных языков, то учреждение обязано дать ответ на том же языке.

2. ЦИК'и автономных республик, облисполкомы, губисполкомы и горисполкомы в местностях со смешанным населением, в трехмесячный срок со дня опубликования настоящего постановления, определяют, какие языки признаются местными в пределах данной автономной республики, области, губернии, в районе губернии или городе и на каком или на каких языках ведется делопроизводство в государственных органах или учреждениях.

3. Местными языками или наречиями считаются те, которые признаются обиходным языком: а) не менее, чем 10% общего населения автономных республик, областей или губерний, и б) для городских поселений не менее чем 20% городского населения.

4. Все распоряжения властей, которые опубликовываются для местного населения, обязательно публикуются на всех местных языках.

5. Для осуществления правил, изложенных в пп. 1—4, органы власти в местностях со смешанным населением должны строиться, по преимуществу, из людей местных, знающих язык, быт и нравы и обычай соответствующих народов, а местные учреждения обязаны иметь в своем составе служащих лиц, знающих местные языки.

6. Для обеспечения прав местных языков в судебных учреждениях, с организацией специальных камер Нарсуда для рассмотрения дел, когда участники процесса говорят на одном из местных языков, поручить Народному Комиссариату Юстиции выработать соответствующую инструкцию в трехмесячный, со дня опубликования настоящего заявления, срок.

7. Должностные лица, виновные в нарушении приведенных правил об обеспечении прав национальностей, караются наказаниями, предусмотренными 1-й и 2-й ч. 105 ст. Уг. Кодекса.

Б. Проект постановления Президиума ВЦИК 1923 г. (второй).

В развитие основных начал, установленных декларацией прав народов России 3 ноября 1917 г. (Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства, № 4), конституцией РСФСР (статья 11-я и 22-я), положением о школах национальных меньшинств (Собр. узакон. 1918 г., № 80), положением о Народном Суде (Собрание узакон. 1920 г., № 8, ст. 22), Уголовно-Процессуальным Кодексом и договором об образовании СССР 30 декабря 1922 г. („Известия" 1923 г., № 1), Президиум Центрального Исполнительного Комитета п о с т а н о в и л:

I. О г о с у д а р с т в е н н ы х я з ы к а х.

1. Все языки, употребляемые народами РСФСР, равноправны и считаются государственными языками РСФСР. Никто не может ограничивать употребление гражданином РСФСР его родного языка на собраниях,

в общественных местах, в правительственных органах и учреждениях (школа, суд) и общественных организациях.

2. Все законы, публикуемые центральными органами РСФСР во всеобщее сведение, публикуются на всех языках, являющихся языками делопроизводства автономных республик, областей, коммун, губерний, входящих в состав РСФСР.

3. Язык делопроизводства и междуведомственных сношений центральных правительственных органов, он же язык сношений их с органами автономных республик, областей и отдельных губерний, а также этих последних друг с другом, устанавливается по свободному соглашению народов РСФСР С'ездом Советов РСФСР. Этот язык является языком аутентичного (подлинного) текста законов. Впредь до ближайшего с'езда этим языком является русский язык.

Примечание 1. Любой делегат С'езда Советов РСФСР вправе поднять вопрос о пересмотре этого решения перед ЦИК СССР.

Примечание 2. Областные и местные органы вправе сноситься с центральными на языке своего делопроизводства.

4. Ни одно центральное или местное государственное учреждение не может отказать гражданину РСФСР в приеме письменного заявления, на каком бы языке оно ни было написано и в даче письменного ответа на том же языке или с приложением перевода на этом языке. Срок ответа на заявление, написанное на неупотребляемом в данной местности языке, определяется особой инструкцией, которую поручается дополнительно разработать Наркомнацу по соглашению с Наркомюстом в месячный срок.

5. Для обеспечения исполнения по заявлениям, написанным на языках, не употребляемых в данной местности, а также для снабжения государственных органов в случае надобности устным переводом, при Наркомнаце (ВЦИК), при ЦИК'ах республик, областей и губисполкомах учреждаются государственные бюро переводчиков. Вопрос о языках, обязательных для этих бюро, решается Исполкомом на основании данных местного опыта. Для центрального бюро переводов обязательны языки всех народов РСФСР.

Примечание. Для создания кадров профессиональных переводчиков учреждаются центральные государственные институты переводчиков для народов Востока и народов Запада. Наркомпросу (Главпрофобру) поручается в месячный срок разработать проект положения об этих институтах.

6. Язык (или языки) делопроизводства и междуведомственных сношений в отдельных автономных республиках, а также губерниях с не русским или смешанным населением устанавливается по добровольному соглашению населяющих данную территорию народностей С'ездом советов. Впредь до ближайшего С'езда делопроизводство ведется на том языке, на котором велось до сих пор.

Примечание. Любой делегат С'езда вправе поднять перед ВЦИК'ом РСФСР и ЦИК'ом СССР вопрос о пересмотре этого решения.

7. Преподавание в школах РСФСР ведется на родном языке учащихся.

8. Ни один орган народного образования не может отказать группе трудящихся родителей в создании школы на родном языке их детей,

хотя бы этот язык не принадлежал к числу местных, если таковых имеется достаточное количество для создания обычного в данной местности возрастного комплекта (25—40 детей).

II. О местных языках.

9. ЦИК'и автономных республик, облисполкомы, губисполкомы, уисполкомы и горисполкомы в местностях с не русскими или смешанным населением, в двухмесячный срок со дня опубликования настоящего постановления, определяют, какие языки в пределах данной автономной республики, области, губернии, уезда или города считаются местными.

10. Местным языком может быть признан язык, на котором говорит любая часть населения, но во всяком случае права местного языка в пределах республики, области, губернии должны быть обеспечены за каждым языком, на котором говорит не менее % трудящихся республики, области или губернии. В городах местным языком считается также язык, на котором говорит не менее % трудящегося населения данного города и не менее % трудящегося населения прилегающего уезда, или не менее % всего городского населения республики, области, или губернии.

11. Никакое учреждение не в праве отказать гражданину, говорящему на одном из языков, признанных в районе деятельности учреждения местными, в приеме устного заявления на его языке и в деле устного или письменного ответа на том же языке.

12. Для губернских учреждений обязательными, согласно п. 11, считаются все языки, которые признаны местными, хотя бы в одном пункте или районе губернии, а также язык, установленный, как язык сношений С'ездом Советов РСФСР.

13. Все распоряжения областных, губернских и местных органов, публикуемые во всеобщее сведение, печатаются на всех местных языках.

Примечание. Если будет доказано, что распоряжение местной власти не выполнено по причине неопубликования его или несвоевременного опубликования на понятном местному населению языке или языках, то это может служить основанием к освобождению данного гражданина от ответственности.

14. Для обеспечения указанных в пп. 11, 12 и 13 прав местные учреждения должны иметь в своем составе достаточное количество сотрудников, могущих об'ясняться с населением непосредственно на местных языках. При этом необходимо иметь в виду не только язык большинства, но и язык национальных меньшинств.

15. Для обеспечения прав местных языков в судебных учреждениях с организацией в случае необходимости специальных камер нарсуда для рассмотрения таких процессов, все участники которых говорят на одном и том же местном языке, поручить Народному Комиссариату Юстиции по соглашению с Наркомнацем выработать соответствующую инструкцию в 3-месячный со дня опубликования настоящего декрета срок.

16. Должностные лица, виновные в нарушении приведенных правил об обеспечении прав национальности, караются наказаниями, предусмотренными первой и второй ч 105 ст. Уг. Кодекса.

17. Руководители и сотрудники общественных организаций, обслуживающих широкие массы населения (профсоюзы, кооперативы и т. п.), виновные в нарушении прав местных языков и в предоставлении привилегий одному языку, связанных с материальным или моральным ущербом для граждан, не владеющих этим языком, караются.....

ПРОЕКТЫ КОНСТИТУЦИЙ АВТОНОМНЫХ РЕСПУБЛИК 1925-1927 гг.

(Извлечение.)

Дагестанская АССР [1]).

Ст. 6. Языки всех национальностей, населяющих территорию Дагестанской Социалистической Советской Республики, равноправны. Каждому гражданину в Дагестанской ССР обеспечивается возможность в его сношениях с государственными органами и в сношениях государственных органов с ним пользоваться родным языком, равно как пользоваться таковым на заседаниях С'ездов Советов, на всяких других С'ездах, заседаниях и разных публичных выступлениях.

Башкирская АССР.

Ст. 7. Исходя из равенства прав граждан, независимо от их расовой и национальной принадлежности, Башкирская ССР об'являет совершенно несовместимым с основными законами Республики какое бы то ни было угнетение национальных меньшинств или ограничение их равноправия. За гражданами СССР признается право свободного пользования родным языком на с'ездах, в суде, управлении и общественной жизни. Национальным меньшинствам обеспечивается право обучения на родном языке в школе.

Ст. 8. Официальными языками в Башкирской ССР признаются башкирский и русский языки.

Татарская АССР [2]).

Ст. 12. Татарская ССР, исходя из равенства прав граждан, независимо от их расовой или национальной принадлежности, об'являет совершенно несовместимым с основными законами Республики какое бы то ни было угнетение национальных меньшинств или ограничение их равноправия. За гражданами СССР признается право свободного пользования родным языком на с'ездах, в суде, управлении и общественной жизни. Национальным меньшинствам обеспечивается право обучения на родном языке в школе.

Ст. 22. Официальными языками в Татарской ССР признаются татарский и русский. На этих языках публикуются одновременно все декреты, постановления и другие законодательные и правительственные акты, исходящие от высших центральных органов республики.

Чувашская АССР [3]).

Ст. 12. Государственными языками на территории Чувашской Автономной Социалистической Советской Республики признаются чувашский и русский.

Ст. 13. В целях способствования вовлечению широких слоев трудящихся масс чуваш в дело управления государством и социалистического строительства Чувашская АССР ставит своей задачей полное введение чувашского языка во всех государственных и общественных учреждениях и организациях.

Примечание. Национальным меньшинствам обеспечивается право обучения на родном языке в школе и предоставляется право пользования им в государственных и общественных учреждениях и организациях.

---

[1]) Проект принят VI Дагестанским С'ездом Советов 5 апреля 1927 г.
[2]) Проект принят VI С'ездом Советов Татарской АССР 13 марта 1926 г.
[3]) Проект принят VI Всечувашским С'ездом Советов 26—31 января 1926 г.

Крымская АССР [1]).

Ст. 37. Общеупотребительными языками в государственных и общественных учреждениях и организациях КрымАССР являются русский и татарский с правом всех остальных национальностей пользоваться их родным языком.

Казакская АССР.

Ст. 13. За трудящимися, населяющими Казакскую АССР, признается право свободного пользования родным языком на с'ездах и в общественной жизни, а равно при обращении в суд и органы управления, и право обучения на родном языке и об'является недопустимым какое бы то ни было угнетение национальных меньшинств или ограничение их равноправия. Государственными языками КазАССР признаются казакский и русский.

Киргизская АССР.

Ст. 14. За гражданами Киргизской АССР признается право свободного пользования родным языком на с'ездах, в суде, управлении и общественной жизни.

Национальным меньшинствам обеспечивается право обучения на родном языке в школе.

Ст. 16. Официальными языками в Киргизской АССР признаются киргизский, русский и узбекский. На этих языках публикуются одновременно все декреты, постановления и другие законодательные акты, исходящие от высшей центральной власти.

Якутская АССР.

(Вводный закон.)

Ст. 4. Настоящую конституцию ЯАССР издать на якутском и русском языках.

Бурят-Монгольская АССР.

[Проект в ст. ст. 99—100 устанавливает надписи на гербе и флаге БМАССР на бурят-монгольском и русском языках] [2]).

Карельская АССР.

Глава II.

О государственных языках Автономной Карельской ССР.

Ст. 7. Равноправными государственными языками в пределах Автономной Карельской ССР являются карельско-финский и русский языки.

Ст. 8. Законодательные и административные акты центральной и местной власти Автономной Карельской ССР, равно как и декреты и распоряжения Федеративной и Союзной власти, непосредственно касающиеся политической и хозяйственной жизни Автономной Карельской ССР, публикуются на обоих указанных языках.

---

[1]) Проект принят V Всекрымским С'ездом Советов 7 апреля 1927 г.

[2]) Аналогичные постановления о надписях на гербе и флаге на языках соответственно казакском и русском, киргизском и русском, русском и татарском, тюркском и русском содержат проекты Казакстана (ст. 123—124), Киргизстана (ст. 58—59), Крыма (ст. 34 и 35), Дагестана (ст. 94).

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№

Ст. 9. Делопроизводство, судопроизводство и обучение в отдельных местностях Автономной Карельской ССР ведется на языке большинства населения данной местности или на обоих государственных языках, по определению Карельского ЦИК'а.

Ст. 10. Все сношения вышестоящих учреждений и организаций с нижестоящими органами ведутся на языке, принятом для делопроизводства последних.

АССР Немцев Поволжья.

Ст. 31. Официальными языками на территории АССР НП являются языки немецкий, русский и украинский. За национальностями, населяющими АССР НП признается право свободного пользования родным языком на с'ездах, в суде, управлении и общественной жизни и право обучения на родном языке в школе.

Во всех административных частях республики делопроизводство ведется на языке большинства населения каждой такой части (кантона, города, села),

Переписка вышестоящих административных единиц с нижестоящими ведется на языке, принятом для делопроизводства последних.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ.

Стран.:	*Строка:*	*Напечатано:*	*Надо:*
25	17-18 св.	выддвигает	выдвигают
29	1 „	конструкция	конституция
29	5 сн.	вес	весь
30	15 св.	июльские	июньские
70	18 „	и по	по
78	19 сн.	12 ноября	22 ноября
87	20 „	белорусскими	белорусским
88	12 св.	24 декабря	25 декабря
93	2 сп.	30 ноября	23 и 30 ноября
98	6 св.	подготовки	подготовки,
104	11 сн.	ц в	в
119	2 сп.	актов, об	актов об
135	1 „	№ 342	№ 34
159	18 „	23 ноября	22 ноября
166	22 св.	обеспечения	обеспечению
175	22 „	утверждением	утверждения
185	19 сн.	Камскому	Кемскому
186	10 св.	крайисполкомам	окрайисполкомам
207	15-16 „	все учреждения и наркоматы	всех учреждениях и наркоматах
211	17 „	плакатов	плакатах
219	17 „	краевых	и краевых
238	8 сн.	№ 8	№ 83

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

ОТ АВТОРА 3

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Язык и право.

1. Проблема равноправия языков 5
2. Язык и правовое воздействие 6
3. Теория множественности языков 10
4. Теория об'единения языков 13
5. Сопоставление теории и действительности. Задача равноправия языков в освещении Каутского и Ленина 16
6. Языковая картина современной Европы 21
7. Сопоставление выводов из двух теорий (§§ 3 и 4), реальное равноправие языков 25
8. Правовой опыт Европы в новое время 27

ГЛАВА ВТОРАЯ. Равноправие языков в советской системе. Досоюзный период.

9. Социальные и политические предпосылки. „Государственный язык" старого имперского права 41
10. Декларация прав народов России и ее программное содержание 45
11. Советское языковое право в досоюзный период 50

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Режим языков в праве Союза ССР, союзных республик и советских автономий.

12. Союз ССР 60
13. ЗСФСР 63
14. Узбекская ССР и Туркменская ССР 69
15. УССР и БССР 74
16. РСФСР 91
17. Автономии РСФСР и УССР 99
18. Общие выводы 115

ПРИЛОЖЕНИЕ: Законодательные материалы.

I. Законодательство Союза ССР и союзных республик.

Союз ССР 119
Закавказье (ЗСФСР, Грузия, Армения, Азербайджан) 121
Узбекистан (Узбекская ССР) 133
Туркменистан (Туркменская ССР) 143
Украина (УССР) 145
Белоруссия (БССР) 162
Российская Республика (РСФСР) 175

II. Образцы законодательства советских автономий.

Молдавия 180
Немецкое Поволжье 181
Карелия 185
Дагестан 186
Крым . . . . . —
Татарстан 189
Казакстан 200
Башкирия 203
Бурятия 209
Якутия 212
Чувашия 218
Марийская область 226
Область Вотяки 232
Область Коми 235
Чечня 236
Калмыкия . . . . . —
Ойратия 237

III. Проекты по вопросу о равноправии языков.

Проекты постановлений Президиума ВЦИК 1923 г. 237
Проекты конституций автономных республик РСФСР 1925—1927 г.г. (извлечение) 241

ТРУДЫ

РОССИЙСКОЙ АССОЦИАЦИИ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ИНСТИТУТОВ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

I. ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ.

1. *Вихляев, П. А.*, проф. — Дифференциация земледельческих предприятий в условиях мирового сельского хозяйства. Доклады и прения. Москва—1926 г. Стр. 64. Цена 60 коп.

2. *Кауценеленбаум, З. С.*, проф.—Некоторые проблемы теории кредита. К вопросу о сущности банкового депозита. Доклад и прения. 1926 г. Стр. 102. Цена 75 коп.

3. *Маслов, П. П.*, проф.—Влияние естественных и социальных условий на производительность труда. Доклад и прения. Москва—1926 г. Стр. 90 + 4 диаграммы. Цена 75 коп.

4. *Маслов, П. П.*, проф.—Влияние расстояния на распределение производительных сил. Доклад и прения. Москва — 1926 г. Стр. 69 + 2 диаграммы. Цена 60 коп.

5. Влияние неурожаев на народное хозяйство России. Под общей редакцией В. Г. Громана. Часть I. Москва—1927 г. Стр. 301. Цена 2 руб. 75 коп.

6. Влияние неурожаев на народное хозяйство России. Под общей редакцией В. Г. Громана. Часть II. Москва—1927 г. Стр. 200. Цена 1 руб. 80 коп.

7. *Рубин, И. И.*— Абстрактный труд и стоимость в системе Маркса. Москва—1927 г. Стр. 94.

8. *Кондратьев, Н. Д., и Опарин, Д. Н.* — Большие циклы кон'юнктуры. Москва —1928 г. Стр. 238. Цена 2 р. 50 к.

II. ИНСТИТУТ СОВЕТСКОГО ПРАВА.

9. *Дурденевский, В. Н.*, проф.— Равноправие языков в советском строе. Москва—1927 г. Стр. 240. Цена 2 р. 25 к.

III. ИНСТИТУТ ИСТОРИИ.

10. *Преображенский, П. Ф.*, проф.—Тертуллиан и Рим. Опыт по истории первого христианства и раннехристианской церкви. Москва—1926 г. Стр. 204. Цена 2 руб. 50 коп.

11. *Веселовский, С. Б.*, проф.—К вопросу о происхождении вотчинного режима. Москва—1926 г. Стр. 128. Цена 90 коп.

12. Сборник статей. Выпуск I.—Памяти Александра Николаевича Савина (1873—1923). Москва—1926 г. Стр. 540. Цена 3 руб. 75 коп.

13. Ученые записки. Том II. Москва—1927 г. Стр. 338. Цена 3 руб. 50 коп.

IV. ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ИСКУССТВОЗНАНИЯ.

14. Древний мир. Выпуск I. Москва—1924 г. Стр. 54.

15. Рисунки старых мастеров в Музее Института Искусств. Вып. I. Под ред. проф. *А. А. Сидорова.* Москва—1924 г. XII таблиц с текстом.

16. *Некрасов, А. И.*—Забытая подмосковная. Москва—1925 г. Стр. 48.

17. *Брунов, Н. И.*—Извлечение из отчета о командировке в Полоцк, Витебск и Смоленск. Москва—1926 г. Стр. 8.

18. Труды Отделения Искусствознания. I. Москва—1926 г. Стр. 98+XII таблиц. Цена 1 руб. 60 коп.

19. Труды Отделения Археологии. I. Москва—1926 г. Стр. 93++X таблиц. Цена 1 руб. 60 коп.

20. Труды Социологической Секции. I. Москва—1927 г. Стр. 149. Цена 1 руб. 80 коп.

V. ИНСТИТУТ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ.

21. *Беляев-Башкиров, Б. В.*—Статистический метод в психологии и педологии. Москва—1927 г. Стр. 74. Цена 1 руб.

22. *Добрынин, Н. Ф.*—Колебания внимания. Москва—1927 г. Стр. 104. Цена 1 руб. 25 коп.

VI. ИНСТИТУТ ЯЗЫКА и ЛИТЕРАТУРЫ.

23. Ученые записки Т. I. Лингвистическая Секция. Москва—1927 г. Стр. 134. Цена 2 руб. 60 коп.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

ПО ИНСТИТУТУ ИСТОРИИ.

24. Ученые записки. Том III.
25. Ученые записки. Том IV.

ПО ИНСТИТУТУ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ.

26. Ученые записки. Том II.
27. Ученые записки. Том III. Лингвистическая секция.

ПО ИНСТИТУТУ ПСИХОЛОГИИ.

28. Детская речь. Сборник статей.
29. Ученые записки. Том I.

ПО ИНСТИТУТУ АРХЕОЛОГИИ И ИСКУССТВОЗНАНИЯ.

30. Ученые записки. Том II. Вып. 1. Секция Теории и Методологии.
31. Ученые записки. Том II. Вып. 2. Серия Археологии.
32. Ученые записки. Том II. Вып. 3. Серия Искусствознания.

ПО ИНСТИТУТУ ФИЛОСОФИИ.

33. Ученые записки. Том I.

СКЛАД ИЗДАНИЙ:
Издательство **„Работник Просвещения“**
Москва 19. Воздвиженка, 10.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1928 год на журнал Института Советского Права
(основан в 1922 году)

„СОВЕТСКОЕ ПРАВО"

Выходит раз в 2 месяца. 6 номеров в год.

Под редакцией: *И. С. Войтинского, Ф. И. Вольфсона, Д. А. Магеровского, С. А. Котляревского, Н. Н. Овсянникова, С. М. Прушицкого, С. И. Равича, Г. Е. Ширвиндта.*

„Советское Право" ставит себе целью быть проводником марксистско-ленинской научной мысли в области права и содействовать практике советского социалистического строительства. Исходя из этой основной цели, „Советское Право" включает в свою программу: а) научное освещение проблем советского правового строительства, б) изучение и обобщение опыта работы суда, прокуратуры и других органов советской власти, в) удовлетворение запросов, возникающих у работников советского права в связи с их участием в социалистическом строительстве и в борьбе за укрепление начал революционной законности, г) критическое освещение современного буржуазного права.

ОТДЕЛЫ ЖУРНАЛА: 1. Общие вопросы теории права и советского правового строительства. 2. Государственное и административное право. 3. Хозяйственное право. 4. Трудовое право. 5. Земельное право. 6. Финансовое право. 7. Уголовное право. 8. Судебное право. 9. Международное право. 10. Правовая жизнь и правовое строительство Союза ССР и отдельных союзных республик. 11. Правовая жизнь и правовое строительство иностранных государств. 12. Судебная практика. 13. Хроника. 14. Жизнь научных учреждений и юридических обществ. 15. Критика и библиография.

Ближайшее участие в работе принимают: *В. П. Антонов-Саратовский, К. А. Архиппов, И. Н. Ананов, Я. А. Берман, С. М. Берцинский, В. Н. Беляев, Я. Н. Бранденбургский, С. М. Бродович, С. Я. Булатов, В. В. Вегер, И. С. Войтинский, Ф. И. Вольфсон, А. Э. Вормс, А. Я. Вышинский, Д. М. Генкин, А. А. Герцензон, В. У. Громов, Г. С. Гурвич, Е. Н. Данилова, А. А. Деревяшкин, В. М. Догадов, В. Н. Дурденевский, В. К. Дябло, А. И. Елистратов, И. Д. Ильинский, М. М. Исаев, П. Д. Каминская, А. В. Карасс, Е. И. Кельман, С. С. Кишкин, А. Д. Кейлин, А. Н. Колесников, Г. И. Кобленц, Е. А. Коровин, С. А. Котляревский, Н. В. Крыленко, С. Б. Крылов, Д. И. Курский, И. Логовиер, Е. Ф. Лудшувейт, П. И. Люблинский, Д. А. Магеровский, И. А. Малиновский, С. В. Минц, Г. С. Михайлов, С. П. Мокринский, Е. Носов, Н. Н. Овсянников, Е. Б. Пашуканис, И. С. Перетерский, А. А. Пионтковский, С. М. Прушицкий, С. И. Равич, Г. С. Ривин, И. П. Разумовский, М. О. Рейхель, Д. С. Розенблюм, Б. М. Рубинштейн, Д. Б. Рубинштейн, П. Ф. Сапожников, В. И. Серебровский, А. К. Стальгевич, М. Строгович, П. И. Стучка, А. Н. Трайнин, З. Р. Теттенборн, А. М. Турубинер, Н. Н. Фиолетов, И. Я. Цейликман, Н. И. Челяпов, Г. Е. Ширвиндт, В. Н. Шретер, А. Я. Эстрин.*

Подписная цена: на год—7 руб. 50 коп., на полгода—4 руб.

Цена отдельного номера—1 руб. 60 коп.

Адрес редакции: Москва, Волхонка, 18, тел. 5-46-36, 2-30-00.

Подписка принимается Отделом подписных и периодических изданий Торгсектора Госиздата: Москва, Рождественка, 2, тел. 4-87-19 и 5-88-91. Ленинград, Проспект 25 Октября, 28, тел. 5-44-56, в книжных магазинах, киосках, провинциальных отделениях и филиалах Госиздата, у уполномоченных, снабженных соответствующими удостоверениями, и во всех почтово-телеграфных конторах.

КНИГИ ТОГО ЖЕ АВТОРА:

РЕЖИМ ПЕЧАТИ в РОССИИ. Париж. 1914 г. (на французском языке). 76 стр.

ПОСЛЕВОЕННЫЕ КОНСТИТУЦИИ ЗАПАДА. I и II. Лг. 1924 г. 303 стр.

ИНОСТРАННОЕ КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО в ИЗБРАННЫХ ОБРАЗЦАХ. Лг. 1925 г. 261 стр.

КОНСТИТУЦИИ ВОСТОКА. В сотрудничестве с *Е. Ф. Лудшувейт*. Лг. 1926 г. 180 стр.

ОПЫТ БИБЛИОГРАФИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК ЗА РЕВОЛЮЦИОННОЕ ТРЕХЛЕТИЕ (1918—1920). В сотрудничестве с *С. М. Берцинским*. М. 1925 г. 270 стр.

Цена 2 р. 25 к.

СКЛАД ИЗДАНИЯ:
ИЗДАТЕЛЬСТВО
„РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ“
МОСКВА 19, ВОЗДВИЖЕНКА, 10.